

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

L'ETHNOGRAPHIE SOVIETIQUE

4

1 9 4 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · Ленинград

Редакционная коллегия:

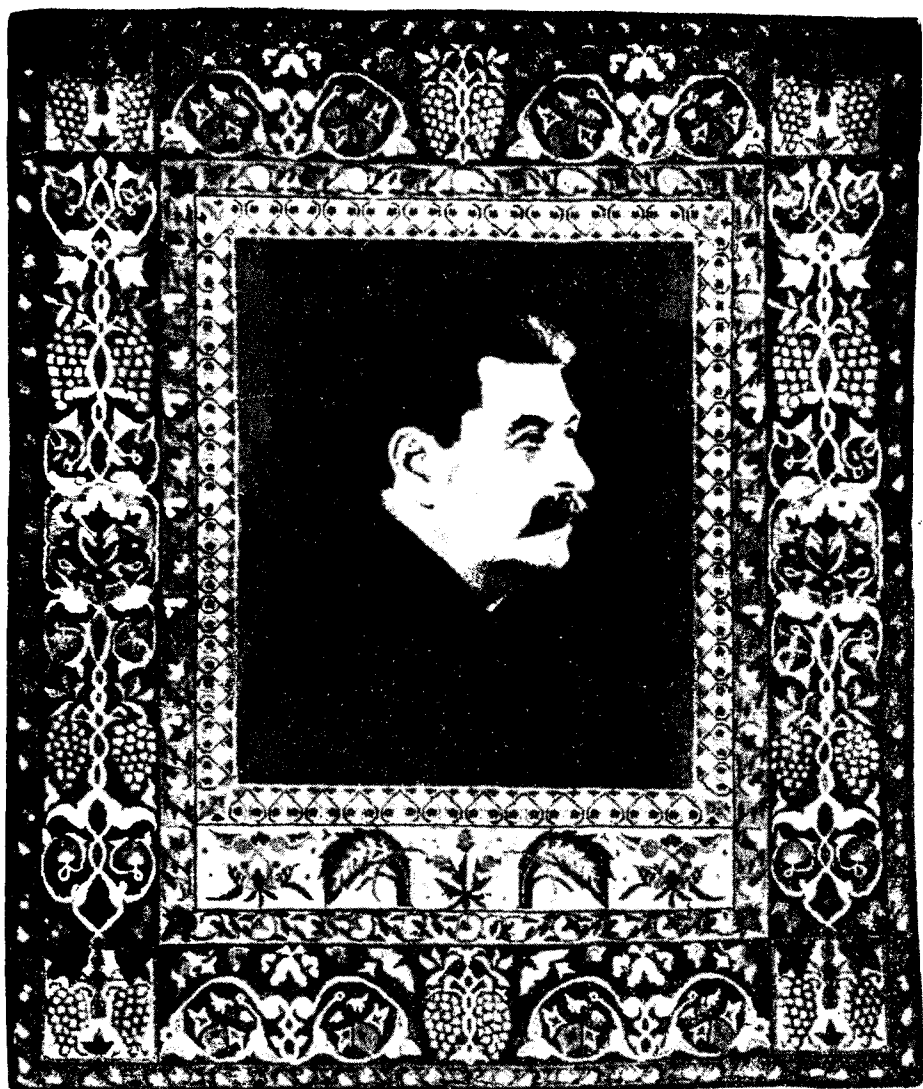
Ответственный редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель ответственного редактора доцент М. Г. Левин,
член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов,
Н. А. Кисляков, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Н. Н. Степанов

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, к. 326

Печ. л. 15+4 вклейки	Уч.-издат. л. 22,5	Подписано к печати 17.XII 1946 г.
А 10020	Тираж 3000 экз.	Цена 22 р. 50 к. Заказ № 1085

2-я типография Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., 10

Ковер с портретом товарища Сталина работы ковровщиц Армении:
Музей народов СССР

Ковровое панно «Дружба народов» работы ковровщиц Туркмении (Ашхабадский район) по эскизу художника Р. И. Майзеля. Музей народов СССР.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

5 декабря 1936 г. Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов утвердил Конституцию (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик — «исторический документ, трактующий просто и сжато, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии»¹. В новой Конституции СССР, которую мы называем по имени ее творца «Сталинской Конституцией», нашли свое отражение коренные изменения в хозяйственной и общественно-политической жизни страны, происшедшие с 1924 по 1936 г., превратившие СССР в могучую социалистическую индустриальную и колхозную державу.

Сталинская Конституция зафиксировала окончательно сложившиеся к 1936 г. основные черты советского строя — с его социалистической собственностью на землю, леса, фабрики, заводы и другие орудия и средства производства, строя, в котором отсутствует эксплуатация и эксплуататорские классы, в котором ликвидирована безработица, в котором труд сделался делом чести каждого работоспособного гражданина. В этом строе каждому гражданину гарантировано право на труд, на отдых, на образование, обеспечены все политические права, устранена какая бы то ни была возможность дискриминации по мотивам расовым, национальным или религиозным. При этом, в отличие от конституций капиталистических стран, только формально декларирующих равенство граждан, — равноправие и полноправие граждан СССР обеспечено путем предоставления им соответствующих материальных средств, дающих каждому гражданину полную возможность осуществить свои законные права.

Общественный строй, отраженный в Сталинской Конституции, политически оформился в виде многонационального союзного государства, включившего в свой состав до 60 различных больших и малых народов. «Народы советского государства, завоевав себе свободу и независимость, объединились в нерушимом братском содружестве. Советские люди освободились от всякого угнетения и упорным трудом обеспечили себе зажиточную и культурную жизнь»². К 1941 г., т. е. к моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, советский строй добился таких громадных достижений во всех областях экономической и культурной жизни, что перед советскими людьми вполне реально стал вырисовываться план дальнейшего развития общественного строя в направлении постепенного перехода от низшей — социалистической — фазы коммунизма к высшей его фазе.

Война приостановила осуществление этих планов. Она нанесла тяжчайшие раны советскому народному хозяйству и отбросила его, по

¹ И. Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. Госполитиздат, 1945, стр. 31.

² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, М., 1943, стр. 73.

уровню продукции, на много лет назад. Гитлеровские изуверы уничтожили промышленные и транспортные предприятия на всей временно захваченной ими советской территории. Они разрушили города, сожгли села, снесли с лица земли общественные и культурные учреждения. Они замучили, убили и довели до голодной смерти миллионы советских людей. Когда враг был разгромлен и советская земля освобождена от захватчиков, открылись трагические просторы опустошенных территорий, экономику которых приходится воссоздавать заново из руин и пепла.

Советский Союз — не единственная страна, изведавшая тяжесть военных опустошений: в разной мере все страны Европы, перенесшие немецкую оккупацию или бывшие объектами воздушных бомбардировок, подверглись разорению. Но тяжесть материальных потерь и людских страданий в СССР неизмеримо больше всего того, что вынесли остальные страны, вместе взятые. Вклад советской страны в дело разгрома фашистских агрессоров исключительно велик: европейская цивилизация была спасена и большая часть народов Европы была освобождена только благодаря советской Красной армии. Однако, когда враг был повержен, Советской стране пришлось восстанавливать разрушения почти исключительно своими силами. СССР оказался предоставлен сам себе в трудном деле экономического возрождения освобожденных советских территорий, но он немедленно приступил к восстановительной работе и в первый же год добился крупных успехов.

Откуда появились у Советской страны необходимые для восстановления материальные средства?

В СССР не могло быть капиталистических накоплений, подобных тем, которые имеются в США, Англии и других капиталистических странах, — накоплений, полученных от капиталистической эксплуатации зависимых стран и континентов. В фонд восстановления разоренных областей в СССР могли быть обращены только те накопления, которые составились из ресурсов социалистической экономики: накоплений социалистических предприятий, доходов от эксплуатации государственных имуществ, прямых налогов, народных сбережений. Эффективное использование всех этих финансовых средств облегчалось особенностями советской государственной системы — плановостью социалистической экономики, широкой государственной помощью науке и изобретательству, концентрацией в руках государственных организаций (а не отдельных лиц или предпринимательских групп, как в странах капиталистических) всех материальных и технических средств, направляемых на дальнейший рост народного хозяйства и улучшение материального положения трудящихся. Такова была материальная основа процесса восстановления. Но кроме материальных сил в дело были вовлечены и моральные силы. Значение моральных сил выявлялось не раз в наиболее ответственные моменты истории Советского государства и с особой силой обнаружилось в тот напряженный период Отечественной войны, когда Красная армия одна, без помощи союзников, противостояла объединенным полчищам немцев, итальянцев, венгров, румын и финнов. Массовый героизм советских людей, проявившийся на фронте и в тылу, величайшее самопожертвование народных масс, несокрушимая дружба народов — вот в чем заключались моральные силы, содействовавшие разгрому гитлеровских полчищ. Подобное сочетание материальных и моральных сил возможно только при советском, социалистическом строе. Проявляется оно и на фронте труда — в стахановском движении, соревновании передовиков промышленности и сельского хозяйства, в социалистическом отношении к труду. Какая из самых «демократических» капиталистических стран может создать такое высокое напряжение моральных сил нации? Казалось бы, что такой про-

цесс, как переход от военного производства к мирному, должен был вызвать трудовой энтузиазм (он и вызвал его в СССР), но в капиталистических странах своекорыстные империалистических дельцов и финансистов, нажившихся на войне, привело к совершенно обратному явлению: провокационным локаутам предпринимателей, застою и безработице.

После окончания военных действий на Западе советское государство разработало и начало практически осуществлять широкий план экономического восстановления и подъема. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства (1946—1950), принятый на первой сессии Верховного Совета второго созыва, превышает объем вложений первой и второй пятилеток, вместе взятых. В завершающий (1950) год новой пятилетки будут не только ликвидированы разрушения, причиненные войной, но и созданы новые крупнейшие предприятия: промышленные, сельскохозяйственные и транспортные; объем продукции всей промышленности должен быть на 48% выше объема продукции 1940 г., а продукции сельского хозяйства — на 27%. Работы, намеченные этим народнохозяйственным планом, уже развернулись широким фронтом, и нет никакого сомнения, что план новой пятилетки будет выполнен успешно и в установленный срок.

Крепость социального строя всегда подвергается особым испытаниям во время войн, которые часто становятся проверкой жизнеспособности и устойчивости того или иного государства. Советский социалистический строй и советское многонациональное государство, основы которых зафиксированы в Сталинской Конституции, вынесли с честью все испытания тяжелейшей войны и доказали свою крепость и монолитность. Социальные основы советского строя оказались гармонично связаны друг с другом. Ни в экономике, ни в политико-административном устройстве, ни во взаимоотношениях классов рабочих и крестьян, ни в национальных взаимоотношениях не оказалось в структуре СССР брешей и противоречий, которые могли бы привести к распаду Советского государства. Социальная монолитность советского строя, морально-политическое единство советского народа оказались так велики, что, несмотря на провокационную работу гитлеровских агентов, им в течение Отечественной войны не удалось вызвать среди народов СССР национальной розни. Под германским командованием были созданы вооруженные банды бендеровцев, власовцев, плечкавитистов, айсарговцев и других немецко-националистических фашистских извергов, но народы украинский, литовский, латышский, и др. не пошли за этими изменниками. В рядах Красной армии, в партизанских отрядах русские, украинцы, белорусы, литовцы, латыши совместно боролись против немецких поработителей, уничтожали предателей родины. Дружба советских народов крепла, цементируемая кровью их сынов, отдававших свою жизнь за освобождение советской земли. В годы величайших испытаний, какие выпали на долю Советского государства, еще более закалилось социалистическое самосознание советского гражданина. Он гордился тем, что принадлежит к семье советских народов и, будучи в плену и фашистской неволе, называл себя — независимо от своей национальности — русским, потому что именно это имя было особенно чуждено врагу.

Прежняя Россия не знала такого братского взаимоотношения национальностей, какое сложилось в Советском Союзе. Царская Россия была, по выражению Ленина, «тюрьмой народов», потому что все населявшие ее народы — в том числе и русский — были угнетены. Неравноправное положение национальностей, натравливание русских против «инородцев», малых народов друг против друга — вот в чем была сущность царской национальной политики, стремившейся отвлечь

от царя и помещиков гнев народный и направить его по неправильно-му, националистическому руслу. Партия Ленина-Сталина сумела после Октября 1917 г. радикальным образом изменить национальные взаимоотношения в Советской России, устранив основные причины национальной розни — неравенство политическое и экономическое. Партия большевиков ориентировала советский государственный аппарат в направлении активной помощи малым народам, с одной стороны, и в направлении беспощадной борьбы с шовинизмом и великодержавными тенденциями — с другой стороны. Советская национальная политика всегда была прямой и последовательной. Теперь, когда исполнилось десять лет новой советской Конституции, отразившей отсутствие какого бы то ни было неравенства национальностей, уместно указать, что творец этой Конституции, товарищ Сталин, был с первых дней существования Советского государства руководителем того высшего советского органа (Народного Комиссариата по делам национальностей), который направлял национальную политику. Советская власть систематически устраняла причины, которые могли поддерживать национальное неравенство. Отсталые в экономическом отношении окраины государства, заселенные нерусским населением, бывшие ранее объектом колониальной эксплуатации русских капиталистов и помещиков, являвшиеся аграрными придатками и рынками сырья для более развитых в промышленном отношении областей старой России, сделались теперь предметом особых забот Советского государства. В этих областях были развиты все виды сельского хозяйства, были построены промышленные предприятия, были отпущены громадные средства на исследовательские работы, были созданы научные учреждения.

Результаты оказались блестящими: к моменту принятия Сталинской Конституции прежние полуколониальные аграрные области превратились в цветущие индустриальные и индустриально-аграрные советские республики. В виде примера можно указать на судьбу Казахстана при советской власти. До Октябрьской революции этот край был областью примитивного, полукочевого скотоводства, а несколько предприятий цветной металлургии, принадлежавших английским капиталистам, были плохо оборудованы и играли ничтожную роль в экономике края и России. Ныне Казахская ССР является основной базой цветной металлургии СССР, крупнейшей угольной базой, районом развитого и оснащенного новейшей машинной техникой крупного колхозного и совхозного земледелия и передового скотоводства.

Наряду с развитием экономики росла и культура казахского народа, имеющего теперь не только своих квалифицированных рабочих, техников, инженеров, врачей, учителей, но и своих ученых. В республике имеется свыше десятика высших учебных заведений, а в столице ее, Алма-Ата, создана питательная наука — Академия Наук Казахской ССР, укомплектованная местными, национальными научными кадрами.

Развитие национальных районов можно было бы иллюстрировать историей любой советской союзной, автономной республики или области. Все они неузнаваемо изменились за время существования советской власти, все они обогатились и расцвели, культурно выросли. Таково следствие большевистской национальной политики, обеспечившей полное равноправие национальностей и создавшей устой, на которых зиждется теперь советская дружба народов.

Среди советских народов есть народы большие и народы малые. Русский народ — самый многочисленный среди других народов; он составлял в прошлом не только владельцев и эксплуататоров, но и основные кадры борцов против самодержавия, национального угнетения, народного бесправия. Русский рабочий класс в начале XX в. был наиболее передовым классом во всей Европе. Он был основной движу-

щей силой трех революций, и ему обязаны народы России своим освобождением от власти помещиков и капиталистов. На фронтах гражданской войны русский рабочий класс, вместе с русским крестьянством, разгромил полчища белогвардейцев и иностранных интервентов и, освободив страну от эксплуататоров и захватчиков, принес свободу всем угнетенным народам России. Но освободительная миссия русского рабочего класса и русского народа вообще не закончилась этим: в последующие годы лучшие представители его стали пионерами колхозного строительства в деревне, кишлаке и ауле, помогали формированию кадров квалифицированных рабочих в национальных областях, распространению культуры и просвещения среди населения экономически и культурно отсталых окраин. В этом проявилось подлинное братство народов, в котором старшие и более опытные помогали младшим и неопытным. Так, при содействии передовых русских рабочих и крестьян были созданы во всех национальных республиках и областях кадры местных колхозных руководителей, кадры государственных деятелей, кадры передовиков сельского хозяйства и промышленности. И одновременно с этим, при активной помощи русской интеллигенции, выросли во всех союзных и автономных республиках национальные кадры деятелей культуры.

Во время Отечественной войны русский народ сделал наибольший вклад в дело борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и понес наибольшие потери. Этим объясняется то глубокое доверие и уважение, с которым относятся народы Советского Союза к великому русскому народу — своему старшему брату, первому среди равных.

Многие крупнейшие страны мира так же многонациональны, как и Советский Союз. Но только в СССР взаимоотношения населяющих его народов строятся на началах братства и содружества.

Еще в 1913 г. товарищ Сталин сформулировал свое положение, что права национальностей в стране зависят от степени ее демократичности. «Нет в стране демократизации — нет и гарантии «полной свободы культурного развития» национальностей»³. Сталинское положение блестяще подтвердилось последующей историей национальных взаимоотношений во всех странах мира. В 1936 г., в докладе о проекте Конституции Союза ССР, товарищ Сталин снова указал, что положение национального вопроса в большинстве капиталистических стран теснейшим образом связано с самим существом буржуазной демократии. «Демократия в капиталистических странах, где имеются антагонистические классы, — сказал товарищ Сталин, — есть в последнем счете демократия для сильных, демократия для имущего меньшинства»⁴, и конституции этих стран «молчаливо исходят из предпосылки о том, что нации и расы не могут быть равноправными, что есть нации полноправные и есть нации неполноправные, что кроме того существует еще третья категория наций и рас, например, в колониях, у которых имеется еще меньше прав, чем у неполноправных наций»⁵.

В «Британское Содружество наций», как именуют Британскую империю английские государственные деятели, входит много наций, народностей и этнических групп, но между ними нет никакого «содружества», потому что эти нации и народы неравноправны. Привилегированная, господствующая нация в «Содружестве» — английская. Английский язык является государственным языком, хотя англичане составляют едва $\frac{1}{10}$ часть населения «Содружества»; только они, англичане, пользуются политическими правами в рамках так называемой передовой

³ И. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Госполитиздат, 1939, стр. 35.

⁴ И. Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. Госполитиздат, 1945, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 13.

демократии. Английская культура в «Содружестве» считается высшей, культура других народов — низшей. Вопиющие факты расовой дискриминации в Южно-Африканском Союзе, вскрытые на последней Ассамблее Организации Объединенных наций, известны всему миру. Во что выливаются при таком положении национальные взаимоотношения народов «Содружества», показывают события в Палестине и Индии.

Примерно такое положение национальностей имеется во всех других колониальных империях — Нидерландах, Бельгии и Франции.

В США население также неоднородно в национальном отношении. Хотя принято считать, что все иммигрировавшие в эту страну люди быстро ассимилируются и превращаются в «стопроцентных американцев», в действительности иммигранты группируются по своим прежним национальным признакам и продолжают поддерживать тесные связи со странами, откуда они приехали. Среди населения США имеется более 6 миллионов славян, 6 миллионов евреев, 7 миллионов немцев, 5 миллионов итальянцев, 4 миллиона ирландцев, 1 миллион норвежцев, 14 миллионов негров, — но в США обучение школьников ведется только на английском языке, никакого другого языка закон не признает в государственной жизни и официальных отношениях. И в государстве, где самое понятие чистоты расы должно было бы отсутствовать, — так смешанно оно в расовом отношении, — тем не менее получил сильное распространение антисемитизм, а положение негров, правовое и экономическое, поистине ужасно: прогрессивные деятели США все еще добиваются принятия конгрессом специального закона, запрещающего линчевать негров, но их попытки остаются безуспешными.

Гражданин Советского Союза никогда не столкнется с подобными «демократическими» порядками. Гуманистические, интернациональные принципы Сталинской Конституции не только провозглашают равенство советских граждан независимо от их расы, национальности и религии, но карают всякую дискриминацию по расовым, национальным или религиозным мотивам. В статье 123 Основного Закона СССР говорится: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом».

В странах, где народы делятся на полноправных и неполноправных, не может быть и речи о свободном развитии национальной культуры народов, которые угнетены. Ярким примером тому является прежде всего Британская Империя. Сотни миллионов индусов до сих пор ведут свое хозяйство самым примитивным способом; периодические голодовки, эпидемии, нищета, поголовная безграмотность — вот удел туземных народов Индии, имеющих свою тысячелетнюю историю, вписавших немало замечательных страниц в историю мировой культуры. Национальная культура этих народов продолжает пребывать в застойном состоянии, потому что ее развитию мешает колониальная зависимость Индии от англичан. Нельзя сказать, что англичане игнорируют местную национальную культуру: английские администраторы в Индии, в Индонезии, в Африке и английские ученые потратили немало усилий, чтобы записать обычное право туземных народов, их поверья и обряды, чтобы узнать национальные особенности населения своих колоний. Но эти знания они используют не для развития местной культуры, а для консервации ее, — для того, чтобы поставить самые отсталые

черты местного быта на службу своим империалистическим интересам. Можно указать, например, на своеобразное использование англичанами воинственных наклонностей полудиких горных племен Индии, из которых рекрутируются военно-полицейские отряды, охраняющие власть английского империализма; поддержку влияния колдунов и шаманов у негров Африки для того, чтобы оградить священными запретами предметы колониальной собственности, и т. д. В таком направлении и с такими целями изучаются национальная культура и национальные особенности туземных народов «Британского Содружества наций». Наиболее ярко цели этого «изучения» проявляются в сознательном разжигании англичанами национальных противоречий между отдельными народами и провокационном стимулировании национальной, кастовой и религиозной розни.

В результате хищнической, истребительной политики империалистических держав малые колониальные народы постепенно вымирают. Остатки этих народов оттесняются в пустынные районы страны, загоняются в лесные дебри, и тогда на сцену выступают колонизаторы-«гуманисты», требующие сохранения исчезающих племен «для истории». В Австралии и в США созданы специальные «резервации» для туземных племен: в индейских резервациях США живет 335 тыс. человек, разбросанных маленькими группами по территории всей страны. Поставленные в условия искусственной консервации, эти народы не развиваются, а хиреют.

Так обстоит дело с национальным развитием больших и малых неправоправных, зависимых народов в странах империализма. Путь для самостоятельного развития народов закрыт, и потому передовые представители неправоправных народов, пытаясь защищать свои элементарные права (обучение на родном языке, национальное равноправие), неизменно становятся, в конце концов, на путь борьбы за политическую и экономическую независимость своих стран.

Совершенно иное положение в СССР. Каждый народ — вне зависимости от его численности — имеет возможность развиваться свободно и получает государственную помощь для своего экономического и духовного роста.

Общечеловеческая культура до сих пор всегда складывалась из достижений, которые были получены не только от «великих», но и от малых народов. Не европейцы были пионерами культурного употребления картофеля, кукурузы, чая, кофе, какао, бобов, дынь и многих других овощей и пищевых средств. Все это пришло в Европу из других стран. Изобретение компаса, стекла, фарфора, первоначальное применение шелка и хлопка также не может быть приписано европейцам. Не в Европе закладывались основы математической, астрономической и других наук. Даже алфавитом и цифровой системой Европа обязана азиатским народам. И хотя технические достижения современной культуры передовых капиталистических стран очень велики, все же вклады в фонд цивилизации делают и многие «отсталые» страны. Изучение самотных приемов, навыков и рецептов разных народов, в том числе самых малых, оказывает наилучшее влияние на дальнейшее развитие общечеловеческой культуры — современная медицина блестяще подтверждает это. Творческие возможности народов мира далеко еще не исчерпаны: развитие национальных культур в Советском Союзе показывает, какие исключительно богатые возможности скрыты в каждом народе. За период существования советской власти все, даже самые малые и ранее отсталые, народы приобщились к передовой культуре. Чукчи, численность которых не превышает 10 тыс. человек, или саамы (лопари), которых имеется в СССР не более 2 тыс. человек, — создали свой литературный язык, свою интеллигенцию, выдвинули своих госу-

дарственных и общественных деятелей. Хозяйство этих народов экономически крепнет, численность населения растет, создаются национальные литература и искусство. Малые народы в советских условиях возрождаются, и перед ними открывается перспектива дальнейшего развития.

Сколько талантливых изобретателей, ученых, музыкантов, художников, поэтов, мудрых государственных деятелей таят в себе и обнаруживают при подходящих условиях народные массы любой страны! И какие богатые вклады в сокровищницу общечеловеческой культуры могут дать эти разбуженные к сознательной и созидательной жизни люди, богатые смекалкой, творческой фантазией, неиспользованным понастоящему вековым опытом.

Этнографы, имеющие дело с изучением особенностей национальных культур, должны исследовать не только отсталые, но и прогрессивные формы культуры, должны наблюдать не только упадок, но и рост национальной культуры. Ученые, живущие в странах капиталистических, имеют возможность наблюдать рост только тех культур, которые принадлежат господствующим нациям. Но в этих культурах, носящих на себе черты капиталистической нивелировки, все больше стираются индивидуальные черты, этнические отличия. Что же касается национальных культур зависимых народов, то они представляются этим исследователям в застойном или упадочном состоянии, поэтому этнографическое изучение колониальных народов сводится к описанию отсталых, уходящих в прошлое обычаев и навыков. Но в Советском Союзе, в государстве, живущем по законам Сталинской Конституции, зависимых народов больше не существует, а большие и малые народы из года в год совершенствуют свою культуру — национальную по форме и социалистическую по содержанию. Советской этнографии открыта для изучения та сторона этнического развития, которую нельзя наблюдать ни в метрополии, ни в колониях никакой империалистической страны, — бурный рост и дальнейшее самобытное развитие культур, бывших ранее отсталыми. Это обстоятельство ставит советских этнографов в исключительно благоприятные условия для дальнейшего развития науки и дает им возможность исследовать не только явления, которые характеризуют собой прошлое, но также изучать этническое своеобразие современной национальной культуры народов СССР — такой богатой и многообразной по своим развивающимся формам, так наглядно и убедительно демонстрирующей неисчерпаемые возможности культурного прогресса всех народов, объединенных под знаменем советской демократии.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

А. П. ОКЛАДНИКОВ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕМ НАСЕЛЕНИИ ЯПОНСКИХ ОСТРОВОВ И ЕГО КУЛЬТУРЕ

Вдоль восточного побережья азиатского материка, с севера на юг, тянется гирлянда Японских островов, центральное место в которой занимает наиболее крупный остров — Хонсю. К нему примыкают с юга другие большие острова — Сикоку и Кюсю, а на севере — Хоккайдо, отделенный проливом Соя от Сахалина¹.

Сопровождая материк на протяжении около 2000 км, острова отделены от него сравнительно небольшим расстоянием. Существенно также, что с внешней стороны островной дуги наблюдаются самые большие глубины, а с внутренней, обращенной к Корее и Китаю, — мелководье. Подъем всего на 200 м был бы достаточен для соединения Японских островов с континентом.

Геологические данные и остатки древней фауны показывают, что действительно еще в четвертичное время здесь существовала постоянная связь с азиатским материком, откуда проникали крупные животные, в частности слоны и носороги. Бесспорных следов пребывания человека в это время на территории нынешней Японии, однако, не найдено. В одной из пещер провинции Харима (на юге Хонсю) в 1931 г. были, правда, обнаружены геологом Наора кости южного слона и слона особого вида (*Elephas namadicus*), с признаками сильных ударов, и грубые каменные предметы. Однако большинство исследователей не считает находки Наора следами деятельности человека.

В качестве «палеолитических» раньше описывали также грубо оббитые большие изделия из камня, иногда напоминающие по форме мезолитические орудия Запада. В действительности такие предметы постоянно сочетаются с более совершенными по отделке вещами, собственными развитому неолиту, и с керамикой. Зато очень богато представлены следы развитого неолита, памятники которого характеризуются наличием керамики, полированных орудий из камня, наконечников стрел. Таковы прежде всего «раковинные кучи», рассеянные вдоль морского побережья, стоянки открытого типа, пещеры и торфяники с культурными отложениями, древние погребения.

¹ Южнее от перечисленных островов располагаются Малые Рюкю, а севернее — Курильские. Ниже речь идет преимущественно о прошлом четырех больших островов собственно Японии, так как памятники остальных во многом отличны и слабо изучены.

О количестве неолитических памятников могут дать представление следующие цифры: в 1878 г. был отмечен первый неолитический памятник (Омори), а в 1882 г. их отмечено уже 500; в 1897 г.—1841; 1898 г.—2281; 1901 г.—3133; 1917 г.—5188; 1928 г.—10 142, а к 1930 г. подсчитано 10 876 неолитических стоянок, 617 раковинных куч, 30 гротов с культурными остатками и 86 местонахождений неолитических погребений. Обилие неолитических памятников — следов деятельности человека неолитического времени — объясняется прежде всего общеизвестными благоприятными естественно-географическими условиями Японских островов в послеледниковое время (влажный и теплый климат, теплое морское течение Куро-Сиво, богатая растительность).

Воды морей, омывающих Японские острова, реки и озера и сейчас, «как нигде в мире», изобилуют рыбой. Здесь насчитывается около 700 видов рыб, множество съедобных моллюсков, водорослей, раков и крабов. Не так давно в прибрежной полосе, особенно на севере, появлялись киты, тюлени и дельфины. В таких условиях одним из наиболее важных источников существования для населения всего «островного мира» были промыслы, связанные с морем, реками и озерами.

О хозяйственной роли собирательства, в особенности сбора съедобных морских моллюсков, крабов, раков, различных водорослей, наглядно свидетельствуют столь характерные для всего местного неолита (от крайних на юге островов Рюкю до северной оконечности Хоккайдо) раковинные кучи². В большинстве раковинные кучи располагаются вдоль Тихого океана на восточном побережье, богатом бухтами. Обычно кучи достигают 30—100 м длины и 10—30 м ширины; мощность пластов в них колеблется от 30—60 см до 2 м (Осабе). Объем раковинных куч Омори был равен 11 000 м³. В пищу употреблялись различные виды морских, а также речных моллюсков. В частности, в раковинных кучах Касори содержались раковины 62 видов моллюсков. Встречаются также остатки иглокожих и ракообразных, употреблявшихся в пищу наравне с моллюсками. Всего же насчитывается не менее 100 видов моллюсков и рыб, употреблявшихся в пищу «людьми раковинных куч».

Кроме моллюсков, раков и водорослей собирались в большом числе съедобные корни, плоды и орехи, различные травы, молодые побеги бамбука. Даже в условиях сурового климата и скудной растительности Курильских островов собирание растительной пищи имело очень важное значение для местного населения. Лаперуз, один из первых западноевропейских путешественников по этим местам, нашел в айнских хижинах «большие запасы сухих корней одного вида лилий (камчатской сараны), также разные другие луковичы и корни Ангелики». Наиболее значительным было собирательство в южных районах; об этом можно судить по археологическим находкам. В одном из наиболее интересных неолитических местонахождений, в торфянике Корекава, благодаря консервирующему влиянию торфа, сохранились растительные остатки, сопровождавшие следы древнего поселения. Здесь было очень много скорлупы ореха, конского каштана и грецкого ореха. Растительная пища разстиралась в «каменных тарелках» (Кокурахо, у Киото), а также в специальных ступках каменными пестиками. Находки в Корекаве (как и наблюдения, сделанные при раскопках в долине реки Тама у Токио) указывают на важное значение растительной пищи.

Рыболовство достигло высокого развития. Кости рыб в кухонных отбросах неолитического времени столь же обычны, как и раковины.

² Уже в средневековых описаниях отдельных провинций наряду с прочими их достопримечательностями упоминались и огромные кучи, целые холмы из раковин. Пытаясь объяснить происхождение куч, их гигантские размеры, старинные писатели и местные предания рассказывают, что они остались не от обыкновенных людей, а от великанов, некогда живших по берегам морей и питавшихся моллюсками.

Неолитическое население в основном употребляло в пищу те же самые виды, что и современное. В той же Корекаве найдены кости, принадлежавшие рыбам 21 вида. Но этот список может быть легко увеличен. Крупную рыбу били гарпунами; в раковинной куче у Сицука (провинция Хитаси) даже найдена кость гигантской рыбы тай (морской лещ) с засевшим в ней острием костяного гарпуна. Мелкую рыбу ловили сетями. От сетей сохранились каменные грузила — плоские, овальные гальки с выбоинками на концах. Во многих поселениях, начиная с самых ранних, находят многочисленные и прекрасные по отделке рыболовные крючки, вырезанные из целой кости. Неолитические рыбаки, разумеется, устраивали разнообразные заклы с вершами для ловли рыбы на озерах и речках. У них были, конечно, и лодки; в старину в торфяниках находили большие древние лодки, которые хранились иногда даже в храмовых сокровищницах, игравших роль своеобразных музеев. Часть таких лодок, возможно, относится и к неолиту. Вероятно существование не только долбленых из целого дерева, но несравненно более легких лодок из кожи, упоминаемых преданиями об исчезнувшем мифическом племени «коропок-гуру».

Смелые мореходы, приморские охотники не только ловили морскую рыбу вдаль от берега, но и охотились на морского зверя, на тюленей, дельфинов и даже китов, кости которых нередки в слоях прибрежных стоянок севера. На севере, в районе нынешнего Токио и особенно на острове Хоккайдо, в связи с развитием морского промысла очень обильны костяные гарпуны. Они представлены двумя типами: 1) обыкновенные неолитические гарпуны в виде стержня с шипами и основанием — насадом, иногда с отверстием для привязывания веревки, и 2) поворотные, сходные с древними эскимосскими, представляющими одно из наиболее остроумных по замыслу и совершенных с технической стороны орудий рыболовства и охоты в неолите. Они имеют втулку, снабжены двумя и даже тремя шипами у насада и расщепом на другом конце для закрепления каменного носка, а также украшены тонким резным узором.

Из наземных животных охотились больше всего на японского оленя (сика) и диких свиней, кости которых обычны на стоянках. Встречаются также кости лисы, волка, местного вида медведя, барсука, зайца и обезьяны (макаки). Кости птиц (орел, японский ворон) редки.

Основным охотничьим оружием служил лук. Счастливые условия находок в Корекаве сохранили замечательные образцы деревянных неолитических луков. Их было найдено пять. Один лук достигал 173 см длины, остальные 100—150 см. Очень хорошо сохранился малый лук, сделанный из двух брусков, обмотанных корой и, очевидно, склеенных друг с другом. Сверху этот лук был покрыт красным лаком. Наконец стрел изготовлялись из камня и кости. Каменные наконечники многочисленны и разнообразны по форме. Преобладают наконечники с черенком, треугольные с вогнутым и прямым основанием, ромбические и овальные. Среди треугольных особо выделяются, как узко-локальный тип, наконечники с узким вытянутым острием и массивными широко расставленными жальцами. Каменные наконечники стрел изготовлялись преимущественно из обсидиана, которым богаты многие местности Японии с ее вулканами. Изредка встречаются каменные полированные кинжалы, длиной 20—40 см. Известны оббитые наконечники копий лавровишневой формы.

Может быть, частично к охотничьему вооружению относятся оригинальные дубинки «секибо» из камня, нередко с причудливо орнаментированными головками, а также деревянные кинжалы и мечи из Корекавы.

Следы земледелия и скотоводства в неолите Японских островов

отсутствуют. Из домашних животных известна была только собака. Кости домашних собак известны из многих местонахождений в Огути (исио-стадия), Корекава, Хосоура и др., а в раковинных кучах у деревни Накагава был обнаружен совершенно целый скелет собаки, погребенной в особо устроенной яме под раковинными слоями. Этот факт косвенно указывает на важное значение собаки в жизни неолитических охотников, рыболовов и собирателей.

Тысячи неолитических поселений показывают, что неолитическое население островов издавна жило оседло. Неолитические поселки располагались у воды в местах, наиболее богатых рыбой, съедобными моллюсками, а на севере — и морским зверем. Самые многочисленные и обширные из этих поселков связаны с морскими бухтами и заливами. Наиболее древние поселения сейчас, правда, находятся нередко в глубине страны, вдали от морского побережья. Но находки, сделанные в них, показывают, что тогда море вдавалось далеко в глубь современной суши и неолитические люди селились у самого моря.

Столь характерные для неолитических японских поселков «раковинные кучи» являются лишь «спутниками» настоящих жилищ, скоплениями кухонных отходов. Нередко такие кучи отходов лежат рядом с жилищами, а иногда перекрывают следы заброшенных жилых построек, превратившихся в свалочные места. Во многих случаях следы жилищ перекрывают друг друга: очевидно, на одном и том же месте люди жили поколение за поколением, но старые жилища со временем приходили в упадок, и тогда на их месте или рядом с ними возводились новые жилые постройки.

На северо-востоке главного острова Хонсю с его более прохладным климатом, а тем более на Хоккайдо, где зимой бывают почти сибирские морозы, неолитическое население устраивало глубокие полуподземные жилища. Об устройстве древних землянок можно судить и по этнографическим данным, относящимся к аборигенам этих мест — айнам. По словам русского исследователя П. В. Буссе, юрты сахалинских айнов строились так: «Выкапывается квадратная яма аршина в два глубиною. Для составления стен устанавливается корбасник (тонкий лес). Наклон стен довольно пологий, и потому крыша складывается из особых деревьев, склоняющихся со всех сторон к середине; в правой стороне крыши оставляется отверстие для дневного света, остальное, кроме входа, засыпается все землею, так что зимою, когда нападёт много снега, можно подойти к отверстию, служащему окошком, и оттуда смотреть вниз землянки. Перед входом, или, лучше сказать, спуском в землянку устраиваются сени; вход прикрывается дощатою дверью аршина в 1½ вышины и столько же ширины; дверь эта отодвигается, и сходят в землянку по маленькому трапу». Неолитические поселения и жилища более южных районов были во многом сходны с северными, хотя ямы для жилищ копались не так глубоко.

Жилища, связанные с раковинными кучами, на о. Хонсю впервые начал изучать Э. Мунро. Он обнаружил в раковинных кучах Митсусава около Канагавы (провинция Мусаси) вертикальные углубления для столбов, которые уходили в глину, подстилавшую культурный слой. Углубления оказались заполненными черной землей и культурными остатками, в особенности рыбьими костями. Поблизости Мунро нашел очаги, принадлежавшие жилищу. Остатки аналогичных жилых сооружений-полужемлянок были найдены во многих других местах; например в Убаяме овальные основания жилищ были углублены по отношению к древней поверхности на 20—75 см и окаймлены вертикальными ямами для столбов. Посередине располагались очаги, выложенные крупными речными камнями. В одном случае очагом (жаровня для углей) служил чашевидный глиняный сосуд, заполненный жженой глиной и

золой. В других жилищах часто бывало несколько очагов, и тогда они располагались вдоль длинной оси жилья. Очаги обычно имели специальные углубления с обкладкой из плит по краям. У очагов помещались сосуды и различная утварь. Очертания жилищ чаще всего были овальные, но встречались также круглые, шести- и восьмиугольные. Известны огромные жилища с множеством ям для столбов и рядом очагов. Есть и небольшие жилища, например в раковинных кучах Морисо (у городка Мисаки, префектура Канагава).

Основание жилища, найденного в Морисо, имело очертания, близкие к прямоугольнику с трапециевидной входной частью; площадь жилища была равна 14,5 м². Среди различных углублений на полу отчетливо выделялись цилиндрические вертикальные ямы для столбов диаметром 30—38 см, глубиной 27—47 см. В одной из ям посреди пола нашли спрятанные каменные блюда для растирания растительной пищи. Поблизости лежали кости животных, клыки морского льва и типичная неолитическая керамика.

Очагов вскрыто три: из них один был в центре, диаметром 50 см, глубиной 5 см и содержал много обломков сосудов.

В качестве особой третьей группы неолитических жилых сооружений в Японии упоминаются также жилища, вымощенные камнем.

С жилищами связаны разнообразные предметы бытового обихода. Такова прежде всего различная глиняная посуда, употреблявшаяся для варки и хранения пищи. В Корекаве посчастливилось найти остатки плетеных корзин и деревянных сосудов, сделанных с большим мастерством (есть даже лакированный сосуд). В жилищах встречается много мелких каменных орудий для домашних женских работ: скребков, проколов, ножей. Очень характерны широкие кривые ножи из кремня или обсидиана с оригинальной формы ручкой. Они известны в разнообразных вариантах и могли употребляться подобно эскимосскому женскому ножу уло. Часто встречаются «каменные тарелки», «зернотерки», песты и отбойники. Имеются тесла, мотыги, топоры вальковые с острым обухом, двусторонне выпуклые с линзовидным сечением. Последние бывают и с плоскими ребрами. Из кости выделялись шилья и лучки для огневого сверла, которым, повидимому, и добывался огонь. Внутренность жилищ, сиденья, места для сна, как и теперь, выстилались плетеными из травы и камыша циновками, отпечатки которых имеются на днищах глиняных сосудов (а в Корекаве найдены обрывки и настоящих циновок). Изготовление циновок, а также грубых тканей из дикорастущих трав, в частности крапивы, или древесной коры находилось на высоком уровне.

Встречающиеся внутри жилищ антропоморфные статуэтки, о которых речь будет ниже, а также материалы погребений дополняют общую картину хозяйственно-бытового уклада неолитического населения Японских островов еще одним важным штрихом. Они дают представление об одежде и о дополнявших ее украшениях. В одних случаях одежда состояла из штанов и короткого кафтана, разрезанного спереди, с узкими рукавами; в других—из широкой длинной рубахи, которая надевалась через голову. Существовали различные, иногда очень сложные головные уборы.

Одежда украшалась богатым орнаментом, основные мотивы которого те же, что и на сосудах или деревянных вещах. Кроме того, носили бусы из кости и камня, костяные пластинчатые браслеты, вырезанные из раковин нагрудные круги, различные фигурные подвески из кости и клыков кабана. Широко употреблялись также кривые подвески из камня, так называемые «магатама», в которых усматривают имитацию клыков кабана. Помимо обычных украшений, в ходу были и особые вставные кнопки для ушей в виде костяных или глиняных стерженьков

и кружочков с желобком по краю. Тело украшали татуировкой и росписью, нередко при помощи специальных штампов из глины — «пинтадер».

При обширных размерах большинства неолитических жилищ сооружение их, несомненно, было делом большого, крепко сплоченного коллектива. Характерно, что старинные зимние жилища полуподземного типа айны строили коллективно, силами всех сородичей. Исчезновение таких жилищ в конце XIX в. было следствием распада древних общинно-родовых связей, так как сооружение общей земляной юрты требовало много сил и больших расходов, непосильных для одной семьи. Построенные целым коллективом дома ему и принадлежали, были общинной собственностью, жилищем ряда родственных семейств. В айнской юрте жило рядом несколько семейств, причем каждая семья имела свой очаг. «Очаги эти, — сообщает Буссе, — фута в полтора в квадрате, устраиваются между столбами, поддерживающими крышу. На них не кладут дров в землянках, а угли... В землянках довольно тепло, но зато духота невыносимая, в особенности вечером, когда отверстие в крыше закрывается».

Айны XIX в., разумеется, далеко ушли от каменного века, их культура и социальные отношения испытали уже тогда разрушающее влияние колониальной эксплуатации, гнет колонизаторов-японцев. Но весь уклад обширных коллективных жилищ, принадлежавших роду, восходит к очень отдаленному времени. Сравнивая большие многоочажные жилища неолитического времени с позднейшими айскими, нужно сделать вывод, что их коллективно строили и вместе жили в них члены родовой общины. О жизни древней родовой общины, покоившейся на началах коллективизма, может дать некоторое представление рассказ японского писателя Р. Окамото об айнах, живших на острове Сьюмусю: «Так как все старики, малые и большие не могут находить себе пищи, то все остальные соединенными силами оказывают им помощь. Если один кто-либо получает вещь, то он разделяет ее между всеми. Имеющие помогают недостаточным. В каждом доме бедность и богатство, горе и радость бывают общими, и вся деревня представляет собою как бы одну семью».

Тесная связь сородичей, основанная на кровном родстве и общинном хозяйстве, находит свое отражение и в планировке поселка, особенно там, где отдельные жилища не велики по размерам. Землянки всегда группируются целыми десятками на одном месте. Они плотно примыкают друг к другу, как пчелиные соты в улье, и действительно представляют собою как бы «одну семью», по выражению Р. Окамото, один большой организм из множества клеток. Этим организмом в неолитическое время был материнский род.

Пережитки материнского рода с полной отчетливостью прослеживаются в этнографическом материале. Тем более интересны для понимания внутренней жизни неолитического населения археологические факты, косвенно указывающие на высокое положение женщины, на ее важную роль в жизни родовой общины. На всей территории Японских островов, особенно на северо-востоке, встречаются, как сказано, оригинальные антропоморфные изображения из глины. К 1929 г. их зарегистрировано более восьмисот (на 424 поселениях). Обыкновенно изображалась фигура стоящего с опущенными руками человека и очень редко — человека в сидячем положении. С особой тщательностью передавались детали костюма. Некоторые статуэтки выделяются наличием огромных выпуклых глаз или сложного головного убора. Все статуэтки происходят только из поселений и совершенно отсутствуют в могилах. Большинство статуэток имеет ясно выраженные или даже преувеличенно подчеркнутые признаки женского пола.

Обилие этих статуэток, являющихся одним из наиболее характерных признаков местного неолита, тщательная отделка и сложный костюм их, наконец, неременная связь с жилищем указывают на важное значение их в жизни неолитического населения. В них можно видеть культовые изображения мифических «владычиц» и «родоначальниц» эпохи материнского рода (как и в подобных статуэтках из неолитических памятников Запада и в верхнепалеолитических изображениях женщин из Европы и Сибири). С описанными статуэтками мы выходим уже в область наиболее трудную для понимания ее на основе одних только чисто археологических фактов, в область религиозной идеологии. Тем не менее и здесь в нашем распоряжении имеется достаточно яркий материал, позволяющий сделать некоторые общие выводы.

В центре религиозных воззрений неолитического населения Японских островов находились представления и действия, также связанные с женским началом, отражавшие реальное положение женщины-матери в жизни рода. Многие женские статуэтки из «раковинных куч» Японии окрашены в красный цвет; не раз уже отмечалось, какое значение имеет в первобытной религии этот цвет, с которым у первобытного человека ассоциируются представления об огне, крови и еще более широкий круг идей о рождении и смерти. На большинстве статуэток встречается узор в виде зигзага или спирали. Исследования Л. Я. Штернберга показали, что у айнов такой узор аналогичен изображениям змей и одновременно солнца. Все эти понятия, как известно, в древности связаны были с представлениями о женщине-праматери.

С другой стороны, ценным источником для понимания религии изучаемого нами населения являются неолитические погребения. В 86 пунктах (в гротах—6, поселениях—8, раковинных кучах—72) при различных обстоятельствах найдены остатки около 900 человеческих костяков. Более половины находок падает на префектуру Микава, к востоку от озера Бива, 50 — на север о. Хонсю, около 100 — на Кюсю, а остальные — на южную часть Хонсю.

Могилиники времени неолитических раковинных куч вполне соответствуют одновременным родовым поселкам по плотности, по количеству и даже отчасти расположению могил. Они нередко представляют обширные «деревни мертвых», не уступающие «некрополям» неолита, известным в других частях света. Так, в Хираи найдено около 50 погребений, в Ко — 75, в Цукумо — 166, в Иосико 302 скелета. Это были следовательно, настоящие родовые кладбища.

В раковинных кучах костяки встречались обычно сразу под пластами раковин, в темном землистом слое, т. е. погребенной древней почве, в песке или глине. В известном поселении Ко, где не было слоев раковин, костяки лежали сразу под культурным слоем. В некоторых случаях скелеты лежали над пластами раковин и между ними. В Миятосиме, где мощность куч достигала 7 м, скелеты находились в нижних и в верхних слоях раковин, а также в промежуточном слое.

Исследования могильников показали, что находки человеческих костей в раковинных кучах не являются результатом людоедства, как думали раньше, а связаны с погребальным ритуалом. Захоронения производились поблизости от жилища или до образования куч отбросов, или тогда, когда последние были уже давно заброшены и представляли собою рыхлые холмики, удобные для устройства кладбищ. Глубина могил (от современной поверхности почвы) колеблется от 20 до 140 см. В подавляющем большинстве костяки сильно скорчены и лежат на спине со ступнями обеих ног у таза и коленями на уровне груди, кисти рук у подбородка. Очень редки костяки вытянутые, сидячие, захороненные ничком на животе. Известны несколько совместных погребений.

Ориентировка сильно колеблется, но чаще всего костяки обращены головой на восток, затем на юго-восток, северо-восток и север.

Как правило, костяки покоились в земляных ямах; над некоторыми костяками лежали камни. Встречены также каменные «ящики» из плит. Детей иногда хоронили в глиняных сосудах. Известны и особого рода захоронения сожженных остатков взрослых — в небольших глиняных урнах под кучей камней. Отмечены два случая захоронения на полу жилища. Необычные захоронения в квадратном порядке с обрамлением из длинных костей найдены в Иосико. Костяки сопровождаются обычно только одними украшениями и реже керамикой, причем сосуды нередко прикрывают череп.

Весь этот разнообразный, но строго соблюдавшийся в каждом случае ритуал захоронения указывает на определенные представления о душе и загробной жизни, на сильно развитый культ мертвых. Важен, в частности, широко распространенный и здесь обычай обсыпать мертвых красной охрой, разводить в могиле огонь (находки в Цукумо, Миятосима, Иосико, Икавацу и Хоби). В той же связи, вместе с общими для первобытного человечества, для людей эпохи материнского рода, воззрениями на жизнь и смерть, идеей воскресения и возрождения к новой жизни, следует рассматривать ориентировку костяков, очевидно, по солнцу, хотя, к сожалению, положение костяков по отношению к рекам, горам и другим объектам не отмечается.

Об этих же идеях свидетельствуют следы обычаев, отмечавших рождение человека или его переход в число взрослых членов рода. Таковы факты, косвенно свидетельствующие о наличии обрядов инициации — «посвящения юношей», частые случаи намеренного уродования зубов. Во многих случаях при мужских костяках находили в области таза своеобразные привески, в том числе прямые воспроизведения фаллосов. В поселениях же одним из наиболее характерных для всей этой «культуры веревочной керамики» («дземон-культуры») предметов являются загадочные палицы «секибо», близость которых к фаллическому культу, столь развитому здесь, и в позднейшее время к культу плодородия, устанавливается их видом и формой.

Неолитические материалы Японских островов дают ясное представление о глубоко своеобразных местных произведениях искусства, накладывающих отпечаток резкой самобытности на неолитическую культуру в целом. Это — статуэтки, о которых говорилось, затем бесчисленные образцы керамики, украшения, различные орнаментированные бытовые вещи из камня и кости, в частности палицы — секибо. Они отличаются особой прихотливостью форм и орнамента, позволившей некоторым исследователям сравнивать стиль неолитического искусства Японских островов со стилем барокко.

Характерный для неолита Японских островов орнамент отчасти напоминает криволинейную «ленточную» керамику Запада, Амура и соседнего Китая. Особенно велико сходство спиральных узоров, представленных самыми разнообразными вариациями. С другой стороны, обнаруживается еще больше различий не только в частностях, но и во всем ходе развития керамики и связанного с нею орнаментального искусства.

Хронологические изменения в формах и орнаменте керамических изделий, обусловленные как сдвигами в технике, так и развитием вкусов местного населения, особенно интересны потому, что на них, в сочетании с геологическими данными, строится общая схема классификации и хронологии памятников неолита в целом. Разрешение этих вопросов не только важно для установления последовательной смены этапов неолита, но и позволяет глубже понять неолит Японских островов, как определенный этап в истории их населения, и увязать его с событиями последующего, «исторического» времени.

Вопрос о хронологии неолитических памятников на территории современной Японии, имеющий столь важное значение для ее древнейшей истории, очень сложен и мало разработан. Это находит свое объяснение в том, что несмотря на обилие памятников и огромные размеры накопленного вещественного материала, изучение неолитических памятников резко отстает от темпов сбора сведений о них. Методика исследований, что иногда признают и сами японские археологи, стоит на очень невысоком уровне, господствуют кустарные, «любительские» приемы раскопок. В качестве типичного для капиталистической Японии примера можно привести «исследования» одного из наиболее выдающихся памятников неолита — торфяника в Корекаве. В течение ряда лет его «раскапывал» со своей семьей помещик Идзумияма. Была вырыта «поразительная масса различных остатков», причём все находки хранятся в доме семьи Идзумиямы и недоступны даже для самых высокопоставленных археологов Японии, так как, по словам последних, все эти вещи «землевладелец выкапывал в собственных, частных интересах». О методологической стороне исследований нечего и говорить!

До сих пор остаются не вполне выясненными первоочередные вопросы: о характере локальных групп памятников, стратиграфии и относительной хронологизации неолита. Всюду сказывается стремление в угоду определенным реакционным настроениям и тенденциям извратить факты, дать их в специально препарированном виде. Требуется поэтому особая осторожность в оценке не только выводов, но и самих наблюдений японских археологов.

Учитывая все это, отметим, что обилие керамики и ее разнообразие не раз уж давали повод некоторым ученым строить схемы хронологической смены отдельных этапов неолита. Опираясь исключительно на стилевые черты керамических изделий, такие схемы разработали, например, Накайя и Матсумото, работы которых сразу нашли отклик на Западе, но не были приняты всеми японскими археологами, как спорные и недостаточно обоснованные. По-новому, на более надежной основе, к решению этой проблемы приступили в 1926—1930 гг. другие японские исследователи, стремившиеся использовать в своей работе опыт западноевропейских археологов.

Уже первые исследователи раковинных куч Морз и Мили указывали на большое значение геоморфологических данных для определения возраста и последовательной смены во времени неолитических памятников различного типа. Известно, что множество раковинных куч, образование которых непосредственно связано с водными бассейнами, лежит вдали от воды; некоторые кучи, состоящие из одних только морских раковин, удалены от современного морского побережья на 20—50 км. Такое расположение куч может объясняться только тем, что с каменного века море значительно отступило от берегов Японских островов.

Если изменение прежнего соотношения моря и суши шло постепенно и медленно, то можно проследить, как люди переносили свои поселения все ближе и ближе к современному берегу, следуя за отступающим морем. Их культура между тем должна была изменяться. Изменение же культуры находило выражение в различиях отдельных памятников, причем наиболее древние из них, естественно, должны были находиться дальше от современного берега. Если же стоянки разного типа находятся вместе в глубине страны, то самыми древними из них должны быть те, в которых встречаются одни только морские раковины, а самыми поздними — поселения с остатками пресноводной фауны. Исходя из этих положений в 1922—1926 гг. Р. Токи, а в 1926—1932 гг. К. Ойяма и его сотрудники поставили своей задачей проследить связь между древними береговыми линиями и раковинными кучами в районе Токио (равнина Канто).

Этот район известен последовательным отступлением моря и осушением соответствующих площадей бывшего морского дна вследствие заноса бухт аллювием речных потоков и поднятия уровня земли. Старинные карты, географические названия и современные наблюдения позволяют предполагать известную правильность этих изменений. Работы Токи и Ойяма подтвердили эту гипотезу. Оказалось, что древние раковинные кучи действительно располагаются в глубине равнины соответственно очертаниям древних заливов, сейчас целиком заполненных речными наносами.

Рассматривая керамику из древнейших по геоморфологическим и фаунистическим данным раковинных куч, исследователи установили, что она обладает многими характерными чертами и отличается от керамики более поздних памятников.

Древнейшая керамика³ представлена большими высокими сосудами с плоским дном, с грубым геометрическим узором на верхней части и так называемыми «рогожными оттисками» на всей поверхности, внешне напоминающими оттиски витых шнурков или грубой ткани (в действительности они сделаны с помощью какого-то штампа). В высшей степени характерно расположение «рогожных» оттисков зигзагами так, что по горизонтали образуются полосы, напоминающие перо или «позвоночник рыбы». В северо-восточной части Хонсю к этой керамике, расчленяемой японскими археологами на три особых типа, приближается хорошо изученная керамика богатого находками торфяника Исио (префектура Аомори). Древнее поселение, бывшее на месте этого торфяника, располагалось в 7 км от берега океана, где над аллювиальной равниной, прорезанной двумя небольшими реками Мобуси и Нинда, возвышается холм Исиояма (130 м высотой). В нижних слоях торфяника найдены остатки глинянных сосудов трех типов, из которых наиболее древними являются так называемые «цилиндрические вазы» («ento-doki»).

Все цилиндрические сосуды — плоскодонные, очень высокие и столь же узкие, оправдывая тем самым название цилиндрических. Стенки их почти всегда прямые и лишь в некоторых случаях несколько сдавлены у торла. Поверхность обычно сплошь покрыта «веревочным» орнаментом в виде параллельных, друг другу вертикальных зигзагообразных линий. Венчик снизу часто бывает опоясан накладным валиком и орнаментирован ромбами, простым спиралевидным узором. Простая, еще не расчлененная форма и несложный узор показывают, что «цилиндрические» сосуды, вместе с сосудами из древнейших поселений Канто, представляют собой наиболее архаическую исходную керамику. Простоте формы соответствует грубость массы, из которой изготовлены сосуды типа исио. Эти глиняные сосуды по размерам, форме и орнаменту поразительно близки к плетеным корзинам-сосудам Малайского архипелага и Японии. Вполне допустимо, что керамика типа исио происходит именно от подобных плетеных вместилищ, а потому сохранила свойственную им форму и их чисто технический по истокам орнамент.

Несколько выше в Исио встречены были сосуды более развитой формы. Они сохраняют еще удлинённые очертания, но вместе с тем уже имеют резко расширенное горло, а также вычурный, пластически оформленный, богато орнаментированный венчик.

Что касается дальнейшего развития, то ряд фактов дает основание связывать его с керамикой особого типа — «катсусака». Сосуды такого типа в раковинных кучах Канто, например в местности Nanazami, лежали над слоями с более древней керамикой. В кучах около поселка Нагасаки такая керамика сопровождалась пресноводными раковинами,

³ Техника грубая; в глине примесь растительных волокон.

тогда как рядом были кучи с керамикой типа исио и с морской фауной. Отсюда следует вывод о большей молодости памятников с керамикой типа «катсусака». В Исио аналогичные сосуды также находились в верхних слоях торфяника.

«Катсусака» — керамика, известная из очень многочисленных поселений (не менее двух тысяч на одном только северо-востоке главного острова). Наиболее важными памятниками в этой группе являются два торфяника — Камегаока и Корекава. Последний находится на расстоянии всего 200 м от замечательной стоянки Исио и расположен около речки Араида на небольшом возвышении (17 м над уровнем моря). Под верхним гумусным слоем в Корекаве залегало два слоя торфа. В нижнем его слое сохранились различные растительные остатки (преимущественно грецкого ореха), кости животных, раковины, а также различные изделия из камня и кости. В основании этого слоя находились стволы и ветви орешника, каштана и криптомерий. Следы жилищ прослежены были только в верхних слоях в виде углублений с очагом.

В Корекаве, как сказано выше, было найдено более тысячи почти полных сосудов, местами находились даже целые, не раздавленные землей. Техника изготовления глиняной посуды в это время стояла уже на значительной высоте, хотя попрежнему горшки выделывались от руки, без гончарного круга, способом спирально-ленточного налета из полос шириной 5—10 см. Поверхность сосудов тщательно выглаживалась и лощилась, а во многих случаях перед лощением покрывалась тонким слоем красной краски или обмазывалась асфальтом.

Формы сосудов претерпевают дальнейшее прогрессивное развитие. Рядом с архаическими сосудами простой цилиндрической и баночной формы находятся изящные вазы с резко расширенной верхней частью и столь же выпуклым телом. При суженной шейке и узком днеще появляются также биконические кубки на ножках затейливой формы, низкие блюда и чаши, фляги, бомбовидные сосуды и амфоры; наконец, характерные сосуды с носиком — изумительные по совершенству формы «курильницы» и другие изделия.

Слошной «веревочно-текстильный» орнамент сохраняется лишь на грубых сосудах, исчезая с изящных, обладающих лощеной поверхностью. Типичный для ранней керамической группы узор в виде «елочки» (Ujô-Jômon) больше вообще не встречается, его заменяют косые, параллельные друг другу пунктирные линии.

Сильно усложняется орнаментика. В орнаменте преобладают плавные кривые линии, исключительно сложные и вместе с тем геометрически правильные спиральные фигуры, а также связанные с ними элементы в виде латинских знаков S, X, ромбов и треугольников с вогнутыми сторонами.

Очень эффектны различные приемы сочетания орнамента и фона. Широкие орнаментальные полосы, заполненные «веревочными» сттисками, оконтуренные вдавленными линиями, резко выделяются на гладком фоне. В ряде случаев мастер противопоставлял орнаментальные поля и фон различной окраски. Не ограничиваясь сочетанием лощеного малиново-красного фона с естественной поверхностью сосуда на орнаментальных полосах, он применял сочетание красного цвета с черным, роспись. Не довольствуясь и этим, мастер прибегал к чисто пластическим приемам, используя контраст между углубленным или, наоборот, повышенным узором и гладким нейтральным фоном. Особо тщательно бывает украшен венчик, приобретающий самые оригинальные и роскошные формы. Именно эти пластические украшения венчика и производят, по словам некоторых исследователей, своей необычайной для неолита пышностью впечатление стиля барокко.

На следующем этапе, названном керамикой Омори по раковинным кучам в Омори, формы сосудов, при сохранении многих элементов стиля катсусака, значительно упрощаются, грубеют; аналогичные изменения одновременно происходят в орнаменте. Преобладают баночные горшки, чаши и блюда простых очертаний; есть грубые остросереберные сосуды. Становятся более простыми и грубыми пластически оформленные венчики с рельефными выступами. Отмечается постепенное исчезновение столь обильных в более раннее время изящных спиральных узоров. Вместо них изредка применяются дугообразные рисунки или цепочки из овалов, двойных или с продольной линией внутри. Эти и некоторые другие узоры, повидимому, возникли путем видоизменения спирального орнамента в сторону его упрощения и схематизации.

Параллельно с видоизменениями криволинейного орнамента усиливается значение прямолинейно геометрического нарезного узора, наблюдается переход криволинейных узоров в прямолинейные. Вновь начинает преобладать сплошной, свойственный древним сосудам особый «веревочный» узор, точнее штамповый ложнотекстильный. По нему, как фону, небрежно прочерчиваются линии простого узора — параллельные косые, шахматно-ромбическая сетка, несложные дуги и овалы, тяготеющие к верхней части сосуда. Одна из наиболее характерных особенностей керамики группы Омори — применение накладных примятых пальцами валиков, опоясывающих сосуд у горла и по краю венчика. Вместе с тем техника изготовления сосудов значительно совершенствуется. Появляются сосуды с твердыми и тонкими стенками (*Usudeshiki* — тонкостенные).

Смена неолитических памятников, характеризующихся отмеченными видами керамики, была несомненно очень длительной, поскольку она протекала в геологических масштабах. Учитывая темпы непрерывного изменения уровня равнины Канто, где находятся кучи Омори и многие другие отмечавшиеся выше памятники, исследователи пытались даже определить их абсолютный возраст; так, Милн считал, что с момента образования куч Омори прошло максимум 3 000 и минимум 1 500 лет, причем первая цифра значительно вероятнее. Между тем стадия омори включает собой ряд других, предшествующих ей, и представляет лишь конечное звено настоящего неолита. Остальные памятники должны уходить еще глубже в прошлое. Геоморфологические наблюдения подкреплялись палеобиологическими. Установлено, что состав раковин в кучах отражает изменения в морской фауне и, следовательно, в климате, происшедшие с момента их образования. Например указывалось, что в кучах Омори были найдены раковины, известные сейчас только на юге, у о. Кюсю, и, таким образом, с момента образования куч произошло ухудшение климата.

Уже с самого начала неолитическая культура населения, оставившего раковинные кучи, находилась на довольно высоком уровне. Это население выделяло превосходные шлифованные вещи из камня, обработка кости была хорошо развита. Население умело делать глиняные сосуды, пользовалось луком и стрелами, достигло высокого уровня в изготовлении тканей и обработке дерева. Обитало оно в больших общинно-родовых поселениях — деревнях состоявших из больших коллективных жилищ. Ничем не уступая с самого начала другим племенам земного шара, находившимся на низшей ступени варварства, первобытное население Японских островов впоследствии создало весьма своеобразную культуру, далеко пошло вперед в области техники и искусства. Им были созданы замечательные, единственные в своем роде, керамические изделия, изумительный орнамент. Уже в неолите был открыт лак, применявшийся для покрытия луков и бытовой утвари.

И все же процесс развития охватывал лишь отдельные стороны культуры, притом не ведущие, не имеющие решающего значения в истории. Сменялись формы керамических изделий, менялся орнамент, а хозяйственный уклад оставался неизменным в ходе тысячелетий. Население Японских островов, начиная с самой ранней эпохи и кончая омори-стадией, существовало исключительно собирательством, рыбной ловлей и охотой. Разительный пример — раковинные кучи, сопровождающие поселения всех стадий, позволяющие и весь неолит островной страны называть «неолитом раковинных куч». Основные орудия производства соответственно этому тоже сохраняли свой прежний характер. Не изменялись в своем характере поселения. Не заметно существенных сдвигов и в «поселках мертвых», в ритуале и инвентаре погребений, в религии.

В чем причина такого странного положения вещей, почему оставались неизменными основы неолитической культуры?

В условиях мягкого климата, разнообразных ландшафтов и щедрой на дары природы собирательство, рыболовство и охота без особого труда и напряжения доставляли многочисленным обитателям островов пищу и одежду. Природа и здесь, как и в более южных областях, вела человека «на помочах». Большое значение должно было иметь отсутствие крупных животных на островах. Это исключало возможность приручения животных и возникновения скотоводства. Единственное домашнее животное местного неолита — собака.

Выраженно-горный характер страны и отсутствие в диком виде растений, пригодных для возделывания, не способствовали переходу от собирательства к земледелию; островной характер страны направлял хозяйство людей по иной линии. Несмотря на существование на протяжении 2000 лет интенсивной земледельческой культуры, площадь лесов в Японии и сейчас в четыре раза больше обработанной земли.

Кроме того, в эти отдаленные времена море первоначально изолировало острова от материка, препятствовало массовому переселению племен с более высокой культурой. Долгое время отсутствовали, таким образом, и внешние стимулы, которые могли бы содействовать ускоренному развитию и смене неолитической культуры иной, более высокой. Со временем, однако, такая смена произошла. Ее характер и условия, в которых она происходила, представляют большой исторический интерес, так как это событие явилось поворотным пунктом, началом новой эпохи в истории Японских островов, с которой неразрывно связано происхождение современной Японии, японского государства и культуры.

Археологическими исследованиями в Канто и других областях установлен факт появления после неолитической «веревочной» керамики типа омори иной, названной «яйюисики» по улице Яйои в Токио, где впервые она была найдена. Памятники с такой керамикой объединяются под названием «яйои-культуры» или «энеолитической»⁴. Яйои-керамика резко отличается от более древней. Здесь преобладают сосуды желто-бурого и коричневого цвета. Господствуют определенные стандарты: чаши на высокой ножке; амфоры; круглодонные и остродонные сосуды с высокой шейкой; оригинальные вазы с широким блюдовидным венчиком и другие. Они проще по форме, чем более ранние. Несравненно грубее орнамент. Поверхность сосудов часто бывает покрыта своеобразными штрихами, произведенными при отделке их лопаточками в момент изготовления. Узор наносился преимущественно «щеткой» или гребенчатой лопаточкой из дерева и сводился к волнообразным полосам из параллельных вдавленных линий, окаймленных узкими полосками

⁴ Как будет показано ниже, энеолитической в нашем смысле эту культуру назвать нельзя; она относится к поздней бронзе и к началу железного века в Китае, к концу первого тысячелетия до н. э. и даже к первым векам нашей эры.

прямых линий; широко применялись накладные валики из глины. Несмотря на кажущийся упадок керамики, все эти новые черты связываются с более совершенной техникой изготовления посуды. Отмечается даже спорадическое применение гончарного круга.

Изменения в материальной культуре затронули и каменные орудия. Появляются новые формы каменных орудий, до того неизвестные. На таких поселениях, как широко известное Ко, при раскопках, произведенных Киотосским университетом, и во многих других местах найдены шлифованные ножи полудунной формы, с двумя или тремя отверстиями в середине для прикрепления к ручке. Распространяются топоры новых типов.

Костяные и каменные орудия попрежнему господствуют, но вместе с тем среди них очень часто появляются вещи, подражающие металлическим. Из шифера и сланца выделывались очень совершенные копии металлических оригиналов — наконечников стрел, ножей и кинжалов.

Металл был, следовательно, хорошо известен, но изделия из него оставались еще очень редкими. На стоянках металлические вещи вообще неизвестны. Характерно также, что из числа металлических изделий для этого раннего времени известны и в могилах только предметы вооружения, преимущественно кинжалы или короткие мечи из бронзы, наконечники копий, да такие предметы роскоши, как бронзовые зеркала.

Одновременно происходят глубокие перемены в хозяйственной жизни. В слоях с яйои-керамикой уже встречаются кости лошади. Бесспорным становится широкое распространение земледелия. Возможно, что и в более раннее время существовали некоторые зачатки возделывания растений, однако серьезные доказательства отсутствуют. Теперь появляются настоящие земледельческие орудия: мотыги из мягкого камня с поперечным жолобом для прикрепления к рукоятке.

Впервые найдены и остатки культивировавшихся растений. В черепках глиняных сосудов встречаются обугленные зерна риса и их отпечатки. В некоторых поселениях обнаружены характерные сосуды с дырочками для приготовления риса в пищу путем распаривания над кипящей водой. Земледелие постепенно оттесняет на задний план прежние первобытные способы хозяйства. В связи с распространением земледельческой культуры в тех местах, где появляются памятники «энеолитической» яйои-культуры, все реже и меньше по размеру становятся раковинные кучи.

Коренной перелом в хозяйственной жизни сопровождался и дальнейшими сдвигами во всех ее областях. Имеются многочисленные примеры, отражающие (как будет показано) широкое развитие обмена, и притом не столько внутри островов, сколько с материком. Изменился во многом характер поселений. Вместо больших многосемейных общинно-родовых жилищ появляются землянки меньших размеров. Одновременно исчезают связанные с древними жилищами изображения женщин. Происходит, очевидно, переход от материнского рода к отцовскому.

На этом общем фоне становятся понятными и многие другие факты, рисующие хотя и отрывочными, но резкими штрихами внутренний строй общества. Условия и характер находок металлических вещей не оставляют сомнения, что ими пользовался очень узкий круг людей. В отличие от массы населения это были те, в чьих руках находилось вооружение, сосредоточивались богатства в виде различных продуктов обмена. Они должны были владеть и лошадьми. Как известно, на всем протяжении позднейшей истории Японии лошади принадлежали «рыцарям», а не крестьянам.

Различие между массой населения и впервые выделяющейся родовой знатью находит свое выражение и в погребальном ритуале, в могильниках. Только для знати характерны своеобразные погребения в глиняных парных урнах. Каждая пара подобных сосудов соединена верхними частями, иногда так, что венчик одного входил в глубь устья другого. Внутри сосудов, кроме остатков человеческих костей, найдены фрагменты бронзовых зеркал, цилиндрические бусы из камня типа «кудатама», бронзовые наконечники копий, кинжалы или мечи, т. е. предметы роскоши и вооружение, все то, что отличало знатных от рядовых членов рода.

Различия между поздним неолитом и «энеолитической» культурой так велики, что японские, а вслед за ними и западные археологи объясняют их расовыми причинами. «Теории» этих археологов, связанные с расовыми, шовинистическими тенденциями буржуазной науки, отражают политику жесточайшего национального угнетения малых народностей и племен Японских островов (в особенности айнов) господствующими классами японской народности — самураями, в течение многих столетий. Такие теории реакционных японских археологов пронизаны стремлением отделить японцев от презираемых и угнетаемых айнов, объявить японский народ «избранным народом», чистой расой. Так, еще на первом этапе изучения неолита Японских островов один из основателей современной японской археологии профессор Токийского университета Цубои выдвинул положение о том, что айны не имеют никакого отношения к неолитическим памятникам на территории современной Японии. По мнению Цубои, памятники каменного века на Хонсю и Хоккайдо принадлежат якобы особому, ныне совершенно исчезнувшему народу коропоктуру, родственному эскимосам; айны, следовательно, пришельцы с севера.

Против взглядов Цубои и его сторонников, как явно неосновательных, тогда же резко выступили известный антрополог проф. Коганеи и другие (Сираи, Яманака, Сатоо Ситоми). Коганеи пришел к выводу, что современная Япония в неолите была «страною айнов», а карлики коропоктуру относятся к области мифа. Другое название древних обитателей землянок «тойсекуру» или тоньчи, известное в разных вариантах, разъясняется Коганеи как «земляные жители» и «земляным жилищем обладающие боги», а также «землю обжигающие люди», т. е. гончары. Известно, кроме того, что сами северные айны в относительно недавнем прошлом пользовались именно земляными жилищами для зимы, умели выделывать грубую глиняную посуду, пользовались каменными орудиями. На одном из Курильских островов, в старой айнской земляной юрте, на чердаке была, например, найдена связка стрел с каменными наконечниками, а поблизости находилась целая мастерская каменных орудий.

Айны в конце XIX в. еще хорошо помнили, как выглядели и назывались каменные изделия. У них записана даже пословица: «каменным топором рубить дерево — большая мука». Богатая орнаментика айнов стоит к неолитической ближе, чем какая-либо другая. В хозяйстве айнов, охотников и рыболовов, в их социальном строе (пережитки матриархата) сохранилось много общего с их неолитическим прошлым. Наконец, установлено широкое распространение айнских по происхождению географических названий и следов айнского физического типа не только в неолите, но и в современности на Японских островах, включая самые южные — Рюкю. Следует признать, что айны действительно генетически связаны с неолитическим населением Японских островов и долго сохраняли различные элементы его культуры.

Реакционерам-археологам не удалось оторвать айнов от их родины, объявить их чуть ли не самыми поздними пришельцами. Это вынуждены

были признать и многие из последователей Цубои, выдвинувшие взамен старой новую (господствующую сейчас) теорию об изначальном существовании двух резко отличных рас: праяпонцев и протоайнов. Согласно этой теории «протоайны» связываются с культурой «веревочной керамики», праяпонцам же принадлежала яйои-культура. Еще в неолите обе расы и созданные ими культуры существовали будто бы рядом: «праяпонская» раса на юго-западе, а «протоайнская» — на северо-востоке. Разделявшая их граница будто бы проходила по озеру Бива на главном острове, но впоследствии праяпонцы в борьбе с айнами продвинули ее на северо-восток. Все сводится, таким образом, к борьбе двух рас: «протояпонской» и «протоайнской».

Эта теория построена (в отличие от теории Цубои) с учетом накопленного фактического материала по неолиту и энеолиту. Но этот же материал убедительно доказывает, что сами взаимоотношения «рас» и культур определялись иными, вовсе не расовыми причинами. Только обратившись к этим действительным причинам можно понять, почему и как сменился неолит энеолитом, как и в каких условиях стали возможны те взаимоотношения между этническими группами Японских островов, которые отражены писаной историей.

Вопреки утверждениям реакционных археологов факты показывают, что неолитическая культура Японских островов почти на всем их протяжении, от Хоккайдо до Рюкю, первоначально имела много общего и разделить ее на две совершенно самостоятельные культуры — южную и северную — никак нельзя. Известны, например, далеко к югу от озера Бива (поселение в Ко и другие) находки «веревочной» керамики, совершенно сходной с материалами северо-востока.

Все население, следовательно, прошло ранние неолитические ступени одинаковым образом, в одни и те же примерно сроки. Вместе с тем нельзя так резко отграничить территориальную культуру «веревочной» керамики от яйои-культуры, как это пытаются делать. На самом деле, последняя культура даже свое название получила от памятника, находящегося в центре области «веревочной» культуры, на северо-востоке о. Хонсю, в г. Токио.

В ряде мест, как на севере, так и на юге, например в Ко, установлено затем последовательная смена неолитических слоев с «текстильно-веревочной» керамикой более поздними, содержавшими керамику типа яйои. Можно даже проследить постепенный переход от неолита к яйои-культуре. Уже на ступени катсусака появляются типы сосудов, позднее приобретающие доминирующее значение в керамике яйои-культуры, например чаши на высокой ножке. В орнаменте на ступени омори впервые проявляются с большой силой тенденции к схематизму и прямолинейности, которые находят свое выражение в яйои-орнаментике.

Наиболее отчетливо последовательное превращение старых форм культуры в новые сказывается на ряде памятников типа поселения в Ибусаки, на крайнем юге провинции Сатсума, раскопанных Киотосским университетом. Под слоем вулканических отложений там была найдена типичная для культуры яйои керамика красно-коричневого цвета. На значительной глубине от первого культурного слоя, под вулканическим пеплом, оказался второй горизонт, давший неолитические находки. В керамике нижнего горизонта хорошо представлены образцы спирального узора в виде кривых линий с крючковидными концами и других близких к ним по характеру рисунков, очень близких к орнаментике северо-востока на стадии омори. Вместе с ними были найдены сосуды с широкими накладными лентами у венчика, украшенными в стиле яйои — нарезными линиями, чаще всего в виде треугольников. С другой стороны, эти ленты и их узор совпадают со столь типичными для Омори накладными валиками. Совершенно такая же переходная кера-

мика была найдена в Уки (провинция Хидзен) и даже далеко на севере — в Осуми, у Йокогамы. Следовательно, культура яйои есть во многом прямое продолжение более древней неолитической — результат ее изменения. Все говорит о том, что имела место не простая смена старой культуры новой, принесенной на северо-восток в готовом виде прото-японской расой, а происходил какой-то иной, несравненно более сложный процесс, в котором так или иначе принимала участие большая часть населения страны.

Существенной чертой этого процесса является определяющая роль, которая на решающем этапе принадлежала связям островного мира с материком. Не может быть сомнения, что культура риса заимствована с материка, из Китая или Кореи. Лошади на островах появились оттуда же. Металл (бронза) тоже заимствован с материка. Бронза так и называлась «каракана» — буквально «корейский металл». Бронзовые мечи оригинальной формы, наконечники стрел, бронзовые зеркала, бусы, стеклянные диски (би) и другие вещи, характерные для энеолита Японских островов, выделялись в Китае и Корее.

Даже керамика, при всех ее связях с местным неолитом, сближается с материковой корейской, во многом напоминает сосуды, производившиеся в Китае и Корее. Более того, самые характерные энеолитические изделия из камня — мотыги с поперечным желобком и шлифованные ножи полулунной формы с просверленными отверстиями — тоже заимствованы с материка, где известны и сходные шиферные копии металлических кинжалов. Способ захоронения в глиняных двойных урнах не был известен в неолите на Японских островах, но хорошо известен на материке вплоть до Амура.

Отмеченные заимствования датируются первыми тремя веками до нашей эры (время старшей Ханьской династии и начало правления младшей Ханьской династии в Китае). В это время Китай уже оставил позади длительный путь развития, создал самую высокую и древнюю в пределах Восточной Азии культуру. Мощь китайского государства достигла невиданных прежде размеров. Соседи Китая, многочисленные варварские племена испытывают на себе эту силу и влияние китайской культуры как в пустынях Монголии, так и на юго-востоке — в Манчжурии. Японские острова были, следовательно, только крайним на юго-востоке звеном в цепи периферийных стран, охваченных влиянием Китая, причем влияние китайской культуры проникло сюда через посредство Кореи. В Манчжурии и в Корее, как и на Японских островах, до этого еще длился каменный век, широко применялись шлифованные орудия из камня. Теперь же под влиянием связей с Китаем, под прямым воздействием китайцев, население Кореи, Манчжурии, а затем и Японских островов порывает с прошлым, с традициями каменного века, с древним матриархально-родовым строем. В результате всех этих событий существенно меняются первоначальный состав населения, его этнический характер и культура.

К моменту распространения металла и земледелия на Японских островах не существовало еще ни японской, ни айнской народности в их современном виде. Как показывают неолитические памятники, при их общем сходстве расчлняющиеся на частные локальные группы, территорию современной Японии тогда заселяли различные племена, связанные между собой лишь соседством или обменом (об этом свидетельствуют находки на севере Японии изделий из халцедона, происходящих с материка), но вместе с тем родственные друг другу. Культура Японских островов представляла лишь одно из звеньев в цепи островных культур Тихого океана, чем, повидимому, объясняется сходство некоторых ее элементов, в частности керамики и орнамента, с древней новогвинейской.

В антропологическом отношении, как указывали Л. Я. Штернберг и другие исследователи, древние обитатели Хонсю, как и современные айны, тоже являются северной ветвью большой древней тихоокеанской австралоидной расы, отличительными чертами которой считают длинноноготость и бородатость.

Из современных обитателей Японских островов ближе всего к древнейшему населению по культуре и физическому облику стоят айны. Но и японцы, будучи смешанной по расовому составу народностью, находятся в кровном родстве с айнами, с неолитическим населением островного мира. Это объясняется условиями, в которых шло формирование японской народности и современных айнов, начиная с энеолитической стадии.

На данной ступени развития море уже не изолировало острова, как прежде. С материка проникали сюда представители корейско-манчжурских племен, смешивались с туземцами и оседали на их земле. Параллельно такое же движение, хотя в несравненно меньших масштабах, происходило из южных областей со стороны Малайского архипелага. В свою очередь жители Японских островов проникали на материк, нередко в качестве разбойников-пиратов. Таким образом, на древней «айноидной» основе постепенно сложилось новое смешанное население, от которого произошли впоследствии современные японцы с их гибридным, по словам лингвистов, языком и столь же сложным физическим обликом; в последнем и сейчас ясно выделяется ряд типов. Смена неолита энеолитической культурой показывает также, как параллельно с оформлением нового населения постепенно стирались различия между культурой племен континента и островов, все яснее обозначались общие черты, воспринятые от Китая.

Понятно, что преобразование туземной отсталой культуры Японских островов, в той или иной степени охватившее все острова, кроме Хоккайдо, полнее и быстрее происходило на юге, медленнее на севере, где дольше сохранялись следы каменного века. Мостом, соединявшим Японские острова с материком, были крайний с юга остров Кюсю и сопровождающие его мелкие острова. В ясную погоду с южного побережья Кореи хорошо виден остров Цусима, а с Цусимы всегда видны мелкие острова, лежащие перед Кюсю. Здесь пролегли древнейшие пути, связывавшие островной мир Восточной Азии с центром распространения памятников энеолитической яйои-культуры. Отсюда она распространяется в другие области, охватывая все новые районы.

Распространение новой, энеолитической культуры далеко не везде шло мирным путем, скорее наоборот. Об этом можно судить знакомясь с археологическими источниками и с письменными документами, отражающими жизнь носителей энеолитической культуры и их дальнейшую историю. Именно у них впервые (гораздо раньше, чем у соседей) выделяется родовая знать. Китайские документы говорят даже о существовании «княжеств». На самом деле это были не княжества, а родовые группы во главе с военными вождями из числа знати, ибо первоначальных «княжеств» было не меньше, чем соответствующих родовых групп. Китайцы сами писали, что «в области моря Ло-Лан живут люди Во, разделенные на сотню государств». С течением времени карликовые «княжества-роды» объединяются в более крупные, а стоящие во главе их военные вожди иногда даже получают от китайских императоров титулы «королей». Например спустя всего один-два века после того, как были совершены погребения в двойных урнах близ Окамото, эти земли уже упоминаются китайскими летописями под именем королевства Идо, На, или Матсура.

В анналах младшей Ханьской династии упоминается, что в 57 г. н. э. посланник земли Идо явился ко двору императора и получил от него

печать. В 1784 г. на территории древнего Идо (в Коносаки, пров. Ти-кудзэн) крестьянин нашел золотую печать с надписью «Хань королю страны Идо». Это и была, очевидно, печать, полученная посольством 57 г.

Ведя бесконечные войны, князья и «короли» юго-запада стремятся к подчинению соседних с ними племен, к захвату их богатств и земель. Это облегчалось тем, что изолированные от прямого воздействия Китая племена юга и севера развивались медленнее, а вследствие этого у них дольше сохранялись пережитки неолитической техники и первобытно-общинные связи, основанные на коллективном производстве и кровном родстве. Пользуясь превосходством боевой техники, племена юга во главе со своими князьями начинают проникать в соседние области. В древнейших письменных источниках (7—8 веков спустя) все воспоминания об этом продвижении были связаны с личностью мифического первого «земного» императора Дзимму Тенно, перешедшего якобы с Кюсю на главный остров в провинцию Ямато. В этих же источниках находит отражение и дальнейшая многовековая ожесточенная борьба с более отсталыми насельниками севера («эбису», «эзо») и отчасти юга («кумасо», «хаято»). В борьбе счастье не всегда было на стороне захватчиков. Племена севера издавна славилась своей храбростью. По словам Неси Хиронори, северные племена «по нравам были смелы, сильны, склонны к разбоям, искусны в стрельбе из лука, быстры в движениях, выше всякого сравнения». В 1656 г. иезуит Фроз писал, что народ этот «храбр на войне, и японцы его очень боятся». Даже названия южан «кумасо» и «хаято» содержат понятия дикости и мужества.

Восстания хаято отдельными вспышками длились до самой середины VIII в. (730 г.). В то же, примерно, время (712 г.) треть главного острова еще целиком находилась в руках эбису. Но все же впоследствии и наиболее сильные племена севера или целиком истребляются, или частью оттесняются все дальше и дальше на северо-восток, где от них произошли современные айны, или же ассимилируются захватчиками.

Одновременно в процессе этой борьбы завершилось формирование японской народности.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА⁵

- Die Ainu. Japans Urbevölkerung. Die Woche, Jahrgang 34, 1932.
- A k a b o r i E. On the relations between types and materials of polished stone axes found in Japan (Japan. text). The Journal of the Anthropological Society of Tokyo, v. XLVI, Tokyo, 1931, pp. 81—89.
- Local differences of chipped stone arrowheads in Japan (Japan. text, English résumé). The Journal of the Anthropological Society of Tokyo, v. XLVI, Tokyo, 1931, pp. 161—181.
- А н у ч и н Д. Н. Материалы для антропологии Восточной Азии. I. Племя айнов. Труды Антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. XX, кн. 1, вып. 1. Протоколы заседаний Отдела с 3 ноября 1865 по 13 мая 1875 г. Под ред. Н. Г. Керцелли и Д. Н. Анучина, 1876 г. 4 таблицы рисунков (типы и череп айнов).
- B ä l z E. Referat über Vortrag von E. Bälz: Die Steinzeit und Vorgeschichte Japans (Württembergischer Anthropologischer Verein, 13 Jan. 1906). Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Bd. 37, 1906, S. 65.
- Zur Rasse der Japaner und Koreaner. Verhandlungen der Gesellschaft Deutscher Naturforscher und Ärzte, 78. Versammlung, T. 2, 1907, S. 211.
- Zur Vor- und Urgeschichte Japans. Ztschr. für Ethnologie, Bd. 39, Berlin, 1907, S. 281—310.

⁵ Библиографический аппарат к этой работе был утрачен во время войны. Данный список главных литературных источников по затронутым в ней вопросам составлен вновь при содействии Н. А. Береговой.

- Prehistoric Japan. Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for 1907, Washington, 1908, pp. 523—547 (Перевод «Zur Vorgeschichte Japans, 1907»).
- de Banse mont G. Les origines du peuple japonais. La Revue, v. 26, 1916, № 23/24, pp. 703—707.
- Batchelor John. The Ainu of Japan. London, 1892.
- The Pit Dwellers of Hokkaido and Ainu. Place Names considered. 1925.
- Baudouin M. Discussion sur les mégalithes funéraires japonais et sur ce qu'ils prouvent. III Congrès Préhistorique de France, Autun, 1907, Paris, 1908, pp. 478—480.
- Bénazet A. Le Japon avant les Japonais: étude d'ethnographie et d'archéologie sur les Ainou primitifs. Paris, 1911.
- Biasutti R. Contributi all'antropologia e all'antropogeografia dei popolazioni de Pacifico settentrionale. Archivio per l'Anthropologia e l'Etnologia, v. 40, 1906, pp. 51—96.
- Bishop C. W. The historic geography of early Japan. The Geological Review, v. XIII, January 1923, No. 1.
- The historical geography of early Japan. Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for 1925, Washington, 1926, pp. 547—568.
- Ble y h œ f f e r B. Der Ursprung der Japaner. Ztschr. «Daheim», 61. Jahrgang, 1925, No. 38.
- Богачевский Б. Л. Археология на службе у японского империализма. Сообщения ГАИМК, № 5—6, 1932, стр. 7—20.
- Техника первобытно-коммунистического общества. История техники, т. I, ч. I. Труды Института истории науки и техники АН СССР, Сер. IV, вып. 1, М.—Л., 1936.
- Bryan J. Ingram. The Origin of the Japanese Race. Transactions and Proceedings of the Japan Society, v. 22, London, 1925, pp. 90—105.
- Chamberlain A. F. The Japanese Race. Journal of Race Development, v. 3, pp. 176—187.
- Chamberlain B. H. The language, mythologie and geographical nomenclature of Japan, viewed in the light of the Ainu studies. Tokyo, 1887.
- «Ko-ji-ki or Records of Ancient Matters», translated into English by B. H. Chamberlain. 2. Edition. With notes by the late W. G. Aston, an index of names and places and bibliography of books of the Ko-ji-ki written since 1883. Kobe: J. L. Thompson & Co.; London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., LXXXV, 1932.
- Conrad y A. Zur Frage nach Alter und Herkunft der sogenannten japanischen Dolmen. Ostasiatische Ztschr., Bd. 4, 1915—1916, S. 229—247.
- Findeisen Hans. Die Ainu. Geschichte des Kunstgewerbes aller Zeiten und Völker, Bd. 4, Berlin, 1930, S. 44—47.
- Franks A. W. Notes on the discovery of stone implements in Japan. International Congress of Prehistoric Archaeology, 1868, p. 258.
- Gowland W. The dolmens and burial mounds in Japan. Archaeologia, v. V. London, 1897, pp. 439—524.
- Hagen K. Japanische Grabgefäße. Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Bd. 48, 1917, S. 70—73.
- Zur japanischen Vorgeschichte. Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Bd. 48, 1917, S. 70—73.
- Haguenauer M. C. Two lectures on prehistoric and protohistoric Japanese civilisation. I. Development of early Japanese civilisation. What do we know about the origin of the Japanese. Tokyo, Maison Franco-Japonaise, 1931.
- Hamada Kōsaku. Corpus of the Yaoishiki pottery. Reports upon Archaeological Research in the Department of Literature, Kyoto Imperial University, v. 3, 1916.
- Report of the excavation of a neolithic site at Kō in the prov. of Kawachi (Japan. text, English résumé). Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 2, 1918.
- Second excavation at Kō, a neolithic site in the province of Kawachi (Japan. text, English résumé). Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 4, 1920.
- Excavation of the shell-mound at Idzumi in the province Satsuma. Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 6, 1921.
- A prehistoric site at Ibusuki in the province of Satsuma and the pottery found in it (Japan. text, English résumé). Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 6, 1921.
- Hamada Kōsaku and Shimada Sadahiko. Ornamented Tombs in Kiūshū. Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 3, 1916.
- Hamada Kōsaku, Shimada Sadahiko, Umehara Sueji. Studies on the sites and remains of the ancient bead-workers in the province of Idzumo. With tables of the specific gravity of Jade Magatama and other beads found in Japan and in Korea. Appendix: Corpus of the polished stone arrow-

- points and daggers, discovered in Japan. Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 10 (English and Japan. texts). Tokyo, The Tôkô-shoin, 1927.
- Ha m a d a K ô s a k u, U m e h a r a S u e j i. Ancient sepulchre at Midzuo, Takashima-gun in the province of Omi (Japan. text, English résumé). Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 8, 1923.
- H a r a K. Histoire du Japon des origines à nos jours. Bibliothèque historique, Paris, 1926.
- H a s e b e K o t o n d o. Study upon the human bones found at Kô in the second excavation (Japan. text, English résumé). Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 5, 1919/1920.
- The Excavation of the shell mounds at Tsukumo, a neolithic cemetery in the province of Bitchû. Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 5, 1919—1920.
- Ein Beitrag zum Rassenunterschied der Scapula (mit Rücksicht auf die Scapula der Steinzeitmenschen Japans). Arbeiten aus dem Anatomischen Institut der Kaiserlich-Japan. Universität in Sendai, Nr. 6, 1921, S. 7—14.
- On the shells, animal bones and human remains, found in the shell mound at Idzumi. Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 6, 1921.
- Japans Zahnverstümmelungsformen bei den Steinzeitmenschen. Arbeiten aus dem Anatomischen Institut der Kaiserlich-Japan. Universität, Sendai, Heft 11, 1924, S. 61—106.
- H a u s c h i l d M. W. Vorgeschichtliche Skelettfunde in Japan und deren Bedeutung für die Ainofrage. Vortrag am 17. Mai 1924 vor der Anthropologischen Gesellschaft zu Berlin.
- H i g u c h i K. Über die neugefundnen Muschelhaufen Mori unweit von Takada, Province Bungo, Kyushu. Ztschr. für Praehistorie (Shizengaku Zasshi, Tokyo), Jahrgang 3, 1. (40 S. japanisch, 6 S. deutscher Auszug).
- I i j i m a J., S e s a k i C. Okadaira shell-mound at Hitachi. Memoir of the Science Department in Tokyo Imperial University, Tokyo, 1883.
- J o y c e T. A. Note on prehistoric pottery from Japan and New Guinea. Journal of Anthropology. Institute of Great Britain and Ireland, v. 42, 1912, pp. 545—546.
- К а р а р о в Е. Новейшие теории происхождения айну. Советский Север, 1931, № 1, стр. 170—173.
- K a n a s e k i T a k e o, T a k e o T a b a t a. Über die Körpergrösse des Tsukumo-Steinzeitmenschen Japans. Folia anatomica japonica, Bd. 8, 3/4, 1930, S. 265—282.
- K a n d a T. Notes on the ancient stone implements of Japan. Tokyo, 1884.
- K a t s u n u m a S e i z o, K a t s u n u m a R o k u r o. On the bone-marrow cells of man and animal in the Stone Age of Japan. Proceedings of the Imperial Academy of Japan, v. 5, 1929, pp. 388—389.
- K i s h i n o u y e K a m a k i c h i. Prehistoric fishing in Japan. Journal of the College of Agriculture, Imperial University of Tokyo, v. II, 7, Tokyo, 1911, pp. 327—382.
- K i y o n o K., S a k a k i b a r a M., H a m a d a K., S h i m a d a S. Excavations of the shell-mound at Tsukumo in Bitchû. Excavation of the shell-mound at Todoroki in Higo. Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 5, 1920.
- K o g a n e i I o s h i k i j o. Über die Urbewohner von Japan. «Globus», 1903.
- Urbewohner von Japan. Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens, Bd. IX, H. 3, 1903.
- Über die künstliche Deformation des Gebisses bei den Steinzeitmenschen Japans. Mitteilungen der Medizinischen Fakultät der Kaiserlichen Universität zu Tokyo, v. XXVIII, H. 3, Tokyo, 1922, S. 430—485.
- Bestattungsweise der Steinzeitmenschen Japans. Ztschr. für Ethnologie, Bd. 55, Berlin, 1923, S. 166—200.
- Zur Frage der Abstammung der Aino und ihre Verwandtschaft mit anderen Völkern. Anthropologischer Anzeiger, Stuttgart, Bd. 3, 1927; Bd 4, 1928.
- K ü h n H e r b e r t. Prähistorische japanische Zeichnungen. Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst («PEK»), Bd. 3, 1927, S. 199 (nach Kenji Takahashi «On the primitive painting of Japan in the ancient times», «Kokka», № 416, 418, 420, 1925).
- M a e d a F. Japanische Steinzeit. Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens, Bd. XIV, T. 2, Tokyo, 1913, S. 156—170.
- Nachträgliche Erläuterungen zu den Tafeln 3, 7 in Band XIV, T. 2 «Die Japanische Steinzeit». Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens, Bd. XIV, T. 3, Tokyo, 1913, S. 269—271.
- M a s a o O k a. Das Problem der Kultur der Nord-Cuischima (Kurilen). Congrès International des sciences anthropologiques et ethnologiques. Compte Rendu de la deuxième session, Copenhague, 1939.

- Matsumoto Nobuhiro. Notes on the stone age people of Japan. *American Anthropologist*, v. 23, New York, 1921, pp. 50—76.
- Le Japonais et les langues austroasiatiques. *Austro-Asiatica. Documents et travaux*, 1, Paris, 1928.
- Meier Fr. Künstliche Deformation des Gebisses bei den Steinzeitmenschen Japans. *Deutsche zahnärztliche Wochenschrift*, Bd. 28, 1925, S. 283.
- Milne J. Notes on stone implements from Otaru and Hokodate, with a few general remarks on the prehistoric remains of Japan. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. VIII, Yokohama, 1880, p. 83—119.
- Notes on the Koro-Pok-Guru, or Pit-dwellers of Yezo and the Kurile Islands. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. X, 2, Yokohama, 1882.
- The stone age in Japan. *The Journal of the Anthrop. Institute of Great Britain and Ireland*, vol. X. London, 1931.
- Montandon George. Au pays des Aïnou. *Exploration anthropologique*, Paris, 1927.
- Aïnou, Japonais, Bouriates. *L'Anthropologie*, v. 37, Paris, 1927, pp. 97—124, 329—354.
- La civilisation Aïnou et les cultures actuelles. Paris, 1937.
- Morse E. S. Shell mounds of Onori. *Memoir of the Science Department*, Tokyo Imperial University, v. 1, 1, Tokyo, 1879, pp. 1—36.
- Munro N. Gordon. Primitive Culture in Japan. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. 34, Tokyo, 1906, p. 2.
- Prehistoric Japan. Yokohama, 1908; 11 Ed., Yokohama, 1911.
- Reflections on some European paleoliths and Japanese survivals. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. XXXVII, 1, Yokohama, 1909, pp. 125—158.
- Some origins and survivals. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. XXXVIII, 3, Tokyo, 1911, pp. 1—74.
- Ainu neolithic implements. *Nature*, v. 120, London, 1927, p. 312.
- Murdoch James. A History of Japan. V. I. From the origins to the arrival of the Portuguese in A. D. 1542. London, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1926.
- Nagai. Die Urbewohner Japans. Vortrag im Anthropologischen Verein zu Göttingen 21 Febr. 1906. *Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, Bd. 37, Braunschweig, 1906, S. 70—74.
- Nachod Oskar. Bibliographie von Japan, 1906—1932. Bd. I—IV, Leipzig.
- Nachod O., Wedemeyer A. Japanische Frühgeschichte. *Asia Major*, Bd. 7, Leipzig, 1930, S. 490—508.
- Nakaya Jiujiro. A study of the stone age remains of Japan (Japan. text, English résumé). *Papers of the Anthropological Institute. College of Science, Tokyo Imperial University*, № 4, Tokyo, 1927.
- Contribution à l'étude de la civilisation néolithique du Japon, touchant particulièrement les domaines de distribution et de civilisation. *Revue des arts asiatiques*, v. 6, 1929/1930, pp. 151—167.
- Manuel de l'âge de pierre au Japon, Tokyo, 1929.
- L'âge de pierre au Japon. *Formes IV*, Paris, 1930, p. 9—11.
- Figurines néolithiques au Japon. *Documents II*, 1, Paris, 1930, pp. 25—32.
- Introduction à l'étude des figurines néolithiques au Japon (Résumé). *Bulletin de la Société préhistorique Française (Les Mans)*, № 9, 1930.
- Introduction à l'étude des figurines de l'âge de pierre au Japon. *Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst («JPEK»)*, Berlin, 1930, S. 19—30.
- Catalogue of works relating to the stone age of Japan (in foreign languages) 1868—1927. Reprinted from *Bibliography on the Stone Age of Japan*, Tokyo, 1930.
- Contribution à l'étude de la civilisation néolithique du Japon. *Revue des arts asiatiques*, Paris, 1930, pp. 151—167.
- Nora N. On the discovery of palaeolithic relics in the province of Harima (Japan. text). *The Journal of the Anthropological Society of Tokyo*, v. XLVI, Tokyo, 1931, pp. 155—165, 212—228.
- Onder de oorspronkelijke bewoners van Japan. *Revue van Uitvindingen*, 2, 1906, 81—88.
- Oyama K. The Crown Prince of Sweden visits the shell mounds of Ubayama, Shimosa (Japan. text). *Journal of Anthropological Society of Tokyo*, v. XLI, Tokyo, 1926, p. 552.
- Ausgrabungsbericht über die Muschelhaufengruppe Kaizuka, beim Dorf Yaschibumi, Province Chiba, Tokyo, 1929 (23 S. japan., 4 S. — deutsches Résumé. Sonderdruck).
- Korekawa Funde vom Korekawa, einer charakteristischen steinzeitlichen Station vom Kama-ga-oka Typus der Nord-Ost-Jomon Kultur. *Ztschr. für Prähistorie (Shizengaku Zasshi; Tokyo)*. Bd. 2, 4, 1930 (31 S. deutscher und 47 S. japan. Text).
- Yayoi-Kultur. Eine prähistorische Kultur der japanischen Inseln. Jubiläumsband herausgegeben von der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens Teil I, Tokyo, 1933, S. 127—134.
- Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношениям к матерiku Азии и России, Токио, 1909.
- Поливанов Е. Д. Одна из японо-малайских параллелей. *Азиатский сборник*, Петроград, 1918.

- Поляков И. С. Отчет об исследованиях на острове Сахалине, в Южно-усурийском крае и в Японии. Приложение к XLVII тому Записок Академии Наук, № 6, СПб, 1884.
- Read H. Far Eastern archaeology. *Antiquaries Journal*, v. 2, 1922, pp. 177—192.
- Rehlen W. Vorgeschichte aus Japan. *Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnographie und Urgeschichte*, Bd. 44, 1913, S. 88—89.
- Schnell Ivar. Prehistoric finds from the Island World of the Far East, now preserved in the Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm. *The Museum of Far Eastern Antiquities (Östasiatiska Samlingarna)*. Bulletin No 4, Stockholm, 1932.
- Schmidt H. Prähistorisches aus Ostasien. *Zeitschrift für Ethnologie*, B. LVI, 1926, pp. 133—157.
- Schurhammer G. Der erste Bericht über die Ainu in Nordjapan. *Die katolischen Missionen*, 1926, S. 189.
- Shibata. Caverns recently discovered at Unamimura in the province of Etchu (Japan. text). *Journal of the Anthropological Society of Tokyo*, v. XXXIII, Tokyo, 1918.
- Shimada Sadahiko. Studies on the prehistoric site at Okamoto Suku in the province of Chikuzen (Japan. text, English résumé). *Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University*, v. XI, 1930.
- Shimada S., Hamada K. Excavations of the shell mound at Idzumi in the province of Satsuma (Japan. text, English résumé). *Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University*, v. XI, 1930.
- Shimada Sadahiko, Umehara Sueji: 1) S. Shimada. Studies on the prehistoric sites of Okamoto Suku in the province of Chikuzen; 2) S. Umehara. Essais on the ancient mirrors from Suku; 3) Appendix: Tanerobu Aoyagi. Illustrated description of ancient objects, found at Mikumo village, Idogun in Chikuzen province. *Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University*, v. II (pp. 1, 115, 36 — Japan. text; p. 28 — English text), 1928—1930.
- Siebold H. von. Notes on Japanese Archaeology with special reference to the stone age, Yokohama, 1879.
- Simon E. Ein Hagatograb bei Kokubu (Osumi). *Deutsche Japan. Post*, Bd. 12, 1913—1914, S. 1027—1029.
- Simotomai H. Die diluviale Eiszeit in Japan. *Ztschr. der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin* 1914, Berlin, 1914, S. 56—59.
- Штернберг Л. Я. Айнская проблема. *Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР*, т. VIII, Л., 1929.
- Sternberg L. The Ainu Problem. *Anthropos*, v. 24, 1929, pp. 755—799. (австро-незийское происхождение айну).
- Stübe R. Ursprung des japanischen Volkes und die Anfänge seiner Kultur. *Natur*, Bd. 7, 1915, S. 23.
- Suzuki, Buntarō. On the human skeletons found at Kō, Kawachi and at Todoroki, Higo, with some remarks on the stone age people in Japan. *Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University*, v. 2, 1918.
- The Dolmens of Japan. *Japan Magazine*, v. 3, 1912—1913, pp. 494—504.
- Toki R. On the distribution of shell-mounds in the Kwanto district from the viewpoint of geomorphology (Japan. text). *Journal of the Anthropological Society of Tokyo*, v. XLI, Tokyo, 1926, pp. 488—552.
- Torii R. On the stone age of Japan. *Early Man*. Edited by McGurdy, 1937.
- *Études archéologiques et ethnologiques. Les Aïnou des îles Kouriles*. *Journal of the College of Science, Imperial University of Tokyo*, v. 42, art. 1, 1919.
- Трофимова Т. А. К айнской проблеме. *Антропологический журнал*, № 2, 1932.
- Umehara Sueji. Neolithic site at Kishi and Takayasu. *Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University*, v. 2, 1918.
- Verdross Edler von Drossberg. Ursprung und Elemente der japanischen Nation. *Eine kulturvergleichende Studie. Asien*, Bd. 11, S. 183—184; Bd. 12, S. 5—8; 1911/1912, 1912/1913.
- Verworn M. Ohne Titel. *Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie*, Bd. 39, 1908, S. 55 (Mitteilung über eine als grabbeigabendienende Terakottafiguren «Naniwa»).
- Wedemeyer A. Japanische Frühgeschichte. *Untersuchungen zur Chronologie und Territorialverfassung von Altjapan bis zum 5. Jahrh. nach Chr.*, Tokyo. *Deutsche Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens*, Verlag Asia Major, Leipzig, 1930. *Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens*, Suppl.-Bd. II, 24.
- Yagi S. Anthropological notes taken during a journey in northern part of Japan. *Journal of Anthropological Society in Tokyo*, v. 15, No. 163, October 1899.
- Yonemura Kioe. Notes on burials found in the shell mounds of Moyori, Hokkaido. *Journal of Anthropological Society*, v. 50, No. 568, pp. 47, 56 (Japan. text), Tokyo, 1935.

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТНОНИМЫ АЗИИ И НАЗВАНИЯ ЭВЕНКИЙСКИХ РОДОВ

Названия эвенкийских родов довольно многочисленны; пока из различных источников и расспросов их выявлено более 200. Большинство из них позднейшего происхождения и связано с небольшими группами эвенков. Ряд названий отмечается среди большинства тунгусо-манчжурских народностей; часть этих названий встречается и среди народностей других языковых групп. Рассмотрению некоторых названий эвенкийских родов и посвящается наша статья.

Этимологизирование названий и объяснение происхождения их мы имеем как со стороны самих носителей, так и со стороны исследователей. Носители позднейших по происхождению названий рассказывают предания о происхождении рода, вскрывая тем самым и их значение. Это характерно для эвенков бассейна Енисея. Другие, по традиции, установившейся в данном районе, пользуясь сходством названия со словами современного языка, создают этимологические предания и мифы. С этим явлением мы встречаемся в ряде мест и особенно среди тунгусских народностей бассейна Амура, где постоянно происходили мелкие передвижения и смешения родов.

Исследователи обычно разлагают названия на корни и суффиксы, сопоставляют последние с суффиксами современного языка и строят выводы об историческом расселении племен¹. С рассмотрения названий с морфологической точки зрения начнем и мы. Все названия могут быть разделены на две группы: 1) состоящие из двухслогового корня, 2) состоящие из корня и суффикса принадлежности к родовой организации. Первые в большинстве случаев оканчиваются на гласный звук, например: *Бута*, *Кему*, *Кима*, *Чемба*, *Чолко* и др. Первоначально наиболее древние из них оканчивались на -н (опускание и сохранение конечного н корня и суффиксов широко распространено в языках алтайских народов). Это явление прослеживается на одном и том же названии, записанном в разное время. Например: *Чердун*'ский, а с переходом конечного -н в йот перед полным исчезновением его — *Чердуй*'ский (перепись 1897 г.) и, наконец, с опущенным конечным -н и с суффиксом мн. ч. -т. *Черду-т*'ский. *Донго* — родовое название, распространенное на правых притоках р. Олекмы (мн. ч. *Донго-л*), но наряду с этим встречается вариант *Донгой* (мн. ч. *Донгои-л*) и вариант с более ранним суффиксом мн. ч. — *Донго-т*. Название тунгусского племени *Килен* одновременно употребляется и в усеченной форме — *Киле*. *Шаман*'ский род отмечен в XVII в.; при наращении суффикса принадлежности к родовой организации конечный -н опустился — *Шама* (н) + *гир* но в среду нанаев это название попало в форме мн. ч. *Сама-р* (суфф. -р добавляется только к словам, оканчивающимся на -н, заменяя последний). В ряде случаев мы имеем одно и то же название без суффикса и с суффиксами при-

¹ Например, название *эдян* и *долган* толкуют как «низовские» и «жители среднего течения», приурочивая их к р. Лене. См. подробнее Е. И. Убрятова, О языке долган. Рукопись. Архив ин-та языка и мышления АН СССР.

надлежности к родовой организации, например: *Инган*'ский и *Инга* + *кин*'ский, а также *Ингар* + *гир* (один из притоков Нижней Тунгуски), *Шолон*'ский и *Соло* + *гон*. Некоторые из названий сохранили конечный -н и сохранились без суффиксов принадлежности к родовой организации, например: *Эдян* ~ *Эджан*, *Делян* ~ *Джелан*, *Докан* и др.

Вторая группа названий с суффиксами принадлежности к родовой организации может быть подразделена по типу суффиксов на три подгруппы: 1) названия с наиболее ранним суффиксом, который вначале добавляется к племенным и родовым названиям, позже в ряде языков превратился в суффикс мн. ч., а именно, суффикс -т (-д)². В настоящее время суффикс -т в сознании носителей уже не имеет никакого значения, и множественное число таких названий образуется путем добавления суффикса, употребляемого в языке. Например: *Булдэ* + т, мн. ч. *Булдэ* + т-ы-л; *Бранга* + т, мн. ч. *Бранга* + т-ы-л; *Донго* + т, мн. ч. *Донго* + т-ы-л. К этой же подгруппе можно отнести и названия с суффиксом -р или -л. Хотя эти суффиксы и бытуют в языке как показатели мн. ч., но в родовых названиях они утратили свое значение и слились с основой. Например: *Де* + р, *Дже* + р, мн. ч. *Дже* + р-и-л; *Эгдырэ* + л (иногда: *Эгдылэ* + р), мн. ч. *Эгдырэ* + л-и-л (*Эгдылэ* + р-и-л); *Дало* + р, мн. ч. *Дало* + р-и-л.

Вторая подгруппа названий имеет суффикс принадлежности к родовой организации -ки (мужчина), -кишин ~ -шин (женщина). Названия с этим суффиксом сохранились на окраинах территории, занятой тунгусо-манчжурскими народностями. Среди эвенков — к западу от Енисея и в районе Подкаменной Тунгуски (нижнее течение) (*Бая* + ки, *Бая* + кишин); единичные случаи отмечены в Забайкалье (*Няма* + син'ский, *Уля* + син'ский). В XVII в. — в районе р. Охоты (*Челю* + шир'цы, *Инга* + кин'ский, *Баи* + шен'ский). На северо-востоке — среди эвенков и ламуто-юкагиров (*Баи* + шен'ский), на востоке — среди ульчей и ороков (*Бая* + у + ксе-ли, *Огды* + мсе + ли).

Третья подгруппа названий имеет суффикс принадлежности к родовой организации -гин || -ган (мн. ч. — более ранние формы: -гир, -гар, а более поздние и в массе — современные: -гир-и-л, гар-и-л). Суффикс -гин как и суффикс -кишин, первоначально выражал принадлежность к родовой организации женщины, что и сохраняется у отдельных групп эвенков по настоящее время. Например: *Бая* + ки «мужчина из рода Бая», *Бая* + кишин «женщина из рода Бая», *Кима* «мужчина из рода Кима», *Кима* + гин «женщина из рода Кима» (мн. ч. *Бая* + ки-л, *Бая* + кишир, *Кима*-л, *Кима*-гир). Но в преобладающем большинстве названий мы имеем суффикс -гир, в котором конечный -р уже не осознается как показатель мн. ч. Поэтому следует дальнейшее, вторичное наращение суффиксов. Например: *Путу* + гир «мужчина из рода Путугир», а не *Путу*, как было раньше, и *Путу* + ги-мни ~ *Путу* + ги-мнгу «женщина из рода Путугир» (мн. ч. в таких случаях — *Путу* + гир-и-л, *Путу* + ги-мни-л). Суффикс -ган (мн. ч. -гар) является синонимом суффикса -гин. Например: *Нина* + ган, *Соло* + гон, *Уя* + ган, *Нюрма* + ган'ский и др.

На суффиксе -ган следует остановиться. В современном языке такой же суффикс имеет значение признака по месту жительства; например, *аги-ган* «таежный житель», *бира-ган* «приречный житель», «поречанин». Этот момент давал повод к объяснению ряда названий: *Эдян* < *Эди* + *гэн* «низовской», *Дол* + ган «со среднего течения», *Соло* + гон «верховской». Дальше эти названия связывали с рекой, где в какое-то историческое время проживали носители этих названий (правда, всех трех

² См. подробнее об этом суффиксе в моей работе «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов». Рукопись Архива ин-та этнографии АН СССР.

пока ни на одной реке не отмечено). Объяснять суффикс *-ган* из современного языка, как нам кажется, нельзя. Названия, включающие его, встречаются, во-первых, в самых различных местах, во-вторых, и в иноязычной среде. В частности этнонимы с суффиксом *ган* || *-гон* || *-гун* отмечаются среди монгольских и тюркских народностей (как с суфф. мн. ч. *-т* ~ *-д*, так и без него).

Бул + га + т — название группы северных бурят. «Большинство бурятских родов ведет свое происхождение от двух братьев: Булгата и Ихирита»³. *Буда + ган* — название рода очеульских бурят⁴. *Була + га + т* — название рода баргузинских бурят; *Бар + гу + т* — название монгольского рода⁵. *Манк + гу + т* — старый отпрыск монгольского рода Кият-Борджи-гин⁶. *Епке + гу + т* — название монгольского рода⁷. *Хата + гин* ~ *Хата + кин* — племенное название монгол⁸. Среди якутов мы имеем: *Боро + гон'*ское — племя, жившее по рр. Татта и Амга в XVI в.; *Малья + гир'*ская, *Мен + гин'*ская — волости, отмеченные в XVII в.⁹ Среди алтайцев отмечено родовое название *Кер + гил*¹⁰. Перепись 1897 г. отметила в Ачинском районе тюркское название *Баса + гар*.

В подтверждение того, что эти окончания названий родов в разных языках выражают одно и то же, приводим аналогии в других случаях в словообразовании:

эвенкийский	монгольский
дев-гэ «еда»	иде-ген «еда»
напта-га (н) «плоский»	халта-гар «плоский»
дулу-гу «средний»	хата-гу «твердый»
кэсэ-ги- «мучать»	дзоба-га- «мучать»

Наличие подобных фактов в языках позволяет относить происхождение суффиксов принадлежности к родовой организации *-гин*, *-ган* к периоду тунгусо-монгольских связей. В тунгусоязычной среде названия с суффиксом *-гин*, *-гир* преобладают и имеют широкое распространение (у эвенков, эвенов, негидальцев, солонов), но наряду с этим встречаются и названия с суффиксом *-ган*.

Наличие в тунгусоязычной среде двух типов выражения принадлежности к родовой организации (*-кишин* и *-гин*), а также сохранение названий с суффиксом *-кишин* на окраинах и, наоборот, широкое распространение названий с суффиксом *-гин*, *-гир* говорит о том, что они первоначально были характерны для двух племенных групп: суффикс *-кишин* для западной, прибайкальской, говорившей на *ш*-диалекте¹¹, суффикс *-гин* — для восточной, забайкальской, говорившей на *с*-диалекте.

Этим объясняется и тот факт, что мы имеем два синонимичных суффикса *-гин* и *-ган* в эвенкийском языке. В Забайкалье (начиная с железного века) происходила смены племен и связей между тунгусскими, тюркскими и монгольскими племенами. «Самую плодородную полосу нагорья была северная местность по рекам Селенга, Толе и Орхону, — пишет Д. Позднеев; — сюда всегда стремились сильнеешие из кочевни-

³ П. Петри. Элементы родовой связи у бурят. Иркутск, 1924, стр. 3.

⁴ П. Петри. Территориальное родство у северных бурят. Иркутск, 1924.

⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 60.

⁶ Там же, стр. 92.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 91, 94.

⁹ С. А. Токарев. Общественный строй якутов. Якутск, 1945.

¹⁰ Л. Каруновская. Представление алтайцев о вселенной.

¹¹ См. подробнее о *ш*- и *с*-диалектах древних тунгусских языков и о их роли в образовании языков тунгусо-манчжурской группы мою работу «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов». Архив Ин-та этнографии АН СССР.

ков, здесь происходили и важнейшие битвы. Понятно, как часто возникали из-за него племенные междоусобные войны»¹².

Тунгусские племена *с*-диалекта жили по соседству с районом, где в течение многих веков менялись тюркские и монгольские племена. Это соседство не могло быть без связей как языковых, так и других. Связи отразились не только в языках, но и в общих родовых названиях и, как мы видели выше, в общем суффиксе принадлежности к родовой организации.

Значение принадлежности женщины к родовой организации, сохранившееся до нашего времени в говорах отдельных групп эвенков, и выражение его суффиксом *-гин* (*кима* + *гин* букв. «кима + женщина») позволяет обратиться к работе Н. Я. Марра¹³, в которой он анализирует шумерское слово *geme* → *gem* «женщина», «девушка». «И вот сванское *kel* мы имеем в полном виде в шумерском *kel* (пишется *kiel*) в значении «женщина» с озвончением *k* → *з* и с утратой плавного в виде *ge* в составе скрещенного *ge* + *m'e* «женщина»; ближайшее соответствие этому термину он находит в языке енисейских остяков-кетов *qem* → *qim*».

Если Н. Я. Марр в указанном корне (*ge* → *gl*) с утратой плавного в исходе видит слово «женщина» яфетических, шумерского и кетского языков, то *-гин* эвенкийского языка в значении «женщина» имеет и «плавный в исходе». Сохранение этого элемента в языках различных систем и различных исторических периодов — не случайное совпадение звучаний, поскольку имеются не только значительное количество слов, но и морфолого-синтаксические явления, общие по выражению и по значению. Этот факт говорит о глубокой древности появления суффикса *-гин* || *-ган*, первоначально бывшего самостоятельным словом в значении «женщина».

Рассмотрим современные родовые, раньше племенные названия, которые обычно толкуются как «низовской», «со среднего течения», «верховской», а именно — названия *эден* ~ *эджен*, *долган* || *дулган*, *солон*.

Эден ~ *эджэн* ~ *эджан* — название эвенкийского рода, распространенное на территории Якутии и Дальнего Востока (Приамурье, Охотское побережье и о. Сахалин). *Эжан*'цы неоднократно упоминаются в отписках казаков XVIII в. Это название на указанной территории впервые упоминается в XII в. При первом джурдженском императоре Агуде Охотское побережье заселяли дикие люди *эжень*. Среди долган и эвенов (ламутов) *Эдян* ~ *Эжан* — одно из наиболее распространенных родовых названий. Сами долгане объясняют его следующим образом: братья разделили птицу; съевший голову *дылма* стал называться *килмагир*, съевший бока *эджекей* стал называться *еджен*, съевший мышцы живота *дуланг* стал называться *дулган*. Они и дали начало названиям этих родов¹⁴.

Надо отметить, что в эвенкийской среде широко распространен сюжет деления птицы и ее оперения между братьями при выделении членов рода в самостоятельные роды. В каком-то случае названия частей птицы, вероятно, и были основами для образования названий новых родов. Но в данном случае мы имеем только готовый сюжет, приуроченный к объяснению происхождения рода.

Среди нанаяв имеется род *Одзял* (нанайскому языку свойственно опускание конечных сонантов в общетунгусских словах; *-л*, суффикс

¹² Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. Петербург, 1899, стр. 65.

¹³ Н. Я. Марр. От шумеров и хеттов к палеоазиатам. Избранные работы, т. IV, стр. 194—195.

¹⁴ Е. И. Убрятова. Указ. соч.

мн. ч. *Одзя + л*). Этот род родственен ульческому роду *Удзял*. Ульчи относят происхождение этого рода к гольдам¹⁵. Исследовательница на-наев Липская связывает происхождение его и рода *Хэдзен* с *эжень*'ской группой джурдженей. Среди орочей самый большой род *Копинка* — сородичи гольдского рода *Оджал*¹⁶. Среди манчжур — *Убяла* — многочисленный род, место происхождения которого Широкогоров относит к Нингуте. Манчжуры отмечают многочисленность представителей этого рода среди корейцев и китайцев¹⁷.

Таким образом в тунгусо-манчжуроязычной среде мы имеем этноним *эджен* почти на всей территории расселения их, за исключением таежной зоны бассейна Енисея. Указание на то, что ульчский и ороческий роды вышли из нанайской среды, говорит о более позднем формировании указанных племен. Отсутствие этого этнонима на территории таежной зоны Енисея, упоминание его в XII в. на территории Охотского побережья, наличие его среди манчжур и нанаев говорит о появлении его на территории между Байкалом и Охотским морем, иными словами на территории *с*-диалектов древнетунгусского языка, которые были тунгусской основой всех языков тунгусо-манчжурской группы бассейна Амура. Но распространение его не ограничивается только тунгусоязычной средой. Мы встречаем его среди монгольских и тюркских народностей. *Уцзен* — одно из племенных названий монголов. Буссе считает *уцзен*'ов монгольским племенем, вошедшим в состав нерчинских тунгусов под предводительством князя Гантимурова¹⁸. Вопрос о родах, объединяемых Гантимуром, еще не выяснен. На западе у монголов Сань-чуана, смежного с Тибетом, отмечено самоназвание *эджен*. Сань-чуанцы окрестностей г. Боу-нань называют себя *эджени кунь* и *коджани кунь* (буквально «эджени люди» и «коджани люди»). Шираегуры называют себя *эджени монгол*, буквально «эджени монголы». А. О. Ивановский сближает язык широнголов с языком дагуров, представляющих собой омонголившихся эвенков¹⁹. В монгольском эпосе этноним *эджен* и *эдзен* входит в состав собственного имени Эдзен-Богдо, под которым в сказаниях иногда выступает Чингиз-хан²⁰.

Таким образом в монголоязычной среде мы имеем этот этноним на окраине и в эпосе, связанном с завоевателем Чингиз-ханом. Оба факта говорят о древности появления его в монголоязычной среде. Замечания А. О. Ивановского о языке широнголов не противоречат истине. Дагуры — это группы тунгусских родов, слившиеся с монгольскими и по языку омонголившиеся. Кроме того во время манчжурской династии в район б. Китайского Туркестана и в Илийский край были выселены для охраны границ знаменитые войска, по составу дагуры, солонь и онгкору. Записи языка онгкоров Илийского края, произведенные Муромским в экспедиции Клеменца в 1907 г., дают образцы одного из говоров эвенкийского языка, сохранившего значительно больше общностей, чем язык солонь Монголии, называющих себя эвенками. Язык онгкоров только испытал на себе влияние фонетики и лексики соседних языков. Эти моменты позволяют предполагать, что в состав монголов сань-чуанцев и широнголов вошли представители древнего тунгусского племени *эджен*.

¹⁵ Т. И. Петрова. Ульчский диалект. Л., 1935, стр. 9.

¹⁶ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи. Хабаровск, 1933, стр. 407.

¹⁷ S. M. Shirokogoroff. Social organization of the Manchus. Shanghai, 1924, p. 27.

¹⁸ Э. Буссе. Список слов бытового значения некоторых кочевых народов Восточной Сибири. Записки Русского Географического общества по отд. этногр., т. VI, 1880.

¹⁹ Г. Н. Потанин. Путешествия, т. I, СПб., 1893, стр. 410.

²⁰ Г. Н. Потанин. Восточные легенды, М., 1899, стр. 241.

В тюркоязычной среде мы встречаем этноним *езер* в XVII в. на территории киргизов (верховья Енисея): одно из четырех княжеств (племен) по левую сторону Енисея было *езер'ское*²¹. А китайские источники называют племя *эджи* — один из дулгасских аймаков на восточной стороне оз. Косогол в районе истоков Енисея. Бартольд относит это племя к туркам²².

Первое упоминание китайскими источниками этнонима *удзен* относится к V—VI вв. Это название заменяет более раннее *илоу*. Его проповодовали сопоставлять с *вэдзи* «жители лесов и кустарников». *Удзи* и *мохэ* по тем же источникам происходят из «царства Сушень». Они жили родовым бытом и занимались преимущественно охотой и рыболовством. Жилищем им были ямы с выходом кверху. По Иакинфу *удзи* — *уги*, их называли также *мохэ*. Их было всего семь поколений, расселенных на территории бассейна Амура.

Преобладающее распространение этнонима *эджен* ~ *удзин* среди тунгусо-манчжуроязычных народностей, начиная с VII в. и по настоящее время, вероятное вхождение древних тунгусов, носителей этого названия, в среду монголов (сань-чуаньцы и широнголы), наличие его среди тюркских народностей, связанных исторически с территорией, смежной с Забайкальем и верхним Приамурьем, позволяют отнести появление его к тунгусоязычной среде, откуда он проник и к тюркам Саянского нагорья в виде отдельных групп тунгусов *эджен*. Это подтверждается и фактами языка²³. Этот этноним несомненно древний, и нельзя объяснять его из данных современных языков.

Перейдем к рассмотрению второго этнонима, имеющего в корне *дул* || *дол*, *дун* || *дон*. Он сохранился среди следующих народностей: *Дол* + *ган* — название эвенских (ламутских) родов, вероятно, племени на территории Якутии и Дальнего Востока (Камчатка); *Дул-у* + *гир* — название эвенкийского (тунгусского) рода на территории Забайкалья и северо-восточной части Монголии; *Дул-а* + *р* ~ *Дул-а* + *т* — название эвенкийского (тунгусского) рода в Забайкалье (Читинская обл. 1897 г.); *Дул-а* + *р* — название солонского рода — эвенки Монголии; *Дол* + *ган* || *Дул* + *ган* — название оякученной группы эвенков в Таймырском округе; *Дун* + *нга*, *Дон* + *ма-л*, *Дунна* + *гир* — название эвенкийских (тунгусских) родов в Забайкалье (рр. Нерча, Витим, Тунгир) и в Приамурье; *Дон* + *нго* — название одного из долганских родов в Таймырском округе; *Дон* + *ка(н)* — название нанайского (гольдского) рода; *Дуон* + *ча* — название ульчского рода.

Таким образом этноним с корнем *дол* || *дул* распространен в тунгусоязычной среде на территории северной Якутии, Камчатки и на территории бассейна Амура и Забайкалья. Среди оякученных эвенков мы имеем этот этноним на западе — в тундрах Таймырского округа (надо добавить, что эвенки, ставшие оякученными долганами, пришли с Лены); на юге мы встречаем его на территории Монголии. Этноним с корнем *дон* || *дун* распространен от Забайкалья по Амуру на восток и на севере — в Таймырском округе.

В иноязычной среде мы имеем следующие названия родов: *Дон* + *кур* — название танну-тувинского рода в районе Кобдо; *Тон* + *га* + *т* — название сойотского рода²⁴.

В исторических источниках этноним с корнем *дул* упоминается с

²¹ В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 23.

²² Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., ч. I, 1851, стр. 445; В. В. Бартольд. Киргизы, Фрунзе, 1943, стр. 25.

²³ См. мою работу «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов».

²⁴ Письма Н. Ф. Катанова. Зап. АН 73, 1893, стр. 4.

II в. Н. А. Аристов, на основании именника болгарских князей, считает, что род *Дулу*, существовавший до н. э., во II в. вместе с гуннами откочевал из нынешней западной Монголии в Киргизскую степь. «А после распада царства Атиллы Дулу стали во главе той части болгар (союза гуннских отуреченных финно-угорских племен), которая основала болгарское царство за Дунаем». В V в. китайские источники упоминают *дулу* в числе гао-гуйских племен под именем *тулу* в западной части Монголии между Тянь-Шанем и Монгольским Алтаем. В VII в. по предположению Н. А. Аристова, «род Дулу первенствовал между тюркскими родами»²⁵. В VI в. было уже два племени *Дула* ~ *Тулэ* и *Дулга*. В 551 г. *тулэ*ский старейшина пошел войною на жужаней, но *дулга* + *с*'ский князек Тумынь разбил его в дороге и покорил весь аймак в 50 000 кибиток²⁶. В конце VI в. земли племен, объединенных под названием *дулга* ~ *тулга*, простирались от песчаной степи до Северного моря; *дулгас*'цы были скотоводами-охотниками²⁷. В VII—VIII вв. они двинулись в бассейн Байкала и вытеснили оттуда аборигенов²⁸. Потомки *дулга* вошли в образование монголов, джагатайцев, узбеков и казахов²⁹. Племя *Дулу* и *Нушеби* в VI в. жило в Восточном Туркестане по соседству с Западным тюркским каганатом³⁰. В XVI—XVII вв. часть *дулат*'ов под именем *долот* ~ *дологот* подчинена джунгарам, а в 1832 г. *Дулат*'ы ~ *Тулат*'ы составляли одно из поколений усунь.

В итоге нашего обзора приходим к следующему выводу: этноним с корнем *дул* || *дол* упоминается с перерывами, начиная с II в. по XIX в., на территории степной и пустынной зон Центральной Азии, следовательно, появление его относится к глубокой древности. Н. А. Аристов относит происхождение его к Алтаю. Потомки племен *Дулга* и *Дулу* вошли главным образом в состав тюркских и монгольских народностей³¹. В эвенкийской среде названия *Дулугир*, *Дулар* и другие отмечаются в отдельных случаях. Распространение всех этнонимов в тунгусоязычной среде связано с территорией на восток от линии Лена — Байкал. Но наличие этнонима *долган* || *дулган* в тундрах Якутии, на запад и на восток от них, среди народностей, уже отделившихся по языку от эвенков, позволяет считать, что данный этноним в отдаленном прошлом вошел в тунгусоязычную среду с юга. Сама территория его распространения (Приамурье и Якутия и отсюда дальше) позволяет думать, что он появился в тунгусоязычной среде на территории Забайкалья вместе с носителями его. Для того, чтобы *долган*'ы, став эвенками, ушли на север, где, ассимилировав аборигенов и соединившись с другими группами древних эвенков, дали начало племени с новым — эвенским — языком, потребовалось немало веков. Эти факты, как мы полагаем, достаточно ясно показывают, что объяснять название *долган* из эвенкийского языка, как «житель со среднего течения реки», никак нельзя.

Третий этноним *солон*, объясняемый обычно, как «верховской житель», отмечен преимущественно среди тунгусских народностей.

Эвенки. На территории Якутии и прилегающих с юга районов в росписи рек 1640—1641 гг. отмечена *Шелон*'ская волость (р. Витим, р. Мая). На Охотском побережье по р. Мотыхлее и на юге у р. Селимба

²⁵ Н. А. Аристов. Этнический состав киргиз-казахской большой орды. «Живая старина», 1894, IV, в. 2, стр. 390—393; Иакинф (Бичурин). Собрание сведений, ч. I, стр. 251.

²⁶ Иакинф (Бичурин). Записки о Монголии, III—IV, 1828, стр. 106, 110.

²⁷ Иакинф (Бичурин). Собрание сведений, ч. I, стр. 266—271.

²⁸ Д. Позднеев. Указ. соч., стр. 65.

²⁹ В. В. Бартольд. История тюркско-монгольских народов, стр. 20.

³⁰ А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбеков. Ташкент, 1941, стр. 6.

³¹ Н. А. Аристов. Указ. соч., стр. 404.

в это время также жили группы эвенков *Шелон'*ов. К XIII в. относятся и сведения китайских источников. Группа *Солон'*ов (эвенков) обитала в северной части Манчжурии и по рр. Зея, Аргунь. В 1639 г. китайское правительство перевело их на р. Нонни. В это время оно организовало из *солон* и *дагур'*ов знаменитые войска, назначением которых была охрана границ. Для этого китайское правительство расселило их по всей северной и западной границе, и отдельные группы *солон* и *онгкор-солон'*ов оказались в б. Китайском Туркестане и в Илийском крае. Значительная часть их окитаилась или омонголилась, но часть их сохранила свой язык. Отдельные группы *солон* (бухта-солонь) остались охотниками и сохранили свой язык³².

Позже, в 1897 г., перепись зарегистрировала *Шологон'*ский род на р. Вилюе. Оставив на Лене, в районе Киренска, некоторое число своих, эти эвенки перешли на истоки Алдана, Амги и Батомы. Кроме того, перепись зарегистрировала их на р. Мархе в Якутском округе. Шренк застал *солон'*ов на правом берегу Амура³³, а при Миддендорфе, несколькими годами раньше, они жили на р. Зея. В наше время представители рода *Солон* + *гор* живут по притокам Олекмы (Тунгир, Нюкжа) и Зеи. Путешественники-китайцы в 1712 г. отметили *солон'*ов между Енисейском и Иркутском.

Эвены. В Верхоянском районе на рр. Томпо, Син и Мат живут эвены из рода *Шологон* (по Расцветаеву).

Тюрки. Перепись 1897 г. отметила среди минусинских тюрок название коренного рода *Шоло* + *шин'*ский³⁴.

Монголы. Та же перепись отметила среди бурят Балаганского округа *Шоло* + *т'*ский род.

Таким образом этноним *солон* ~ *шолон* распространен главным образом среди эвенков, откуда он попал к эвенам Верхоянского района.

В тунгусоязычной среде *солон*, подобно предыдущему этнониму, отмечен к востоку от линии Лена — Байкал, преимущественно на территории Манчжурии и Монголии. Эти факты позволяют соглашаться с объяснением китайских источников, которые выводят *солон'*ов из Забайкалья. Эти же источники считают их потомками киданского рода *хамныган* ~ *камныган*. По Жербильтону, *солон'*ы считают себя потомками нью-чжи. Они после поражения нью-чженев монголами (1204 г.) спаслись в Забайкалье. Жербильтон дал начало толкованию этнонима *солон*, как верховской (от *соло* «двигаться вверх по реке») ³⁵. Эти факты показывают, что этноним *солон* появился в тунгусоязычной среде в районе к востоку от Байкала. Возможно, это было одно из племен *с*-диалекта. Проникновение группы *солон'*ов на север (тайга Якутии) и дальше к эвенам имело место задолго до прихода русских и, вероятно, до прихода тюркоязычных племен на территорию Якутии. Последние вытеснили их с Лены, и к приходу русских остались лишь небольшие группы на рр. Витим, Марха, несколько позже у Киренска на Лене и на Вилюе, основная же масса была снова вытеснена на юг (по Витиму и Олекме) к Амуру. Сородичи же их, оставшиеся на территории Манчжурии и Монголии, сохранились до нашего времени под названием *солон'*ы, *онгкор-солон* и *бухта-солон* и с самоназванием эвенки. В среду бурят и минусинских тюрок этноним *солон* попал из эвенкийской среды, возможно, в период, когда эвенки *ш*-диалекта, в среде которых развился суффикс принадлежности к родовой организации *-кишин* ~ *-шин*, зани-

³² А. О. Ивановский. Mandjurica. СПб., ч. I, 1894, стр. III.

³³ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, стр. 192.

³⁴ С. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. Записки Русского Географического общества по отд. статистики, т. II, 1911, стр. 378, 366, 384.

³⁵ Л. Шренк. Указ. соч., стр. 190, 193.

мали таежную зону между Енисеем и Байкалом к югу от Ангары и по соседству с Минусинским краем. Иначе не объясняется название коренного рода минусинских тюрок *Шоло + шин'ский*.

Мы рассмотрели три этнонима, которые так легко объяснять из современного языка и переводить словами «верховской», «среднеприверечный» и «низовской». Рассмотрим еще несколько родовых названий, распространенных не только в тунгусоязычной среде.

1. *Бая ~ бай*. Родовые и племенные названия с указанным корнем имеют широкое распространение у народов Северной Азии. Сведенные в таблицу, они дают следующую картину:

Название рода, племени	Народность	Место	Время
<i>Бая+ки, Бая+кишин</i> <i>Бая+гир</i> (род)	эвенки	территория Енисея по всей территории эвенков	современность
<i>Бай+шин'ы, Бая+ки</i> (род)	эвены (ламуты), юкагиры	Верхоянский р-н, Охотское побережье	современность и в XVIII в.
<i>Бая+усе+ли</i> (род)	ульчи, ороки	низовье Амура, Сахалин	современность
(уланка) ← <i>Бая</i> (род)	орочи, нанан	побережье Татарского пролива	»
<i>Бая+ра</i> (род)	манчжуры	Манчжурия	»
<i>Бай+л</i> (род)	гиляки	низовье Амура	»
<i>Бай+т'ы, Бая-у+д</i> (племя)	монголы	западная часть Монголии	»
<i>Баян+дай</i> (род)	буряты	р. Баргузин	»
<i>Бай+д'ы</i> (род)	якуты	Колымский р-н	»
<i>Бая+гу</i> (племя)	уйгуры	истоки Селенги	VII в.
<i>Бай+си</i> (племя)	—	южная часть Манчжурии	VII »
<i>Бай+янь</i> (племя)	—	к западу от гуннов	VIII в.
<i>Бай+ди</i> (племя)	дин-лины	Северная Монголия и к северу от Алтай-Саянского нагорья	VII—III вв. до н. э.
<i>Бай</i> (Оногой Бая), собствен. имя	легендарный предок якутов	верховья Лены	—
<i>Бай+шура</i> (собствен. имя)	родоначальник Большой орды (киргизы)	—	—
<i>Бай+хин'ские ~ Бай+шин'ские</i> (группа)	селькупы	р. Турухан	современность
<i>Бай</i> (род)	эвцы	низовье р. Енисея	»
<i>Бай+гадо</i> (род)	кеты < койбалы	Енисей	XIX в.

Название рода с корнем *бая ~ бай* отмечено у большинства тунгусо-манчжурских народностей. В среде эвенков мы имеем оба варианта: *бая + кишин*, характерный для эвенков ш-диалекта, б. прибайкальско-ангарских, и *бая-гир*, характерный для эвенков с-диалекта, б. забайкальско-амурских. Представители первого отмечены среди эвенов (*бай + шин* — Верхоянский район и Охотское побережье, *бая + ки* — район Охотска) и на нижнем Амуре среди ульчей и ороков. Монгольское племя *бай + т'ов* входит в ойротскую группу. Но чербеты считают

*Байт'*ов народностью, которая объединена с ними только политически³⁶. Среди якутов в Верхоянском и Колымском наслеге был род *Байд*ы. Оногой Бай, по преданию якутов, первым двинулся на север по Лене. Этот же этноним встречается и в собственных именах киргиз-казахских ханов: «У Алаша было три сына, один из них Бай-Шура — родоначальник Большой орды»; «у Абул-хаира было три сына, один из них Бай-чира»³⁷. Среди самоедских народностей этот этноним имеется у энцев-Бай, которые в XV—XVI вв. жили южнее и западнее современной территории, в юго-восточной части Гыданской тундры, к востоку от среднего течения р. Таз. На восток их вытеснили ненцы³⁸.

Названия группы селькупов, живущей по р. Турухан (эвенкийское название притока Енисея), *бай* + *шин'*ские или *бай* + *хин'*ские — появились от эвенков *Бая* + *кишин*. Это подтверждается языковыми фактами, а также некоторыми этнографическими данными. Среди кетов в половине прошлого века были два койбальских рода: большой и малый *Байгадо*³⁹.

Таким образом из современных народностей этноним с корнем *бай* ~ *бая* имеется у большинства тунгусо-манчжурских народностей (от которых он перешел: на востоке — к амурским гилякам, на севере — к юкагирам, на западе — к селькупам), а также у бурят, монголов, якутов, казахов, енисейских палеоазиатов, кетов и у некоторых самоедских племен (энцы). Распространение эвенкийского этнонима *байкишин* ~ *байшин* на запад, северо-восток и восток из района Прибайкалья, наличие его у народностей, исторически связанных с территорией, примыкающей к Байкалу, говорит о древности его появления, и именно на территории от Оби до Байкала или до Забайкалья. Последнее подтверждается и топонимикой: реки Верхняя и Нижняя Баиха (притоки р. Турухан), река Баянджур-Манзурка около Иркутска; хребет Бояры около с. Копены в Минусинском крае (на склонах хребта найдены писаницы VII—II вв. до н. э.); озеро Байкал; зимовье Байкалово на устье Енисея; поселок Байкал на правом берегу Нижней Тунгуски; о. Байкальское на правом берегу Енисея выше с. Абаканского; местечко Баякит на Подкаменной Тунгуске. На карте России 1562 г. (копия с карты Дженкинсона, изданной В. Кордтом) между Обью и Енисеем около слова *Баида* помещена следующая заметка: «к востоку от Оби, к востоку от *Moyeda* были страны *Baida* и *Colmak*. Жители этих стран поклоняются солнцу и красному лоскуту, подвешенному на жердь; жизнь проводят в палатках; питаются мясом животных, змей и червей; имеют свой язык». «Сказание о человецех незнаемых» повествует: «в восточной стране за Югорскою землею в верху Оби реки великая есть земля *баид* именуемая»⁴⁰.

Этноним *бай* впервые упоминается китайскими источниками в 694—250 т. до н. э. как название одной группы динлинов — Бай ди 白狄.

Определитель самоназвания (-ди) — *бай* имеет два перевода: «северный» (по Иакинфу) и «белый» (по Позднееву)⁴¹. Иакинф же приводит

³⁶ Л. Б. Владимирцев. Сравнительная грамматика. Л., 1924, стр. 7; Г. М. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, ч. I, 1926, стр. 245.

³⁷ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов. «Живая старина», т. IV, в. 2, 1894, стр. 394—395.

³⁸ Г. Д. Вербов. О древней Мангазее. Известия Всероссийского Географического общества, т. 75, в. 5, стр. 20—21.

³⁹ «M. Castrén's Reisen und Forschungen», Bd. XII, Petersburg, 1857, S. VIII.

⁴⁰ Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью. «Древности», кн. 14, М., 1890.

⁴¹ Д. Позднеев. Указ. соч., Иакинф, Собрание сведений, ч. I, стр. V, 15.

указание Chan-haj king на территорию одного из племен динлинов: «занимали земли от Енисея на восток до Байкала на левую сторону Ангара»⁴². Вопрос об этнической принадлежности динлинов окончательного решения не имеет. Китайские источники называют их монгольским племенем (древняя история Шу-гин) и тюрками (история Цзюнди-хэу). Для нас интересен тот факт, что группы *ди*, жившие на территории от Оби до Байкала, назывались *байди*. Может быть, слово *бай* китайцами трактовалось как *бэй* — северный, может быть и другое — центральноазиатские *ди*, скрестившись на севере с племенами *бай*, дали новые племена и новый этноним *бай + ди*. Во всяком случае важен тот факт, что во второй половине I тысячелетия до н. э. этноним *бай* уже существовал на территории, которая в «Сказании о человеце» сохранилась с наиболее ранним суффиксом в виде *баи + д* (о суффиксе *-д ~ -т* см. выше). Этнонимы с этим суффиксом мы имеем у народов, исторически связанных с территорией кругобайкалья: якуты (*баи + д'ы*), монголы (*баи + т'ы*, *бая-у + д*). Вероятно, следом этих племен является и род энцев *Бай*. Этноним *бая + киши* также образовался на этой территории и отсюда уже был разнесен на окраины тунгусской территории.

Значительно позже, в VI—VII вв., на север от р. Толо *Баегу* назывался один из гаогюйских аймаков, который позже (VII—X вв.) отмечается у границ Манчжурии. В это же время у истоков Селенги, по северную сторону от Великой песчаной степи жило племя скотоводов охотников *баиси*⁴³. Племя баегу сопоставляют с *баерку* орхонских надписей и относят к уйгурским племенам⁴⁴.

Передвижения групп племен в Азии происходили всегда. Группы *бай* могли выйти на восток от указанной территории и войти в состав других племен (подобно *баяра* — у манчжуров, *бай* — у нанаев). Возможно, таким же путем образовались и племена *баегу ~ баерку* и *байси*. На подобное передвижение указывает и Владимирцов. Во времена Чингизхана «Люди рода Вауанд жили рассеянно, часть их кочевала с Чингизханом, а часть жила с племенем Чаичиут»⁴⁵.

2. *Кима||кумо*. Не менее интересным является и этноним *кима||кумо*. В эвенкинской среде мы имеем оба варианта: *Кима* и *Кему* — два названия родов эвенков, живущих к западу и к востоку от Енисея (*Кимо ~ Кему + ка + гир*). Смутные следы былой многочисленности рода *Кима* сохранились в памяти эвенков к западу от Енисея. Роды *Момо* (многочисленный, на системе Подкаменной Тунгуски) и *Кима* выделились из рода *Кима*. На востоке (в районе Приамурья, Охотского побережья и Сахалина) этноним *кимо* сохранился в сказаниях эвенков. При повествовании этих сказаний прямая речь обычно поется сказителем и четверостишие часто повторяется слушателями. Прямая речь всегда начинается с имени говорящего или с имени его рода-племени, произношение которого и дает мотив-ритм для последующей речи. Так, в ряде сказаний мы имеем имя *Кимо ≈ Кимоко ≈ Кимонин ≈ Кимонори*. Например:

Кимонин! Кимонин!
Богатырь-человек,
Куда же ты идешь?
Пойдем, поиграем! (т. е. посоревнуемся в борьбе, стрельбе, пляске и пр.)

(Записано от сахалинских эвенков)

⁴² Иакинф. Там же, стр. 17.

⁴³ Д. Позднеев, Указ. соч., стр. 38, 49; Иакинф, Собрание сведений. ч. I, стр. 423, 440.

⁴⁴ М. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР, 1941, стр. 51.

⁴⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 63.

... Кимо! Кимоко!
Сестричка Монгункон,
Посмотри-ка ты,
Кто это пришел.

(Записано от чумиканских эвенков)

... Умуснинде-богатырь взял в жены дочь солнца
(из рода) Кимонори (по имени) Монгункон-девушку...

(Записано от чумиканских эвенков).

Кимо ≈ *Кимоко* по сказаниям — это род или племя, из которого эвенки берут девушек в жены, одержав предварительно победу в состязании с соперником — братом девушки. *Кимо* живут где-то на востоке, куда эвенки, герои сказаний, добираются пешком «из своих мест» очень долго: год и два. Живут они в *чорама* — полуподземных жилищах с выходом через дымовое отверстие, построенных (иногда) из костей крупных животных. В жилище обязательно несколько отделений (*коспоки*). В некоторых вариантах фигурируют только женщины. Они заманивают к себе мужчин и убивают их. По языку *Кимо* не очень отличаются от эвенков, так как последние свободно с ними разговаривают. Но зато подчеркивается различие внешнего вида: они волосаты (волосы выются вокруг головы кудрями), глаза их иные (как кольца вертятся), они приземисты и неуклюжи. По некоторым сказаниям, эти племена имеют оленей. И охотник-эвенк, забрав себе жену, вместе с оленем возвращается «в свои места».

В нанайском и манчжурском языках имеются слова: *киму-ли* Нан, *кимун* Мандж «враг». А «враг» и «друг», «чужой» и «свой» восходят к слову «человек» = «люди», слову, бывающему одновременно и самоназванием. Это прослеживается на ряде других слов в языках народов Северной Азии. У тунгусских народностей Дальнего Востока мы имеем названия родов *Киму-нка*, у орочей *кэкар* (по переписи 1897 г.) и *Кимонко* — современный род у удэ. Возможно, орочи и удэ — представители этих родов и являются потомками аборигенных племен эвенкийских сказаний, от которых пешие охотники — древние тунгусы — брали себе жен (эти сказания обросли мифологическими элементами, что указывает на их древность). Китайские источники дают два этнонима *кумо + хи* (IV—VI вв.) и *кима + ки* (о суфф. -ки см. выше). *Кумо + хи* или *куджень + хи* одного племени с киданями, но по обычаям сходны с шивеями; живут западнее последних. Искусны в стрельбе из луков, склонны к набегам и грабегам. Разводят лошадей, быков, свиней и птиц, живут в войлочных юртах, сеют просо, которое хранят в ямах, готовят в глиняных сосудах. До 487 г. *кумохи* жили в Ань-чжоу и Июнь-чжоу смешанно с пограничными жителями Китая и вели меновую торговлю; в 488 г. «они взбунтовались и ушли далеко от нас», — сообщают китайские источники. В VI в. *кумохи* размножились и делились на пять аймаков⁴⁶.

В X—XI вв. мы встречаем этноним *кимаки* уже в персидских источниках (Гардизи). *Кимаки* — западные соседи киргизов, кочевали у Иртыша, в северной части современного Казахстана. Они держали лошадей, коров, баранов и одновременно занимались охотой на соболей и горностаев. Меха служили им для своих надобностей и для внешней торговли. У них были свободные и рабы. Западной ветвью *кимаков* были *кипчаки*, соседи печенегов, впоследствии отделившиеся и образовавшие особый народ⁴⁷.

⁴⁶ Иакинф. Собрание сведений, ч. I, стр. 87—89.

⁴⁷ В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов, стр. 11; Его же. Киргизы, стр. 41; М. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР, стр. 53.

В каком отношении стоят эти племена с вышеуказанными тунгусскими? За древность происхождения этнонима *кимо* || *кумо* говорят происхождение его от слова в значении «люди» («свои» и «чужие» для разных племен бассейна Амура) и мифические сказания. Эти племена в отдаленные времена вошли в состав тунгусских племен. Продвижения древних тунгусов-эвенков из района кругобайкалья на восток зафиксировано как родовыми названиями современных тунгусских народностей Нижнего Приамурья, так и данными языка. Но все сказания указывают на возвращение героев в «свои места». Возможно, такие факты и были. Роль женщины (суффиксы: *-гин*, *-кишин*, образователи названий родов и племен, вначале обозначали женщину), женщины *кимо* в сказаниях и ряд многих других моментов в быту тунгусских народностей позволяют высказать предположение, что родовое или племенное название *кимо* могло быть занесено на запад, где дало начало названию нового рода *кима* ~ *кему* за много веков до Х в. Передвижения и смешения племен в этом «котле этногонии» допускают и следующее предположение: *кима* в районе, примыкающем к Байкалу, могли разделиться. Часть их осталась тунгусами и, спустившись по Ангаре — Енисею, дожила до нашего времени, а часть превратилась к XI—X в. в тюркоязычное племя *кимак*’ов. На то, что племя *кима* ≈ *кема* исторически было связано с районом верхнего Енисея, указывает и название верхней части последнего: *Кима* ≈ *Кема* (запись экспедиции Мессершмидта, 1723) и *Ким* ≈ *Кем* (современное название). Названия небольших рек часто бывають племенными названиями. С другой стороны, родовые или племенные названия иногда становятся названием народности, которое употребляется соседями. Народности, связанные с территорией Енисей — Байкал, называют эвенков *хамнеган* (буряты), *хеангба* ≈ *ханба* ≈ *фомба* (кеты). Корни *хам* ≈ *хеан* ≈ *хан* можно толковать как переогласовку эвенкийского *кем* || *ким*.

3. *Курэ* ≈ *куры*. Этноним *курэ* отмечен только в группе эвенков в районе, примыкающем к Ангаре. Сам фонетический состав его (открытый широкий э во втором слоге не характерен для тунгусских языков и особенно для эвенкийского) говорит о том, что основоположник этого рода пришел в эвенкийскую среду из иноязычной среды. Этот этноним представляет известный интерес, поскольку он может дать некоторые материалы к вопросу о племени *куры*, жившем когда-то в Прибайкалье.

Курэ-ка + *гир* — название эвенкийского рода, жившего в районе р. Илим (правый приток Ангары) и истоков Нижней и Подкаменной Тунгусок. С этим родом вел постоянные войны род Лонтогир. Последнее столкновение даже фиксируется эвенками: это левый приток Нижней Тунгуски — р. Икоконда около горы Икондоё. Происходило оно 7—8 поколений тому назад. В царское время инородческая управа, которая объединяла эвенков этого района, называлась *Курэй*’ской. Столкновения эвенков с племенем *куры* происходили, повидимому, и в более ранние периоды, когда они занимали тайгу на левых притоках Ангары. В фольклоре эвенков, живущих ныне на Подкаменной Тунгуске и к западу от Енисея, есть сказание, ставшее уже мифом, о борьбе с *Кэрэндо*. Вот его содержание. *Кэрэндо* — представители народа-людоедов, живущие у Ламу (Байкал), забирают в плен всех эвенков (по мифу, *Кэрэндо*, прилетев птицой, проглатывает). Остается одна только старуха, которая чудесным путем вырашивает мальчика-мстителя Уняны. Он быстро растет, выковывает себе железные крылья и летит на Ламу к *Кэрэндо* освобождать эвенков. Во время полета Уняны несколько раз спускается на землю на стоянки *Кэрэндо*, где живут жены последнего — плененные эвенкийки, носящие эвенкийские имена. Долетев до *Кэрэндо*, Уняны предлагает последним единоборство в полете над Байкалом. В этом единоборстве (вначале с отцом, потом с его сыновьями) Уняны одерживает верх и освобождает плененных эвенков (по мифу, желез-

ными крыльями распарывает брюхо противникам, и из них вываливаются живые и полуживые эвенки). По мифу, в районе Байкала живут людоеды *Кэрэ*, которые часто нападают на эвенков, уводят их в плен, женщин делают своими женами, мужчин съедают. По времени это относится к периоду железа. Эвенки, ушедшие из Прибайкалья на запад, умеют уже перековывать металлические вещи. Обе группы преданий говорят о тесных взаимодействиях древних тунгусов с племенем *Курэ*. Последние входили в состав эвенков и наоборот.

Исторические источники дают материалы по племени *гулигань кури-кан* \approx *кури* (*фури*) с VII—XII вв. По китайским источникам, племя *гулигань* жило по берегам Байкала и к северу до моря. Соседями их с запада были племена *дубо*. В стране их «было много сараны, а лошади их были сильны и рослы и головы их похожи на верблюдов». Они имели дипломатические связи с Китаем⁴⁸. По данным персидских источников (Гардизи), *кури* \approx *фури* жили в трех месяцах пути от ставки киргизского хана. Это — дикие люди, жившие на болотах. Если кто-нибудь из них попадал в плен к киргизам, он отказывался от пищи и пользовался каждым случаем, чтобы убежать. Своих покойников они уносили в горы и оставляли на деревьях. Они были людоедами (рукопись Туманского)⁴⁹. *Курыкан*е составляли округ в киргизских владениях. Язык их существенно отличался от киргизского⁵⁰.

Племенная принадлежность *куры* определялась различно: предки якутов (Радлов), нетюркские племена (Радлов), монголы (Бартольд). Последние археологические экспедиции А. П. Окладникова по р. Лене значительно уточнили вопрос о *куры*. На верхней Лене в период железа (V—X вв.), обитали племена, достигшие высокого уровня культуры. Наряду со скотоводством у них существовало земледелие. Искусство их имеет много общего с искусством Минусинского края и Алтая. У них было письмо енисейского типа. Это было тюркоязычное племя⁵¹. Представители этих *Куры* вошли не только в среду эвенков. Среди урянхайцев — танну-тувинцев Хосутского хошуна в списке родов, данным Г. Н. Потанину, есть название *Хуреклыг*. Этот род, отмечает Грум-Гржимайло, невыясненного происхождения⁵².

Куригир — одно из племен болгар. В честь одного из болгарских государственных деятелей из племени *Куригир* по распоряжению Омортага была поставлена колонна⁵³.

4. *Киле* \approx *килен*. Этот этноним, распространенный в тунгусоязычной среде, по фонетическому составу, как и предыдущий, не характерен для тунгусских языков (звук *e* во втором слоге).

Киле \approx *килен* — название эвенкийского рода \leftarrow племени, распространенное на территории Якутии и смежных районов Дальнего Востока. В XVII—XVIII вв. этот род был отмечен в районе р. Охоты, где и до сих пор можно встретить эвенов (ламUTOB) из рода *Килен*. На территории Якутии перепись 1897 г. отметила их в Якутском и Вилюйском округах (*Килят*ский род); один из притоков р. Муи (система Олекмы) носит название *Килян*. В 50-х годах прошлого века *Килен*ы уже вышли на р. Кур (система Амура около Хабаровска). Шренк встретил группу

⁴⁸ Иакинф. Собрание сведений, ч. I, стр. 439; Егоров. Записки о Монголии, III—IV, стр. 120; Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен. «Живая старина», Отд. этн., в. III—IV, 1896, стр. 331.

⁴⁹ В. В. Бартольд. Киргизы, Фрунзе, 1943, стр. 34, 36.

⁵⁰ Schott. Über die echten Kirgisen. Berlin, 1865, S. 436, 454—455.

⁵¹ А. П. Окладников. Древняя история народов Якутии. «Историч. журн.», 1943, № 10, стр. 56—58.

⁵² Г. Н. Потанин. Очерки сев.-зап. Монголии, IV, 1883, стр. 12; Г. М. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, III, в. I, М., 1926, стр. 23—24.

⁵³ Известия Русского археологического общества в Константинополе, 1905, X, 181.

Килен в районе оз. Ханка. *Кили* южной части Сахалина (небольшие материалы, собранные Наконома Акирой) по языку ничем не отличаются от аянских эвенков. Среди нанайцев *Кили* составляли еще недавно особую группу. Они дали новые роды: Дункан ~ Донкан (оз. Болэн), Юкамinka (р. Урми) и Удынка(н) (р. Кур). Со вторым из этих родов связывается и происхождение негидальского рода Юкомил.

На этом этнониме мы остановились еще потому, что он в недавнем прошлом имел широкое употребление как название нижеамурских туземцев. Эвенки — «бларарченые» называли амурских и уссурийских нанайцев *киле*. Орочи, ороки, ульчи и амурские гиляки до сих пор называют эвенков *киле*. Словом *килин* \approx *гилин* \approx *чили* \approx *чилики* китайцы и манчжуры называли всех тунгусов, обитавших на территории бассейна Амура. Этим именем они называли иногда и корейцев. Зибольд, а вслед за ним Широкогоров объясняли происхождение этого этнонима от названия р. Гирин: китайцы в XVI—XVII вв., встретив впервые тунгусов на р. Гирин, перенесли на них название реки, а потом перенесли это название на всех туземцев Амура⁵⁴. Ближе к истине толкование. Л. Я. Штернберга: «Название гиляки образовалось, как мне думается, от искажения путешественниками слова *килэ*, обозначающего «тунгус» на языке амурских гиляков, с которыми путешественники впервые столкнулись. И такое искажение могло явиться весьма легко благодаря тому, что гиляки нижнего течения Амура говорят тем же языком, что и тунгусы, которые по их преданиям составляют «один народ» с гиляками, гольдами и ороченами. Весьма возможно, что благодаря общности языка амурских гиляков и тунгусов, господствовавших прежде в Амурском крае, манчжуры называли гиляков и тунгусов общим именем *Килэ*»⁵⁵.

Территория распространения этнонима *килен* и употребление его как название соседей позволяет говорить о когда-то многочисленном племени эвенков; представители их, выйдя к Амуру, вошли в состав нанайцев, а вероятно, и ороков, и орочей, и ульчей, и амурских гиляков, название которых и произошло от эвенкийского *килэн* (случай перенесения названия рода на народность мы уже наблюдали у *долган*). *Килен*-ы вышли к Амуру давно. Группа эвенков *кили* настолько сблизилась с бытом и языком нанайцев, что не составляет даже говора. Эта группа уже успела выделить три новых рода, один из которых вошел в состав негидальцев.

Распространение этнонима *килен* на территории Якутии, нетунгусское происхождение его по фонетическому составу, неабортенность эвенков Якутии⁵⁶ — позволяют видеть в этом этнониме след племени аборигенов Якутии, поглощенных первыми пришельцами эвенками.

5. *Булдэ* + *т* \approx *буллэ* + *т*. Подобно этнониму *килен* мы имеем другой *булдэ* \approx *буллэ*. Он также является родовым названием эвенков Якутии и их сородичей, вышедших на Амур. Движения из Якутии на Амур начались с периода прихода тюркоязычных племен на среднюю Лену и продолжались до нашего времени. Патканов, по данным переписи 1897 г. говорит, что род *Бэлдэ* пришел на истоки Алдана, Амги и Батомы с Вилея, а с Алдана в 50-х годах прошлого века они вышли к Амуру вслед за *шологон*-скими эвенками⁵⁷. В наше время представите-

⁵⁴ S. M. Schirokogoroff. Social organization of the northern Tungus. Shanghai, 1929.

⁵⁵ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи..., стр. 347.

⁵⁶ Материалы языка говорят о том, что древние эвенки *ш*-диалекта, проникнув на Лену в район Привилея-Приалданья, поглотили аборигенов и образовали новый *х*-диалект. Это совпадает и с данными археологии. Дальнейшее развитие эвенкийских диалектов на территории Якутии шло по линии скрещения новообразованного *х*-диалекта с *с*-диалектом эвенков Забайкалья-Приамурья.

⁵⁷ С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусов. Записки Русского Географического общества, Отд. этнографии, т. I, стр. 86.

лей этого рода можно встретить в разных местах на восток от линии Зея — Нюкжа — Олекма. Возможно, представители этого рода дали начало эвенкам *Болдагир* (Подкаменная Тунгуска) и эвенкам *Бультогир* (рр. Нерча, Каренга, Нумин). Отдельные семьи последних вошли в состав дагуров. На Амуре представители рода *Булдэ* вошли в состав нанаяв в отдаленные времена, дали начало роду *Белды*, ничем не отличающемуся ныне от остальных нанаяв. Можно отметить близость тюркского этнонима *бельтыры* (Кузнецкий округ), но связь между ними еще не установлена.

Мы привели только восемь древнейших этнонимов. Число их значительно больше, но уже разобранные нами этнонимы в достаточной степени показывают сложность этнического состава как эвенков, так и других народностей Северной Азии в отдаленные периоды. Дальнейшее прослеживание таких этнонимов подтверждает сложность состава отдельных групп народности.

Если условно считать «тунгусской основой» племена *эвен* и *эджен*, то уже в начале н. э. (если не раньше) в состав их мощной струей вошли племена *бая*, исконной территорией которых был район от Оби до Байкала. На территории Якутии следами поглощенных эвенками аборитенов являются этнонимы *килен* и *булдэ*. К восточным аборигенам, вошедшим в состав эвенков — древних тунгусов, можно относить племя *кимо* ~ *кима*. Несколько позже, вероятно, уже на территории Забайкалья в состав эвенков вошли монголо-тюркоязычные племена *дул||дол*. В состав группы приангарских эвенков вошли представители тюркоязычных *курэ*.

Смешанность этнического состава и взаимодействия древнетунгусских племен с другими племенами Азии полностью подтверждаются данными языка.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

А. А. ПОПОВ

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ У ДОЛГАН

В 1930 г. я был командирован Музеем антропологии, археологии и этнографии АН СССР в Таймырский национальный округ (Красноярского края) для этнографического изучения долган. На основании собранных материалов предполагалось написать специальную работу, описывающую различные стороны их жизни. Но это намерение в силу ряда причин до сих пор осталось невыполненным, и только часть моих материалов была опубликована в виде отдельных очерков, главным образом в журналах¹. Этнографической литературы по долганам почти не имеется. Данный очерк отчасти заполняет этот пробел, рисуя семейную жизнь долган.

I

Многодетность у долган всегда почиталась за счастье, бездетность же, напротив, считалась большим несчастьем, и винили в этом большей частью мужчин. Бесплодную женщину, так же как и бесплодную важенку оленя, называли «бангай». Рождение уродов истолковывали как следствие брака между близкими родственниками. Долганы думали, что девочки вынашиваются в утробе матери на один день дольше мальчиков. Говорили, что у беременных в последние месяцы появляется желание покушать какой-нибудь определенной пищи, называлось это «сюряктятяр». Этот термин употреблялся также для обозначения упадка сил, который якобы мужчина чувствует в течение нескольких дней после зачатия женой. Беременность никогда не считали нужным скрывать, наоборот, беременные женщины охотно посещали шаманские камлания, где просили предсказать им пол будущего ребенка и время наступления родов. Эти предсказания происходили публично, в присутствии многочисленных участников камлания.

Со дня выявления беременности женщина подвергалась запретам и ограничениям, главным образом в отношении пищи, с целью предохранения будущего ребенка от физических недостатков. Так, ей запрещалось есть гагару, чтобы у новорожденного не оказались широкими ступни ног; заячью голову — чтобы новорожденный не оказался с выпученными глазами и выдавшимися вперед зубами; заячье сердце — чтобы ребе-

¹ В журнале «Советская этнография»: «Материалы по родовому строю долган» (1934, № 6); «Оленеводство у долган» (1935, № 4—5); «Техника у долган» (1937, № 1); в «Сборнике памяти В. Г. Богораза»: «Охота и рыболовство у долган»; кроме того, отдельн. изд. «Долганский фольклор», Л., 1937.

нок не был трусливым; запрещалось есть налима, не снявши кожу, чтобы лицо ребенка не стало рябым. Кроме того не разрешали есть недоброкачественную пищу и запрещали пить водку. Беременная женщина, дабы не запуталась пуповина ребенка, не должна была перешагивать через веревку; чтобы ребенок не вышел на свет спиной, она не должна была проходить за спиной другой женщины. Во избежание трудных родов беременные женщины никогда не ложились одна против другой, в противном случае у той, у которой роды предполагались раньше, они

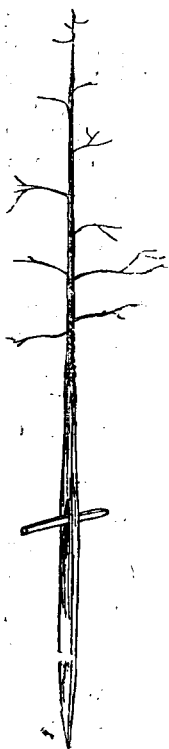

Рис. 1. Туру — одна из двух лиственниц, втыкаемых у двери чума роженицы (длина дерева около 3 м).

Рис. 2. «Няджи» — покровительница рожениц (Норильский район). Собрание автора.

должны были быть мучительными. Женщины с момента появления внешних признаков беременности считались нечистыми; они не должны были с солнечной стороны переходить дорогу, по которой провозили домашние святыни (сайтан'ов) и шаманские атрибуты, так как думали, что при этом сайтан'ы и шаманские атрибуты оскверняются и духи в наказание посылают тяжелые роды женщине или смерть ребенку.

С приближением родов заставляли камлать шамана и устанавливали для роженицы отдельный шестовой или нартяной чум; по обеим сторонам входа в этот чум норильские долганы ставили снаружи две молодые лиственницы с крестообразными поперечинами (рис. 1), называемые туру, что значит столб. Они символически изображали столь распространенные в долганском шаманстве туру — деревья, связанные с душой и

жизнью человека. Долганы верили, что, опираясь на эти священные деревья туру, душа (кут) роженицы как бы встает после родов и тем самым возвращается к жизни. Во время родов собак держали на привязи, чтобы они своим лаем не отпугнули детского «айы» (доброе божество); кроме того от роженицы удаляли всех беременных женщин, чтобы они, подражая ей, не выкинули раньше времени.

Прежде чем идти в специальный чум, роженица прощалась со всеми словесно, не протягивая руки. Оставшиеся отвечали ей: «Бог благослови» (Буок ластаби) и сопровождали эти слова различными благопожеланиями, но никогда не говорили «Прощай», так как тем самым они выразили бы свое пожелание, чтобы она не вернулась обратно.

Перед самыми родами у роженицы, во избежание могущих возникнуть задержек, снимали все колечки, перстни и пояса. Рожала женщина стоя, держась за шест, привязанный горизонтально одним концом к жерди остова чума, другим — к жерди, установленной посредине чума. Этот шест всегда привязывался налево от входа, и над ним ставили деревянное антропоморфное изображение в песцовой шкурке (рис. 2) или заячью шкурку, которую называли покровительницей женщины (джахтар айыта или няджи). Если над заячьей шкуркой производилось шаманское камлание, ее хранили и передавали из рода в род, вешая при всех последующих родах. Если же камлание над шкуркой не производилось, то из нее шили одеяльце новорожденному.

Чум роженицы считался нечистым; в нем могли пребывать только трое: роженица, бабка и еще женщина, которая растапливала очаг, готовила пищу, мыла посуду, поскольку бабка, так же как и роженица, считалась нечистой и не могла прикасаться к огню до тех пор, пока у ребенка не отпадала пуповина. Женщины, которые приносили продукты или же приходили узнать о здоровье роженицы, не имели права входить в чум, разговаривали и передавали продукты через открытую дверку чума.

Долганы, так же как и другие народы Сибири, полагали, что трудные роды можно облегчить, узнав имя подлинного отца ребенка. Бабка, принимавшая ребенка, обычно требовала у роженицы назвать имя любовника, если он предполагался; исключение составляли лишь вдовы, у которых этого спрашивать не полагалось. Если это не давало должного результата, то обращались к шаману. Последний надевал костюм и начинал шаманить, стоя на улице перед чумом. При этом он заставлял сделать из дерева изображение женщины-«покровительницы» (няджи), над которой произносил соответствующее заклинание, после чего это изображение клалось рядом с роженицей. Поправившись женщина должна была хранить свою «покровительницу», употребляя ее при последующих родах. Садясь за еду, она «кормила» свою «покровительницу», бросая ей маленькие кусочки пищи.

Когда ребенок появлялся на свет, пуповину у него перевязывали ниткой и отрезали ножницами. После этого бабка, держа его над тазом, обмывала водой изо рта. Если новорожденный не проявлял признаков жизни, бабка брала металлическую трубку и через нее пропускала нитку, один конец трубки приставляла к заднему проходу ребенка и, заткнув ему ладонью рот, нос и уши, дула в другой конец трубки. В этом усматривали акт передачи ребенку дыхания, вследствие чего он якобы и оживал. О ребенке, родившемся в «сорочке», говорили, что он будет счастливым. «Сорочку» зашивали в покрывку чума или же, зашив в тряпицу, носили при себе, так как полагали, что она приносит счастье. Имея в кармане такую «сорочку», надеялись, например, быть оправданными на суде. Родимое пятно у новорожденного свидетельствовало о том, что он отмечен мышью. Долганы верили, что после смерти

этого человекамышь будто бы узнает его по мете и станет есть его труп.

Если ребенок рождался недоношенным, на 7 или 8-м месяце, его клали в неочищенный от содержимого желудок оленя специально для этой цели убитого, и держали там 1—2 месяца. Подобный режим требовал больших затрат, так как желудок, по словам стариков, приходилось заменять не менее девяти раз в месяц и, следовательно, столько же закалывать оленей. Если родители ребенка по бедности не бывали в состоянии убивать своих оленей, на помощь им приходили родичи. Ребенка, родившегося раньше времени всего на несколько дней, заверты-

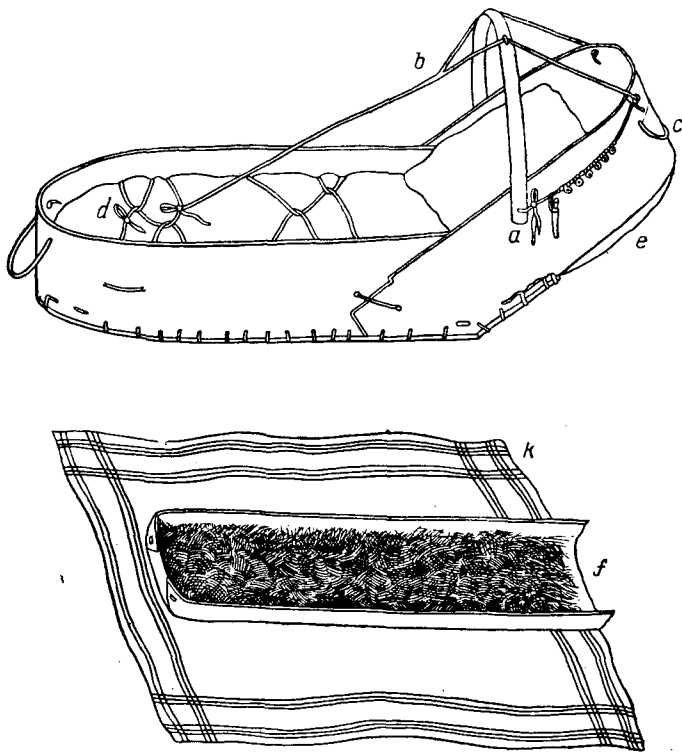

Рис. 3. Колыбель у долган:

a — тальниковая дуга; *b* — ремень, поддерживающий дугу; *c* — петельки для подвешивания колыбели; *d* — вязки; *e* — кожаное дно колыбели под головой; *f* — берестяной лоток с оленьим лишайником «*njamaida*» для впитывания мочи; *g* — платок или кусок ткани, на который ставится лоток и в который пеленают младенца. Длина люльки — 80 см., лотка 40 см.

вали в песцовую шкуру и, чтобы ему было тепло, подвешивали его на палке, идущей горизонтально над очагом и служащей для подвешивания котельных крюков. Во всех остальных случаях новорожденного избегали завертывать в песцовые меха, так как думали, что у него от этого будут острые, как у песка, зубки, которыми он станет прокусывать грудь матери.

Колыбель (рис. 3 и 4) приготовляли для ребенка заранее и, прежде чем впервые уложить его, клали в колыбель собаку и некоторое время укачивали ее, полагая, что находящийся внутри люльки нечистый дух вселится не в ребенка, а в собаку. При новорожденном боялись громко упоминать имя злого духа (абасы).

Роженицу кормили самой лучшей пищей, сушками, белыми сухарями и убивали для нее жирного олененка. Если роженица была незамужней, отец ее предлагал виновнику появления ребенка прислать оленя, гово-

ря: «Пусть своему ребенку пошлет питание» (оготун миния ыттын). Этим отцовские обязанности по отношению к внебрачному ребенку и ограничивались. На третий день после родов собирались гости, закалывался полученный от отца ребенка олень и устраивалось угощение. В тот же день роженица вставала с постели, и по сему случаю происходил обряд очищения. Бабка окуривала роженицу, новорожденного, себя, прислужницу и все вещи, к которым они прикасались, можжевельником или светлой смолой дерева, которую для этой цели клали в ковш с горячими угольями.

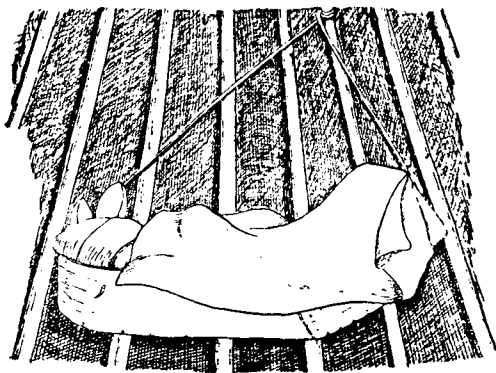

Рис. 4. Способ подвешивания люльки к жердям конусообразного чума.

Незадолго перед тем в отдалении от жилища устраивался из жердей конусообразный чумик (джукакан, рис. 5), внутри которого бабка утром, перед обрядом очищения, вешала послед, завернутый вместе с одеждой роженицы в ту оленью шкуру, на которой она рожала (рис. 6). Это делалось для того, чтобы послед не могли съесть «клыкастые» (асы-лактар) — собака, волк, песец.

Рис. 5. Чумик, внутри которого вешают послед. Фото автора.

Если это произойдет, то женщина якобы перестанет рожать. Долганы верили, что если послед придавить камнем, то женщина перестанет рожать до тех пор, покуда послед будет лежать под камнем, исходя из чего многие женщины, не желавшие иметь детей, прибегали к подоб-

ному «противозачаточному средству». Послед называется у долган детской матерью (ого инята).

Когда после обряда очищения роженица впервые заходила в свой чум, ей давали маленький кусочек пищи, чтобы «соски ее не закупорились» (емийе карыа диен). На третий день устраивалось угощение, за которым следовали пляски на улице. Присутствующие на торжестве друзья и родственники одаривали ребенка оленьчиками по второму году и разными вещами. Эти подарки назывались «няджима» и считались впоследствии неотъемлемой собственностью новорожденного или новорожденной. После пиршества роженица уезжала в гости к своим ближайшим соседям. При входе ее в чум ей протягивали маленький кусочек пищи (мяса, рыбы, лепешки), говоря: «Наши укладки разгрызут мыши» («нёкюбютюн кутуйактар сиектяря»). Первый выезд роженицы в гости носил название табыскыр.

Несмотря на «очищение» женщина еще полмесяца находилась под действием различных запретов. Так, например, до отпадения пуповины ребенка она не могла прикасаться к огню, не смела пересекать со стороны восхода солнца дорогу, по которой провозили перед тем семейные святыни. При несоблюдении этого ее ребенок мог заболеть или даже умереть, а сама она остаться бесплодной. В подобных случаях, чтобы предотвратить несчастье, призывали шамана и просили его при помощи камлания умиловить разгневанных духов. Виновную и ее ребенка окуривали оленьим или рыбьим жиром, положенным в ковш с горячими углями, который трижды проносили у нее подмышками. Во избежание бесплодия женщина не должна была садиться на санки, на которых возили шаманские атрибуты. Бесплодность, полученную в результате нарушения этого запрета, также излечивали окуриванием.

Бабка у долган пользовалась большим уважением; особенно почитали ее дети, которых она принимала; они называли ее бабушкой (эбэ). При первых родах бабка обычно получала за труды важенку (самку оленя), в последующие разы — отрезки на платье и по куску душистого мыла и всякий раз по большому медному кольцу, символизирующему гениталии. Бедные семьи одаривали бабку в зависимости от своего достатка. Но если даже ей ничего не давали, она не вправе была у них просить, а тем более отказывать им в дальнейшем в своей помощи.

Если новорожденный напоминал лицом одного из своих умерших предков, то говорили, что в него перешла его душа (кут), и соответственно этому ребенка наделяли нехристианским именем этого умершего предка. Хотя долганы официально считались православными, они в большинстве случаев называли себя нехристианскими именами. Особенно это относится к долганам Норильского района. Редко встречающиеся у них христианские имена были более известны в своей уничижительной форме, например, Лимка (Филимон), Ванька, Филька и т. д., хотя называвшим их было лет по 70—80.

Нехристианские имена долган обычно имели апотропеическое значение. Так, например, мальчикам давали имя «Дапсйбул», происходящее от «дапси» — костяной пластинки, предохраняющей руку от удара тетивы. Имя это должно было предохранять своего носителя от всяких болезней, являющихся результатом воздействия злых духов. Имя Турубул происходит от туру — шаманского столба, символизирующего священное мифическое дерево, где находится душа ребенка под защитой

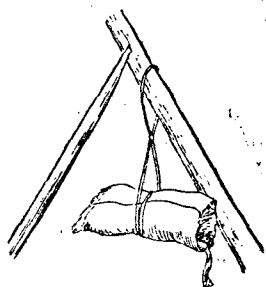

Рис. 6. Подвешенный к жердям чумика послед.

духа — хозяина дерева. Неудачные имена, не приносящие счастья, после соответствующего камлания шамана могли быть заменены другими. Если, например, ребенок часто болел, присутствующие старые люди говорили: «это ваш недуг» (эсиги сечёкёгют) и давали ему вместо имени собачью кличку. Чаще всего это практиковалось по отношению к девочкам, которых называли собачьими кличками: Басыргас, Биалка, Сукачан (сучка) и др. (последнее имя носила и хозяйка чума, в котором я кочевал летом в Норильском районе; это не мешало ей быть женой одного из самых почтенных и уважаемых долган). Подобные апотропеические имена оставались на всю жизнь. По воззрениям долган, когда злой дух приходит к наделенным собачьими кличками детям, чтобы съесть их, то уходит обратно ни с чем, так как думает, что вместо человека нашел собаку.

Единственным продуктом питания долганских детей является материнское молоко. Детей кормят грудью до четырех-пяти лет. Если у матери не бывает молока, ребенка отдают кормилице. При этом, в зависимости от договоренности, ребенок остается у последней до известного возраста или навсегда. В первом случае, когда берут ребенка обратно, кормилице платят некоторую сумму. Молочная мать считается столь же близкой ребенку, как и родная. Сыновья и дочери кормилицы не могут вступать в брачные связи со своими молочными братьями или сестрами.

II

С появлением первого ребенка родителей переставали называть по имени и, в знак особенного почтения, говорили: «отец или мать такого-то, например: отец Подуо (Феодосия), мать Спири (Спиридона). Так их называли даже тогда, когда первенец умирал, стремясь этим как бы сохранить имя умершего. Мальчиков долганы называли хранителями богатства, девочек же — людьми чужих жителей. Ко всем детям, независимо от пола, не исключая и внебрачных, долганы относились весьма ласково. Мальчиков ласкательно называли «кюся» — хозяин (от русского слова хозяин), девочек — «кычай» или «кюсяйка» — хозяйка. Детей наказывали очень редко; особенно предосудительным считалось дурно обращаться с ними в присутствии гостей, чтобы те не могли подумать о родителях плохо.

Ребенка до совершеннолетия старались оберегать всевозможными средствами. У левобережных, «заречных» (заенисейских) долган рода Донгот мать не отпускала от себя ребенка до тех пор, пока он не будет в состоянии самостоятельно ходить по улице, и даже идя в гости брала его с собой. Это делалось для того, чтобы между нею и ребенком не мог пройти посторонний человек. Желая предохранить ребенка от злого духа, долганы подвешивали к колыбели мальчика с левой стороны деревянный или железный лучок со стрелой, с правой же стороны — деревянную модель ножичка в ножнах (рис. 7). К колыбели девочки подвешивали только модель ножичка. Семьи, у которых умирали дети, стремились предохранить оставшихся в живых от смерти тем, что предлагали какой-либо старой многодетной родственнице купить их фиктивно, за малую цену. «Покупательница», приехав в чум родителей, зажигала перед иконой свечу и говорила: «Я — старуха, воспитавшая много детей. Бог, присоедини мне этого ребенка, чтобы я могла его сделать сверстником своих детей!». «Купленное» дитя попрежнему оставалось в чуме у родителей. Полученную за ребенка «плату» родители расходовали на покупку свечей и ладана.

Если ребенок почему-либо вел себя беспокойно, родители думали, что к нему по ночам приходит злой дух. Чтобы его отогнать, шаман изговаривал деревянного идольчика — «детского друга» (ого догоро), ко-

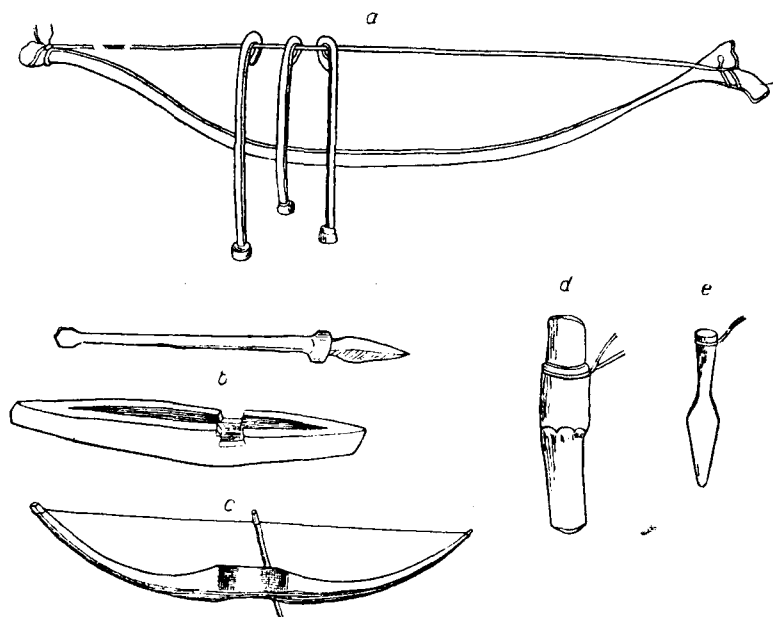

Рис. 7. Амулеты, привешиваемые к детским колыбелям.

a — железный лук со стрелами (дл. 20 см); *b* — деревянное копье и лодочка (кладутся в колыбель); *c* — деревянный лук со стрелой (дл. 11 см); *d* — деревянный ножичек в ножнах (дл. 6 см); *e* — деревянный наконечник копья (дл. 4 см)

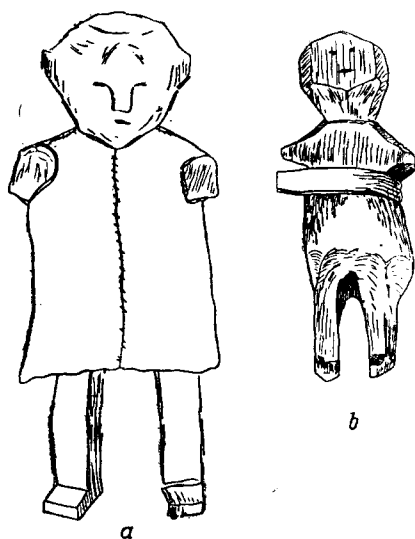

Рис. 8. «Детские друзья»:

a — деревянное изображение в тряпичной одежде кладется внутрь люльки (дл. 11 см); *b* — деревянное изображение, привязывается к внутренней стенке люльки (дл. 8 см).

торого подвязывали к внутренней стороне люльки (рис. 8). При этом шаман никаких заклинаний не произносил. Но если ребенок продолжал вести себя беспокойно, непрерывно плакал и сильно худел, это считалось результатом воздействия на него более сильного духа — «девки абасы» (злого духа). Если это был мальчик, то долганы думали, что «девка абасы» приходит к нему ночью и беспокоит его, пытаясь всту-

пить с ним в половое общение. По этому случаю встарину заставляли камлать шамана. Последний делал из гнилого дерева изображение женщины и, втянув губами из ребенка «девку абасы», внедрял ее в это изображение. Затем делал вид, что вступает с нею в половое общение, после чего отправлял ее в подземный мир. После камлания изображение женщины закапывалось в землю.

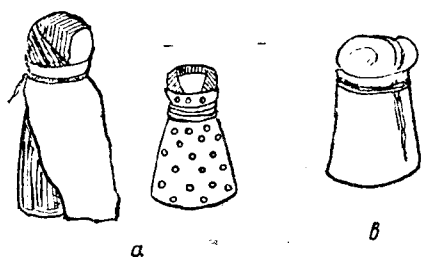

Рис. 9. Куклы из оленьих бабок:

a — женщины; *b* — мужчины

Долганы запрещали опираться на голову ребенка, опасаясь, что он перестанет расти, запрещали поднимать ребенка выше своей головы, считая это грехом, а также убивать птицу «далбаки» (?), которую называли душой ребенка. Когда ребенку исполнилось 6—7 лет, ему, неза-

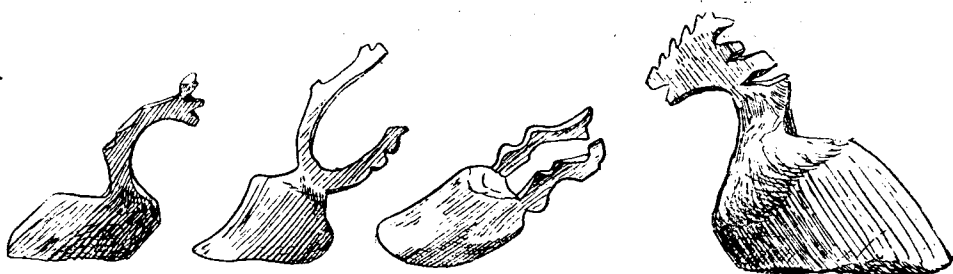

Рис. 10. Детские игрушки — «олени», вырезанные из тальника (дл. 3—8 см)

висимо от пола, протыкали иглой мочку ушей и через отверстие пропускали ниточку ссученную из человеческих волос. По представлениям долган, когда человек умирает, злой дух смотрит на его уши и, если они не проткнуты, отрезает их и употребляет вместо ложек. Продырявленные уши злой дух не трогает, так как дырявой ложкой нельзя черпать пищу.

Из игрушек долганских детей отметим луки и стрелы. Они отличались от настоящих лишь своими размерами, описание их дано в моей упоминавшейся уже выше работе по охоте и рыболовству у долган. Самодельные куклы делались из оленьих бабок, завернутых в тряпки или бумагу. Мужская кукла отличалась от женской отсутствием головной повязки в виде платка (рис. 9). «Олени» выделялись либо из разломанных спичечных коробок, либо из щепок, которые загибались посередине под прямым углом и в приподнятой части расщеплялись в виде оленьих ветвистых рогов, либо же целиком вырезывались из кусочка дерева (рис. 10, 11). Иногда оленей детям заменяли оленьи лодыжки или крупные камни; положенные сверху мелкие камни изображали всадников и вьюки. Из кукол и изображений оленей составлялись на земле длинные «аргиши» (караваны), в которых нартами служили спичечные коробки. Большим успехом пользовались у долганских детей

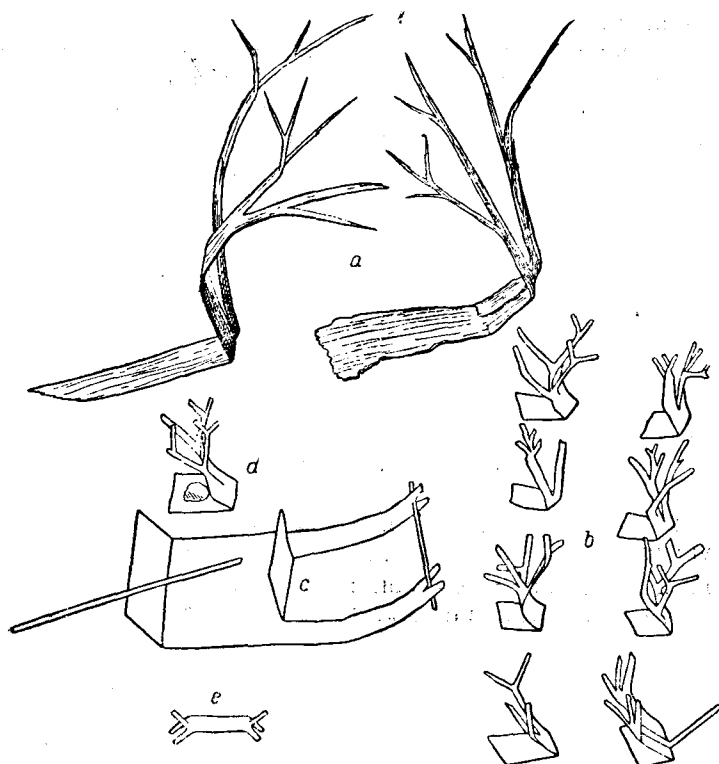

Рис. 11. Игрушки долганских детей:

a — «олени» из лучинок (дл. от 6 см, выш. от 8 см); *b* — «олени в упряжи»; *c* — нарта из спичечной коробки (на нарте лежит хорей); *d* — всадаик (камешек) верхом на олене; *e* — собака.

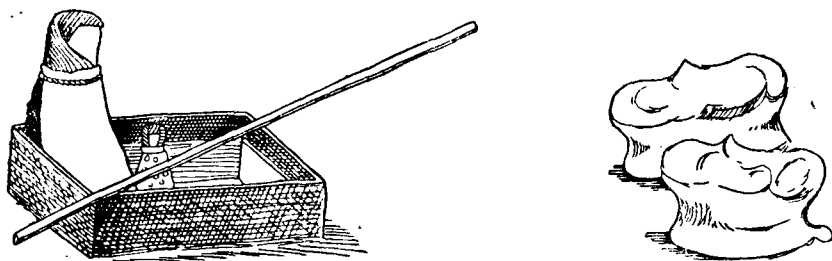

Рис. 12. Куклы едут на оленях; олени — кости оленьих лодыжек; нарта — спичечная коробка; куклы — оленьи кости («бабки»), завернутые в тряпицы; хорей (палка для управления оленями) — лучинка

вертушки из лучинок. Они бывали двух видов. «Пипик» представляла собой пластинку с двумя отверстиями, через которые пропусклась веревка, связанная вкруг; закручивая веревку с обоих концов и растягивая ее, приводили во вращательное движение находящуюся в середине пластинку (рис. 13 В). «Тыалы-ынгыгар» (призывающая ветер) представляла собой лучинку с привязанной на одном конце длинной веревкой (рис. 13 А); взяв веревку за свободный конец, лучинку начинали вращать, и она, благодаря наличию зубчатых вырезов на краях, издавала жужжание. Странное название вертушки объясняется тем, что

звук при вращении якобы навлекали непогоду, поэтому детям часто запрещалось играть ими.

Имеются детские игры, напоминающие наши: «кабылык» (подбрасывание рукой деревянных палочек и ловля их), подкидывание деревянной лопаточкой «ломуора» — деревянного цилиндрика длиной 6—7 см с заостренным расщепленным концом; в расщеп вкладывается кусок оленьей шкуры с шерстью. Участники игры, имея деревянную лопаточ-

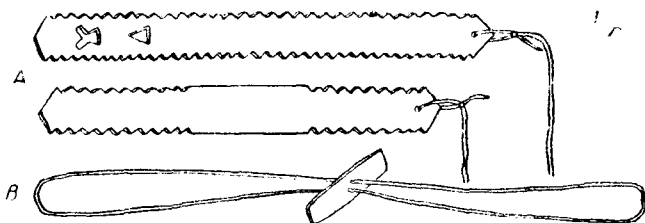

Рис. 13. Детские вертушки

ку длиной около 0,5 м, подбрасывает ею ломуор вверх и стараются не дать ему упасть на землю. Этой игрой также увлекаются и взрослые.

Зимой дети, особенно мальчики, играя, учатся ловить оленей арканом. Для этого они устанавливают рядом черепа убитых оленей и на-

Рис. 14. Детская игра — ловля оленей арканом. Фото П. Б. Слепцова

брасывают на рога аркан. Таким образом с детства приобретается та удивительная ловкость и меткость, с которой долганы ловят оленей (рис. 14).

Упомянем еще игру в озера (кюэль онню). Из двух оленьих арканов делают на земле два круга на некотором расстоянии один от другого. Между ними становится «волк», который ловит перебегающих из одного озера в другое детей, изображающих оленей. Волк, поймав оленя, гладит его ладонью по лицу, тот становится «слепым» и помогает «волку» ловить «оленей».

Кроме перечисленных игр среди долганских детей большим успехом пользовалось составление из веревки на пальцах различных фигур, изо-

бражающих сети, спину расшитой женской одежды, ножку куропатки, мережу для ловли рыб и ножницы (рис. 15). С помощью веревки проделывались также различные фокусы, например, «резание пальцев» (или бысар, рис. 16), «пропускание ножниц» (каптыйы тасарар) и «удушение» (монгуннарар).

Детский возраст, по представлениям долган, кончается очень рано: 8—9-летние дети считаются у них уже взрослыми, имеют своих оленей, на которых ездили; мальчики 10—12 лет получали право самостоятельно охотиться на диких оленей и участвовать наравне с совершеннолетними в общем разговоре и во всех семейных совещаниях. Девочки 10—12 лет помогали в хозяйстве, готовя еду и обшивая родителей. Еще до указанного возраста детям разрешалось курить табак.

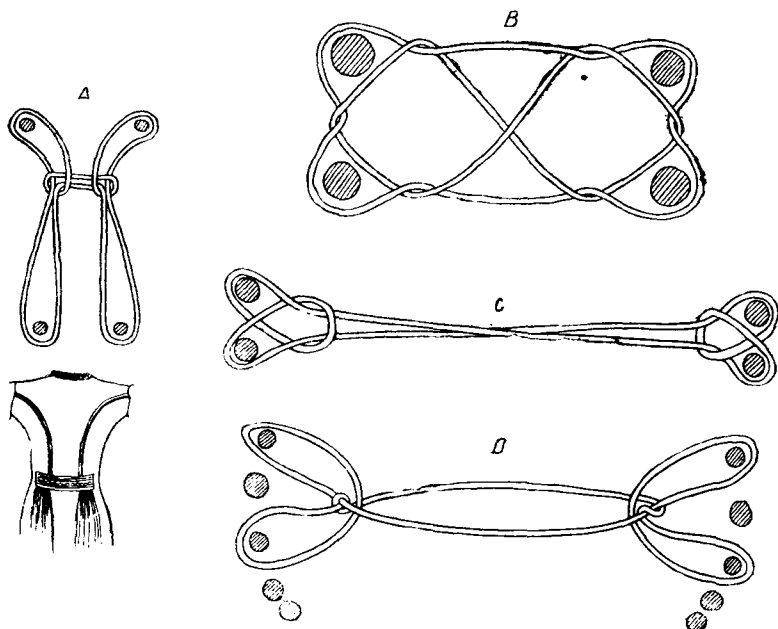

Рис. 15. Составление из шнура различных фигур на пальцах

А — спина женской шубы; В — крупная рыболовная сеть; С — ножницы; Д — ножки куропатки

К своим родителям долганские дети всегда относились с большим почтением; подростки ежедневно после утренней и вечерней молитвы подходили к ним под благословение. Если дети отказывались помогать престарелым родителям, что случалось очень редко, суд старейшин обязывал их к этому. Сыновей или дочерей, обращающихся плохо с матерями, укоряли, говоря: «Подумай о том, как мать вынашивала тебя в продолжение девяти месяцев». Если старший сын, живущий вместе с отцом, относился к нему с должным уважением, он получал от отца разрешение распоряжаться оленями из стада по своему усмотрению, за исключением наделенных или полученных в дар, составляющих собственность кого-либо из членов семьи. Но если сын был мот и картежник, отец не только не давал ему такого права, но даже мог лишить его наследства. Такое лишение, впрочем, редко практиковалось, так как отец, в надежде, что сын оступится, женил его и отделял от себя, наделив полагавшимся числом оленей. Если сын проматывал и этих оленей, то отец иногда вторично давал ему из жалости 5—6 оленей, после чего сын уже не мог претендовать ни на что. Любимый же сын, уме-

ший угождать родителям, и после выделения наследства пользовался вниманием родителей, которые ему всегда оказывали помощь.

III

Долганские юноши и девушки встречались и знакомились на танцах, происходивших либо в дни бывших христианских праздников, либо на семейных торжествах (свадьбах, именинах и пр.). К пригланувшейся девушке молодой человек засылал женщину — «суорумджу» и просил ее переслать через эту женщину свое колечко. Если девушка симпатизировала молодому человеку, она исполняла его просьбу, но иногда говорила суорумджу: «Если он действительно на меня имеет мысль, пусть сам выпрашивает». Тогда молодой человек был вынужден выпрашивать у девушки подарок. При этом, отдавая кольцо, девушка говорила ему (или передавала через суорумджу): «Пусть он в такое-то время уплатит». В указанное время молодой человек отдавал девушке более ценной вещь, чем подаренное ею кольцо. Молодому человеку, получившему от девушки кольцо, тем самым разрешались интимные ночные посещения. Если дело происходило летом, то любовник, живущий в другом чуме, приезжал днем, якобы в гости, в чум своей девушки и примечал, у которых по счету (от входа) жердей чума она будет спать ночью. С наступлением ночи любовник один или со своим приятелем подкрадывался к чуму. Если он приезжал на оленях, то привязывал их на некотором расстоянии. Чтобы не было

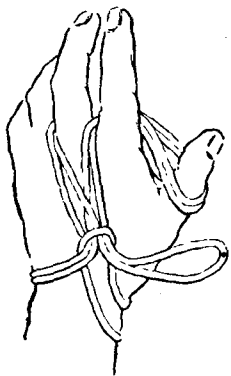

Рис. 16. Детские фокусы с бичевкой — «разрезание пальцев»

Наверху — схема петель бичевки (М — мизинец, Б — безымянный палец, С — средний, У — указательный, Б — большой). Снимают петли с большого пальца и тянут; веревка свободно снимается, как бы разрезая все пальцы.

шума, на ноги он надевал чулки с вывороченным наружу мехом. Подползая к чуму, любовник снимал натазники, отбрасывал дерн, придавливающий нюк у того места, где лежит его девушка, и пролезал таким образом в чум. Оставшийся снаружи приятель укладывал куски дерна на их прежнее место. Зимой, когда долганы жили в нартяных чумах, молодой человек, оставаясь ночевать, старался лечь поближе к своей любимой. Если же она спала в отдельном блоке или нартяном чуме, любовник тайком приходил к ней и откидывал концом своего ножа крюк запора. Девушка отдавалась «гостю» вполне добровольно, без ее согласия он не мог овладеть ею.

Любовники приходили к своим девушкам обычно тогда, когда все уже уснут и спят глубоким, наиболее крепким сном. Под утро же редко какая девушка решалась впустить любовника, боясь, что окружающие могут проснуться. Боязнь эта была скорее притворная, так как в большинстве случаев родители смотрели на все это сквозь пальцы. Но бывали отцы, которые поступали иначе. У пойманного на месте любовника они отбирали одну оленью ляжку и пояс и даже одного оленя. Таких отцов общественное мнение сильно порицало. Подобные случаи чаще встречались в Норильском районе, на востоке же к подобного рода

делам относились снисходительнее. Но даже и в Норильском районе родители, заметив ночью присутствие любовника, ничего не предпринимали и только утром говорили ему: «Ты должен был бы нужду свою выполнить втайне», отнимали у него оленя и вышеуказанные части упряжи. В Норильском же районе некоторые ревнивые родители, желая уберечь своих дочерей от покушения любовников, укладывали их спать рядом с собой.

Иногда случалось, что девушка, несмотря на взаимный обмен подарками, ночью не допускала к себе любовника. В этих случаях некоторые из любовников просили вернуть им подарки. Такое поведение молодых людей отнюдь не поощрялось обществом.

Интимные отношения между молодыми людьми ни в какой мере не обязывали их к браку; прижитые вне брака дети не служили препятствием к выходу девушки замуж и обычно оставались у своего деда со стороны матери. Мне приходилось встречать долганских девушек, имевших двух-трех ребят, причем девушки эти не скрывали имен своих любовников. Одна почтенная, еще не старая долганка в присутствии мужа и многочисленных гостей даже с некоторой гордостью говорила, что она в девицах прижила трех сыновей, которые теперь ей помогают. Беременность девушек только тогда вызывала осуждение, когда обнаруживалась у невесты после сговора. После брака иметь любовников или любовниц считалось предосудительным, что, однако, не мешало многим романтическим приключениям.

Насколько свободные половые общения считались у долган обычными, свидетельствует следующий рассказ, записанный мной у долгана Павла Яроцкого на р. Пясины, на станке Крыс.

«В старину две девицы жили, обе очень богатые. Одна — вольная, кто бы к ней ни пришел, с собой укладывает, будь то старый, будь то молодой; и кто бы что у ней ни просил, никому не отказывала, все, что было у ней, раздавала. Другая девица божьего земного человека² к себе не подпускала, очень чисто жила. Вольной другая говорила: «Зачем ты без стыда живешь?» Вольная говорит: «Я тех людей, которые со мной ложатся, отогреваю, как же им откажу?»

Вскоре после этого вольная умерла. После смерти видит: идет светлая дорога вверх, темная — вниз. Пойти бы ей по светлой дороге, да рыбьих костей и чешуи набросано много. «Как же в верхний мир попаду? — говоря печалится. — Должно быть это мои несчастья», — думает. Сзади кто-то ей говорит: «Куда пойдя, заблудилась?» — «Я после смерти дороги своей не найду». — «Ну, в мою сторону оглянись! Ты раньше, рыбу чистя, кости и чешую выбрасывала?» — «Да, выбрасывала». — «Это грешно, — говорит голос, — но все же это незначительный грех. Может быть еще имелись у тебя грехи, отчего ты заблудилась?» — говорит имеющий голос. Девка та говорит: «Грехи мои куда же денутся? Раньше вольной была. Говорили, что это греховно». — «Нет, это не грех, — говорит имеющий голос. — Ты мною создана, чтобы бездетной быть. Между тем, ложась вместе с людьми, многих, наверное, ты отогревала. Разве тебе непонятно, что это — благо? Ты посмотри-ка над головой своей!» Девка посмотрела, наверху пресветлое-светлое небо раскрылось, по нему солнца лучам подобные три светлые веревки спустились. «Вот это сделанное тобой добро превратилось в нити, связывающие с айы» (добрые боже-ства. — А. П.) Затем голос сказал: «Ты давала ли просящим у тебя?» — «Давала», — ответила девушка. — «Вот посмотри, во что превращается твоя щедрость». Когда взглянула вверх, многие цветные нити спускаются. Так, оказывается, поднялась эта девушка в страну айы.

Умирает и воздержная девушка. После смерти, на перепутье придя, также она заблудилась. Сзади голос послышался: «Какими грехами грешив, заблудившись стоишь? На это говорит: «Грехов у меня нет». — «Хорошо ли чистила рыбу?» — «Хорошо», — отвечает. — «Я тебя предназначил рожать детей, почему ты, свое детородное место закрыв, никому не отдаваясь, жила? Не тот только зовется ребенком, у которого есть законный отец, и без отца рожденному не присущ: ничто дурное; это большой твой грех! Ну, а давала ты что-нибудь людям?» — «Одной старухе одну нитку раз подала». — «Где это твоя нитка?». — «Где же я ее найду», поду-

² Людей долганы называют «божьими людьми» в отличие от «абасы» — злых духов.

мав, оглянулась та девушка; глядь, ее нитка на плечах человека лежит. Взяв нитку, человек говорит: «Мало ты хорошего имеешь, оказывается! Но все же дай, попробуй, может, нитка тебя и выдержит!». Заставил ту девку взяться за конец нитки и попробовал было поднять. Где же нитке выдержать? Нитка обрывалась, и девка в преисподнюю провалилась».

Существование в прошлом так называемого «гостеприимного гетеризма» у долган находит подтверждение в двух литературных источниках. У Третьякова читаем: «Не без ропота иногда соглашались девушки на жертву целомудрия для минутного гостя, которого хотел почтить хозяин»³. Второе упоминание мы встречаем у Латкина: «В старые годы, даже еще в нынешнем столетии, отец нередко продавал свою дочь или сестру заезжему гостю, пообещавшему за это приятное угощение, хорошо заплатить, или даже даром, если этому гостю нужно было чем-нибудь особенно угодить ради своего личного интереса или прибыли. Ныне обычай этот совсем вывелся»⁴.

IV

До самого недавнего времени считалось большим грехом (айы) мужчинам оставаться холостыми, женщинам незамужними. После смерти «души их должны были стать еретиками» (джеретинник), пугающими живых людей, оставаясь на земле у могилы умершего, не уходя в страну мертвых. Но если девушка, оставаясь незамужней, рожала детей, душа ее не превращалась в «еретика». Также считалась грехом женитьба вдовца. Поженившись, долганы редко расходятся, боясь греха. Беря себе первую жену, мужчина действует по предопределению доброго божества: эта женщина для него рождена и ему предназначена. Если вдовец после смерти жены женится вторично, айы (доброе божество) перестает к нему хорошо относиться (айытын эйетя арагар). Айы не указывает человеку в жены десять женщин, а назначает только одну. Поэтому вторичный брак совершается не по соизволению айы, а по собственной воле человека. Когда двоеженец умирает, он в загробной жизни соединяется с первой женой, вторая его жена находится отдельно у своих родственников по материнской линии. Если же долган после смерти своей второй жены женится и в третий раз, то уж это случается по внушению злого духа — абасы, и человек впадает в большой грех. После смерти он вместе со своими женами уходит к абасы.

Если для вдовца считалось греховным вступить в брак вторично, то вдове запрещалось выходить замуж. Когда вдова приживала ребенка, это не считалось предосудительным, только она не должна была сходиться с родственниками умершего мужа. Таким образом, запретным считался официальный брак, но не внебрачные отношения, что указывает на позднейшее возникновение такого запрета, может быть, под влиянием христианства. Самое слово «джеретинник» есть не что иное, как русское «еретик», известное и якутам.

Браки между малолетними в недавнем прошлом были очень распространены. Два друга «женили» своих малолетних детей. Отец мальчика брал к себе девочку своего друга. Мальчик и девочка воспитывались вместе, как брат и сестра, лет до десяти, когда их женили. Иногда отцы договаривались о женитьбе своих детей, когда они были очень маленькими. Отцы давали друг другу обещание, что дети их впоследствии обязательно должны стать мужем и женой. При этом отец жениха отдавал

³ Третьяков. Туруханский край, его природа и жители, 1869, стр. 406.

⁴ Н. В. Латкин. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее, СПб., 1892.

отцу невесты часть калыма (тыл бастынгата — начало уговора): хорошего оленя и песцовую шубу. Дети лет до десяти жили отдельно, каждый у своих родителей, затем их женили. Если ко времени женитьбы девочка умирала, отец ее должен был возвратить взятую часть калыма. В случае отказа прибегали к помощи суда старейшин.

Много бывало неравных браков. Так, если имелась красивая и работающая девушка лет 15—18, ее сватали мальчику 7—8 лет. Невеста жила в чуме жениха в качестве воспитанницы, пока жених не подрастал. Так поступали родители жениха, чтобы не упустить красивую и хозяйственную невестку. При неравных браках большое значение имело также экономическое и общественное положение старого жениха или старой невесты.

Детей принято было женить (или выдавать замуж) по старшинству, чтобы, отделив старших детей, тем самым отстранить их от права наследования. Тогда они после смерти отца не помешают младшим братьям получить полагающееся им наследство.

Браки среди родственников у долган обычно разрешались только в четвертом поколении по материнской или по отцовской линии, но часто допускались и нарушения этих запретов. Например, в Норильском районе, если у вдовы не бывало сына, она отдавала свою дочь за сына своего младшего брата, говоря, что она «возвращает свою кость» (унгуок-пун тённёрёбюн). Если по отцовской линии до четвертого поколения оказывалась девушка хозяйственная и работающая, брали ее в жены родственники по матери, говоря, что в старину из этого же рода брали себе жен их люди. Вообще у долган была тенденция, чтобы браки после третьего поколения, когда уже родства не будет, совершались между потомками братьев и сестер, «чтобы родство вернулось в свое поколение».

Как на пережитки группового брака следует указать на кузенный брак и на левират. Оба эти явления можно было встретить еще совсем недавно в Норильском районе. Согласно обычаю левирата, младший брат женился на вдове своего старшего брата. Если младших братьев было несколько, женился тот из них, который первым успевал сделать предложение.

Запрещались браки между приемными братьями и сестрами, так как родной и приемный отец считались родственниками. Но приемному сыну разрешалось жениться на дочери брата приемного отца и наоборот. Близкими почитались лишь родственники до четвертого поколения. Родственники по мужской и женской линии из другого рода считались дальними — сыджан. Наиболее близкими, сюржак уру — «сердце родственников», назывались: а) внук или внучка для деда или бабушки и б) между собой — сыновья (или дочери), братья и сестры (см. таблицу родства в конце статьи).

Порешив сватать девушку, родители жениха выспрашивали окольными путями у родственников о ее достоинствах и недостатках. Часто случалось, что родственники невесты обманывали родителей жениха, приписывая девушке небывалые достоинства, а впоследствии оправдывались перед ними, говоря: «Пестрота птицы снаружи, пестрота человека внутри, почему мы знаем, что она имеет дурные качества». Родные невесты также собирали сведения о женихе.

Перед женитьбой сына или выдачей замуж дочери родители советовались с близкими родственниками отца; из числа последних исключались замужние сестры отца, которые считались посторонними. Если большинство родственников на совещании высказывалось против брака, он расстраивался.

Перед тем как выбрать невесту, высчитывали, из какого рода чаще всего брали себе жен их предки, и старались выбрать ее из этого же

рода. При сговоре родители как жениха, так и невесты совершенно не считались с желаниями своих детей.

Сватом (суорумджу) обязательно должен быть человек пожилой и уважаемый, бойкий на слова, не обидчивый, имеющий большую выдержку на случай, если отец невесты захотел бы испытать его терпение. Таких сватов-профессионалов бывало немного, их знали наперечет и посылали за ними за 100—200 километров. Сговор никогда не происходил в конце дня. Считалось, что сватовство в конце дня бывает несчастливым. Если сват приезжал поздно, он заводил разговоры о цели своего приезда только на другое утро. Перед тем как отправиться к невесте, сват договаривался с отцом жениха относительно размера калыма за невесту, исходя из которого, он мог вести переговоры. Но часто сват вынужден был увеличить стоимость калыма из-за неговорчивости отца невесты. При этом отец жениха должен был уплатить обещанный сватом калым без всяких возражений, как бы высок он ни был.

В районе восточной тундры сват, приезжая к родителям невесты, заходил в чум, крестился на образа и, поздоровавшись со всеми за руку, говорил стоя: «Вот я по закону прибыл к этому твоему ребенку. В сегодняшний день говоримые слова от бога испрашивайте. Поэтому вот человек с таким-то именем (называл), от головы до ног кланяясь, от бога испрашивая, наших детей желает сделать имеющими одну постель. Вот ради этого, прося чистым сердцем, для начала (дословно: для раскрытия) я кладу». После этого из кошелька вынимал десять рублей и клал их на стол. По словам долгана Онуфрия Поротова, сват иногда вместе с деньгами клал на стол и шкурку лисицы. В случае согласия отец невесты деньги принимал. Если же он был по долганским понятиям человек порядочный (маны), то говорил: «Грех, что за причуды, и без этого переговорим», Сват, пожимая руку, благодарил его. Случалось и так, что родители невесты ничего не говорили свату и денег назад не возвращали. В таких случаях сват, не дожидаясь ответа, ехал назад. Если при вторичном приезде свата деньги и лисица оказывались за дверьми, это означало отказ. В случае согласия деньги попрежнему лежали на столе.

По словам Степана Дуракова, сват, возвращаясь к отцу жениха, говорил: «Они как будто молчат», давая этим знать, что переговоры могут продолжаться. После этих слов сват снова ехал к родителям невесты, захватив с собой подарки: для отца шкурку лисицы, для матери шкуру волка и для старшего брата невесты шкурку лисицы или волка. Приехав на место и войдя в чум, сват говорил: «Ну, старик со старухой, посоветуйтесь от всего сердца. Для вашего совета моего сердца и моей печени подношение». Если родители невесты были против, они сбрасывали шкурку на пол. Если же они этого не делали, сват, ни слова не говоря, ехал обратно к отцу жениха и выжидал там несколько дней. Родители невесты, в случае несогласия, деньги и шкурки отсылали назад с посторонним человеком. Если этого не случалось, сват опять ехал к родителям невесты и, войдя в чум, сразу же спрашивал: «Что надумали?». Родители невесты молчали; тогда сват говорил: «С того времени, когда еще земля была величиной со шкуру с головы оленя быка, бе́я человека (в жены), растапливая огонь, живут. От этого люди, рождаясь и размножаясь, живут из века в век. Вот ради такого предопределения человек, от человека взяв (жену), живет. Поэтому я прошу: рассуди! Затем, если так, ум свой и мысли свои умерьте!» (дословно: держите). Если молчание продолжалось, это означало согласие, и сват вынимал из-за пазухи и отдавал отцу шкурку лисицы, матери — росомахи. Отец невесты после этого обращался к свату: «Если действительно всем сердцем и печенью просите, тогда не знаю». Сват усаживался и говорил: «Старик со старухой, я может быть и позабуду что-либо,

если бы что-либо хотите рассказать — расскажите, если только имеете ко мне слово». На это отец говорил, обращаясь к матери невесты: «С какими же словами буду я — человек? Ты скажи». Мать отвечала: «Что буду знать? Я только родила ведь. Ты будешь знать, ты мужчина. Ты — много раз мерзнувший и страдавший ради нее». Этим исчерпывались разговоры о согласии.

Но не всегда дело улаживалось так скоро. Случалось, что отец невесты начинал говорить, что он никакого согласия не давал, а если и был повод думать о положительном ответе, то это было лишь простой случайностью, что сват напрасно пристаёт к нему. В таких случаях со стороны свата требовалась большая выдержка и умение вести искусные переговоры, которые почти всегда кончались в пользу ловкого свата.

В Норильском районе упорствующий отец невесты, соглашаясь говорить: «Так и быть, дай мне лучшего оленя». Сват исполнял это требование. Иногда отец невесты молчал, тогда сват вынужден был «на раскрытие рта» дать ему шкуру лисицы. Но и это иногда не помогало. Тогда сват начинал держать себя вызывающе, чтобы выудить у отца невесты хоть одно слово и втянуть упряма в дальнейший разговор.

По получении согласия начинались деловые переговоры относительно калыма, требующие больших дипломатических способностей со стороны свата. Калым (сулү) делился на две части: 1) передний калым (бастыкы сулү), названный так потому, что отдавался сначала, состоял, главным образом, из вещей и небольшого числа оленей; 2) черный калым (кара сулү) — большой, состоящий исключительно из оленей. Определенных размеров для калыма не существовало, величина его определялась по уговору, в зависимости от различных условий (знатность происхождения, красота невесты, жадность родителей и т. д.). Мною в качестве примеров записаны следующие размеры калыма:

Большой размер: 1) передний калым — на выбор: четыре быка, четыре нетели, один верховой олень-«манчик» (дрессированный для охоты); старухе (матери невесты) — два оленя: передовой и пристяжной на одну нарту, «чтобы она до самой смерти могла ездить на них»; три волчьи или россомашьи шкуры, четыре лисьи шкурки, две шкурки голубого песка и одна соболя, два ровдужных (летних) нюка (покрышка для чума), четыре песцовые шубы и кроме того одна песцовая шуба для старухи, женские волчьи наголенники, песцовое одеяло, хорошее платье для старухи, медный котел и ружье; 2) черный калым — 60, 80 или 100 оленей.

Средний размер: 1) передний калым: три ездовые нарты (отцу, матери и старшему брату невесты) с упряжью, из трех оленей, всего девять оленей; четыре волчьи или песцовые женские шубы, ровдужный нюк, две лисьи, одна россомашья, две волчьи шкуры и от 60 до 100 рублей деньгами; 2) черный калым — 60 оленей.

Малый размер: 1) передний калым: 10 или 12 отборных оленей, две волчьи, две россомашьи и две лисьи шкуры: более зажиточные прибавляли к этому еще шкурку лисицы, шкурку голубого песка и пять или шесть шкурок обыкновенного песка; 2) черный калым — от 40 оленей.

В старину в состав богатств богатого калыма входили котел и ружье с кремневым замком, представлявшее большую ценность.

В то время, как для переднего калыма выбирались самые отборные молодые и лучшие олени, черный калым составлялся из оленей среднего качества. Когда передний калым был готов, отдавали его на другой же день; если нет, просили подождать и договориться о сроках. Длительный срок отдачи калыма служил препятствием

к браку. Когда бóльшая часть переднего калыма уплачивалась, невесту не задерживали, и даже, если впоследствии жених отказывался от уплаты остатка калыма, брак не расторгался. Родители невесты обычно утешались тем, что если зять честный человек, то он когда-либо заплатит. Действительно, случаи невыплаты бывали очень редки. Однако, если из 60 оленей калыма было отдано сорок, то в приданое вместо пяти нарт отдавали три. Из калыма в первую очередь уплачивали восемь оленей, ровдужный нюк, шубы, шкурки зверей и деньги. Когда передний калым уплачивался, уславливались о дне пригона оленей черного калыма; этот день должен был обязательно совпадать с первым днем свадьбы. При этом все веревки приведенных в калым оленей вместе с одним оленем возвращались назад отцу жениха, «чтобы веревки не вернулись пустыми».

После сговора свободная жизнь как жениха, так и невесты ограничивалась; они уже не принимали участия в свиданиях молодежи. Если родственники с невестинной стороны (кынгаттар) видели жениха танцующим с девушками и узнавали, что он продолжает обмениваться с ними подарками, осуждали его, говоря: «Давши слово, он должен был бы воздерживаться».

В день свадьбы чумы отца невесты и отца жениха устанавливались поблизости. В зависимости от материального благосостояния у каждого чума убивалось от одного до пяти оленей для угощения собравшихся гостей. Кроме того, жених убивал еще одного оленя и мясо его посылал отцу невесты. Затем жених, вместе со своими приятелями, ловил оленей для черного калыма. В то же время молодые люди около чума невесты ловили оленей, отдаваемых в приданое. Невеста танцевала на улице, с подругами и молодыми людьми. Поймав оленей для черного калыма, привязывали их на одну веревку, одного за другим, к задней спинке нарты свата, который ехал впереди жениха и вел их.

Сват и жених, подъезжая к чуму невесты, трижды по ходу солнца объезжали вокруг чума. Затем сват один, без жениха, заходил в чум и говорил: «Зять приехал». В это время присутствующие запускали приведенных оленей в специальную загородку, устроенную из натянутых к деревьям арканов и опрокинутых нарт. Вместе с женихом приезжало много гостей. На улице сват за руку подводил жениха к отцу невесты; жених вел на ремне важеньку (няльджин) и передавал ее будущему тестю. Затем жених вместе с гостями оставался на улице до тех пор, пока не приготавливали угощение и не постилали брачное ложе; его стелила одна из родственниц невесты.

В то время, как гости ожидали на улице угощения, сват, неоднократно перебегая от чума невесты к гостям, в насмешливом тоне передавал им о том, что делается внутри чума. В это время отец невесты принимал оленей черного калыма. В районе восточной тундры все олени обычно принимались безоговорочно; в Норильском же районе отец невесты часто браковал некоторых оленей, отсылал их обратно, ожидая вместо них других. При требовательности отца невесты дело иногда затягивалось до позднего вечера.

Чванливый отец невесты заставлял гостей долго мерзнуть на улице. Когда, наконец, угощение и постель были готовы и олени черного калыма приняты, сват вводил в чум одного только жениха и заставлял его молиться перед иконами. Невеста становилась рядом и молилась вместе с женихом. После этого сват обращался к жениху: «Большому тестю кланяясь, попроси у него руку». Жених и невеста кланялись в ноги и подходили под благословение к родителям невесты и ко всем родственникам старше ее по летам. Те благословляли и давали целовать руку с пожеланиями всякого благополучия. При этом сват отдавал отцу невесты десять рублей, а всем ее родственникам — отрезки материи

и платки. В Норильске вместо денег сват вручал отцу невесты шкурку лисицы, а матери — шкурку песца или шубу. Эти подарки носили название юнгю — мольба, просьба. После этих подношений присутствующая родня невесты вставала и здоровалась за руку с женихом, не делая этого в отношении сопровождающих.

После обряда благословения жениха и невесту сажали за полог, и только когда они усаживались там, впускали гостей по строго установленной очереди. При этом родственники невесты выходили на улицу и за руку вводили гостей: взрослые — взрослых, дети — детей, и рассказывали их: в первую очередь вводились самые близкие родственники и наиболее почетные гости, а также иноземцы (якуты, русские, тунгусы). Чтобы не ошибиться, родные невесты перед впуском справлялись у знакомых, кто из гостей имеет право на первую очередь. Перед впуском гостей выбирались два человека — «люди, показывающие будущее» (ыр кёрдёрёр джон) из числа талантливых импровизаторов. Один из них выставлялся родней жениха, другой — родней невесты. Наличие их не всегда было обязательно.

Когда все почетные люди усаживались, отец невесты обращался: «Гости! Какие разговоры имеете?» Сват отвечал: «Имеем слово». Тогда человек с жениховой стороны витиевато и красочно описывал предстоящую жизнь молодых в согласии и ладу между собой, говорил о числе детей, о богатстве и т. д. и заканчивал: «Мои слова окончились, теперь вы расскажите». Тогда такую же речь произносил человек с невестиней стороны. Смотря по тому, какая речь была лучше, судили о более счастливой жизни жениха или невесты. После этого женщина из родни невесты поила гостей чаем и распоряжалась угощением. После «первой еды», т. е. после чая, «пока еще не раскрыли стол» (остуолу асыар иннигер), еще не начали угощаться, — все гости выходили на улицу и молодежь до «второго» угощения затевала танцы. В это же время происходил обряд раздачи калыма (сулу туттарар).

Если отцу невесты по бедности было не под силу собрать требуемое приданое, он объезжал своих близких родственников и просил дать для приданого какую-либо вещь, например шубу, котел и т. д., а за это обещал уплатить оленями из калыма. Если же отец невесты был состоятельным, он раздавал оленей калыма близким родственникам, говоря: «Вот вам мой подарок ко крестному вхождению моего ребенка». Получившие оленей родственники через год одаривали новобрачных вещами, превышающими стоимость полученных оленей. Получавшие оленей тут же вырезали на их ушах свои знаки и привязывали оленей к своим нартам. Затем гости возвращались в чум. Жених и невеста выходили из-за полога и садились вместе со всеми. После первой смены угощали вторую смену гостей, состоявшую из незнатных людей. Впуск гостей в чум в две смены долганы объясняли тем, что испробовать самую лучшую пищу должны почетные люди и иноземцы (бастынг асы джосун киси, омук киси колуюктак); в действительности же это вызывалось малыми размерами чума.

В некоторых семьях в районе восточной тундры жених проводил брачную ночь в чуме невесты и только на третий день увозил ее. В Норильском районе невеста в старину ехала верхом на олене, которого, вела на поводу почетная старуха из родни жениха, опираясь на деревянный крюк для вешания котла (этот крюк она оставляла себе). Невесту с обеих сторон поддерживали две женщины.

Перед приездом невесты в чум жениха привозили брачную постель. Впереди ехал сват, после него жених и за ними уже невеста, имея сзади на привязи оленей, нагруженных приданым. Невеста надевала две шубы из сукна (сонтап) и доху, расшитую узорами (ардайдах сангыях).

В Норильском районе о размерах приданого договаривался сват, в других местах этого не делалось, так как приданое зависело от размеров калыма. Если для калыма выделялось 60 оленей, то приданое состояло из 45 оленей. Богатое приданое состояло из 60—70 отборных оленей различного возраста, не упряжных и не старых. Телят должно было быть не более двух или трех. Кроме оленей в приданое входило у богатых семь, у бедных пять нарт, запряженных лучшими оленями (по паре у богатых и по одному у бедных). В число этих нарт включался также и нартяной чум, под который запрягались четыре оленя.

В нартах находились шкурки песца или волчьи, нюки (у богатых на целый чум, у бедных на половину чума), 15—16 женских и грузовых оленьих седел, зимняя упряжь с поясом из цветного сукна, вышитого бисером, женский посох для верховой езды с железным крюком с насечками, самовар, чайник и другая посуда, дорожный покупной погребец, украшения и пр. Все это должно было быть новое, недержанное или по крайней мере чистое.

В приданое давались две шубы, из которых одну надевала невеста: каждая из этих шуб должна была иметь отдельно надевающийся суконый верх, расшитый по подолу цветными лентами или бисером. Из одежды в приданое включались также: женская меховая обувь, расшитая бисером, и волчьи наколенники. Перед тем, как вещи, входившие в приданое, укладывали в сундуки, во внутрь их клали мелкие деньги, чтобы каждая из них «имела нутро». Каждая из санок, выделяемых в приданое, должна была иметь груз, хотя бы и незначительный, так как привозить их пустыми считалось грехом. В Норильском районе на каждую нарту с приданным клали по кусочку мяса специально для этой цели убитого оленя. Это называлось содержимым сумы (матанга ися). Приданое на нартах покрывалось оленьими шкурами и увязывалось веревками.

Когда поезд с невестой подъезжал к чуму жениха, сват шел к родителям жениха и объявлял им о приезде. Прибывшие трижды по ходу солнца объезжали вокруг чума. В Норильском районе сама невеста объезжала вокруг чума, но, когда она заходила в чум, кто-нибудь другой вожил ее оленей. Назывался этот обряд — введение в пепелище (сараны булларар). Невесту вводила в чум жениха знатная старуха, обязательно не родственница. Невеста вместе с женихом молились на иконы, затем земно кланялись отцу и матери, подходили под благословение и целовали руку. Родители жениха благословляли новобрачных, желая им счастливой жизни. Невеста при этом одаривала их деньгами или шкурами дорогих зверей, причем подарки эти должны были быть гораздо дороже подарков жениха, так как отец невесты желал прихвастнуть перед отцом жениха. В чуме жениха также происходило угощение гостей в две смены. В старину на свадьбу всегда призывался шаман. Он перед угощением, стоя в обычной одежде, без обрядового костюма, и опершись на олений посох невесты, призывал благоволение добрых божеств и духов, выражая новобрачным пожелание долгой и счастливой жизни. После этого первая, почетная смена садилась за угощение.

После этого отец жениха выходил посмотреть оленей, даваемых в приданое, и предлагал выбирать из их числа людям, оказавшим материальную помощь при снаряжении калыма. После угощения, при свете дня происходил обычай просмотра приданого, не имеющий места у норильских долган. Отец жениха выходил на улицу, просматривал все вещи приданого, раскрывая сундуки. Если приданое оказывалось не равноценным калыму, это вызывало всеобщее осуждение. Обычно отец невесты старался включить побольше ценных вещей в приданое, чтобы не опозорить себя. Этим кончались обряды долганской свадьбы. Собравшиеся гости проводили день в еде, играх и плясках и поздно вечером

уезжали. Отец и мать невесты оставались у жениха три дня. Отец жениха дарил родителям невесты перед их отъездом одного оленя (ого керёрю), на которого они должны были смотреть вместо своей дочери. Этого оленя очень берегли. На третий день утром молодая разливала чай. За этим чаем отец громко поучал ее: «Ты с этого времени должна больше слушаться своего мужа. Свекровка твоя отныне все равно, что твоя родная мать. Свекор — что твой родной отец. Почитай их и слушайся, не ругайся с ними».

У норильских долган молодая в продолжение трех дней не работала в чуме, не готовила пищу и не прикасалась к огню. Только на третий день она варила мясо, привезенное с собой. С этого времени молодая должна была слушаться свекрови и свекра больше, чем своих родителей. Между невесткой и родителями мужа устанавливались определенные запреты. Так, невестка не могла пить чай из чашки свекра, свекор — из чашки невестки. Свекор не мог садиться на постель невестки.

Сиротам свадьбу устраивал род отца, при этом приданое снаряжали из пяти нарт.

V

Муж и жена при обращении говорят друг другу: «Э дуо!» (эй, друг!), не называя по имени. Муж, упоминая о жене, говорит: «моя старуха», жена о муже — «мой человек». Только в редких случаях муж и жена зовут по именам один другого, но это считается признаком дурного тона и указывает на взаимное неуважение супругов. Якутское слово «ойах» — жена — у долган почти не встречается, особенно в Норильском районе, и заменяется словом «джактар» — женщина. Мужчина говорит не «моя жена», а «моя женщина». Основным трудом мужчины считается уход за оленями и охота. Если семья испытывает недостаток в еде, винят в этом мужчину. Женщина выполняет все домашние работы. У хорошей хозяйки чум должен быть теплым и чистым, юбки не дырявые, тщательно заплатаемые. По состоянию чума судят о хозяйке.

Олени, за исключением полученных женой в подарок от родственников (няджыма) или в результате гощения (ыаллаты таба), а также запрягаемых под ее нарту и под нарты с ее имуществом (посуда, одежда и мелкие предметы домашнего обихода), считались собственностью мужа. Из этого исключались олени детей, полученные ими в подарок от родственников. Собственностью жены считалось содержимое санок приданого, включая посуду, шкурки зверей и деньги. Этим имуществом женщины имели право распоряжаться по своему усмотрению. Некоторые мужья чинили этому препятствия, но такое поведение рассматривалось как правонарушение. Деньгами, полученными от продажи своего имущества, женщина также имела право распоряжаться по своему усмотрению. Олени, входившие в состав приданого, считались приносящими счастье, и некоторые семьи их никуда не продавали в продолжение трех лет. В семье могли быть песцовые ловушки-пасти, принадлежащие жене, сыновьям и дочерям. Но это было только фикцией, так как все попадающие в пасти песцы считались собственностью отца. Причина этого заключалась в следующем: когда в пасти переставала попадаться добыча, отец семьи, их владелец, думал, что это случилось оттого, что ушло счастье и что, может быть, зверь попадется на счастье кого-либо из семьи; тогда отец фиктивно распределял свои пасти между членами семьи. Когда дочь выходила замуж, эти пасти, представлявшие ее фиктивную собственность, оставались во владении отца.

Разводятся долганы очень редко. Причинами развода служат: неверность мужа или жены и другие семейные неполадки. Если на суде старейшин подтверждалась виновность жены, она должна была возвратить мужу половину стоимости калыма; если же виновным оказывался муж,

то он должен был вернуть жене половину ценности приданого. Когда приданое бывало более ценным, чем калым, или калым по ценности был больше приданого, возвращение половины стоимости не происходило. После развода женщина уходила к своим родственникам или родственникам, которые обязаны были содержать ее, не трогая ни ее оленей, ни ее собственности; она считалась равноправным членом семьи и помогала по хозяйству. Ее дети обычно оставались у отца.

Хотя долгины неодобрительно относились к вторичному браку вдовы (см. выше), но при выходе вдовы замуж также устраивалась свадьба. Если она выходила замуж без согласия родственников умершего мужа, последние отбирали ее детей и половину имущества, оставшегося после смерти мужа. При наличии у вдовы трех детей родственники мужа отнимали у нее только двоих. Если мать не желала отдавать детей, родственники соглашались подождать, пока дети не станут совершеннолетними. Если дети вдовы до совершеннолетия оставались при матери, вышедшей замуж, большая часть имущества оставалась при ней и только незначительная часть переходила к брату умершего мужа. Если на детей вдовы претендовали несколько родственников, суд старейшин при- суждал всех детей вместе отдать одному, чтобы не разлучать их друг с другом. Этому опекуну передавали изъятую у вдовы половину имущества мужа (оленей). Опекун должен был содержать этих оленей в полной сохранности и впоследствии вместе с приплодом передать их своим опекаемым. Если опекун плохо содержал детей, общество передавало их другому родственнику. Если дети оставались круглыми сиротами, их брали на воспитание родственники по отцу. Родственники по матери только тогда брали детей, когда в момент смерти отца или матери не было родственников по отцу. Последние, узнав об этом, приезжали к родственникам матери и забирали у них детей умершего, не желая оставлять их в чужом роде.

При выходе вдовы замуж за своего родича имущество ее покойного мужа оставалось при ней, но если она уходила в чужой род, ей оставался произвольный маленький надел, а остальную часть имущества умершего оставлял у себя род последнего, так как считалась недопустимой передача имущества чужим (бай омука барара туктери).

Отец перед смертью наделял своих детей, живущих совместно с ним, наследством и, кроме того, дарил по одному оленю своим ближайшим друзьям, прося детей, чтобы они относились к ним с большим уважением ради его памяти. Дети, жившие самостоятельным хозяйством, наследства не получали, так как им выделена была доля еще при жизни отца. Наследниками становились младшие сыновья, жившие вместе с отцом до самой его смерти. Ловушки-пасти вместе с другим имуществом также передавались по наследству. До совершеннолетия наследника его пастями безвозмездно пользовался кто-либо из родичей.

Если умерший имел воспитанника, взятого не у своих братьев или без их согласия из чужого рода, то воспитанник получал только половину наследства, другая же половина делилась между остальными сыновьями покойного. Но если воспитанник был взят с согласия братьев покойного, наследство переходило к нему целиком.

Вдова по смерти мужа обычно оставалась жить у своего младшего сына. Если брак был бездетным, то половину имущества умершего мужа отдавали брату последнего. Но если вдова умела доказать, что большая часть оленей является приплодом оленей ее приданого, она была вправе ничего не давать. После смерти вдовы имущество доставалось жене того сына, у которого она жила; эта невестка, по своему усмотрению, должна была подарить на память о матери по одной или по две вещи сестрам своего мужа. Часто сестры мужа получали от невестки не те вещи, которые хотели бы иметь, и поэтому бывали недовольны.

Но дело обычно до суда старейшин не доходило. Сестры жаловались брату на невестку, и он заставлял ее отдать просимые вещи.

После смерти бездетной вдовы ее личное имущество (главным образом приданое) доставалось ее родному брату. Но если жена умирала при жизни мужа, все ее имущество доставалось ему. Долги умершего должны были платить сын или вдова. Кредиторы считали неудобным напоминать о долгах в первый год после смерти и ждали еще год.

Сводная таблица долганских терминов родства и свойства

Предлагаемая таблица долганского родства и свойства не отражает родственных отношений в прошлом, поскольку все термины в ней якутские. Они, очевидно, сложились взамен прежних в результате якутского культурного влияния. К сожалению, не представляется возможным сопоставить долганские термины родства с якутскими из-за отсутствия подробных записей последних. Такое сопоставление имело бы известное значение, поскольку нами замечено, что некоторые якутские слова приняли у долган иной смысл.

А га — отец.

А ми р а н — отчим.

Б а л ы с — младший брат, младшая сестра, сын моей сестры, жена сына моей сестры, дочь моей сестры, муж дочери моей сестры, сын брата моего отца (моложе меня)⁵, дочь брата моего отца (мл.), сын сына брата моего отца, сын сына сестры моего отца, дочь моего брата (мл.), дочь сына сестры моего отца (мл.), сын дочери сестры моего отца (мл.), дочь дочери сестры моего отца (мл.), сын брата отца моего отца (мл.), дочь брата отца моего отца (мл.), дочь брата моего мужа.

Б а л т ы м у о л а — сын моего брата (младшего).

Д ж а к т а р — жена.

И й е и л и н я — мать. И й е р э н — мачеха.

К и н и т — жена сына моего брата (младшего), жена сына брата моего отца (мл.), жена сына брата моей матери (мл.), дочь сына брата моей матери (мл.), дочь сестры моей матери (мл.), жена сына сестры отца моего отца (мл.), жена сына сестры моей матери (мл.), жена моего сына, жена брата моего мужа (мл.), жена брата моей жены (мл.), жена моего брата (мл.), сестра жены моего брата (мл.).

К ю т ю ё — муж дочери моего брата (старше меня)⁶, муж дочери брата моего отца (ст.), муж дочери брата моей матери (мл.), муж сестры моей матери (старшей), муж дочери сестры моей матери (ст.), муж дочери сестры отца моего отца (ст.), муж сестры отца моей матери, муж сестры матери моего отца (старше отца), муж сестры моего отца (старшей), муж моей сестры (старшей), муж дочери брата моей матери (ст.), муж дочери брата отца моего отца (ст.), муж сестры жены моего брата (старшего).

К ю т ю ё т — муж дочери моего брата (младшего), муж дочери брата моего отца (мл.), муж дочери сестры моей матери (мл.), муж дочери брата отца моего отца (мл.), муж сестры матери моего отца (моложе отца), муж сестры моего мужа (младшего), муж сестры моей жены (младшей), муж сестры отца моей жены (моложе моей жены), муж сестры моей (младшей; я — мужчина, я — женщина), муж моей дочери, муж дочери сестры отца моего отца (мл.), муж сестры жены моего брата (младшего; я — мужчина).

К ы л ы н — муж сестры моей жены (старшей), брат моей жены (старший), отец моей жены, сын брата отца моей жены (старше жены), муж сестры отца моей жены (старше жены), брат матери моей жены, муж сестры матери моей жены, сын сестры матери моей жены (старше жены).

И й е к ы л ы н — сестра моей жены (старше жены), жена брата моей жены (старшего), жена брата отца моей жены, дочь брата отца моей жены (старше жены), сестра отца моей жены, мать моей жены, жена брата матери моей жены, сестра матери моей жены, дочь сестры матери моей жены (старше жены).

У л а к а н к ы л ы н — брат отца моей жены (старше жены).

К у ч ч у г у й к ы л ы н — брат отца моей жены (моложе жены).

К о д о г о й — сестра жены брата моего отца, сестра жены брата моего мужа, сестра мужа моей сестры (я — мужчина), сестра жены моего брата (я — женщина), сестра мужа моей сестры (я — женщина), сестра жены брата моей жены.

⁵ В дальнейшем термин «моложе меня» обозначаем сокращенно (мл.).

⁶ «Старше меня» обозначаем (ст.).

Котун — жена брата моего мужа (старше мужа), мать моего мужа.

Кюр я балыс — брат моей жены (моложе жены), сын брата моей жены, дочь брата моей жены, сын брата отца моей жены (моложе жены), дочь брата отца моей жены (моложе жены), сын брата матери моей жены, дочь брата матери моей жены, сын сестры матери моей жены (моложе жены), дочь сестры матери моей жены (моложе жены), сестра моей жены (моложе жены).

Кыс — дочь, дочь брата матери моего мужа (моложе мужа), сестра отца моего мужа (моложе мужа), дочь сестры матери моего мужа, сестра моего мужа (моложе мужа).

Ого — внук моего брата, внука моего брата, внук моей сестры, внука моей сестры, дочь сына сестры моей матери, сын дочери сестры моей матери, сын сына сестры моей матери (мл.), дочь дочери сестры моей матери, сын брата моего мужа (младшего), дочь брата моего мужа (младшего), сын сестры моего мужа, дочь моего брата моложе меня (младшей), дочь сестры моего мужа (младшего), дочь сестры матери моего мужа (младшей), сын сестры матери моего мужа (младшей), пасынок, падчерица.

Огом уола — внука. Огом кыса — внука.

Сангас — жена сына моего брата (ст.), жена брата моего отца (младшего), жена сына брата моего отца (ст.), жена брата моей матери, жена сына брата моей матери (старшего), дочь сына брата моей матери, дочь сестры моей матери (ст. меня), жена сына брата отца моего отца (ст.), жена сына сестры отца моего отца (ст.), жена сына сестры матери моей матери (старшего), жена моего брата (старшего, я — мужчина), сестра жены моего брата (старшего; я — мужчина), жена брата матери моей матери (если брат моложе матери).

Сиен — сын сестры отца моего отца, дочь сестры отца моего отца.

Сурджум — сын сына брата моего отца (мл.; я — женщина), сын сына сестры моего отца (мл.; я — женщина).

Сыган — сын сестры матери моего отца, дочь сестры матери моего отца.

Тай — брат моей матери, сын брата моей матери, дочь брата моей матери, сын сына брата моей матери, сын дочери брата моей матери, дочь дочери брата моей матери, сын брата отца моей матери, дочь брата отца моей матери, сестры отца моей матери, брат матери моей матери, сын брата матери моей матери, жена сына брата матери моей матери, сын брата матери моего отца, дочь брата матери моего отца.

Кат тай — муж дочери брата матери моей матери, сын сестры матери моей матери, дочь сестры матери моей матери, муж дочери сестры матери моей матери, дочь брата моей матери (ст.).

Тойон — брат моего мужа (старший).

Тюнгюр — брат мужа сестры моей матери, муж сестры жены моего брата (я — мужчина).

Убай — сын брата моего отца (ст.), дочь брата моего отца (ст.), сын сына брата моего отца (ст.), сын сына сестры моего отца (ст.), дочь дочери сестры моего отца (ст.), сын сестры моей матери (ст.), сын сына сестры моей матери (ст.), сын брата отца моего отца (ст.), дочь брата отца моего отца (ст.), сын сестры отца моей матери, дочь сестры отца моей матери.

Уол — сын, брат моего мужа (моложе мужа), сын брата матери моего мужа (моложе мужа).

Уру — сын сестры моей жены, дочь сестры моей жены, дочь сестры отца моей жены.

Эбе — бабушка, жена брата моего отца, сестра моей матери, жена брата отца моего отца, сестра отца моего отца, жена брата отца моей матери, жена брата матери моей матери, жена брата моего отца, жена брата моего мужа (старшего), сестра моего мужа (старше мужа), жена брата отца моего мужа, сестра отца моего мужа (старше мужа), жена брата матери моего мужа, дочь брата матери моего мужа (старше мужа), сестра матери моего мужа, дочь сестры матери моего мужа (старше мужа), мать моего мужа.

Эбем уола — сын сестры моего мужа (ст.), сын сестры отца моего мужа.

Эбем кыса — дочь сестры моего мужа (ст.), дочь сестры отца моего мужа.

Эджий — дочь брата моего отца (мл.), дочь брата моей матери (мл.), младшая сестра моей матери, муж сестры моей матери (мл.), сын сестры моей матери (мл.), сестра матери моего отца (моложе отца).

Эр — муж.

Ея — дед, брат моего отца (старший), муж сестры моего отца, брат отца моей матери, брат матери моего отца, брат моего мужа (старший), отец моего мужа, брат отца моего мужа, брат матери моего мужа, сын брата матери моего мужа, муж сестры матери моего мужа, сын сестры матери моего мужа (старше мужа).

Эсям огото — сын брата отца моего мужа а, дочь брата отца моего мужа.

• Ынара эбя — сестра матери моей матери. Ынара эся — муж сестры матери моей матери.

М. Г. ЛЕВИН

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ТИПАХ УПРЯЖНОГО СОБАКОВОДСТВА

I

Вопрос о происхождении упряжного собаководства, генезисе и распространении его отдельных типов, вопрос о соотношении упряжного собаководства и упряжного оленеводства, — все это части одной более широкой проблемы — соотношений хозяйственно-культурных комплексов Северной Азии, общего направления развития северных культур.

Несмотря на большое количество подробных описаний техники упряжного собаководства отдельных районов, все эти вопросы освещены в этнографической литературе очень недостаточно и даже вопросы классификации типов собаководства не могут считаться достаточно разработанными. Рассмотрению этих вопросов необходимо предпослать несколько общих замечаний.

Уже самый термин «упряжное собаководство» требует пояснения и более точного определения. В этнографической литературе этот термин употребляется различно. Одни авторы понимают под упряжным собаководством всякое использование собаки в качестве упряжного животного, другие же — только определенные, наиболее сложные формы такого использования, имеющие строгие области своего распространения в Северной Азии и Северной Америке. Такая неточность терминологии может вести, естественно, к недоразумениям, и мы условимся понимать в дальнейшем под упряжным собаководством соответственно только те специализированные формы транспортного собаководства, которые связаны с наличием ездовых собак, специально тренируемых и используемых только для транспорта, с наличием определенных типов собачьих нарт, собачьей упряжки и методов езды на собаках.

Использование собаки в качестве транспортного животного — явление, значительно более широко распространенное, чем упряжное собаководство в собственном смысле слова. Если даже оставаться в пределах Северной Азии и Америки, то и на этой территории упряжное собаководство является лишь одним, наиболее развитым, способом использования собаки для транспорта, наряду с которым существуют и другие, менее совершенные, но более широко распространенные способы собачьего транспорта. Сюда относится собственно вся территория Северной Америки, за исключением области эскимосов. На значительной части этой территории было очень широко распространено использование собаки под выюк. Собака использовалась у различных групп американских индейцев для переноски тюков и перетаскивания шестов палатки при перекочевках. По Кларку Висслеру, использование собаки под выюк в Северной Америке было значительно шире распространено, чем употребление нарт и тоббоганов, и покрывало различные культурно-хозяйственные области Северной Америки: область культуры охотников на карибу, область культуры охотников за бизоном и частично внутреннюю часть области культуры рыболовов лосося. Значение этого собачьего

вьючного транспорта в жизни североамериканских индейцев было очень велико. Обширные миграции индейцев, пишет Висслер, были значительно облегчены благодаря их вьючным собачьим караванам¹. Использование собаки под вьюк встречается и у эскимосов². В настоящее время использование вьючных собак в Северной Азии не зарегистрировано этнографическими материалами, но данные фольклора, к сожалению, еще совсем не систематизированные, говорят о наличии в прошлом и у некоторых народов Северной Азии этого способа транспортного использования собаки. Так, Л. П. Потапов сообщает одно предание шорцев, в котором рассказывается о шорце по имени «Куюк», жившем на горе близ Кызаса. Куюк существовал исключительно охотой на крупного зверя. Он ходил в тайгу всегда пешком, вооруженный луком и железными стрелами. Его сопровождали только злые собаки, на которых он, при возвращении с промысла, вьючил добычу, так как он не имел деревянных ручных нарт. Про Куюка рассказывают еще, что кроме диких зверей он ел змей и насекомых³. Указания на использование собаки под вьюк мы находим и в фольклоре гилаков.

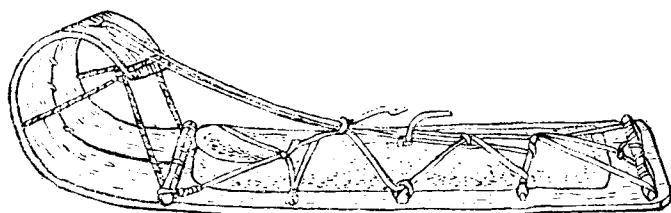

Рис. 1. Тоббоган канадских индейцев (по Mason'y).

Но и использование собаки в качестве тяговой силы оказывается также более широко распространенным, чем собственно упряжное собаководство. Начнем опять с Северной Америки. Здесь широко распространен, как известно, примитивный тип саней в виде загнутой доски, так называемый тоббоган (рис. 1). Тоббоган служит индейцам для перевозки тяжестей при перекочевке, как зимой, так и летом. В тоббоган нередко впрягается одна или пара собак, но это использование собаки принципиально отличается от упряжного собаководства в том определении, которое дано было нами выше. У индейцев тоббоган является не собачьей, а ручной нарттой, которую тянет человек, прибегая к собачьей тяге в помощь себе. Специальных ездовых собак здесь нет, и в тоббоган впрягается в помощь охотнику одна-две охотничьих собаки. Иной способ собачьего транспорта мы встречаем у индейцев прерий (область культуры охотников за бизонами), где практикуется особая собачья волокуша. Волокуша представляет собою две жерди, соединенные посередине поперечной перекладиной, на которую кладется груз. Спереди жерди привязаны к лямке, которую собака тянет грудью. В волокушу впрягается всегда только одна собака. Отметим еще раз, что во всех рассмотренных нами случаях упряжки собак у североамериканских индейцев она никогда не служит для перевозки людей, а всегда только для перетаскивания груза.

Сходные способы использования собаки для помощи охотнику при перетаскивании охотничьей нарти широко распространены у различных народов Северной Азии. Для нашей темы все эти формы употребления

¹ A. Clark Wissler. The American Indian. An introduction to the 'Anthropology of the New World, 1922.

² H. W. Klutshak. Als Eskimo unter den Eskimos, 1881. (Приведено по Л. Шренку)

³ Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории. Труды Института востоковедения АН СССР, XV, 1936, стр. 22.

собаки для транспорта представляют особый интерес, и мы остановимся на них подробнее.

У тунгусов бассейна р. Сыма, в группе, сохранившей в своем быту и культуре много древних элементов по сравнению со своими восточными соплеменниками, — во время зимней охоты оленей отпускают в тайгу и не пользуются ими для транспорта. При перекочевках груз перевозят на специальной охотничьей нарточке, которую охотник тянет при помощи лямки. Эта лямка в виде двух петель надевается охотником на плечи и двумя концами привязывается к углам нарты. Мужчина обычно тянет нарту один; женщина для облегчения использует еще собаку, которую впрягают в специальную лямку, от которой к нарте идет длинный ремень-потяг (рис. 2)⁴. То же сообщает Г. М. Василевич о токминских

Рис. 2. Собака помогает женщине тянуть нарту (эвенки р. Сыма; по материалам Г. М. Василевич)

и непских тунгусах (р. Непа — левый приток Нижней Тунгуски в верхнем ее течении, а р. Токма — левый приток р. Непы). В указанных районах охотник при перекочевках использует охотничью собаку для помощи себе, впрягая ее в весьма примитивную охотничью нарту. Также у эвенков Подкаменной и Верхней Тунгуски охотничьи собаки помогают охотнику, идущему на лыжах, тащить охотничью нарточку⁵. У кетов в Подкаменно-Тунгусской и Елогуйско-Дубчевской группах, где оленеводство или отсутствует или очень мало развито, и у кетов-оленоводоов более северных групп охотник отправляется на зимний промысел пешком, таща с собой охотничью ручную нарту с припасами, пищей. Тащить нарту охотнику помогает собака, впрягаемая в лямку. Как правило, в охотничью нарту впрягается в помощь охотнику одна собака⁶. Б. О. Долгих красочно описывает перекочевку кетов: «Собаки кетов летом впрягаются по одной или по две в илимку и медленно буксируют последнюю вдоль берега, а зимой они тащат поодиночке небольшие нарты (суль, в отличие от оленьих нарт — буончал), пробираясь с ними по лесу по следу, который прокладывает идущий впереди на лыжах, тоже большей частью тащащий нарту, кет. Вся эта процессия движется очень медленно по глубокому снегу и обычно заканчивается тоже впряженной в нарту женщиной»⁷. У селькупов к ручной нарте, на которой

⁴ Г. М. Василевич. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея. Советский Север, 1931, № 10; Она же. Кoryтообразная нарта сымских эвенков (рукопись).

⁵ В. Г. Богораз. Новые данные по этнографии малых народов Севера. Советская Азия, № 3, 1926, стр. 52.

⁶ Б. О. Долгих. Устное сообщение; А. Я. Тугаринов. Туземцы Приенисейского севера. Библиотека Приенисейского краеведа, Красноярск, 1927, стр. 3.

⁷ Б. О. Долгих. Кеты. Иркутск, 1934, стр. 82.

охотник перевозит свой охотничий запас и добычу, обычно подпрягается собака (рис. 3)⁸. Интересные данные сообщает Дунин-Горкавич об остояках, живущих по р. Малой Сосве,— группе пеших охотников, не имеющих ни лошадей, ни оленей. Малососвинские остояки, пишет Дунин-Горкавич, славут за лучших звероловов, рыболовство же у них развито очень мало. Звериным промыслом у них занимаются даже женщины.

Рис. 3. Собака помогает женщине тянуть груженую нарту (селькупы; по фотографии П. Е. Островских, колл. МАЭ, № И-889-15)

Промышляют, главным образом, лося и соболя. Пеший охотник отправляется на промысел на лыжах, перевозя весь необходимый припас и скарб на нарточке, которая, как сообщает Дунин-Горкавич, отличается от обыкновенных собачьих нарт по своей величине и конструкции. В нарту впрягается сам охотник, которому помогают охотничьи собаки⁹.

Рис. 4. Собака помогает тянуть груженую нарту (вогулы; из книги К. Д. Носилова)

⁸ Е. Д. Прокофьева. Устное сообщение.

⁹ А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север, СПб., 1904, стр. 90. Об остояках еще Паллас сообщал, что, «уходя на промысел, нищу каждый тянет за собой на нартах или на маленьких салазках» (Путешествие по разным провинциям Российского Государства, ч. III, 1778, стр. 64).

То же мы встречаем у вогулов. В книге очерков Носилова о вогулах приведена фотография нарты, которую тянет за лямку женщина с помощью собаки (рис. 4) ¹⁰. У вогулов и остяков на р. Конде, по наблюдениям В. Н. Чернецова, собака повсеместно впрягается в ручную нарту в помощь охотнику ¹¹. Б. А. Васильев, описывая охотничью нарту орочей, сообщает, что в нее, помимо самого охотника, впрягается для помощи ему собака ¹². Тот же автор пишет, что у эвенков р. Тумни в охотничьи нарты, сходные с охотничьей нартой орочей, запрягается сам охотник или припрягает в помощь себе 1—2 собаки ¹³. Этот же тип ис-

Рис. 5. Перекочевка юкагиров (колл. МАЭ, № 4399—114).

пользования собаки как помощника охотнику при перетаскивании ручной нарты был распространен некогда, повидимому, у чуванцев, о которых Богораз сообщает, что у них в нарту впрягали трех собак, которые лишь помогали человеку, тянущему нарту ¹⁴. То же встречаем мы и у юкагиров (рис. 5).

Число приведенных примеров использования собаки для помощи охотнику при кочевке с ручной нартой можно было бы, вероятно, значительно увеличить, но, к сожалению, в этнографической литературе эти, мало обращающие на себя внимание, способы транспортного использования собаки не получили должного отражения.

¹⁰ К. Д. Носилов. У вогулов. Очерки и наброски, 1904, стр. 65.

¹¹ В. Н. Чернецов. Устное сообщение.

¹² Б. А. Васильев. Старинные способы охоты у приморских орочей. Советская этнография, III, 1940, стр. 165.

¹³ Там же.

¹⁴ В. Г. Богораз. Очерки культуры народов Севера. Рукопись. Архив Института этнографии АН СССР.

Охотничья собака используется как помощник не только при перевозке нарт. Своеобразное применение получила тяговая сила собаки у кетов, у которых собака в специальной лямке помогает тащить илимку (большую досчатую лодку с крытой берестяными полотнищами каютой посередине, на которой кеты совершают летом свои перекочевки по реке вверх по течению). Использование собак для запряжки в лодку встречается у гиляков на западном побережье Сахалина. Использование собаки в качестве гужевой силы для упряжки в лодку практиковалось у юкагиров, у чукчей¹⁵, камчадалов, у северных якутов, у затундренских крестьян Красноярского края¹⁶. Следует специально отметить широкое употребление ручной нарты не только мужчиной-охотником, но и женщиной, и использование собаки для помощи себе при перетаскивании ручной нарты, пожалуй, даже чаще женщинами.

Каково историко-этнографическое значение рассмотренных форм транспортного использования собаки? Каково их отношение к упряжному собаководству? К этим вопросам мы вернемся ниже при рассмотрении способов упряжки и различных типов нарт. Здесь же укажем только, что и ареал распространения этих форм, охватывающий, как мы видели, почти всю Северную Америку, и тесная связь их с охотничьей практикой, и наличие таких способов, как использование собаки под выюк,— все это делает мало вероятным предположение, что различные несовершенные способы использования собаки для транспорта возникли под влиянием упряжного собаководства или представляют собой деградировавшие формы последнего.

II

Выше было уже указано широкое распространение ручной нарты, везомой человеком, в помощь которому часто впрягается собака. Но еще чаще охотник с ручной нарткой обходится и без помощи собаки. На территории Северной Азии ручная нарта распространена повсеместно. Мы находим ее у народностей Алтае-Саянского нагорья, у различных групп бассейна Оби и Енисея, у тунгусов в различных районах их распространения, у юкагиров, у народностей Амура и др. Ручная нарта в употреблении у лопарей, у зырян-охотников, у русских охотников Севера.

По своей конструкции ручные нарты весьма разнообразны; среди ручных нарт представлены различные типы, в том числе и наиболее примитивные формы саней вообще. Так, лопари нередко употребляют для доставки туши убитого животного с места охоты простую шкуру лося или оленя, которая служит им «санями»¹⁷. У эскимосов Иглулак применяются волоки из шкур моржа или мускусного быка. Шкура смачивается водой и замораживается в необходимой для употребления форме¹⁸. Такой же способ описывает Л. П. Потапов у шорцев. На охоте шорцы употребляли деревянные нарты, которые тянули за собой идя на лыжах. Но у тех же шорцев встречается, очевидно, более древний способ перевозки охотничьего запаса. Это кусок конской кожи с шерстью, куда завертывается запас, зашнуровывается и волокится на лямке по

¹⁵ И в настоящее время береговые чукчи при переездах вдоль побережья впрягают двух собак, которые тянут байдару (устное сообщение Г. Ф. Дебеца).

¹⁶ Б. О. Долгих. Устное сообщение.

¹⁷ Хэтт (Lappiske slaedeformer, Geografisk Tidsskrift, Copenhagen, XXII, 4, 1913), а вслед за ним Доннер (Quelques traîneaux primitifs. Finnisch-ugriscche Forschungen, V. XV, N. 1—3, 1915) и Монтандон (L'ologénèse culturelle, 1934) рассматривали этот способ транспортировки как известный только у лопарей и в Северной Азии не встречающийся.

¹⁸ Boas. The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay. Bull. Amer. Mus. of Nat. Hist., XV, 1907, p. 90.

снегу сзади охотника¹⁹. Применение шкуры животных для перетаскивания в тайге клади во время промысла было распространено в недавнем прошлом у кумандинцев и шалганцев²⁰. Сымские тунгусы, наряду со специальной ручной нартой, о которой будет сказано ниже, нередко употребляют за неимением нарты замороженную в виде короба шкуру, на которой во время пешей кочевки зимой женщины перевозят свой скарб²¹. Употребление засушенной коробом шкуры для перетаскивания груза вместо ручной нарты отмечалось у индигирских тунгусов Прибайкалья²². На столь же примитивных способах перетаскивания груза по снегу при отсутствии ручной нарты, широко распространенных у индейцев Северной Америки, мы останавливаться не будем и отошлем читателя к имеющимся сводкам²³.

Среди деревянных ручных нарт Северной Азии мы также встречаемся с весьма примитивными типами²⁴. Весьма примитивный тип ручной

Рис. 6. Охотник с ручной нартой (эскимосы; колл. МАЭ, № И-115-68).

нарты описан Доннером у нарымских тунгусов. Это доска, загнутая по обоим концам кверху вроде лыжи; употребляется зимой охотником в тайге для перевозки припасов и добычи²⁵. У современных токминских и непских тунгусов недавно бытовала примитивная ручная нарта, пред-

¹⁹ Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 26.

²⁰ А. И. Новиков. Устное сообщение.

²¹ Г. М. Василевич. Корытообразная карта сымских эвенков (рукопись).

²² Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь, Иркутск, 1926, стр. 164.

²³ O. T. Mason. Primitive travel and transportation. Annual Report of the Smithsonian Institution for 1894, p. II, Washington, 1896, p. 239—593.

²⁴ Охотничьи нарты, изготавливаемые обычно охотниками от случая к случаю, мало привлекали к себе внимание. И если этнографическая литература достаточно богата детальными описаниями различных конструкций оленных и собачьих нарт, то сведения об охотничьей нарте у различных народностей Северной Азии весьма скудны. Почти не представлены они и в наших музейных собраниях.

²⁵ Kai Donner. Quelques traîneaux primitifs. Finnisch-ugrische Forschungen. B. XV, H. 1—3, 1915, S. 93.

ставляющая собой широкую и длинную доску (1,5—2 м) с загнутым сверху передним концом, которая тянется охотником за лямку во время охотничьих перекочевок²⁶. У других групп тунгусов для перевозки скарба при пешем кочевании нередко употребляются связанные между собой две лыжи, которые служат ручной нартой, везомой женщинами, иногда с помощью впрягаемой в эту импровизированную нарту собаки. Такой же способ известен и у вогулов. В. Н. Чернецов наблюдает

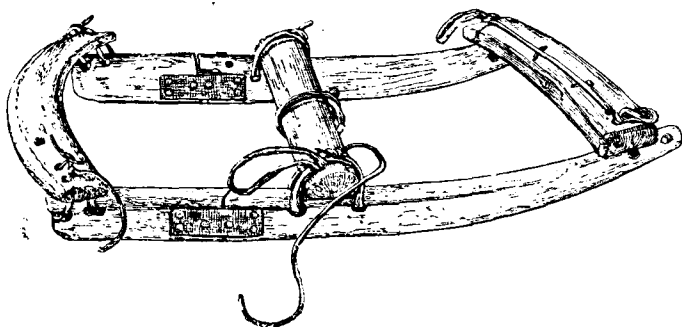

Рис. Ручная нарта для перевозки охотником туши морского зверя (чукчи; колл. МАЭ, № 4211-34).

у вогулов на р. Тап (приток р. Конды) ручную охотничью нарту из пары лыж, скрепленных двумя планками²⁷. Эти малоизученные типы досчатой нарты Северной Азии весьма сходны с тоббоганами различной конструкции, широко распространенными у индейцев Северной Америки.

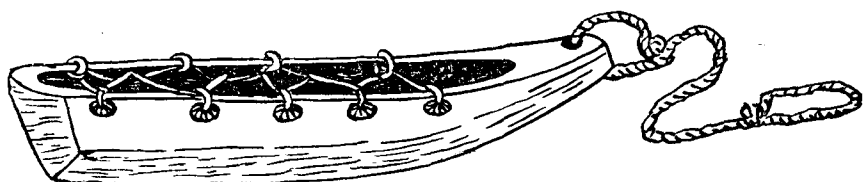

Рис. 8. Долбленная ручная нарта селькупов (по Доннеру).

ки. Ручная нарта в виде салазок весьма примитивной конструкции употребляется чукчами и эскимосами для подвозки туши убитых морских животных. Такие же салазки применяются эскимосами для перевозки лодок²⁸ (рис. 6 и 7).

Весьма интересный тип ручной нарты описан Доннером у камассинцев, у которых такая нарта продолжала бытовать еще в 1913 г., когда Доннер производил свои наблюдения. Это — нарта также в виде доски, но выдолбленной в форме плоского корыта-лодки. На такой нарте охотник перевозит с собой необходимый припас во время охоты, когда он идет на лыжах по рыхлому снегу. Тот же автор описывает сходный тип ручной нарты у остяко-самоедов р. Тыма. Ручная нарта остяко-самоедов представляет собой долбленное из бревна корыто в форме челнока

²⁶ Г. М. Василевич. Указ. рукопись.

²⁷ В. Н. Чернецов. Устное сообщение.

²⁸ W. Bogoras. The Chukchee, p. I. Material Culture, p. 107.

с острым носом и тупой кормой. На приводимом Доннером рисунке этой нарты изображена проходящая в отверстие на носу веревка с петлей, которая служит, видимо, лямкой, за которую охотник тянет нарту (рис. 8) ²⁹. Характерная нарта более сложной конструкции описана Г. М. Василевич у сымских тунгусов. Это корытообразная нарта длиной около 2 м, шириной около 0,5 м. Дном нарты служит широкая доска, загнутая с обоих концов; с доской скреплены планки, образующие боковые стенки нарты; по середине и по краям дна прибиты полозья, из которых средний загнут с обоих концов, а боковые только с переднего конца. Для крепления нарты используется кедровый корень (см. рис. 2) ³⁰.

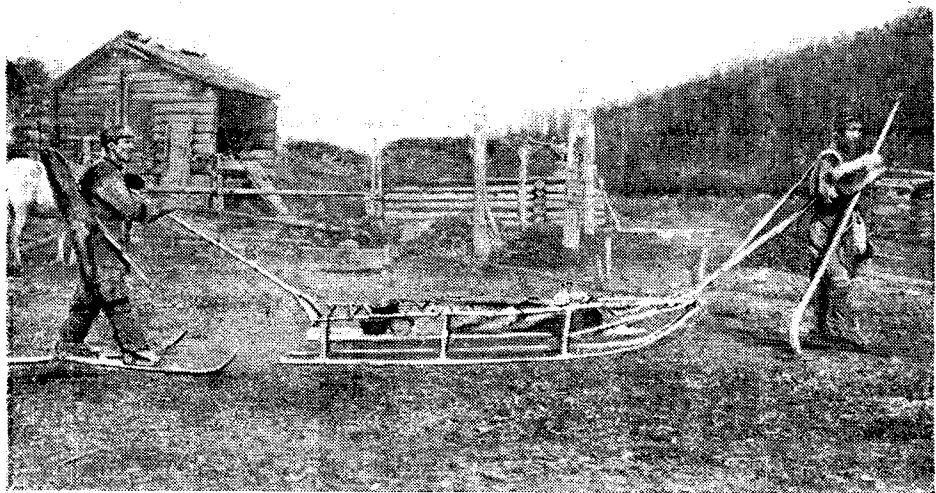

Рис. 9. Снаряжение на охоту у шорцев (фото Л. П. Потапова).

Наряду с описанными типами ручной нарты мы находим и ручные нарты более совершенной конструкции.

Это двухполозная, низкая, длинная и узкая нарта, обычно на трех парах копыльев, входящих в отверстия полозьев и дополнительно укрепленных ремешками. Копылья каждой пары связаны поперечными вязками. На поперечных вязках покоится досчатый настил. По верхним концам копыльев укреплены два параллельных прута. По обеим сторонам нарты проходит обычно сетка, натянутая между верхними прутьями и днищем. Спереди нарта снабжена дугой («бараном»), прикрепленной к передним копыльям и передним концам полозьев. Эта дуга составляет характерную особенность нарты. Ручная нарта этого типа распространена у вогулов ³¹, у остяков ³², у селькупов ³³, у ке-

²⁹ Kai Donner. Op. cit., p. 94—96. Е. Д. Прокофьева, в течение многих лет изучавшая быт селькупов, сообщила нам, что описываемый Доннером тип корытообразной ручной нарты у остяко-самоедов бассейна р. Тыма не встречается. Е. Д. Прокофьева высказывает предположение, что данные Доннера могут относиться к тымским тунгусам.

³⁰ Г. М. Василевич. Указ. рукопись.

³¹ Носилов. Указ. соч., стр. 65.

³² А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север, т. III, Тобольск, 1911, стр. 118, рис. 31, 3.

³³ Е. Д. Прокофьева. Устное сообщение.

тов³⁴, у тунгусов Северного Прибайкалья³⁵, у различных других тунгусских групп, у шорцев. Охотничья нарта совершенно сходной конструк-

Рис. 10. Охотник с ручной нартой (кеты; фото Н. К. Каргера).

ции употребляется зырянскими и русскими охотниками севера³⁶ (рис. 9, 10, 11 и 12). Интересной особенностью конструкции нарт этого типа в

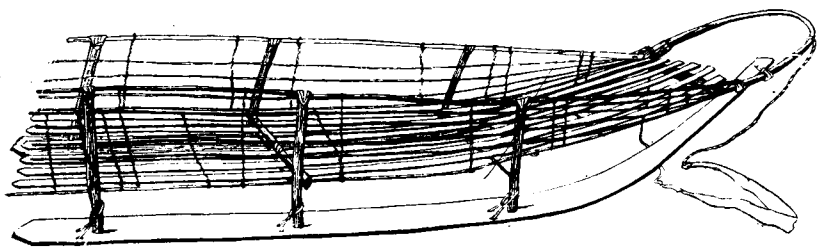

Рис. 11. Ручная нарта кетов (колл. МАЭ, №1196-17).

некоторых районах является наличие тонкой палки-оглобли, прикрепленной спереди к нарте, которой охотник направляет и тормозит нарту. Такое приспособление мы находим у шорцев³⁷, тунгусов Северного При-

³⁴ Kai Donner. Ethnological notes about the Jenisey-Ostyak (in the Turukhansk region). Mémoires de la Société Finno-ougrienne, LXVI, Helsinki, 1933.

³⁵ М. Г. Левин. Эвенки Северного Прибайкалья. Советская этнография, 1936, № 2.

³⁶ Ф. А. Арсеньев. Зыряне и их охотничьи промыслы, М., 1873 (см. рисунок на стр. 23). Ручная нарта с охотничьей ляжкой из Удорского края описана В. Н. Белицер по коллекциям Московского музея народов СССР (см. рис. 12). В 1945 г. В. Н. Белицер описана нарта совершенно сходной конструкции у коми в сел. Керчомьи и др. Устькуломского района Коми АССР.

³⁷ Потапов. Указ. соч., стр. 65.

байкаля³⁸, у вогулов³⁹. Охотничья нарта орочей имеет полозья загнутые кверху с обоих концов и, как пишет Б. А. Васильев, сходна с собачьими нартами орочей. По своим размерам охотничья нарта варьирует и бывает о двух, трех и четырех копыльях. Такие же нарты в употреблении у соседей орочей — эвенков, кочующих в Приморье⁴⁰.

В целом, как ни скуден материал по ручной нарте у народов Северной Азии, он все же позволяет заключить о большом разнообразии форм, включающем нарты самой различной конструкции, от самых примитивных до весьма совершенных типов.

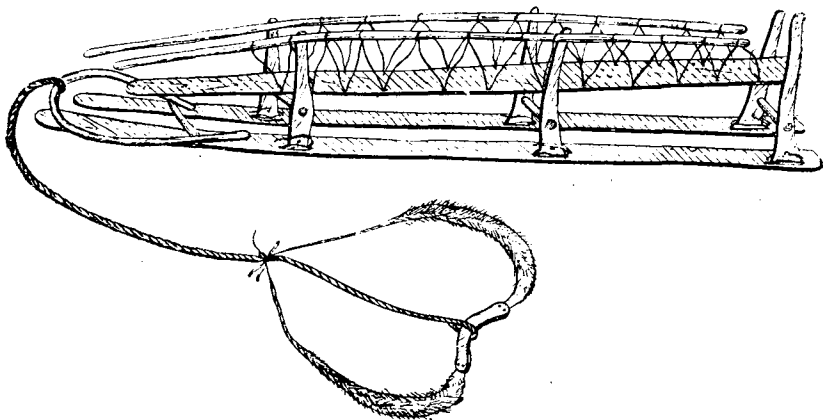

Рис. 12. Ручная нарта с лямкой (Коми, Удорский край; колл. Московского музея народоведения).

Сведения об устройстве лямки и способе запряжки собаки в ручную нарту в этнографической литературе, к сожалению, почти полностью отсутствуют. Мы смогли найти лишь очень немногие описания, которые указывают на большое разнообразие как в устройстве лямки, так и в способе запряжки собаки. Так, у кетов запряжка собаки в ручную нарту или илимку бывает различной. При запряжке в илимку, а иногда и в ручную нарту, употребляется обычно поясная лямка: петля надевается собаке обычно через брюхо, и ремень от нее к лодке или нарте проходит собаке между задних ног. Чаще при запряжке в ручную нарту употребляется грудная лямка, при которой собака тянет грудью⁴¹. На рисунке в работе Доннера⁴² собака, запряженная в ручную нарту, изображена в ошейнике-петле и тянет шеей. У селькупов петля надевается на шею собаке и продевается через переднюю лапу так, что собака тянет грудью⁴³. У сымских тунгусов употребляется грудная лямка, которая надевается на грудь собаки и проходит через спину. Чтобы лямка не ерзала, она закрепляется ремешком, проходящим через брюхо⁴⁴. Такое разнообразие форм лямки и запряжки представляет для нас большой интерес, так как говорит об отсутствии устойчивых типов, поскольку и применение собачьей тяги носит более или менее эпизодический характер.

³⁸ Личные наблюдения.

³⁹ В. Н. Чернецов. Термины средств передвижения в мансийском языке. Сборник памяти В. Г. Богораза, 1936, стр. 361.

⁴⁰ Б. А. Васильев. Указ. соч., стр. 165.

⁴¹ Б. О. Долгих. Устное сообщение.

⁴² Kai Donner. Ethnological notes about the Jenisey-Ostyak.

⁴³ Е. Д. Прокофьев. Устное сообщение.

⁴⁴ Г. М. Василевич. Указ. рукопись.

III

Прежде чем перейти к описанию отдельных типов упряжного собаководства, остановимся на археологических данных, касающихся транспортного использования собаки.

Одним из тех немногих вопросов сложной проблемы приручения и одомашнения животных, которые могут считаться в достаточной степени разрешенными, является вопрос о первом домашнем животном. Таковым едва ли не всеми исследователями принимается собака. Домашняя собака распространена по всему земному шару и отсутствовала только, повидимому, в Новой Зеландии и у бакайри Южной Америки. То, что именно собака была в громадном большинстве случаев первым домашним животным, доказывается всем разнообразием археологических и этнографических материалов⁴⁵, а также данными языка⁴⁶. В неолитических стоянках самых различных районов остатки несомненно домашней собаки весьма многочисленны. Однако отдельные находки костей собаки известны и из стоянок донеолитической эпохи⁴⁷. Для нас особенно интересны указания на наличие костей собаки среди остатков четвертичной фауны и палеолитических орудий на стоянке Афонтова гора близ Красноярска⁴⁸. Но если единичные находки костей собаки в донеолитических стоянках могут говорить лишь о первых попытках, о зачатках одомашнения волка и шакалообразных видов диких животных, то уже в эпоху раннего неолита собака в качестве домашнего животного была широко известна. В. В. Гольмстен справедливо указывает, что одомашнение собаки, как и всех других животных, требовало определенного уровня развития производительных сил — достаточного обеспечения людского коллектива продуктами охоты и рыболовства, при котором возможно было сохранение собаки, которая в противном случае убивалась на мясо⁴⁹. Вопрос о происхождении домашней собаки выходит за пределы нашего рассмотрения. Укажем только, что в специальной литературе по данному вопросу⁵⁰ считается принятым полифилетическое происхождение собаки (тогда как некоторые авторы ведут генеалогию современных собак только от подрода *Canis*, другие включают в число исходных диких форм и подрод шакала). Для нашей темы особенно интересно указание на разное происхождение собак даже в пределах группы лаек или северных собак⁵¹.

Вопрос о первоначальном использовании собаки имеет к нашей теме прямое отношение. Все писавшие на эту тему авторы указывают на весьма разностороннее использование собаки на первых этапах ее приручения. В. В. Гольмстен видит в универсальном использовании собаки на ранних этапах ее приручения характерную черту древнейшего скотоводства вообще. Этнографический материал дает нам многочисленные примеры универсального использования собаки у различных современных народов. Так, у гиляков, где собака служит упряжным животным,

⁴⁵ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. Сборник «Проблема происхождения домашних животных», вып. I, АН СССР, 1933, стр. 82 и сл.

⁴⁶ Н. Я. Марр. Одомашнение собаки. Там же, стр. 63—78.

⁴⁷ А. А. Беляницкий-Бируля. Предварительное сообщение о хищниках из четвертичных отложений Крыма. ДАН, 1930.

⁴⁸ В. И. Громов. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова гора. II. Труды комиссии по изучению четвертичного периода, т. I, 1932; Г. П. Сосновский. Поселение на Афонтовой горе. Сборник «Палеолит СССР». Изв. ГАИМК, вып. 18, 1935, стр. 125—152.

⁴⁹ В. В. Гольмстен. Указ. соч., стр. 86.

⁵⁰ См. библиографию в работе: А. Браукер. К вопросу об естественно-историческом и особенно остеологическом обследовании домашних животных СССР и сопредельных местностей. Сборник «Проблемы происхождения домашних животных», вып. I, стр. 154.

⁵¹ А. Браукер. Указ. соч., стр. 155.

существует также использование собачьего мяса, которое считается даже лакомым блюдом; шкуру употребляют для зимней одежды, шубы и наголенников⁵². То же можно сказать и о сидячих коряках, в мифологии которых можно найти многочисленные указания на питание собачьим мясом⁵³.

В числе тех функций, которые приписываются собаке на ранних стадиях приручения, постоянно указывается использование ее для транспорта⁵⁴. Широко известны работы Н. Я. Марра, в которых он на основании палеонтологического анализа названий домашних животных приходит к выводу, что собака была первым животным, использованным человеком для транспорта⁵⁵. Однако вопрос о транспортном использовании собаки во всех археологических работах становится в самой общей форме. Каково было это использование? Какие формы оно имело в различных областях? Эти вопросы не привлекали к себе внимания палеонтологов и археологов. Указывая на первоначальное транспортное использование собаки, подразумевают обычно по аналогии упряжное собаководство в том виде, как оно существует у современных собаководов Северной Азии. А вместе с тем, как мы видели, транспортное использование собаки отнюдь не ограничивается этими развитыми формами упряжного собаководства. Что дает нам по этому вопросу археологический материал?

Остатки саней в археологических памятниках крайне скудны, и датированные находки исчисляются единицами. Нужны исключительные условия для того, чтобы деревянные предметы могли сохраниться в археологических памятниках, и отсутствие остатков саней в том или другом памятнике не говорит еще поэтому об их отсутствии у доисторических насельников этих мест. Из имеющихся находок наибольший интерес представляют остатки полозьев из торфяников Финляндии, описанные Сирелиусом⁵⁶. Фрагмент из Сааряarvi в северном Тавастланде описывается Сирелиусом как полоз двуполозной нарты и датируется им неолитическим временем на основании техники обработки его, указывающей на отсутствие металлического орудия и на применение камня. Другой фрагмент из Илтистаро Сирелиус определяет как полоз однополозных саней типа современной лопарской кережки и датирует его еще более древним временем на основании микрофлоры, относящейся к ранней литориновой эпохе. Сирелиус указывает на возможность проследить по находкам развитие древних однополозных саней как в сторону лопарской кережки, так и в сторону двуполозных саней. Надо отметить, что датировка указанных остатков из торфяников Финляндии и отнесение их к неолиту вызывают сомнение⁵⁷. Из других находок следует назвать остатки полозьев саней в Горбуновском и Шигирском торфяниках на Урале, датируемые, повидимому, II—I тысячелетием до н. э.⁵⁸. Во-

⁵² Е. А. Крейнович. Собаководство гилияков и его отражение в религиозной идеологии. Этнография, 1930, № 4, стр. 29.

⁵³ W. Jochelson. The Koryak, 1908, II, p. 519.

⁵⁴ В. В. Гольмстен. Указ. соч.; Г. П. Сосновский. Древнейшие остатки собаки в Северной Азии. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 5—6, стр. 20—22.

⁵⁵ Н. Я. Марр. Указ. соч.; Он же. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. Избранные работы, т. IV, 1934.

⁵⁶ U. Sirelius. Ueber einige Prototypen des Schlittens. Journal de la Société Finno-ougrienne, XXX, 32. Он же. Zur Geschichte des prähistorischen Schlittens. Festschrift f. P. W. Schmidt, 1928.

⁵⁷ М. И. Артамонов. К истории средств передвижения. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 5—6, стр. 24.

⁵⁸ Д. Н. Эдинг. Горбуновский торфяник. Материалы по изучению Тагильского округа, вып. III, полутом I, Тагил, 1929; П. А. Дмитриев. Охота и рыболовство в восточноуральском родовом обществе. Сборник «Из истории родового общества на территории СССР». Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 195—196.

прос о реконструкции этих находок и способе их использования остается открытым.

Вопрос о назначении реконструируемых Сирелиусом древних саней решался в литературе по-разному. Сирелиус первоначально рассматривал их как полозья оленней нарты и приводил это в качестве доказательства неолитической древности оленеводства в Финляндии. Другие⁵⁹ считают эти древние сани не оленними, а собачьими нартами. К этой точке зрения склонился впоследствии и Сирелиус⁶⁰. Оба положения являются достаточно умозрительными. Скудные фрагменты двуполозных саней не позволяют говорить об их принадлежности к тому или другому типу использования, наличие же однополозных саней, сближенных с лопарской кережкой, также не дает достаточных оснований считать их именно оленней нартой. Еще Хэтт высказал мнение, что кережка лопарей восходит к древнему типу ручной пешей нарты, которую лопари, заимствовав оленеводство от самоедов, сохранили и модифицировали в качестве оленей нарты⁶¹.

Как мы видели, типы ручной нарты, продолжающие бытовать на территории Северной Азии, весьма разнообразны. Мы находим здесь, наряду с двуполозной нартой различной конструкции, разные формы, очень напоминающие как лопарскую кережку, так и реконструируемые типы древних саней Финляндии. Некоторые из описанных Сирелиусом древних саней столь малы, что могли служить скорее всего именно ручной нартой. Надо подчеркнуть, что никаких остатков собачьей или оленей упряжи вместе с перечисленными находками саней найдено не было. Сказанное относится не только к территории Финляндии. Никаких указаний на наличие упряжного собаководства и в неолите Северной Азии археологический материал не дает. Среди богатого инвентаря неолитических могильников и стоянок обширной территории Сибири не найдено никаких остатков, которые могли бы быть с достаточной вероятностью истолкованы как принадлежности собачьей упряжи или части собачьей нарты⁶². А вместе с тем, если бы упряжное собаководство существовало, то, судя по современной собачьей упряжке, мы должны были бы ожидать в стоянках значительное количество находок костяных частей собачьей сбруи.

Археология арктических областей Северной Америки благодаря многочисленным исследованиям датских и американских ученых в настоящее время достаточно хорошо изучена. Эти исследования позволили не только установить здесь наличие различных древних культур, но и наметить их хронологическую датировку и географическое распространение⁶³. Наиболее древней здесь является так называемая берингомор-

⁵⁹ O. Gander t. Forschungen zur Geschichte des Haushundes. Die Steinzeitrassen in Nordosteuropa. Mannus, N. 46, 1930 (приведено по Аптамонову).

⁶⁰ U. Sirelius. Zur Geschichte des prähistorischen Schlittens.

⁶¹ G. Hatt. Notes on reindeer nomadism. Memoirs of the American Anthropological Association, VI, No. 2, 1919.

⁶² Мы можем сослаться здесь на устное сообщение А. П. Окладникова, лично изучившего все основные стоянки и музейные материалы по неолиту Сибири. Древнейшие культурные остатки, свидетельствующие о наличии упряжного собаководства, представлены, повидимому, в стоянке на р. Полуй, недалеко от Обской губы (начало н. э.). Здесь найдены костяные детали упряжи, а также резное изображение запряженной собаки (В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских югров. Краткие сообщения ИИМК, вып. IX, стр. 23).

⁶³ Сводки этих исследований даны в работах: Henry B. Collins r. Outline of Eskimo prehistory, Smithsonian Mish. Coll. 100, 1944; Он же. Eskimo Archaeology and its bearing on the problem of Man's antiquity in America. Proceedings of the American Philosophical Society, vol. 86, No. 2, 1943; Diamond Yeness. The problem of the Eskimo. In: The American aborigines, their origin and antiquity. Toronto, p. 373—396; Mathiasen, Therkel. Archaeology of the Central Eskimos. Rept. Fifth Thule Exped., 1927.

ская культура, обнаруженная на островах Лаврентия, Диомидовых, полуострове Стюарда, в районе залива Коцебу и датированная I тысячелетием нашей эры. В районе Берингова моря эта культура примерно в IX в. сменяется пунукской культурой, которая проходит ряд стадий в направлении к культуре современных эскимосов. Время пунукской культуры X—XVII вв. н. э. Пунукская культура распространена до мыса Барроу, к западу от которого лежит область распространения культуры Тулэ. Наиболее древние остатки культуры Тулэ синхронны ранней пунукской культуре; переход от культуры Тулэ к современной культуре эскимосов датируется примерно XIII—XV вв. н. э., а на о. Соугемптон у племени Садлермиут инвентарь культуры Тулэ сохранялся вплоть до начала XX в. В районе Гудзонова залива, на Ньюфаундленде и на берегу Лабрадора обнаружена своеобразная культура Дорсет. Она синхронна, по-видимому, культуре Тулэ. Американский археологический материал позволяет довольно точно определить время распространения упряжного собаководства в Северной Америке. Среди многочисленных находок берингоморской культуры не найдено никаких принадлежностей езды на собаках, никаких следов собачьих нарт или собачьей упряжи. То же относится к пунукской культуре и с определенностью указывается для культуры Дорсет. Возможно, что носители культуры Дорсет вовсе не имели собаки⁶⁴. Для культуры Тулэ также характерна бедность предметов собачьей упряжи. Таким образом, мы должны приписать упряжному собаководству в Северной Америке совсем молодой возраст⁶⁵.

IV

Переходим к рассмотрению типов упряжного собаководства Северной Азии и Америки.

В. Г. Богораз⁶⁶ различает типы упряжного собаководства по формам упряжки. По Богоразу, упряжное собаководство делится по направлению с востока на запад на следующие типы, охватывающие как Северную Азию, так и Северную Америку: 1) упряжка веером (американская); 2) упряжка цугом (восточноазиатская); 3) различные формы упряжки, в общем менее совершенные и позднейшего происхождения (западноазиатские). Богораз особенно подчеркивает позднейшее происхождение собаководства Западной Евразии, указывая, что тип упряжки здесь или весьма несовершенный или заимствованный из оленеводства и подражающий оленьей упряжи⁶⁷. В пределах упряжки цугом различают два типа по способу прикрепления собак к центральному ремню-потягу: тип попарного прикрепления: собаки привязываются к потягу с каждой стороны парами и идут в упряжке пара за парой; тип чередующегося прикрепления: собаки привязываются к потягу с каждой стороны попеременно и идут в упряжке, чередуясь с каждой стороны. Первый тип характерен для восточносибирского собаководства, второй тип — для собаководства гиляков и Амура. Более детальную классификацию дает Йохельсон⁶⁸, который, помимо способов расположения собак в упряж-

⁶⁴ Graham Rowley. The Dorset Culture of the Eastern Arctic. American Anthropologist, vol. 42, No. 3, 1940, p. 490—499.

⁶⁵ Колинз датирует упряжное собаководство на о. Лаврентия лишь XVIII в. (Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. Smithsonian Miscellaneous Collections, vol. 96, No 1, 1937, p. 338).

⁶⁶ В. Г. Богораз. Древние переселения народов в северной Евразии и Америке. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. VI, 1927.

⁶⁷ В. Г. Богораз. Там же, стр. 44. Это положение приобретает в работе Богораз особое значение, так как составляет существенную часть в его общей концепции взаимоотношения культур Северной Евразии и Америки, рассматривающей распространение отдельных культурных комплексов в связи с палеогеографическими зонами.

⁶⁸ W. Jochelson. The Koryak. II, p. 504—507.

ке, выделяет различные типы собачьей сбруи: 1) западносибирский, 2) восточносибирский, 3) эскимосский, 4) амурский, 5) древнекамчатский. Эту классификацию повторяет Монтандон⁶⁹, который соответственно выделяет формы: вентральной (брюшной) сбруи, дорзальной (спинной) сбруи, скапулярной (лопаточной) сбруи, цервикальной (шейной) сбруи и цервико-скапулярной (шейно-лопаточной) сбруи⁷⁰.

Рассмотрим типы собачьей сбруи и их распространение.

1) Вентральная сбруя. Петля-хомут надевается собаке на брюхо, и ремень от хомута к нарте проходит собаке между ног. При этом типе сбруи собака тянет задней частью туловища. Вентральная сбруя характерна для западносибирского собаководства. Она распространена у остяков, у вогулов, а также у старожилого русского насе-

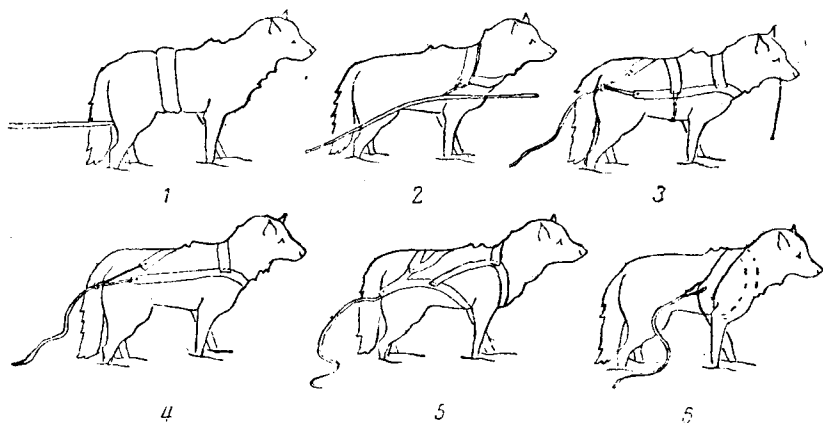

Рис. 13. Типы собачьей сбруи.

ления северо-западной Сибири (А. А. Попов описал типичную вентральную сбрую у так называемых затундренских крестьян на р. Пяси-не)⁷¹ (рис. 13, 1).

2) Цервикальная сбруя. Петля-хомут представляет собой ошейник, от которого сбоку идет ремень к потягу (главный ремешь собачьей упряжки, прикрепленный к нарте и идущий к лямке передовой собаки). При этом типе сбруи собака тянет шеей. Цервикальная сбруя характерна для гиляков и широко распространена на Амуре (рис. 13, 2).

3) Дорзальная сбруя. Сбруя представляет собой петлю-лямку с поперечиной на середине. Голова собаки просовывается в отверстие лямки и поперечина ложится на спину собаки. Ремень от лямки к потягу ложится собаке сбоку (для правой собаки слева, для левой — справа). При этом типе сбруи собака тянет прудью. В дорзальной сбруе следует различать две разновидности (что в классификации Монтандона отсутствует): тип более совершенный: петля-лямка с двумя поперечинами (а иногда с добавочной третьей) и с ремешком, проходящим под брюхом и закрепляющим лямку (рис. 13, 3); второй тип: петля-лямка

⁶⁹ G. Montandon. L'ogénèse culturelle. Traité d'ethnologie cycloculturelle et d'ergologie systématique, Paris, 1934, p. 131.

⁷⁰ По другой его терминологии, которую Монтандон называет физиологической, это, соответственно, типы: дорзо-вентральный, скапуло-пекторальный, бискапулярный, цервикальный и косой пекторальный. Приводимые Монтандоном данные о распространении отдельных типов очень неполны и не всегда точны.

⁷¹ А. А. Попов. Затундренские крестьяне (русские на р. Пяси́не). Советская этнография. 1934, № 3, стр. 78.

с одной поперечиной и без закрепляющего ремешка (рис. 13, 4)⁷². Дорзальная сбруя первого типа очень широко распространена и характерна для восточносибирского типа упряжного собаководства. К этому типу относится современная собачья сбруя у чукоч, коряков, русско-камчатского населения Охотского побережья, Амура, Камчатки и Чукотки.

4) Скапулярная сбруя. При ней ляжка представляет собой как бы две соединенные петли, из которых каждая продевается через переднюю лапу. Обе петли соединены на спине между лопатками переключиной. При этом типе сбруи собака тянет обеими лопатками. Скапулярная сбруя характерна для эскимосов (рис. 13, 5).

5) Цервико-скапулярная сбруя. Ляжка представляет

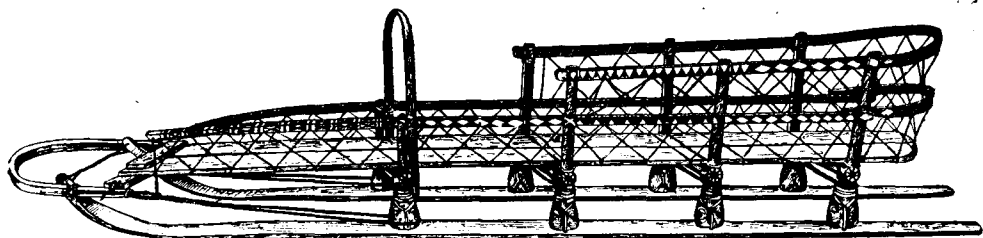

Рис. 14. Восточносибирская нарта (колл. МАЭ, № 1059-40а).

собой петлю, которая надевается собаке на шею и проходит наискось, продеваясь через переднюю лапу (через левую для правой собаки и через правую для левой собаки). При этом типе сбруи собака тянет шеей и лопаткой. Этот тип, по Монтандону, представлен в старинной собачьей запряжке ительменов (рис. 13, 6; см. ниже).

Весьма существенным элементом в классификации форм упряжного собаководства должна явиться типология собачьих нарт. Этот вопрос разработан в этнографической литературе очень недостаточно. При выделении типов нарт, как и во всякой типологии, необходимо прежде всего найти наиболее важные и постоянные — в нашем случае конструктивные — признаки, которые позволили бы разобраться в том многообразии форм, которые выявляют собачьи нарти различных районов Северной Азии. Здесь можно выделить следующие типы:

1) нарта с прямыми, вертикально поставленными копыльями (обычно по четыре с каждой стороны), с полозьями, загнутыми только кпереди, с передней горизонтальной дугой и с дополнительной вертикальной дугой в передней части нарти. Копылья связаны попарно между собой поперечными вязками, на которых покоится досчатый настил. На верхних концах копыльев укреплен особый нащеп, окаймляющий нарту и перевязанный ременной сеткой. Копылья прикрепляются к полозьям при помощи конического шипа, неглубоко входящего в отверстие полоза, и удерживаются тугой ременной связью, проходящей через дополнительные отверстия в копыле и полозе; этот тип нарти характерен для восточносибирского собаководства (рис. 14).

2) Нарта с прямыми, вертикально поставленными копыльями (по четыре-пять с каждой стороны), с полозьями, загнутыми вверх с обоих концов и соединенными между собой спереди и сзади поперечными переключинами, с двумя горизонтальными дугами — передней и задней. По верхним концам копыльев проходят с каждой стороны продольные переключины, идущие от одного конца полоза к другому и составляю-

⁷² А. А. Богораз (W. Bogoras, *The Chukchee, I, Material culture*, p. 108) указывает, что сбруя второго типа встречается у чукчей и характерна для камчаталов. Мнение Богораза о сходстве этого типа сбруи с собачьей сбруей гиляков и его предположение, что этот тип имеет южное происхождение, ошибочны.

щие раму кузова. Дно плоского кузова образуют длинные прутья, привязанные ремнями к поперечным перекладинам копыльев. Копылья — суженные в средней части и расширяющиеся кверху и книзу — своими нижними концами впущены в отверстия полозьев. Этот тип нарты характерен для гиляков и других собаководов Амура (рис. 15).

3) Нарта с копыльями в виде дуги, упирающейся одним концом в один полоз, другим — в другой полоз (таких дуг две), с полозьями, загнутыми кпереди и соединенными здесь перекладной. На дугах копыльев покоится кузов седлообразной формы с высокими передком и задком, имеющий своеобразную конструкцию. Его основу составляют палки, прикрепленные к дугам полозьев; к палкам привязаны деревянные пластины, изогнутые в виде ребер и образующие решетку в форме

Рис. 15. Гиляцкая собачья нарта (по Шренку).

седла. Крепление нарты целиком ременное. Копылья соединены с полозьями только при помощи ремней, пропущенных в отверстия полозьев, которые в местах соединения с копыльями утолщены. Такова старинная собачья нарта ительменов (рис. 16). Нарта этого типа в каче

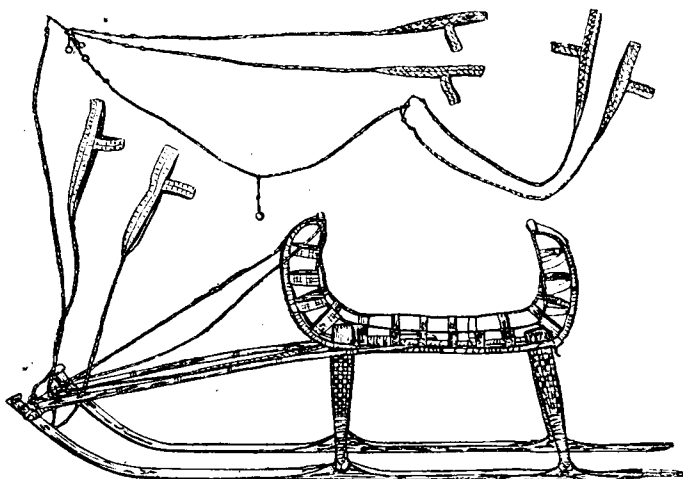

Рис. 16. Старинная ительменская собачья нарта с упряжью (колл. МАЭ, № И-1054-10).

стве собачьей нарты в настоящее время вышла из употребления, но имеющиеся этнографические описания и экземпляры такой нарты, хранящиеся в музейных собраниях, позволяют восстановить распространение этой нарты в недавнем прошлом. Приведенное выше описание относится к собачьей нарте ительменов, которая продолжала бытовать на Камчатке до второй половины прошлого столетия, когда была вытеснена нартой восточносибирского типа ⁷³.

⁷³ Детальное описание старинной ительменской нарты мы находим у Крашенинникова («Описание земли Камчатки», СПб., 1786, т. II, стр. 55—57). Старинную нарту этого типа описывают: М. Лессепс. («Лессепсово путешествие по Камчатке и по

Нарта этого типа, но не в качестве собачьей, а оленней нарты, распространена и в настоящее время у чукоч и коряков (рис. 17). По Богоразу, старый тип собачьей нарты этой конструкции у чукоч и явился прототипом для оленней чукотско-коряцкой нарты.

Совершенно исключительный интерес представляет для нас указание на наличие нарты сходной конструкции у эскимосов. Как известно,

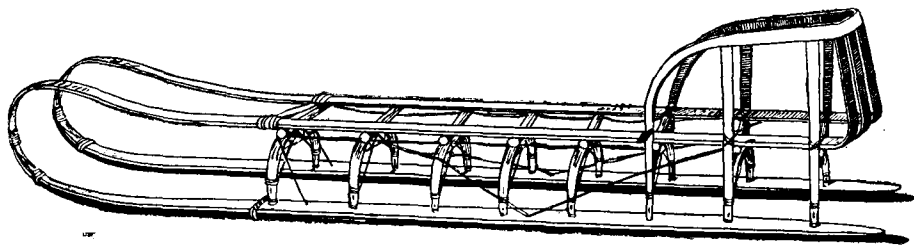

Рис. 17. Чукотская оленняя нарта (колл. МАЭ, № 20-24).

обычная, широко распространенная у эскимосов собачья нарта имеет совершенно иную конструкцию. Это бескопыльная нарта, с полозьями в виде вертикально поставленных досок, закругленных спереди, очень сходная по форме с обычными нашими детскими салазками. Сзади такая нарта снабжена высокими, вертикальными планками, которые слу-

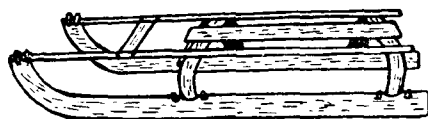

Рис. 18. Эскимосская нарта
(по Mason'у).

жат ручками для подталкивания и управления собачьей нартой. Но наряду с нартой этого типа у эскимосов известна и нарта с дугобразными копыльями. Рисунки таких нарт приведены в работе Mason⁷⁴; один из них воспроизведен Монтандоном⁷⁵, который склонен рассматривать эти эскимосские нарты как упрощенный тип чукотско-коряцкой нарты. (Рис. 18). На наличие у эскимосов нарты с дугобразными копыльями указывает и Богораз⁷⁶.

Классификация отдельных культурных элементов или культурных комплексов должна служить не только для целей типологии, не только рабочим приемом при сравнении различных форм. Классификация должна по возможности отвечать на основной при каждом этнографическом исследовании вопрос о том, имеем ли мы дело при наличии сходных форм с фактом их конвергентного возникновения как элементов определенного этапа в развитии культуры или сходство форм отражает в

южной стороне Сибири». Перевод с французского, ч. I, 1801, стр. 113—115; во французском оригинале приведен рисунок езды на собаках), Г. Лангсдорф (Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807, B. II, 1812, S. 248, в альбоме рисунков приведен чертеж саней). В. Головин (Сочинения и переводы, т. V, СПб., 1864, стр. 13—20). Экземпляры старинных камчадалских нарт, хранящихся в Музее антропологии и этнографии и в Государственном музее этнографии в Ленинграде, подробно описаны В. В. Антроповой (рукопись).

⁷⁴ O. T. Mason. Primitive travel and transportation. 'Annal Report of the Smithsonian Institution for 1894, p. 11, Report of the U. S. National Museum (рис. 244 и 245).

⁷⁵ G. Montandon. Op. cit., p. 99.

⁷⁶ W. Bogoras. The Chukchee, p. 99.

данном случае реальные культурные связи между носителями сходных культурных элементов и комплексов. Этим задачам тем лучше будет отвечать классификация, чем большее количество признаков она кладет в основу, чем менее конструктивно связаны между собой и технологически обусловлены эти признаки.

Рассматривая отдельные формы упряжи, сбруи, нарт, мы можем выделить следующие типы упряжного собаководства:

1. Гиляцко-амурский тип

Н а р т а — с прямыми, вертикально поставленными копыльями, с двусторонне загнутыми полозьями, с передней и задней горизонтальными дугами.

У п р я ж к а — цугом, попеременная. Собаки прикрепляются к среднему ремню, чередуясь с той и другой стороны.

С б р у я — петля-ошейник. Собака тянет шеей (цервикальный тип).

Р а с п р о с т р а н е н и е — до недавнего времени этот тип собаководства был распространен у гиляков, айнов, ульчей, орочей, гольдов, негидальцев, самагиров⁷⁷.

В настоящее время этот тип почти повсеместно на Амуре вытеснен восточносибирским типом⁷⁸.

2. Северо-восточный тип

Н а р т а — с дугообразными копыльями, с полозьями, загнутыми только кпереди, без горизонтальной дуги. Копылья укреплены на полозьях только ременной связью.

У п р я ж к а — веером (?)⁷⁹.

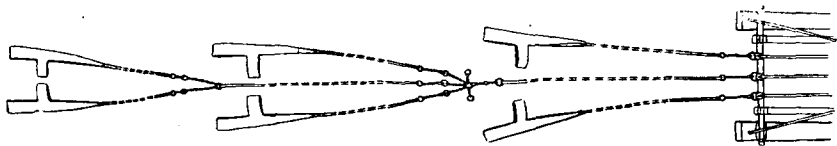

Рис. 19. Схема ительменской парной собачьей запряжки (колл. МАЭ, № 20-26; из сборов Вознесенского 1840/41 г.).

⁷⁷ Л. Шренк. Об инородцах Амурского Края, т. II, 1899.

⁷⁸ Е. А. Крайнович. Указ. соч., стр. 34.

⁷⁹ Вопрос о старинном способе упряжки у ительменов, коряков и чукоч требует специального рассмотрения. Авторы XVIII и начала XIX в. описывают у ительменов запряжку цугом (Лессепс, Лангсдорф, Головинин). Возможно, однако, что к этому времени старинный способ упряжки был уже утрачен, и запряжка цугом отражает влияние восточносибирского собаководства, в дальнейшем, как мы знаем, полностью заменившего на Камчатке старинные способы езды на собаках. Надо учесть, что уже во времена Стеллера у ительменов было два типа нарт: старинный, с дугообразными копыльями, и новый — восточносибирского типа.

Заметим, что при упряжке четырех собак, какую описывает Крашенинников, задняя пара привязывается к поперечине нарт, а не к центральному ремню — потягу.

На осмотренных нами трех старинных ительменских нартах с упряжью, имеющих в коллекциях Музея антропологии и этнографии АН СССР, можно было установить, что две из них связаны с попарной запряжкой цугом на длинном центральном ремне — «потяге» (одна на шесть собак, другая на пять, см. рис. 19), третья же имеет дымки, указывающие на запряжку четырех собак веером (см. рис. 20).

У чукоч старинным способом упряжки собак являлась упряжка веером. Теперь она имеет у них только религиозное значение: во время некоторых праздников они запрягают собак веером. О сидячих чукчах еще Врангель сообщал, что они ездят

Сбруя — петля, продеваемая через голову и переднюю лапу собаки (цервико-скапулярный тип)⁸⁰.

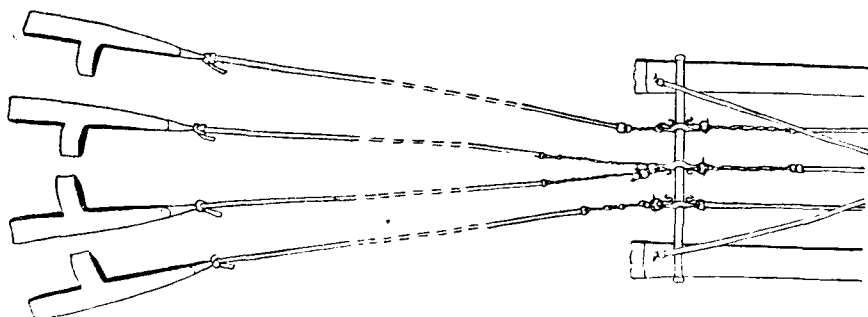

Рис. 20. Схема старинной ительменской веерной собачьей запряжки (колл. МАЭ. № 20-20, из сборов Вознесенского 1840/41 г.).

Распространение. В прошлом — у ительменов, у чукоч и коряков. В настоящее время этот тип полностью вытеснен собаководством восточносибирского типа.

К ительменско-чукотскому типу близок по ряду признаков.

3. Эскимосско-американский тип упряжного собаководства

Нарта — различной формы, но в том числе и нарта с дугообразными копыльями.

Упряжка — веером.

Сбруя — в виде двух петель, продеваемых каждая через переднюю лапу (скапулярный тип)⁸¹.

на собаках, но «запрягают их не попарно, как на Колыме, а по четыре в ряд» (Ф. Врангель. Путешествие по Северным берегам Сибири и по ледовитому морю, II 1841, стр. 339). Старинный способ собачьей упряжки у коряков нам неизвестен, но, учитывая тесные культурные связи приморских чукоч и коряков и общность у них целого ряда древних культурных элементов, можно предположить, что и способ запряжки был у них сходен.

⁸⁰ Вопрос о типе старинной собачьей сбруи ительменов не вполне ясен. Монтандон реконструирует его, повидимому, на основании описания Дитмара, который описывает сбрую следующим образом: «Каждая собака постоянно носит прочный кожаный ошейник с висащим на нем крючком; конец же каждого упряжного ремня переходит в широкую и свободную петлю, сквозь которую пропущена голова и одна передняя нога собаки; крючок ошейника соединяется с крючком петли. Таким образом, собака тянет грудью и затылком, т. е. наиболее выгодным для развития силы способом» (Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Карла фон-Дитмара, ч. 1, 1901, стр. 139). Этот тип сбруи изображен на рисунке в работе Лессепса. Крашенинников не говорит о способе надевания лямки; но описывает лямку в виде ошейника без перекладины. На рисунке в работе Сарычева, изображающем собачью запряжку ительменов (цугом топарно), можно видеть, что сбруя представляет собою простой ошейник, при котором собака тянет шеей (Сарычев. Путешествие по с-в. части Сибири, ч. 1, 1802, таблица при стр. 170). Достоверность этого рисунка сомнительна. Укажем, что все экземпляры собачьей сбруи из ительменской коллекции Музея антропологии и этнографии относятся к другому типу, представляя собою петлю с перекладиной, при которой собака тянет грудью (наш второй тип дорзальной сбруи).

Старинная форма собачьей сбруи чукоч и коряков нам неизвестна, и мы можем лишь предположительно говорить, что она относилась к этому же типу. Косвенно об этом свидетельствует способ упряжки у них оленя, при котором лямка надевается оленю на шею и пропускается под переднюю ногу.

⁸¹ Этот тип можно рассматривать, нам представляется, как модификацию того типа, который описан выше для ительменов.

Распространение — среди американских и азиатских эскимосов.

Особенностью в способе езды на собаках у эскимосов является наличие специального кнута для управления собаками. Невольно напрашивается сравнение с чукчами и коряками, которые, в отличие от всех других оленеводов, для управления оленями в запряжке употребляют тонкую палку-кнут.

4. Восточносибирский тип

Н а р т а — с прямыми копыльями, полозьями, загнутыми только кпереди, с передней горизонтальной и вертикальной другой.

У п р я ж к а — цугом, собаки прикрепляются к среднему ремню парно.

С б р у я — лямка с «подбрюшником» и «черезседельником». Собака тянет грудью (дорзальный тип).

Р а с п р о с т р а н е н и е — среди старожилго русского населения и «камчадалов» по Охотскому побережью, Чукотке, Камчатке, северному побережью Ледовитого океана.

В настоящее время среди береговых чукоц и коряков, а также у гиляков по Амуру.

Восточносибирский тип собаководства заменил древний тип упряжного собаководства и у ительменов Камчатки.

5. Западносибирский тип ⁸²

Н а р т а — сходная в общем по конструкции с самоедской оленней нартой (копылья наклонены назад и внутрь, вдолблены в отверстия

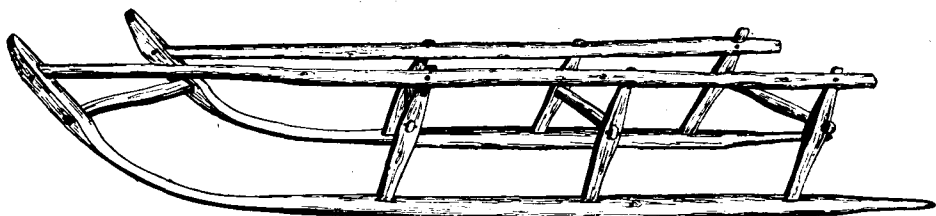

Рис. 21. Собачья нарта обдорских хантов (колл. МАЭ, № 5541-110 из сборов Н. Ф. Прытковой).

полозьев), но более низкая, узкая и длинная, иногда отличается также наличием передней горизонтальной дуги. У обдорских хантов распространена собачья нарта с высокими копыльями, без дуги, отличающаяся от оленней нарты главным образом величиной (рис. 21). Такова же собачья нарта тех групп ненцев, у которых имеется упряжное собаководство (Новая Земля, Вайгач). У некоторых групп остяков и вогулов и старожилго русского населения северо-западной Сибири употребляется в собачьей запряжке и нарта другого типа — низкая, длинная, с прямыми копыльями, с передней горизонтальной дугой, сходная по конструкции с ручной нартой кетов, селькупов и др.

У п р я ж к а — веером (и цугом).

⁸² Этнографические материалы по западносибирскому собаководству крайне скудны и приводимая нами характеристика его основных элементов потребует, возможно, с поступлением новых материалов изменений и уточнений.

Сбруя — лямка в виде пояса, надеваемого собаке через брюхо (вентральный тип)⁸³.

Распространение — среди остяков, вогулов, некоторых групп ненцев (Новая Земля и Вайгач), старожилых русского населения северо-западной Сибири (рис. 22).

В прошлом — более широкое распространение.

Мы привели описание типов упряжного собаководства, указывающее на различия в технике собаководства различных районов. Можно добавить к ним еще ряд подробностей. Так, гиляки и их соседи на Амуре

Рис. 22. Собачья запряжка хантов р. Сосвы (колл. МАЭ, № 1837-4).

ездили на собачьей нарте, сидя верхом с надетыми на ноги малыми лыжами; для торможения нарты употребляли две палки с железными наконечниками («каур» по-гиляцки)⁸⁴. В районах распространения восточносибирского типа посадка на нарте всегда боком; ездок сидит, свесив ноги вправо; для управления и торможения нарты служит всегда только одна тормозная палка⁸⁵. У ительменов Крашенинников описы-

⁸³ «В Западной Сибири вас неприятно поражает способ упряжки. Собаки тянут там сани не грудью, как на востоке от Лены, а тазом, т. е. перед повздошною костью через спину протянут мягкий в виде хомута пояс, который идет через повздохи и на животе смыкается в хомутное кольцо, а между задними ногами проходит бичевка, которая в этом месте обматывается чем-нибудь мягким, чтобы не растирать ног» (А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, отд. V, стр. 521). О поясной упряжке у остяков сообщает и Абрамов (Описание Березовского края. Записки Русского геогр. о-ва, XII, 1857, стр. 444)

⁸⁴ Л. Шренк. Указ. соч., стр. 175—176.

⁸⁵ Общераспространенное у русских в Сибири название тормозной палки, употребляемой при езде на собаках, — «оштол» (менее употребителен термин «прудило»). Эти термины заслуживают специального рассмотрения, что выходит за пределы настоящей статьи.

вает посадку на собачьей нарте боком и специально отмечает, что «оседлав санки сидеть почитается за великий порок, ибо таким образом сидят на них камчадалские женщины»⁸⁶. Дитмар, описание которого относится к середине XIX в., сообщает, однако, что камчадалы ездят, садясь на нарту верхом⁸⁷. Вряд ли можно считать посадку боком, описанную Крашенинниковым, более древней, так как с распространением восточносибирского собаководства посадка верхом не может быть связана. Для торможения и управления нартой ительмены также употребляли один оштол, о чем сообщают и Крашенинников и другие авторы, описывающие старинный тип ительменской нарты. Ительменская терминология нарты и ее частей, собачьей упряжки и сбруи, записанная Крашенинниковым и другими авторами, отлична от терминологии восточносибирского собаководства, тогда как для тормозной палки эти авторы приводят название «оштол» — термин, несомненно заимствованный ительменами, что может указывать на заимствование ими и самого этого способа управления нартой⁸⁸. Количество собак, запрягаемых в нарту, в разных районах упряжного собаководства различно. Гиляки запрягали в нарту обычно 6 собак. У ительменов обычна была запряжка в 4—6 собак, в грузовую нарту запрягали 8—10 собак. Эскимосы запрягают не более 5 собак, причем нарта служит, как правило, только для перевозки груза, а возница следует за нартой пешком. Для восточносибирского собаководства, напротив, характерна упряжка в 10—12 собак.

* * *

Вопрос о генезисе восточносибирского типа упряжного собаководства имеет особое значение, хотя бы уже потому, что этот тип получил за последнее столетие очень широкое распространение, вытеснив в ряде районов бытовавшие там ранее иные типы упряжного собаководства. Так, на Камчатке старинный ительменский тип собаководства был окончательно вытеснен восточноазиатским типом во второй половине XIX в. Еще Дитмар, описания которого относятся к 50-м годам прошлого столетия⁸⁹, застал на Камчатке бытующими оба типа — старинный ительменский и позднейший восточносибирский тип, который через три десятилетия окончательно вытесняет старинный тип. Описанное Богоразом и Иохельсоном в конце прошлого столетия собаководство чукоч и коряков также относится к восточносибирскому типу, которому и здесь, как мы указывали, предшествовал, повидимому, иной тип упряжного собаководства. Во времена Шренка гиляцкий тип упряжного собаководства был единственно известным на Амуре, тогда как в позднейшее время этот тип и у гиляков и у других народностей Амура был в значительной степени заменен восточносибирским типом.

Как уже указывалось, восточносибирский тип упряжного собаководства характеризуется нартой особой конструкции с прямыми копыльями и с передней горизонтальной и вертикальной дугой, попарной упряжкой собак и дорзальной сбруей. Носителем этого типа собаководства является главным образом старожилое русское население Охотского побережья, Камчатки, Чукотки и других районов. Широкое распространение этого типа за последнее столетие связано с русским влиянием и может быть прослежено с достаточной полнотой. Но если позднейшая история

⁸⁶ Крашенинников. Указ. соч., стр. 57.

⁸⁷ Дитмар. Указ. соч., стр. 140.

⁸⁸ Богораз (The Chukchee, p. 100) без должных оснований считает термины «оштол» и «каюр» ительменскими, заимствованными у ительменов русскими.

⁸⁹ Дитмар. Указ. соч.

восточносибирского собаководства представляется достаточно ясной, то вопросы о его происхождении, о месте и времени возникновения восточносибирской нарты и способа упряжки собак далеко не могут считаться решенными. Еще Шренк, описывая восточносибирскую нарту, высказал взгляд, что она была заимствована русскими у аборигенов Сибири и затем распространена ими на Камчатке. «Не желая,— писал он,— разрешать вопроса, у кого именно научились русские ездить в санях на собаках, замечу только, что они еще в XVII веке сталкивались с юкагирами на Яне, Индигирке и Колыме. Этот паллазиатский народ тоже с искони веков ездил на собаках, в санях своеобразной формы, нарочно приспособленных для такой упряжи»⁹⁰.

Русские познакомились с упряжным собаководством несомненно задолго до покорения ими юкагирской земли. Вопреки мнению Богораза о позднем возрасте западносибирского собаководства, надо признать, что упряжное собаководство было широко распространено в Западной Сибири задолго до русского завоевания. В своих походах русские служилые люди и землепроходцы постоянно прибегали к собачьему транспорту и до столкновения их с юкагирами. У старожилото русского населения Западной Сибири собачья нарта по своей конструкции сходна с восточносибирской (отсутствует только вертикальная дуга)⁹¹.

Выше была описана ручная нарта, по своей конструкции очень сходная с собачьей нартой восточносибирского типа. Ручная нарта этого типа, как мы видели, широко распространена у различных групп Западной Сибири. Можно поэтому предположить, что русские, познакомившись с упряжным собаководством в Западной Сибири, видоизменили и усовершенствовали конструкцию нарты, устройство сбруи и способ запряжки, явившись, таким образом, не только распространителями восточносибирского типа упряжного собаководства, но и его изобретателями. На сходство восточносибирского типа собачьей сбруи и попарной запряжки с конской сбруей и запряжкой указывалось неоднократно. И если юкагирское упряжное собаководство близко к русско-камчадальскому типу, то это может быть объяснено не заимствованием русскими их собаководства от юкагиров, а наоборот — русским влиянием на юкагиров, распространением более совершенного типа — процессом, хорошо зафиксированным, как мы видели, в широкой области Восточной Сибири.

* * *

Вопрос о возрасте западносибирского собаководства заслуживает специального рассмотрения⁹². Так, Богораз, рассматривая собаководство в целом как культурное явление, предшествовавшее оленеводству в Северной Азии, для собаководства Западной Сибири делает в этом отношении исключение и считает его в Западной Евразии позднейшим. «Собаководство,— пишет он,— входит в эту область с востока и постепенно теряется на западе. Оно явно позднейшего происхождения; тип упряжки или весьма несовершенный, или заимствованный из оленеводства и подражающий оленьей упряжи»⁹³. Это положение, которое

⁹⁰ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II, стр. 176. Совершенно не обосновано мнение Серошевского, который писал, что «ездовых собак русские застали только у чукчей Чукотского полуострова» (Якуты, 1896, стр. 143).

⁹¹ А. А. Попов. Указ. соч., стр. 79, рис. 3.

⁹² См. по этому вопросу: А. М. Золотарев и М. Г. Левин. К вопросу о древности и происхождении оленеводства. Сборник «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, стр. 184—186.

⁹³ В. Г. Богораз. Древние переселения..., стр. 44. См. его же: Оленеводство. Возникновение, развитие и перспективы. Сборник «Проблемы происхождения домашних животных», вып. I, 1933.

Богораз не аргументирует, не может считаться убедительным. Напротив, все данные говорят о значительном возрасте упряжного собаководства в Западной Евразии, где оно в целом предшествует упряжному оленеводству. На древнее распространение собаководства в Западной Евразии указывали уже Лерберг⁹⁴ и Миддендорф. «Собаку,— пишет Миддендорф,— как одну из древнейших спутниц человеческого рода по всей вероятности уже рано заставляли быть также упряжным животным. В Европе, однако же, она издавна, вероятно еще в доисторические времена, вытеснена лошадью, а дальше к северу, где лошадь была непригодна, заменена северным оленем. Даже в нашем Остзейском крае выражение *rennikogin* (собачья ноша) вместо географической мили упоминает давно исчезнувший обычай запрягать собак. В Сибири же собачья упряжь еще в доисторическое время была более распространена, чем теперь»⁹⁵.

Уже самые ранние из известных нам сообщений арабских и западноевропейских писателей о народах Приуралья указывают на распространение здесь собаководства. Опираясь на показания арабских источников, Маркварт⁹⁶ приходит к выводу, что в X в. н. э. езда на собаках была распространена к западу от Урала, между Северной Двиной и Печорой. Из арабских источников особо интересны сообщения Ибн-Батуты. В его описании «страны мрака», относящемся, повидимому, к югорской земле, мы находим следующее описание собачьего транспорта: «Путешествие туда,— пишет Ибн-Батута,— совершается не иначе, как на маленьких повозках, которые возят большие собаки, ибо в этой пустыне [везде] лед, на котором не держатся ни ноги человеческие, ни копыта скотины, у собак же когти и ноги их держатся на льду. Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по 100 повозок или около того, нагруженных его съестным, напитками и дровами, так там нет ни дерева, ни камня, ни мазанки. Путеводитель в этой земле — собака, которая побывала в ней уже много раз; цена ее доходит до 1000 динаров или около того»⁹⁷.

Наиболее ранние из западноевропейских известий о народах северо-западной Сибири полностью согласуются с этими сведениями⁹⁸. Так, Марко Поло в своем рассказе об области северного царя Кончи, которую следует, повидимому, помещать в северо-западной Сибири⁹⁹, подробно описывает езду на собаках и развитую систему собачьего транспорта. О собачьем транспорте сообщает Иоганн Шильтбергер, рассказывая о стране *Wissibur*¹⁰⁰ (его описание относится по всем данным к Западной Сибири)¹⁰¹. Франческо да Колло (1519) сообщает об области Югры, что здесь «водится особенно много соболей, а также и других диких зверей и животных, которых охотники преследуют на повозках, влекомых собаками величайшей силы и ловкости»¹⁰². Интересно отметить, что ни Марко Поло в рассказе о северном царе Кончи, ни Шильтбергер, ни Франческо да Колло ничего не упоминают об оленеводстве. У Марко

⁹⁴ A. C. Lehrberg. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands, St. Petersburg, 1816, S. 17—18.

⁹⁵ А. Миддендорф. Путешествие на Север и Восток Сибири, ч. II, стр. 519—520.

⁹⁶ J. Markwart. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert. Ungarische Jahrbücher, B. IV, 1924, S. 261—334.

⁹⁷ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских, СПб., 1884, стр. 297.

⁹⁸ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Второе издание, Иркутск, 1941.

⁹⁹ Там же, стр. 40.

¹⁰⁰ Название «*Wissibur*» — Сибирь, как указывает М. П. Алексеев, едва ли не самое раннее упоминание этого имени в европейской литературе.

¹⁰¹ М. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 53.

¹⁰² Там же, стр. 89.

Поло мы находим сообщение об оленеводстве, но оно относится у него к другому району — к равнине Баргу, области, несомненно лежащей далеко к востоку от Югры и помещаемой большинством исследователей в Забайкалье¹⁰³. Сведения о собаководстве в Западной Сибири мы находим и у позднейших западноевропейских путешественников. О езде на собаках и на оленях сообщает Ричард Джонсон (1558), рассказывая о самоедах страны «Молгомзей»¹⁰⁴. О жителях р. Оби Петр Петрей (1600—1610) рассказывает, что «в этом крае водятся очень большие и сильные собаки, которых так приучили жители, что запрягают их парами в сани и ездят на них по своим делам через горы и долины; не надо давать им слишком скоро бежать, чтобы не остаться на дороге»¹⁰⁵. О езде самоедов на оленях и на собаках пишет Исаак Масса (1612)¹⁰⁶. Наиболее ранний из русских источников о народах северо-западной Сибири — сказанье «О человецех незнаемых в восточной стране», — относящийся к XV в., упоминает о езде на собаках у «каменской самоеди»: «А ездят на оленех и на собаках, а платье носят соболие и оление, а ядят мясо оление, да и собачину, и бобровину сыру ядят»¹⁰⁷. В повествовании о русском походе в Югорский край в 1501 г. сообщается о массовом собачьем транспорте, которым воспользовалась русская рать: «Из Ляпина встретили с Одора на оленях югорские князи. А от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках»¹⁰⁸. Здесь содержится явное указание на собачий транспорт, как более доступный и широко распространенный по сравнению с оленным в Западной Сибири еще в конце XV столетия.

Итак, исторические данные, весьма убедительные по своей согласованности, говорят о широком распространении в прошлом развитого собаководства на обширной территории Западной Евразии.

В качестве доказательства сравнительно молодого возраста западно-сибирского собаководства В. Г. Богораз, как мы указывали, приводит несовершенство собачьей упряжки и ее сходство с оленьей упряжкой. Однако эти особенности, говоря априори, могут быть истолкованы с таким же основанием и обратно — как подражание в оленьей упряжке упряжи собачьей. Указание Богораз на слабое развитие собаководства в Западной Евразии, констатируя современное положение вещей, находит свое объяснение в недавнем распространении здесь оленеводства, которое постепенно вытеснило собаководство.

* * *

Каково соотношение рассмотренных нами типов упряжного собаководства? Как мы видели, каждый из указанных типов отличается целым рядом признаков — как в конструкции нарт, так и в устройстве сбруи и характере запряжки, которые не могут рассматриваться как функционально связанные между собой. Если исключить восточносибирское собаководство, распространение которого имеет очень молодой возраст и связано с недавним русским влиянием, то можно выделить определенные области, которые характеризуются различными формами упряжного собаководства. Это: 1) бассейн Амура и Сахалин, 2) северо-восток Сибири и арктическое побережье Америки, 3) северо-западная Сибирь.

Для каждой из этих территорий можно отметить не только распространение определенного типа упряжного собаководства, но и общность

¹⁰³ Там же, стр. 36—37.

¹⁰⁴ Там же, стр. 127.

¹⁰⁵ Там же, стр. 211.

¹⁰⁶ Там же, стр. 260.

¹⁰⁷ Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Москва, 1890 (из XIV тома «Древностей», стр. 11, 82).

¹⁰⁸ Г. Ф. Миллер, История Сибири, I, 1937, стр. 204.

целого ряда других культурных элементов, свидетельствующих о древних культурных связях в пределах каждой территории и позволяющих характеризовать их как определенные этнокультурные области. В свете этих фактов мы должны рассматривать отдельные типы упряжного собаководства как развившиеся независимо один от другого и признать различные центры возникновения упряжного собаководства.

Однако признание полицентрического возникновения упряжного собаководства не означает еще разрешения вопроса о его генезисе. Первая часть нашей работы была посвящена рассмотрению различных несовершенных форм транспортного использования собаки. Мы отмечали широкое распространение ручной нарты и запряжки охотничьей собаки в помощь охотнику. В этих формах мы и должны искать ту почву, на которой в определенных областях развились, независимо друг от друга, различные типы современного упряжного собаководства.

V

В этнографической литературе прочно утвердилось мнение, что упряжное собаководство повсеместно предшествовало упряжному оленеводству, что оленняя нарта имеет своим прототипом собачью нарту. Эту точку зрения развивали и мы в нашей совместной с А. М. Золотаревым

Рис. 23. Типы лопарских кережек (по Сирелиусу).

работе «К вопросу о древности и происхождении оленеводства». Такое представление надо признать недостаточно обоснованным. Если в ряде районов и имела место указанная выше последовательность в развитии типов транспорта и в большинстве случаев оленняя нарта восходит к собачьей (как у чукоч и коряков); то это не дает нам права придавать этой схеме универсальный характер.

Среди различных типов оленней нарты особое место занимает оленняя нарта лопарей, так называемая кережка. В отличие от всех других типов оленних нарт, объединяемых по конструкции в одну большую группу двухполозных нарт, лопарская кережка является нартой однополозной. В ней широкий полوز проходит посередине, а боковые стенки образуются досками, что придает ей и по конструкции и по форме сходство с досчатой лодкой (рис. 23 а, б). Эта лодкообразная, с полوزом в виде кия, оленняя нарта не находит себе никаких аналогий ни среди других оленних, ни среди всех известных нам собачьих нарт и стоит среди упряжных нарт совершенно особняком. По вопросу о генезисе лопарской кережки в этнографической литературе высказывались различные мнения. Еще Миддендорф, сравнивая самоедскую копыльную нарту с лопарской кережкой, рассматривал последнюю как позднейшее приспособление к местным условиям и считал самоедскую нарту более древним типом. Лауфер¹⁰⁹, напротив, рассматривает лопарскую кережку как бо-

¹⁰⁹ B. Laufer. The Reindeer and its domestication. Memoirs of the American Anthropological Association, vol. IV, No 2, 1917.

лее древний тип, который был раньше распространен и у самоедов; но тогда как у самоедов кережка была заменена копыльной нартой, лопари сохранили этот общий древний тип. Хэтт¹¹⁰ рассматривает лопарскую кережку как древний тип, восходящий к лопарской охотничьей ручной нарте, которую лопари, заимствовав оленеводство от самоедов, приспособили для оленьей упряжки. Хэтту оставались неизвестными нарты сходной конструкции у других народов, и он считал кережку лопарей исключительно местной своеобразной формой. Вместе с тем среди ручных нарт, отличающихся, как мы уже указывали, большим разнообразием типов, мы находим формы, чрезвычайно близкие к лопарской кережке. Таковы ладьеобразные долбленные ручные нарты камассинцев и остяко-самоедов, описанные Доннером¹¹¹, и еще в большей степени финская ручная нарта с килем и досчатыми боковыми стенками¹¹²,

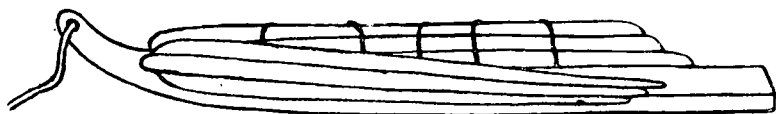

Рис. 24. Финская ручная нарта (по Сирелиусу).

в значительной степени повторяющая конструкцию кережки (рис. 24). Как мы указывали выше, среди находок остатков нарт в торфяниках Финляндии имеются и остатки однополосных саней, которые могут быть сближены с лопарской кережкой. В свете этих фактов у нас нет оснований искать прототип лопарской кережки в какой-то гипотетической собачьей нарте Западной Евразии, и имеются все данные связывать ее с бытующей на близкой территории охотничьей ручной ладьеобразной нартой. Лопарская кережка не стоит в этом отношении особняком.

В настоящее время западносибирское оленеводство (самоеды и заимствовавшие, повидимому, от них технику упряжного оленеводства остяки, вогулы, северные группы остяко-самоедов и кетов) знает оленную нарту определенного типа: массивную с косо поставленными копыльями, входящими в четырехугольные отверстия полозьев; последние загнуты вперед и соединены поперечной перекладной. Вопрос о генезисе этого типа мы оставляем открытым. Но наряду с указанным типом нарт самоеды в недавнем прошлом знали, повидимому, и оленную нарту иного типа, сходную с лопарской кережкой. Так, Адам Олеарий, рассказывая о самоедах, пишет об их оленеводстве: «Северные олени по величине и внешности почти схожи с обыкновенными оленями, имеют белый с серым мех и широкие ноги, как у коров. Мы несколько штук видели в московском Кремле. Самоеды так приручают их, что они свободно приходят и уходят. Их употребляют вместо лошадей, впрягая их в небольшие легкие сани, которые устроены в роде получелноков или лодок; на них они чрезвычайно быстро ездят¹¹³. В знаменитой книге Николая Витсена о «Северной и Восточной Татарии» приведена иллюстрация езды на оленях в Сибири. На одной из них изображены типичные самоедские нарты, на другой — причудливой формы ладьеобразная нарта с запряженным в нее оленем¹¹⁴. В книге Филиппа Авриля приводится

¹¹⁰ G. Hatt. Notes on Reindeer. Nomadism. Memoirs of the American Anthropological Association, vol. VI, No. 2, 1919.

¹¹¹ Kai Donner. Quelques traits primitifs.

¹¹² U. T. Sirelius. Suomen kansanomaista kuettuuria, Helsinki, t. XXIV, 1919.

¹¹³ М. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 296. {Подчеркнуто нами. — М. Л.}

¹¹⁴ Воспроизведена у М. П. Алексеева, указ. соч., стр. 259. и 433.

картина зимней езды в Сибири¹¹⁵. Многие из сведений, приводимых Аврилем, как, например, сообщение о нартах, на которых в Сибири ездят под парусами, в большой степени фантастичны. Грешит вымыслом и приводимая им картинка, на которой наряду с нартой, в которую вместе запряжены олень и собаки, изображена и нарта с парусами. Но все же нельзя не отметить, что нарты очень напоминают, особенно в своей передней части, ладьевидную кережку. Конечно, приведенные выше сообщения не могут считаться достаточно достоверными, но было бы неправильно просто отбросить все эти известия как не соответствующие действительности и признать, что у Олеария мы имеем смешение самоедской нарты с лопарской кережкой.

Современное тундровое упряжное оленеводство самоедов имеет сравнительно небольшой возраст. Так, проникновение оленеводов-самодийцев в тундру В. Н. Чернецов¹¹⁶ датирует X в. н. э., а их широкое распространение на запад еще более поздним временем. Теория проникновения самоедов-олeneводоv на север из более южных районов и связь их в прошлом с самодийскими таежными племенами, в том числе камассинцами и остяко-самоедами, выдвинутая в свое время еще Кастреном, находит все более свое подтверждение и на материалах современных исследователей¹¹⁷. Можно высказать поэтому предположение, что сведения о ладьеобразных санях у самоедов-олeneводоv отражают реальный факт переживания у них еще в XVII в. этого типа нарт, который непосредственно восходит к ладьеобразной охотничьей нарте таежной полосы Западной Сибири.

Если оленеводство лопарей представляет собой западную границу распространения оленеводства, то его восточная граница представлена оленеводством ороков Сахалина. И так же, как лопарская кережка представляет собой своеобразный тип нарты, оленняя нарта ороков стоит изолированно среди всех известных нам на Амуре и на северо-востоке Сибири оленных и собачьих нарт. Орокские оленные нарты, как указывает описавший их подробно Б. А. Васильев, имеют совершенно оригинальную конструкцию и не похожи ни на собачьи нарты гиляцко-гольдско-орочского типа, ни на чукотско-коряцкую оленную нарту. По техническому своему выполнению, — пишет Б. А. Васильев, — орокские охсо (оленняя нарта) представляет собой законченный и совершенный тип. Это довольно широкая, не длинная, низкая нарта на трех копыльях с ползьями, загнутыми, как у салазок, лишь в одну сторону. Самая характерная черта — наклонная постановка копыльев, при которой копылья с одной стороны обращены к копыльям другой под острым углом¹¹⁸. Наибольшее сходство орокская оленняя нарта имеет с нартой самоедов, по конструкции же своей в целом напоминает охотничью ручную нарту. Если не вставать на путь возможных фантастических построений и не пытаться искать связей орокского оленеводства с самоедским, то нам остается видеть прототип оригинальной орокской нарты в ручной охотничьей нарте, видоизмененной ороками для запряжки в нее оленя. Следует отметить, что ороки впрягают в нарту всегда одного оленя.

Особого рассмотрения заслуживает оленняя нарта тех групп северных тунгусов, у которых распространено упряжное оленеводство, и якутская оленняя нарта. У тунгусов Якутии, Амура и Охотского побережья распространен тот же тип оленной нарты, что и у якутов-олene-

¹¹⁵ Там же, стр. 461.

¹¹⁶ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. Краткие сообщения ИИМК, вып. IX, 1941.

¹¹⁷ Г. Н. Прокофьев. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. Советская этнография, т. III, 1940.

¹¹⁸ Б. А. Васильев. Основные черты этнографии ороков. Этнография, 1929, № 1, стр. 13.

водов. Это нарта с копыльями, поставленными вертикально и связанными попарно между собой поперечными вязками, которые входят в отверстия утолщенных в своей средней части копыльев. На поперечных вязках укреплен настил. Постоянной конструктивной частью этой нарты является передняя горизонтальная дуга, связанная с передними загнутыми концами полозьев и прикрепленная также к передней паре копыльев. Интересно отметить, что у долган, у которых распространена главным образом различной конструкции нарта самоедского типа, встречаются и нарты описанного выше тунгусско-якутского типа, более массивные грузовые и более легкие мужские ездовые нарты. Как показывает терминология, нарты этого типа у долган имеют тунгусское происхождение¹¹⁹. Каково происхождение тунгусско-якутского типа оленней нарты? Сходство этой нарты с собачьей нартой восточносибирского типа послужило основанием для широко распространенного взгляда, согласно которому тунгусско-якутская оленняя нарта имеет своим прототипом восточносибирскую собачью нарту. Действительно, тунгусско-якутская оленняя нарта конструктивно близка к собачьей нарте восточносибирского собаководства. Однако при общем сходстве оленней и собачьих нарт обнаруживают в своем строении ряд существенных различий. Конструктивно тунгусско-якутская оленняя нарта ближе к описанной выше, широко распространенной двуполозной копыльной ручной нарте. Можно высказать предположение, что и тунгусско-якутская оленняя нарта имеет своим прототипом охотничью ручную нарту¹²⁰. Мы приходим, таким образом, к заключению, что развитие оленней нарты из нарты упряжного собаководства не было единственным путем ее возникновения и что в ряде случаев оленняя нарта восходит непосредственно к ручной охотничьей нарте.

VI

Мы начали нашу работу с указания, что вопрос о типах упряжного собаководства и их генезисе есть только часть более общей проблемы соотношения хозяйственнокультурных комплексов Северной Азии. Рассмотрение этой большой проблемы в целом не укладывается в рамки настоящей статьи. Здесь мы ограничимся лишь немногими замечаниями и общими основными положениями, развитие которых составляет предмет специальной работы.

В советской этнографической литературе последних лет, посвященной вопросам этногенеза народов Северной Азии и этапам развития северных культур, очень большое место занимает вопрос о культурно-историческом соотношении охотничьей и рыболовческой культур. Наиболее крупное значение здесь имеют работы А. М. Золотарева¹²¹.

Исходя из общей концепции Хэтта и Биркет-Смита о культурноисторическом соотношении северных культур, А. М. Золотарев развивал

¹¹⁹ А. А. Попов. Оленеводство у долган. Советская этнография, 1935, № 4—5 (в работе приведены фотографии и рисунки различных типов нарт).

¹²⁰ Мысль о том, что пешая охотничья копыльная нарта с передней дугой могла явиться прототипом как собачьей нарты, распространенной к востоку от Енисея, так и оленней нарты якутских и тунгусских санных оленеводов, была высказана в свое время Богоразом (В. Богораз. Новые данные..., стр. 52).

¹²¹ См. А. Золотарев. The ancient culture of North Asia. American Anthropologist, vol. 40, No. 1, 1938; Его же. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та, т. IV, 1938, стр. 73—87; Обзор прений по докладом на совещании по этногенезу народов Севера. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та ист. мат. культ., вып. IX, 1941, стр. 129—132. Основная работа Золотарева по данному вопросу, доложенная им в ряде сообщений в 1937—1939 гг., к сожалению, осталась неопубликованной.

схему, согласно которой древнейшей формой культуры Севера, общей для территорий Северной Азии, Америки и в известной степени Европы, является так называемая культура зимних рыболовов. Для этой стадии характерно, согласно Биркет-Смиту и Золотареву, преобладающее значение рыболовства в течение круглого года — рыболовство у проруби, оседлый образ жизни и связанное с этим жилище подземного типа, развитое гончарство, собаководство и целый ряд других элементов культуры: глухая (не распаханная) одежда, деревянная лодка, особые орудия рыболовства (типичные каменные и костяные рыбки-приманки) и пр. Культура зимних рыболовов по схеме Биркет-Смита и Золотарева — это ступень должной культуры, когда вследствие отсутствия лыж еще было невозможно освоение тайги и расселение шло только по долинам крупных рек; на основании этой культуры развиваются все позднейшие хозяйственно-культурные типы Северной Азии. Работы Биркет-Смита и А. М. Золотарева, как первый опыт периодизации северных культур и первая сводка разрозненных этнографических материалов по народам Севера, сыграли несомненно очень крупную роль. Однако общая концепция развития культур Северной Азии нуждается в пересмотре.

Уже наиболее древние из известных на территории Северной Азии палеолитические стоянки, как Мальта и Буреть¹²², равно как и другие палеолитические стоянки Сибири, дают нам инвентарь, свидетельствующий о преобладающем значении охоты у палеолитических насельников разных областей Северной Азии. Об этом же говорят и находки многочисленных костей различных животных, находимые на стоянках. Все исследователи палеолитических поселений Сибири (Сосновский, Герасимов, Окладников, Громов¹²³) рисуют нам палеолитических насельников Северной Азии как типичных охотников за мамонтом, северным оленем и другими представителями палеолитической фауны. В более поздних палеолитических стоянках с исчезновением мамонта роль охоты вовсе не падает, о чем можно судить по многочисленным костям северного оленя, марала, косули, лошади, зайца и других животных. Изучение фауны палеолитических стоянок Сибири показывает крайнюю малочисленность остатков рыбных костей. М. М. Герасимов специально указывает, что никаких специальных приспособлений для рыбной ловли среди культурных остатков мальтийской стоянки обнаружено не было¹²⁴. То же относится, по видимому, и к другим палеолитическим стоянкам.

Но если палеолитические памятники вследствие особых климатических, географических и фаунистических условий окружавшей палеолитических насельников среды, а также ввиду их сравнительной малочисленности могут привлекаться к разрешению интересующей нас проблемы лишь косвенно, то рассмотрение неолитических стоянок Северной Азии должно иметь несомненно первостепенное значение. Благодаря работам последних лет и в первую очередь многочисленным исследованиям А. П. Окладникова изучение сибирского неолита продвинулось в настоящее время достаточно далеко. Полнее всего изучен неолит Прибайкалья, где А. П. Окладникову удалось установить последовательно сменяющие друг друга стадии: а) хиньскую, б) исаковскую, в) серовскую, г) киттойскую, д) глазковскую. Наиболее ранние

¹²² М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. Сборник «Палеолит СССР», 1935; А. П. Окладников. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованиям в Буретии 1936—1939 гг.). Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, V, 1940, стр. 59—62.

¹²³ См. сборник «Палеолит СССР», 1935.

¹²⁴ М. М. Герасимов. Указ. соч., стр. 102.

стоянки датируются VI тысячелетием, наиболее позднее—X в. до н. э.¹²⁵

Особенно важным для нашей темы является установленное Окладниковым преобладающее значение охоты в хозяйстве неолитических насельников Прибайкалья как раз наиболее ранних стадий развития неолита. Могильники исаковской стадии дают нам исключительно богатый охотничий инвентарь. Преобладает охотничий инвентарь и в могильниках серовской стадии, о чем свидетельствуют и находки значительного количества луков так называемого сложного типа. Наряду с этим мы находим здесь и изделия, свидетельствующие об определенной роли рыболовства,—каменные рыбки-приманки, скульптурные изображения рыб. В могильниках следующих стадий—киттойской и глазковской—рыболовный инвентарь (рыболовные крючки простые и сложные, гарпуны) появляются в большом количестве, что свидетельствует, как указывает Окладников, на возросшее значение и качественное улучшение способов рыболовства и уменьшение преобладающей роли охоты. Наличие принадлежностей рыболовства среди разнообразного и богатого охотничьего инвентаря может говорить лишь о том, что хозяйство неолитических охотников Северной Азии не было узко специализированным и что наряду с охотой практиковалось и рыболовство. Такое представление о комплексности хозяйства на ранних стадиях развития культуры в Северной Азии находит себе основание и в современном этнографическом материале с этой территории, который рисует нам хозяйство пеших охотников тайги, т. е. групп, не знающих транспортного оленеводства и упряжного собаководства, как хозяйство комплексное, совмещающее зимнюю, осеннюю и весеннюю охоту с рыболовством, в том числе и с рыболовством зимним. Таково хозяйство вогулов, остяков Малой Сосвы, подкаменно-тунгусской и елогуйско-дубчесской групп кетов, сымских тунгусов, шорцев, верхнеколымских юкагиров, удэ. У всех этих групп—типичных пеших охотников—рыболовство в хозяйстве играет не малую роль.

Одним из важных звеньев в аргументации той схемы, в которой древнейшая стадия рисуется как оседлая рыболовческая долыжная культура, является указание на широкое распространение в прошлом на территории Северной Азии землянок и керамики. Вместе с тем наличие землянок в стоянках ни в какой степени не противоречит представлению о комплексном охотничье-рыболовческом хозяйстве их носителей. Так, у таких типичных таежных охотников, как шорцы, мы встречаем постоянные зимники, в которых пребывают семьи охотников и откуда последние совершают переходы различной продолжительности¹²⁶. Еще в недавнее время у шорцев продолжала бытовать землянка—полуподземное срубное жилище. Такое жилище описывает Георги у абинцев—представителей одного из шорских родов в 70-х годах XVIII в.: «хижины самые бедные, бревенчатые... они стоят до половины в земле, и свет проходит в них большим дымным отверстием в покрытом землей жердчатом потолке»¹²⁷. У кетов также зимним жилищем служат землянки-балаганы, устроенные из нетолстых бревен, крытых дерном¹²⁸. Остяки р. Малой Сосвы, являющиеся типичными лесными охотниками, у которых рыболовство развито очень мало, живут в постоянных жилищах—бревенчатых срубках с чувалами¹²⁹. У селькупов

¹²⁵ А. П. Окладников. 'Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. Вестник древней истории, 1938, № 1 (2), стр. 244—260; Он же. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, IX, 1941, стр. 5—14.

¹²⁶ Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 109.

¹²⁷ Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. II, стр. 162.

¹²⁸ Тугаринов. Указ. соч., стр. 4.

¹²⁹ А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север, СПб., 1904, стр. 90.

Туруханского края, являющихся типичными охотниками-рыболовами (хотя большинство из них имеет и оленей, оленеводство является весьма примитивным), зимнее жилище представляет собой бревенчатую или жердяную юрту-землянку с чувалом-камином из жердей, обмазанных глиной¹³⁰. Можно указать еще на бытование в прошлом землянок у юкагиров¹³¹. Только транспортное оленеводство могло создать тот тип охотничьего таежного кочевого хозяйства, который связан с постоянными зимними кочевками и не знает оседлого зимнего жилища. Только для этого хозяйства типично переносное жилище, крытое шкурами и ровдужными полотнищами зимой и берестяными перевозными покрывками летом.

Что же касается керамики, то исчезновение гончарства у многих народов Северной Азии, как показал А. М. Золотарев, относится к сравнительно недавнему времени, вызвано в очень большой степени проникновением русской и китайской посуды и не дает основания связывать наличие керамики только с оседлой рыболовецкой (долыжной, по Биркет-Смиту) культурой.

В целом, хозяйство древних насельников Северной Азии рисуется, на основании археологических и этнографических материалов, как хозяйство комплексное, сочетавшее охоту и рыболовство.

Дальнейшее развитие культуры Северной Азии протекало как в сторону возникновения специализированной рыболовецкой культуры в бассейнах крупных, богатых рыбой рек и по морскому побережью, так и по линии развития специализированного охотничьего промысла, связанного с постоянными кочевками по тайге. Развитие этого специализированного охотничьего хозяйства в большой степени связано с транспортным верховым оленеводством.

Мы пытались показать выше сравнительно позднее возникновение собственно упряжного собаководства, область распространения которого ограничивается, как мы видели, бассейнами крупных рек и морским побережьем. Мы вправе связать упряжное собаководство с развитием специализированного рыболовецкого хозяйства, вызвавшего, с одной стороны, потребность в транспорте в условиях развивавшегося обмена и открывшего, с другой стороны, возможность заготовки корма для значительного количества специально содержащихся транспортных собак.

С предшествующей стадией комплексного охотничье-рыболовецкого хозяйства, на которой, по всем данным, упряжное собаководство еще не развилось¹³², мы можем предположительно связать ручную нарту и те примитивные способы эпизодического использования собаки в ручной нарте в помощь охотнику, которые, как указывалось выше, лежат у истоков собственно упряжного собаководства.

Развитие культур разных географических областей Северной Азии протекало не изолированно друг от друга и от культурных центров более южных районов. Зафиксированные этнографическими наблюдениями отдельные элементы культуры имеют за собой длинную и сложную историю, и наша попытка наметить основные этапы развития культуры Северной Азии, исходя из частного вопроса о развитии упряжного собаководства, представляет собою лишь предварительную схему, дальнейшая разработка, видоизменение и уточнение которой — дело специальных конкретных исследований.

¹³⁰ Г. Н. Прокофьев. Остяко-самоеды Туруханского края. Этнография, 1928, № 2, стр. 101.

¹³¹ Шренк. Указ. соч., т. II, стр. 31.

¹³² Приписывая упряжное собаководство носителям древнейшей «долыжной» культуры, сторонники этого взгляда впадают в значительной степени в противоречие, ибо объяснить генезис двухполосной собачьей нарты вне линии развития скользящих лыж вряд ли возможно.

Б. О. ДОЛГИХ

О РОДОПЛЕМЕННОМ СОСТАВЕ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ЭНЦЕВ

Недавно Л. С. Берг поставил интересную проблему о более широком распространении энцев в прошлом¹. С этим положением в его общей форме нельзя не согласиться. Действительно, и нганасаны, и ненцы в районе низовьев Енисея единогласно утверждают, что энцы (в частности племя Самату, или Маду) составляли древнейшее население тундры от Обской губы на западе и до линии: озеро Таймыр — современный районный центр Волочанка — на востоке. Совершенно верно также утверждение Г. Д. Вербова, приводимое Л. С. Бергом, что энецкие племена в начале XVII в. обитали и по Тазу, и в бассейне р. Турухан. Автору этих строк приходилось об этом слышать и от самих энцев; эти заявления подтверждаются архивными материалами, в частности ясачными книгами Мангазейского уезда XVII в., в которых точно указывалось, в каком зимовье платил ясак тот или иной энецкий род.

В отличие от других народов, их окружающих, энцы не имеют общего названия для своей народности. Название энцы, введенное в этнографический обиход Г. Н. Прокофьевым и образованное от энецкого слова энэтен (люди)², самим энцам как название народности неизвестно и ими не применяется. Энцы делятся на племена, и единственно известные им самоназвания — отдельные названия этих племен: Самату (Самаду, или Маду, также Мандо), Бай и Монгканди (Моггади, Мочгади, Монгкаси, Мугоди и т. д.). Самату соответствует самоедам б. Хантайской волости (управы с 1824 г.), Монгканди — карасинским самоедам, а Бай — подгородным самоедам. К началу XIX в. карасинские и подгородные самоеды слились в одну волость — Карасинскую (с 1824 г. управа). Кроме племен Бай и Монгканди в число карасинских самоедов входит еще группа с родовым названием Ючи, или Юхуди — выходцы из лесных ненцев бассейна Пура.

Живут в настоящее время энцы в Таймырском национальном округе. Одна часть, образующая так называемый Долгано-Ненецкий кочевой совет Усть-Енисейского района, летом кочует в тундре к востоку от Енисейского залива, между ним и р. Пурой (Курой), левым притоком Пясины. На зиму эта группа откочевывает к «краю леса» между Енисеем в районе с. Дудинка и озером Пясиным. Часть их стоит зимой также в лесотундре на левом берегу Енисея, между ним и р. Малой Хетой.

Другая часть энцев, образующая Лузинский или Потаповский кочевой совет Дудинского района, живет частью уже полуседло по р. Енисею, между устьем р. Хантайка на юге и с. Дудинка на севере. В 1926/27 г. первых, или устьенисейских энцев, было примерно 70 семей, в которых насчитывалось около 330 мужчин, женщин и детей. Эти энцы хорошо сохранили свои этнографические особенности, в частности, национальный костюм, и были крупными оленеводами: у них было около

¹ Л. С. Берг. О древнем расселении енисейских самоедов, или энцев. Изв. Всес. геогр. о-ва, т. 77, вып. 5, 1945.

² В словаре Кастрена Эннэчэ (ennete), см. стр. 77.

23—24 тыс. оленей. Вторая группа энцев, лузинская, как мы ее будем называть в дальнейшем, состояла в 1926/27 г. примерно из 30 семей (около 130 чел.). Оленей у них было около 900 голов. Эти энцы в быту говорили как по-энецки, так и по-ненецки, а одевались по-ненецки, и вообще у них сильно чувствовалось ненецкое влияние. В значительной степени они были также и руссифицированы.

Кроме этих двух основных территориальных и культурных групп энцев, в 1926/27 г. были энцы, совершенно утратившие и энецкий язык и энецкие этнографические черты. Таких энцев по происхождению в Норильском кочевом совете Дудинского района, в Авамском районе и даже в Хатангском районе было примерно 60 чел. с 350 оленями. Они совершенно объякутились по языку и одолгались в культурно-бытовом отношении. Кроме того, в районе Игарка — Курейка были две семьи (10 чел.) энцев по происхождению, из которых одна семья (6 чел.) обрусела, а другая была ассимилирована кетами.

Таким образом, всего энцев по происхождению было в 1926/27 г. около 115 семей (примерно 530 чел.), имевших 24—25 тыс. оленей. Но, как уже упомянуто, только около 330 чел. являлись энцами по языку и культурно-бытовым признакам и еще около 130 чел. (в большей или меньшей степени) сохраняли энецкий язык. Остальные 70 были энцами лишь по происхождению, но не знали энецкого языка и слились или с долганами или с русскими и кетами.

Деление на племена Самату, Бай и Монгканди энцы считают сравнительно новым. Древнейшим своим делением они считают разделение на Самату (или Маду)³ и Бай. Монгканди же считается ответвлением племени Бай. Есть, впрочем, указания на то, что и Самату, по крайней мере частью, связаны по своему происхождению с племенем Бай. Возможно, что название Бай является древнейшим общим самоназванием энцев.

Эвенки и долгане называют энцев, как и нганасан, «самоедами» (самайль — эвенки, самайдэр — долгане). Нганасаны хантайских энцев называют Самату, или «Хантайские», а карасинских (т. е. Бай и Монгканди) — Бай, или Банка⁴ («остяки»). Но иногда они выделяют и Монгканди, называя их Мункаси. Ненцы энцев Самату называют Мандо (Манду, Мадду), энцев Бай — Вай. Энцы Самату называют энцев Бай — Бай. Энцы Бай называют энцев Самату — Самату, или Манду, или Мадду.

Сейчас Самату и Бай (последние вместе с Монгканди) считаются у энцев каждое особым тэанс, т. е. племенем. Они различаются не только по своим племенным названиям, происхождению, прошлой территориальной обособленности (Самату — низовья Енисея, Пясины, Таймыра; Бай, вместе с Монгканди, — Таз, Турухан), но и своими диалектами. Уже Кастрен установил разделение языка енисейских самоедов на диалекты Хантайский (т. е. Самату) и Бай⁵. То же подтверждает и Г. Н. Прокофьев⁶. Энцы также различают диалекты собственно Бай и Монгканди, что весьма вероятно, так как в начале XVII в. Бай и Монгканди представляли разобщенные локальные группировки, обладавшие всеми признаками обособившихся племен, и естественно, что между ними могли выработаться диалектальные различия.

³ Название Маду (Мадду, Манду, Мандо) считается более старым, хотя и обидным.

⁴ Слышалось и Бонка и Бонгка. Видимо, восточные нганасаны заметно оказывают по сравнению с западными, язык которых изучали Кастрен и Прокофьев.

⁵ М. А. Castren. Grammatik der samojedischen Sprachen, St.—Petersbourg, 1854, Vorwort, S. VII. Правда, Кастрен называет диалект Самату «хантайско-карасинским», т. е. присоединяет к Самату и часть Монгканди, вероятно тех, кто кочевал вместе с Самату.

⁶ «Языки и письменность народов Севера», вып. 1, стр. 76.

В дальнейшем мы будем придерживаться главным образом деления энцев на две основные части. Это деление — древнейшее, но в то же время и позднейшее, совпадая с разделением на волости (управы) Хантайскую и Карасинскую. Существование Монгканди в качестве самостоятельного племени, видимо, было лишь эпизодом в истории энцев, хотя эпизодом довольно длительным.

Между родовыми подразделениями Самату и Бай имеются довольно значительные различия. Роды Самату сейчас невелики по числу своих членов. Большинство из них имеет хорошо выраженный характер потомства одного родоначальника. Значительная часть предков родов Самату по преданиям является иноплеменниками по происхождению. Характер больших семей, своего рода домовых, патриархальных общин, имеют многие роды Самату, судя по ясачным книгам, еще в начале XVII в.⁷ Названия родов Самату и в XVII в. и сейчас по большей части имеют характер личных имен родоначальников. Для обозначения таких родов в энецком языке имеется термин фогга, соответствующий нганасанскому фонка и имеющий значение «копье», «стержень», «древко», «основа» и т. п.

Роды племени Бай представляют другой тип. Это довольно многочисленные коллективы, занимавшие (как мы знаем) в прошлом определенные территории. Их названия имеют территориальный или этнонимический характер. Происхождение их, как правило, не сводится к определенным родоначальникам. Характер многочисленных, занимающих определенную территорию коллективов, с теми же названиями, которые они сохранили до сих пор, роды энцев племени Бай имели и при появлении русских в начале XVII в.⁸ Термином для обозначения родов этого типа в энецком языке служит слово тедё⁹.

Всего у энцев в 1926/27 г. было 11 родов. Из них 7 являлись фогга Самату, 3 — тедё Бай¹⁰. Одно из тедё Бай делилось на две части, и таким образом получалось всего 11 подразделений. В отношении нескольких семей Самату родовую принадлежность установить не удалось. Это — часть одолганившихся семей и обрусевшая семья. Как фогга, так и тедё имели каждое свое имя, члены его не могли вступать между собой в брак, считали друг друга братьями по крови и обязаны были в старину помогать друг другу и защищать друг друга.

Отметив еще следующее различие между фогга и тедё. Фогга имело характер чисто внутреннего подразделения племени. Вне своего племени все Самату выступают обычно только как Самату. Тедё же имеет, так сказать, и внешний характер: вне своего племени и собственно Бай, и Монгканди, и Ючи выступают обычно как члены своего тедё, а не всего племени Бай.

У энцев нет (или не сохранилось) эндогамных ограничений для браков. Но если оненечившиеся энцы вступают в браки со всеми своими соседями (ненцами, долганами, эвенками, якутами и русскими) за исключением нганасан, поскольку последние воздерживались от браков с одолганившимися и оненечившимися энцами, считая их уже превратившимися в ненцев и долган, то усть-енисейские энцы в последнее время заключали браки лишь с представителями самодийских народностей.

Табл. 1 показывает народность, тэанс и тедё супругов в браках, в которых один из супругов был усть-енисейским энцем. Часть (70) этих браков показывает супружеские пары, существовавшие в зиму 1926/27 г., часть (18) вписана из церковных метрических книг за вторую половину XIX в. Эта таблица охватывает 90% всех брачных пар устьени-

⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 19, лл. 1—34; кн. 127, лл. 585—638 и др.

⁸ Там же.

⁹ По Миддендорфу — тядю, по Кастрену — тиде (у Самату), тисо (у Бай).

¹⁰ Впрочем, один из родов Самату представляет тоже скорее тедё (см. ниже).

Таблица 1

Ж е н ы М у ж ь я	Э н ц ы			Ненцы	Нганасаны	Всего
	Самату	Бай	Монгканди			
Самату	6	5	6	10	5	32
Бай	4	—	3	9	2	18
Монгканди	1	5	—	1	6	13
Ненцы	3	4	1	—	—	8
Нганасаны	9	2	6	—	—	17
Всего	23	16	16	20	13	88

сейских энцев на зиму 1926/27 г. Мы видим явную тенденцию и у Самату заключать браки за пределами своего тэанс.

У нас нет полных данных о распределении по родам женщин Самату, вышедших замуж, но мужчины Самату, состоявшие в браке, распределялись по родам следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Ж е н ы М у ж ь я	Э н ц ы			Ненцы	Нганасаны	Всего
	Самату	Бай	Монгканди			
Декутан	2	—	1	—	1	4
Ладосэда	1	3	—	—	4	8
Масуадай	—	1	3	8	—	12
Сазу	1	—	—	—	—	1
Соэта	1	—	—	—	—	3
Солда	1	1	—	2	—	4
Всего	6	5	6	10	5	32

Бай и Монгканди определенно экзогамны; возможно, что когда-то были экзогамны и Самату в целом. Может быть, только образование новых родов от иноплеменников нарушило экзогамию Самату-тэанс, но характерно, что род Масуадай, самый многочисленный, почетный и называвшийся «энэй Самату», т. е. «настоящие Самату», не дал ни одного случая брака в своем тэанс. Очень вероятно, что когда-то у Самату было тоже несколько тедё типа тедё племени Бай, но часть их вымерла, некоторые перешли к нганасанам (нганасанский род Нгамтусуо, или Кула — «вороны», по происхождению — энецкое тедё). Уцелело лишь тедё Масуадай и роды от разных пришельцев. Но, может быть, часть родов (фога) Самату представляет нечто, типологически близкое ненецкому роду (еркар), который подчинен экзогамии более широкого круга, охватывающей несколько родов? ¹¹ Во всяком случае род Самату ¹² представляется чем-то менее самостоятельным, древним и устойчивым по сравнению с тедё племени Бай. Это сбли-

¹¹ Т. е. представляет разделенное на роды тедё.

¹² За исключением вышеупомянутого рода (тедё) Масуадай и, быть может, Ладосэда.

жает фогга с одной стороны с еркар ненцев, а с другой — с фонка вадеевских нганасанов и миект селькупов.

Переходим к характеристике отдельных энецких родов.

Племя Самату

Род Ладосэда (12 семей, 50 чел.) целиком входил в состав усть-енисейских энцев. Члены рода имели в 1926/27 г. около 4400 оленей (в том числе одна семья—3500 оленей). Название Ладосэда, по словам энцев, значит «спустивший с плеч парку», «голоплечий». Г. Д. Вербов сообщил мне, что этот род (или часть его) имеет еще прозвище Бунале, или Бунэо. Все члены этого рода имеют русскую фамилию Туголуков (сейчас пишут Туглаков), которая известна уже в середине XVII в.¹³ Служилый человек Туголуков был в Мангазейском уезде в конце XVII в. По происхождению род Ладосэда считается ответвлением ненецкого рода Вэнонгка с северного Ямала. Но есть мнение (среди энцев), что Ладосэда — настоящие Самату, ответвление рода Декутан (см. ниже). Энцы утверждают, что члены рода Ладосэда не могут вступать в браки с Самату родов Масуадай, Декутан и Сазу. Но, судя по метрическим книгам Дудинской (б. Толстоносской, а до этого Хантайской Введенской) церкви, в 1861 г. был заключен брак Ладосэда — Сазу. По данным Г. Д. Вербова, член рода Ладосэда не могли вступать в брак с ненцами Вэнонгка. К началу XX в. в роде Ладосэда образовалось подразделение Дедю- (или Едю-) Ладосэда, т. е. «лебеди-ладосэда». Это потомки некоего Петра Туголукова, по прозвищу «лебедь». В 1926/27 г., когда был жив еще и сам Петр Туголуков, этих Дедю-Ладосэда было четыре семьи (20 чел.), и имели они 460 оленей. Петр Туголуков был хороший охотник, умный и дельный человек, и пользовался большой известностью среди энцев. Подразделение Бунале в роде Ладосэда (по данным Г. Д. Вербова) не могло вступать в брак с ненцами рода Паравы. Слово Бунале значит «собачий».

Род Сазу (по-ненецки), или Садо (по-энецки), — четыре семьи (25 чел.) — также целиком входил в 1926/27 г. в состав усть-енисейских энцев. Члены этого рода имели около 1100 оленей, в том числе одна семья около 1000. Слово Сазу, или Садо, по словам энцев, значит «шитье». По преданию, предок Сазу «умел шить лучше, чем женщина». Все члены этого рода имеют русскую фамилию Фильков (пишут Пилько, а в начале XIX в. писали Филиппов). Члены рода Сазу не могут вступать в браки с членами родов Ладосэда, Декутан и Масуадай. Иногда энцы утверждают, что Сазу это настоящие Самату, а иногда говорят, что они родственны роду Сойта, или Созта. Из этого рода часто выходили старшины Самату.

Род Декутан (6 семей, 20 чел.), также целиком входивший в состав усть-енисейских энцев, имел около 300 оленей. Название Декутан энцы перевести не могут. Это название представляет искаженную русскую фамилию Якутов, полученную одним из предков рода на рубеже XVIII и XIX вв. Другим названием рода является Тадэбэ (Тарэбэ), что значит «жшаман». Все члены этого рода имеют русскую фамилию Совалов, которая существовала уже в 40-х годах XVIII в. Вообще Соваловы считаются энцами одним из самых старых и уважаемых, хотя бедных родов. Члены этого рода не могут вступать в брак с членами родов Ладосэда, Сазу и Масуадай. Соваловы часто были «князьями». В 1768 г. «князем» Самату был Ничва Совалов¹⁴.

¹³ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1648, лл. 34—41.

¹⁴ Там же, л. 34.

Род Созта, или Соита (также Собета) полностью входил в 1926/27 г. в состав усть-енисейских энцев. В нем было четыре семьи (16 чел.). Оленей у членов этого рода было около 150 голов. Название рода значит «шапка». По преданию, предок Созта пришел к Самату из племени Бай. Когда он сидел в чуме у Самату голодный, мрачно надвинув на глаза шапку (капюшон парки, по другим сообщениям), ему и дали это прозвище. Все члены этого рода имели фамилию Горлашкин. Самоед Горластик был главой семьи хантайских энцев (т. е. Самату) в 1681 г.¹⁵ В окладной книге 1768 г. упоминается «род Горластиков». Наконец, в ясачной книге 1644 г. в списке родов Хантайского зимовья стоит род Соита из 18 плательщиков ясака¹⁶. По словам энцев, члены рода Созта могут вступать в брак с членами всех других родов племени Самату.

Род Солда (две семьи, 10 чел., имевшие около 30 оленей) также входил в число усть-енисейских энцев. Название Солда, по словам энцев, является энецкой формой названия ненецкого рода Салярта (что значит дословно «мысящие», т. е. кочующие к какому-то мысу). Род Солда считается ответвлением Салярта (который, в свою очередь, является подразделением ненецкого племени Аседа) и может заключать браки со всеми родами Самату. Члены рода Солда имели русскую фамилию Каплин уже в конце XVIII в. Хантайский самоед Анкулей Оловин, который сообщил Миддендорфу, что он из рода Ямки¹⁷, принадлежал роду Солда, так как Ямкин — это фамилия большинства ненцев Аседа и в разговоре с русскими иногда заменяет родовое и племенное названия. Фамилию Оловин у Солда сменила в конце концов фамилия Каплин. Оловины среди хантайских энцев были уже в середине XVIII в.¹⁸, сейчас этой фамилии среди энцев нет.

Род Сонарэ (четыре семьи, 14 чел., имевшие около 100 оленей) частью входил в состав усть-енисейских энцев, а частью одолганился. Название рода переводят: «рассудительный», «рассматривающий». Члены рода Сонарэ в составе усть-енисейских энцев имели фамилию Ледовойко (в прошлом Ледовуков), а одолганившиеся семьи этого рода носят фамилию Седельников¹⁹. Иногда и Ледовойко называют себя Седельниковыми. По данным Г. Д. Вербова, Сонарэ как будто происходят от русского, но в то же время не могут вступать в брак с членами ненецкого рода Паравы.

Род Масуавадай (или Масуадай) был расселен следующим образом: большая часть его (14 семей, 70 чел., имевших около 800 оленей) входила в состав усть-енисейских энцев, а две семьи (10 чел.), имевшие около 60 оленей, жили среди норильских долган и одолганились. Все члены рода Масуадай имеют фамилию Мирный (в XVIII в. Смирный). У обеих семей норильских Масуадай есть еще дополнительная фамилия Суслов, полученная при крещении. Название рода Масуадай, или Масуавадай, значит «неумытый». Другим названием рода является также Багго, что значит «яма», а в переносном значении — «живущие в яме», «остяки». Называют этот род также Мед-багго, что, видимо, значит «чум-яма», т. е. люди, у которых жилищем является яма. Но с другой стороны члены рода Масуавадай называют Энэй-Самату, т. е. «настоящие Самату», и считают главным родом племени. По данным Г. Д. Вербова, род Масуавадай имеет еще название «Малк-Самату», т. е. «комолые Самату». Это название объясняют тем, что когда-то у энцев

¹⁵ Там же, кн. 708, лл. 109—116.

¹⁶ Там же, кн. 285.

¹⁷ Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, стр. 1441.

¹⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1648.

¹⁹ Уже в 1768 г. был среди хантайских самоедов «новокрещенный» Седельников: ЦГАДА, Сиб. приказ., кн. 1648).

Масуавадай не было султанов («накэ») из оленьего хвоста на сокуе, которые сейчас составляют необходимую принадлежность сокуев, сохранивших свои этнографические особенности усть-енисейских энцев, а также нганасан. Только будто бы позже, когда члены рода Масуавадай стали брать жен из других энецких родов, эти жены стали шить им обычные сейчас для энцев и нганасан «рогатые» сокуи. Название Багго объясняли также тем, что предки Масуавадай были «черны лицом, как остяки». Остяков, кетов не только самодийцы, но и долгане и эвенки считают по сравнению с собой «черными». Это объяснение и название «неумытые» могло относиться именно к жителям землянок с их закопченными физиономиями. Наконец у рода Масуавадай есть еще название — Моунтидэ (иногда слышалось Мунчидай). Вторая часть этого слова представляет известный нам термин тедё, но первый слог моун, или мун, энцы перевести не могли. Все слово, правда, напоминает нганасанское слово «моучера» в самоназвании «дярума моучера», которое они переводят — «чистой земли народ», т. е. тундровый народ²⁰.

В отличие от остальных родов Самату, род Масуавадай не имеет, повидимому, преданий об одном определенном предке-родоначальнике. Типологически род Масуавадай представляет скорее тедё, характерное, как нами отмечалось, для племени Бай, а также для кетов и селькупов, но не фогга, т. е. обычный кровнородственный род, происходящий от определенного предка мужчины, какими являются остальные роды Самату, а также еркар ненцев, фонка вадеевских нганасан и большинство тунгусских родов.

Из рода Масуавадай, как из Соваловых, обычно выбирали «князя» всего племени Самату. В начале XIX в. был известный «князь» Лабута Смирный, а последним «князем» Самату был С. А. Мирный («Омулё»), который был в живых еще в 1935 г.

Среди энцев Самату по происхождению было в 1926/27 г. 5 семей (примерно 20 чел), родовая принадлежность которых не могла быть установлена. Четыре семьи вошли в состав норильских долган, а одна, в с. Игарке — обрусела. Они имели в общей сложности 70 оленей. Норильские (точнее верхнепясинские по месту их жительства) одолгавшиеся Самату имеют фамилию Хвостов, а обрусевшая семья в с. Игарка — Мельков.

Таким образом, к 1926/27 г. потомков Самату было примерно 53 семьи (235 чел.), имевших около 7000 оленей.

В 1761 г. Самату (хантайских самоедов) было 180 чел. мужского пола (т. е. около 350 чел. обоего пола), а в 1768 г. — 55 семей и 154 чел. мужского пола (т. е. около 300 чел. обоего пола)²¹. В 1629 г. хантайских самоедов, предков Самату, было около 140 ясачных душ, т. е. около 550 чел. обоего пола²².

Племя Бай

Род собственно Бай в основном входил в состав усть-енисейских энцев (14 семей, 75 чел.). Принадлежало им более 7000 оленей, причем три семьи имели около 5700 голов. Кроме того, среди лузинских энцев было три семьи (15 чел.) рода Бай, имевших около 100 оленей. Еще

²⁰ В словаре Кастрена (стр. 51) jaguáta — «не знать» (nicht wissen). Может быть, дярума-моу-чера значит «неизвестной земли народ». По преданиям, предки нганасан пришли с востока из какой-то неизвестной земли. Моу значит «земля», чера — соответствует энецкому тедё.

²¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1648.

²² Там же, кн. 19.

пять семей (20 чел.), имевших около 200 оленей, одолганились и жили среди долган Авамского и Хатангского районов. Почти все члены рода Бай имели фамилию Силкин. Только две одолганившиеся семьи имели фамилию Статейкин. В XVIII в. энцы рода Бай имели фамилию Совадин (главная), Заякин, Тырков, Тадеков. Но в течение XIX в. все они вытесняются фамилией Силкин, происходящей, вероятно, от собственного имени некоего Шилцо Заякина, жившего в середине XVIII в. (в 1755 г. ему было 40 лет). Еще в 20-х годах XIX в. «князь» карасинских энцев Тимофей пишется то с фамилией Силкин, то с фамилией Совадин. Но к началу XX в. фамилия Силкин так прочно вошла в быт, что русские старожилы, крестьяне низовьев Енисея называли род Бай «Шилкинская орда».

Лузинских членов рода Бай, а также некоторые малооленные семьи рода Бай среди усть-енисейских энцев выделяют под особым названием Эари-бай. По данным П. Е. Островских (неопубликованные заметки, хранящиеся в Красноярском музее), эари значит «ровдуга». В Эари-бай относились, в частности, те члены рода Бай, которые имели фамилию Тадеков (Тадигин). Мне энцы перевели название Эари-бай как «нищие бай». Многооленных усть-енисейских членов рода Бай называют также Вы-бай, т. е. «тундровые бай». Кроме того род Бай делят еще на две части: Джонгалэй (т. е. «кривые», «одноглазые») и Балдуха. Последнее название происходит от некоего Балдуха, в русских документах начала XIX в. — «Балдушка». Иногда лузинских Эари-бай называют еще Пя-бай (по-ненецки Пэа-вай), а также Поло-бай. Но эти названия относятся главным образом к членам рода Монгканди, образующим большинство в лузинской группе энцев. Среди предков рода Бай называют некоего Дюбегану (что значит «сто осетров»). По преданию Дюбегана был после крещения назван Силкиным, увезен в Туруханск и там учинил драку, в которой его едва одолело 15 казаков. В 1755 г. среди других энцев была крещена семья «князя» рода Бай-Лебедея Совадина. Среди его сыновей был Дюбыда (тогда, в 1755 г., ему было 15 лет). Может быть, этот Дюбыда и является Дюбеганой предания.

Как мы уже указывали, в XVIII в. энцы Бай назывались также подгородными самоедами, потому что в XVII и начале XVIII в. они жили близ Туруханска (старого) и платили ясак непосредственно в город. Г. Н. Прокофьев совершенно правильно указал, что названия рек Верхней и Нижней Бзихи значит Бай-яха, т. е. «река баев»²³. В последнее время род Бай считал своей землей тундру Бай-лапче, т. е. «равнину баев» на левобережье Енисея, к юго-западу от Дудинки. В Мангазейской ясачной книге 1629 г. фигурирует род Бай из 23 ясачных душ.

Само слово Бай энцы переводили как «упорный», «своенравный». По словам энцев, ненцы так называют всякого злого, упорного богатыря²⁴.

Род (тедэ) Бай, как мы уже указывали, считается главным родом энцев. «Князь» карасинских энцев всегда избирался из рода Бай, что вызывало недовольство Монгканди²⁵. Причина этого недовольства, кроме естественного соперничества родов, заключалась в том, что Карасинская самоедская волость первоначально была образована именно Монгканди, после того как их вытеснили с р. Таз селькупы и они перешли на северо-восток в бассейны верховьев рр. Турухан и Большой Хеты и стали платить ясак в Карасинском зимовье. Род Бай и после переселения Монгканди продолжал платить ясак в городе (Туруханске) и лишь впослед-

²³ Г. Н. Прокофьев, Селькупская грамматика, Л., 1935, стр. 10.

²⁴ В самоедском словаре. Кастрена wa — сильный, излишний, waj — короткий рог, самоедское племя с таким рогом на сокуе (стр. 38).

²⁵ П. Е. Островских. К вопросу о населении Таймырского полуострова. Северная Азия, 1929, № 2, стр. 78.

ствии перешел к Карасину и, перестав быть «подгородной» волостью, стал тоже волостью Карасинского зимовья. Права рода Бай, как старейшего рода, оказались в противоречии с тем, что на своем новом местожительстве он представлял более поздних пришельцев. Кроме того, он был малочисленнее Монгканди, так что последние имели все основания быть недовольными привилегиями баев.

Род Монгканди был разделен в 1926 г. между усть-енисейской и лузинской группами энцев. В первой было 15 семей с 70 чел., имевших около 8700 оленей, а во второй — 19 семей с 80 чел., обладавших 500 оленей. Как мы указывали, лузинские энцы оленечились, а также обрусели. Браки лузинские Монгканди заключали почти исключительно с жившими бок о бок с ними ненцами. Все усть-енисейские Монгканди имели фамилию Турутин (в прошлом Тюретин). Лузинские Монгканди имели почти все фамилию Болин (только одна семья из двух человек — Кепоркин, или Кеприкин). Фамилия Тюретин преобладала у Монгканди уже в середине XVIII в. В 1755 г. среди карасинских энцев был некто Боля Тюретин. В 1768 г. уже появляется Василий Болин, видимо сын предыдущего. В Мангазейской ясачной книге 1629 г. Монгканди фигурирует под названием рода Мангазея, состоявшего из 49 ясачных душ²⁶. В середине XVII в. «князем» Монгканди был Ледерей, убитый селькупам на р. Соболиной (современная Варка-сильки, т. е. Большая Соболиная река, по-селькупски) в 120 км выше Мангазеи по р. Тазу, вместе с девятью другими своими сородичами (мужчинами и женщинами). Кроме того семь женщин и детей селькупы взяли живыми²⁷. Эти нападения селькупов и заставили Монгканди уйти с Таза на верховья Турухана к Карасину и Хантайке, а затем, в связи с общей тенденцией продвижения самодийцев на север, заметной и после прихода русских — в район Дудинки и к Енисейскому заливу. Когда Монгканди жили по Тазу, они платили ясак в Худосейском зимовье, в 200 км выше Мангазеи. Местность в районе р. Варка-силь-ки и Худосеи представляет лесную область. Отсюда и понятно название Монгканди, в основе которого лежит слово «монгка» (могга, мугга) — лес, а само оно значит «лесные».

Монгканди делятся на «Дёту-монгканди», к которым относятся Турутины и что значит «Гуси-монгканди», и «Коддео-монгканди», к которым относятся Болины и Кепоркин и что значит «Совы-монгканди». Но оба эти подразделения считаются частями одного тедё и вступать в брак между собой Дёту и Коддео не могут. Ненцы называют иногда Дёту (Турутиных) Вы-вай, т. е. «тундровые бай», а Коддео (Болиных и Кепоркина) — Пэа-вай, т. е. «лесные бай». Кроме того, последних называют еще и Поло-бай. Слово «поло» энцы переводят как «непутевый или «отрепье» (напр. отрепья конопли, из которой делают нити для сетей)²⁸.

Род Ючи был сосредоточен почти целиком в лузинской группе энцев. Только одна окетившаяся семья жила еще южнее, на Курейке среди кетов. Всего Ючи было 8 семей (40 чел.); имели они около 300 оленей. Род Ючи претерпел своеобразную метаморфозу. По своему происхождению они — лесные ненцы из бассейна Пура. Они в XVII в. вместе с Монгканди платили ясак в Худосейском и Верхотазском зимовьях. Часть их ушла вместе с Монгканди на север к Карасину и превратилась в особый энецкий род, а часть осталась в числе лесных ненцев в бассейне Пура. Затем некоторые из присоединившихся к Монгканди членов

²⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 19.

²⁷ С. В. Бахрушин. Самоды в XVII веке, Северная Азия, № 5—6, 1925, стр. 90, 93.

²⁸ В рукописных заметках П. Е. Островских записано, что «поло» значит «отрепье конопли» и что это название Кеприкиных.

рода Ючи были ассимилированы кетами и селькупками, а остальные (вместе с Монгканди и собственно Бай) продолжали продвижение на север. В XIX в. Ючи, оставшиеся среди энцев, вместе с Коддео-монгканди и Эари-бай, снова стали в районе Лузина и Потапова смешиваться с ненцами, и в настоящее время наши Ючи, как и все лузинские энцы, говорят по-энецки и по-ненецки, а в культурно-бытовом отношении уподобились ненцам. Пять известных мне браков Ючи 1926/27 г. все были заключены с ненецкими женщинами. Но считали себя лузинские Ючи в 1926/27 г. все-таки энцами.

Название Ючи произносится иногда Дючи. Сами Ючи считают правильной формой своего названия Юхуди и утверждают, что главная масса их сородичей находится за Тазом, на р. Пур. Относительно своего появления на Енисее, они сообщают, что все они являются потомками одного человека, ушедшего от пуровских Ючи и присоединившегося к баям. В Мангазейской ясачной книге 1629 г. числится Ючейский род из 54 ясачных душ, плативших ясак в Верхотазском зимовье²⁹. О происхождении Ючи рассказывали так: «Был потоп. Вся земля покрылась водой. По воде плавало бревно. На этом бревне, палочкой гребя, пришел человек. Ючер — значит бревно, полено. Так этот человек получил название «Ючи». Есть другой вариант перевода слова ючи — «отдельный», «порознь живущий». Все лузинские Ючи имеют фамилию Ошляпкин, или Шляпкин. О ее происхождении рассказывают: «Предок наш, говорят, был безумный. Лес был там. Он в лес ходил и у лиственниц шишки считал. Так как шишка называется шляпа (?), то получилось у него прозвище Шляпкин, а затем Ошляпкин». В архивных материалах фамилия Ошляпкин встречается с начала XIX в. В списке энцев Карасинской волости 1768 г. числится Ошляпка 43 лет, имевший трех сыновей³⁰. Окетившиеся Ючи имели фамилии Юфтеев (Юхтин). Сейчас один из них живет среди ненцев низовьев Таза и снова оненечился. Живущая сейчас на Курейке семья окетившихся энцев Ючи имеет фамилию Шадрин.

Среди лесных энцев Пура есть два родовых названия, которые могут быть сопоставлены с названием Ючи (Дючи, Юхуди, Дюхуди). Одно из них представляет название рода Еуши, по переписи 1926/27 г. состоявшего из семи семей³¹. Другое — подразделение рода Нгэвасяда (Нгэвасата) — Дёхт, что значит «запор для ловли рыбы»³².

П. Е. Островских в своих рукописных записках, хранящихся в Красноярском музее, писал не Ючи, а Эючи, т. е. очень близко к названию рода Еуши, приведенному выше. Но Г. Д. Вербов в личной беседе с автором этих строк в начале 1941 г. определенно высказывался за родство енисейских Ючи (Дючи), или Юхуди (Дюхуди), с пуровскими Дёхт, они же Ехтат Б. Н. Городкова³³. Название же Еуши Г. Д. Вербов писал Ивши и не склонен был отождествлять с Ючи.

По свидетельству Г. Д. Вербова, у энцев существует еще одно название — Каритуа, которое охватывает Дёту-монгканди (Турутиных), Коддео-монгканди (Болиных) и Ючи (Ошляпкиных), т. е. всю ту часть племени Бай, которая входила в Карасинскую волость до перехода в нее «подгородных» собственно баев (Силкиных).

В 1761 г. энцев Бай (вместе с Монгканди и Ючи) было 62 чел. муж-

²⁹ Верхотазское зимовье в XVII в. находилось на р. Таз выше города Мангазеи, но ниже Худосейского зимовья.

³⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1648, лл. 27—28.

³¹ Населенные пункты Уральской области, т. XII, Свердловск, 1928, стр. 165.

³² Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев, Сов. Этнография, 1939, вып. 2.

³³ Б. Н. Городков, Краткий очерк населения крайнего севера восточной и западной Сибири, ИРГО, т. VIII, вып. 2, 1926, стр. 63.

ского пола (т. е. около 120 чел. обоего пола), а в 1768 г. 66 чел. мужского пола (т. е. около 130 чел. обоего пола). В 1926/27 г. их было около 300 чел. обоего пола.

* * *

Мы исчерпали все существующие у энцев племенные и родовые группировки и их названия. Если не считать нескольких патронимий тазовских селькупов³⁴, то за пределами энецкой народности может считаться энцами по происхождению лишь часть нганасан, главным образом род Нгамтусуо, а к западу только один ненецкий род Нгоковой, в 1926/27 г. насчитывавший всего 3—4 семьи, и одна семья с фамилией Юфтеев в низовьях Таза.

У нас нет никаких данных о том, что какие-либо энецкие роды и племена в XVII в. кочевали к западу от водораздела между Пуром и Тазом. Вся тундра между Уральским хребтом на западе и водоразделом Таз — Пур на востоке и в XVII в. и сейчас занята ненцами (самоедами-юраками). Все родовые названия, которые документы XVII в. связывают с этой территорией, являются ненецкими (карачеи, адеры, яптики; на Пуре — пяки, евасидин род; в низовьях Таза — асицкий род, сельяртин род и т. д.); почти все они существуют до сих пор, и нет ни одного указания на присутствие там в XVII в. хотя бы одного энецкого рода.

Все предания энцев и других народов, их окружающих, связывают их именно с бассейнами Таза, Турухана, Енисея, Пясины и ведут не на запад, а главным образом на юг. Среди кетов и селькупов живы воспоминания о том, что «самоеды» жили не только по Тазу, но и по Елогую (левый приток Енисея). Есть даже данные о том, что энцы жили в бассейне р. Сыма (тоже левый приток Енисея). А. П. Степанов указывает, что «Манчела, или самоедь, с реки Сыма была пожаты к полярному полюсу пришедшими от запада остяками, известными в настоящее время под именем сымских, самороковских, нижеинбацких и верхнеинбацких»³⁵. Название «Манчела» Степанов заимствует у Страленберга, который сообщает, что «Самоеды-манцела (manzela) живут от города Туруханск на Енисее до Ледовитого моря»³⁶. Из приведенного текста Страленберга вытекает, что он под названием «манцела» имеет в виду именно энцев, так как указание на местожительство между Туруханском и морем может относиться только к ним. Следовательно, и Степанов имел в виду энцев и имел в своем распоряжении какие-то источники, вероятнее всего предания кетов и тех же энцев (ниже им приводится типичная энецкая сказка о богатыре-уродце) о пребывании в далеком прошлом самоедов-энцев на Сыме. Само слово манчела неясно. Его можно сопоставить с приведенным выше названием Моунтидэ (одним из названий рода Масуавадай, см. выше), но, может быть, это и неточная транскрипция словосочетания типа «Манду-чера», что могло значить «Манду-народ»³⁷. В связи с этим интересно отметить, что энецкие этнонимы прослеживаются не только вверх по Енисею. Среди селькупских волостей Томского уезда с начала XVII в. фигурируют в районе устьев Чулыма три Байгульские волости³⁸. К переписи 1897 г. часть байгуль-

³⁴ См. Г. Н. Прокофьев. Селькупская грамматика, Л., 1935, стр. 10.

³⁵ А. П. Степанов. Енисейская губерния. СПб., 1835, ч. II, стр. 37 и 66.

³⁶ F. J. Strahlenberg. Der Nord und Östliche Theil von Europa und Asia, Stockholm, 1730, таблицы между стр. 156—157.

³⁷ Чера (тера) — нганасанский термин, означающий «народ», «племя», «род». Генетически он связан с энецким «тедэ». Надо иметь в виду энецкое чередование *д/р* и существование в энецком языке звука среднего между *л* и *р*.

³⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 144, лл. 25—60; кн. 127, лл. 1—35; кн. 19, лл. 930—954, и др.

цев отуречилась и относилась к чулымским тюркам, но частично и тогда продолжала считаться «остяками».

Бай-гула по-селькупски дословно значит «Бай-люди»³⁹. Если при этом вспомнить, что нганасаны называют энцев Бай-банка («остяки»), а селькупы вплоть до настоящего времени называются «остяками», то наличие среди селькупов на Чулыме этнонима, совпадающего с названием энецкого племени, не представляет ничего невероятного. Таким образом, если распространение одного из энецких племен Манду (Мадду, Мадду, или Самату) как будто прослеживается для прошлого до бассейна р. Сыма, то название другого племени энцев — Бай — уводит их до низовьев Чулыма, в качестве одного из компонентов селькупской народности.

Необходимо отметить, что расположение племен коренных народностей Сибири было весьма устойчивым. Такие передвижения, как уход долган с Лены в бассейн Хатанги, энцев Бай с Таза и Турухана в низовья Енисея, селькупов из бассейна Тыма на Таз и Турухан и некоторые другие передвижения племен либо были процессами исключительными, вызванными рядом многообразных причин, либо отражали общие тенденции миграционных сдвигов, начавшихся задолго до XVII в. Все они с XVII в. в большей или меньшей степени отражены в делопроизводстве соответствующих административных органов. Если бы в XVII в. существовали какие-нибудь энецкие племена к западу от Пура, несомненно, мы бы знали о них и по архивным данным и по преданиям.

Слова С. В. Бахрушина, приведенные Л. С. Бергом, о том, что вся «тундра от Пясиды до Пустоозерска представляла собой одну большую дорогу для самоедских кочевий, жила одной общей кочевой жизнью», следует понимать, конечно, как указание на экономические и социальные связи между самодийскими племенами, но отнюдь не как указание на то, что одни самодийские племена свободно кочевали по территории других на всем этом пространстве. В частности, на интересующей нас территории, если не считать отхода энцев на северо-восток и продвижения селькупов и кетов на север, наблюдается как раз большая устойчивость. Ближайшими соседями с севера у Монгканди в XVII в. были ненцы родов Асицкого и Селирты. И до сих пор вниз от старой Мангазеи по Тазу живут ненцы Аседа и Салярта. Западными соседями Монгканди были пуровские лесные ненцы родов Евасидина, Ючейского и Пяк. И сейчас большинство лесных ненцев бассейна Пура принадлежит к родам Нгэавасяда и Пяк⁴⁰. К северо-западу от пуровских лесных ненцев и к западу и к северо-западу от нижнетазовских ненцев и в XVII в., и сейчас пристираются кочевья обдорских ненцев, потомков двух экзогамных групп Харюци (карачеев XVII в.) и Вануйта (Ванюта XVII в.). За время с начала XVII в. по начало XX в. в число обдорских ненцев вошло много оненечившихся хантов (роды Саляндер и др.); они очень увеличились в численности, стали регулярно заходить через низовья Таза и Тазовскую губу в тундры между Обской губой и Енисеем, вытеснив отсюда энцев. Но все эти процессы легко можно проследить шаг за шагом. Таким образом, нет никаких оснований считать, что энцы в XVI—XVII вв. распространились на запад дальше водораздела Таз — Пур.

Текст Марша, приведенный Л. С. Бергом, гласящий, что «на другой стороне (Оби) живет другое племя самоедов, называемых манга-

³⁹ Кула, гула — «люди»; кум, гум — «человек».

⁴⁰ По переписи 1926/27 г. из 170 семей лесных ненцев 82 принадлежали роду Айваседа (т. е. Нгэавасяда, он же Евасидин XVII в.) и 55 — к роду Пяк. См. «Населенные пункты Уральской области», т. XII, Свердловск, 1928, стр. 164—165.

зейскими самоедами», указывал лишь на то, что за Обью живут мангазейские самоеды, что в общей форме и соответствует действительности. Надо иметь в виду, что сообщения типа приведенного Маршем письма дают сведения в самой общей форме и выражение на «другой стороне» вполне может иметь в виду бассейн Таза, если оно только не имеет в виду также и лесных ненцев Пура, которые с точки зрения тундровых ненцев тоже ведь «монгканси», т. е. «лесные», как совершенно правильно переводит это слово Л. С. Берг. В какой мере старые сообщения не считаются с расстояниями и широко применяют выражения «на другой стороне», «в этой местности», «далее», можно иллюстрировать на примере сообщения Р. Финча, которое я пытался в свое время истолковать⁴¹. Финч писал: «Проехав это Туруханское зимовье, они прибыли в место, называемое река Тунгуска... В этой местности живут тунгусы, т. е. жители страны, называемой Тунгусия. Далее живет народ, называемый булаши, а за булашами живет народ по имени силахи». Пытаясь связать оба эти названия с племенами, живущими в районе Туруханска и устья Нижней Тунгуски, я истолковал их как названия кетов и селькупов. Это — ошибка. В начале XVII в. селькупы и кеты около устья Турухана и Нижней Тунгуски не жили. А. И. Андреев в статье «Булаши» устанавливает, что это название относится к тунгусам верховьев Нижней Тунгуски⁴². Используя данные А. И. Андреева, удалось установить, что название «булаши» относится к эвенкийскому племени Нюрумняль, а «силахи» — к эвенкийскому племени Шилягир, или Маугир. Сейчас оба эти племени известны под названиями илимпейских и курейских эвенков.

В XVII в. «булаши»-нюрумняли жили примерно в 1000—1200 км от устья Нижней Тунгуски, а «силахи»-шилягиры жили и живут еще дальше, в 1500—2000 км от устья этой реки, на ее истоках. Таким образом, выражение Финча «далее живут» подразумевало расстояние от 1000 до 2000 км, расстояние гораздо более значительное, чем между современными Обдорском (Салегардом) и Сидоровской пристанью (старой Мангазеей)⁴³.

О распространении энцев когда-либо в прошлом, например, как предполагает Л. С. Берг, в XI в. на запад от Урала вообще трудно говорить, так как в XI в. вряд ли существовали уже энцы и ненцы как обособившиеся народности. Историю образования ненецкой народности еще предстоит написать, но уже теперь можно сказать, что само формирование ее происходило на территории к югу от Обской губы и полуострова Ямал. Отсюда и началось ее распространение по полосе тундр.

Конечно, и у энцев и ненцев в основе лежат родственные самодийские элементы. Очень возможно, что энецкие племена в своей материальной культуре и языке представляют более архаический тип самодийцев по сравнению с ненцами и что последние представляют несколько таких первоначальных самодийских племен, которые в низовьях Оби, включив в свой состав значительное количество аборигенных и может быть угорских элементов, выработали здесь свое новое ненецкое этническое единство, ту стойкость и ассимилятивную способность, которые и обеспечили ненцам их быстрое распространение и поглощение ими аборигенов на всем пространстве от Мезени до Пура и Таза. Но говорить о предках современных энцев на северном Урале невозможно.

Можно поставить другой вопрос. Может быть, некоторые соседние с энцами племена ненцев, например ниже-тазовские Аседа (вместе с

⁴¹ Б. Долгих, Кеты, Иркутск, 1934, стр. 16—18.

⁴² А. И. Андреев. Булаши, Сов. Этнография, 1937, № 2—3.

⁴³ Примерно 700—800 км.

Салярта) представляют по происхождению тоже архаичные самодийские племена, такого же типа, какими являются племена современных энцев, лишь оненечившиеся впоследствии. Это очень вероятно. И нганасаны и энцы говорят, что Аседа это не настоящие «юраки», а сами Аседа утверждали, что раньше они говорили не по-ненецки. Но в XVII в. они уже были «юраками», т. е. ненцами. Может быть, и лесные ненцы Пура представляют группу таких оненечившихся архаических самодийских племен. Но в XVII в. лесные ненцы рода Пяк считались уже «юраками», т. е. ненцами⁴⁴.

Название энецкого племени «Самаду», или «Самату», вряд ли может являться аргументом в пользу предположения, что энцы распространялись в прошлом за Урал и что русские, ознакомившись с этим племенем, перенесли его название на всех самодийцев. Как мы видели, современные Самату локализируются на вполне определенной территории. Центром для них, зимовьем, где они платили ясак, уже в начале XVII в. было Хантайское, и они тяготели к нему вплоть до второй половины XVIII в. Не могло существовать племени, восточная оконечность территории которого была бы на Енисее, а западная — на Урале. Остается предположить, что Самату должны были совершить, уже будучи сложившимся племенем, путешествие с западных склонов Урала на Енисей. Но это противоречило бы всему, что мы знаем о миграциях и по распространению самодийцев. Но можно предположить, что название Самату это не название данного определенного племени, а какой-то старый этноним, сохранившийся у этого лишь племени в качестве племенного имени. Для этого предположения у нас имеется сходство названия «Самаду» и «самоди». Это более вероятно, хотя все старые источники называют самодийцев не «самодьями», как туруханские и архангельские крестьяне, а «самоядь» и «самоядцами». Были ли древние Самату носителями самодийского начала или, наоборот, местного, аборигенного, сейчас сказать нельзя. Название «самоеды» сложилось на европейском севере во всяком случае без участия предков современных энцев Самату, или Самаду, которые там никогда не могли быть. Рассказ Гюряты Роговича, приведенный Л. С. Бергом, является только свидетельством о существовании еще в XI в. каких-то аборигенных, неоленоводческих племен, ведших немую меновую торговлю с югрой, и о том, что какие-то «самоеды» уже были на северном Приуралье и, может быть, даже к западу от него. То что туруханские крестьяне называют энцев и нганасан «самодьями», а ненцев «юраками» объясняется тем, что внешне энцы и нганасаны почти неразличимы, ненцы же резко отличаются от них. Для низовьев Енисея энцы являются местными «самоедами», ненцы — пришлыми. Естественно, что русские, живя бок о бок со своими «самодьями», когда появляются ненцы, называют их также, как называют ненцев энцы и нганасаны. Закрепление за энцами и нганасанами в низовьях Енисея термина «самоеды» для отличия их от «юраков»-ненцев составляет чисто местное явление, вызванное особыми этническими взаимоотношениями в этом районе, но несколько не является следствием того, что энцы и нганасаны имеют больше исторических прав на название «самоедов», или «самодей», чем ненцы.

Современные энцы Самату слились в одно племя, вероятно, в порусский период их истории. В XVII в. у них был целый ряд названий для социальных единиц типа тедё; например тидирисы, кураки, тудеры и т. д. Наряду с этими группировками у них был целый ряд мелких родов, частью различного происхождения, потомки которых

⁴⁴ «Нашла де сама своих родников юраков именем Пеков» (Сибирский приказ, столбец 143, л. 203).

среди энцев Самату сохранились и до сих пор. Весь этот многоплеменный конгломерат назывался соседями Самату, Манду, или Маду, и не имел никакого организационного единства. Только к концу XVII в., когда численность этих хантайских самоедов значительно уменьшилась (и вследствие эпидемий и вследствие присоединения части их к нганасанам), они начинают видимо консолидироваться в племя более или менее организованное, причем не малую роль здесь сыграло и организующее влияние русской администрации для упорядочения сбора ясака. Так, в конце концов, и выкристаллизовалась та группа самоедов, за которой закрепились названия Самату и Манду, Маду.

Почему название Манду, или Маду (Маду), считается обидным, не совсем понятно, но сами энцы Самату утверждают, что так их дразнят энцы Бай и ненцы⁴⁵.

Мы приходим к следующим выводам.

1. Сейчас энцы скучены на небольшой сравнительно территории, на которой отдельные племена энцев перемешались между собой, а также с ненцами и нганасанами. Но диалектальные различия и сознание принадлежности в прошлом к разным племенам у энцев сохранились до сих пор.

2. В начале XVII в. предки энцев представляли два небольших родственных друг другу племени Бай и Монгканди в лесной зоне бассейнов Таза и Турухана и конгломерат из тоже небольших племен, а также отдельных родов различного происхождения в тундре между Обской губой и озером Таймыр. Этот конгломерат имел, видимо, общее название Маду и Самату.

3. В конце XVII и в XVIII в. произошло оттеснение селькупам и кетам лесных энцев Бай и Монгканди на север. В это же время произошло оттеснение тундровых энцев Самату ненцами с запада и нганасанами с востока. Часть Самату слилась, кроме того, с нганасанами.

4. В течение XVIII в. племена и роды Самату (Маду) слились в одно, получившее организационное единство племя Самату («Хантайских самоедов»), а племена Бай и Монгканди и группа выходцев из лесных ненцев Ючи, в другое — Бай («карасинских самоедов»). Но в племени Бай сохранилась некоторая обособленность его составных частей.

5. Нет никаких данных о распространении предков современных энецких племен к западу от водораздела Таз — Пур. Но есть основания предполагать, что их предки жили много южнее вплоть до бассейнов Сыма и Чулыма.

6. Возможно, что в названии племени Самату сохранился какой-то древний этноним, который был распространен в прошлом гораздо шире. Возможно также, что носители этого этнонима участвовали и в образовании современных ненцев. Но, может быть, слово Самату (Самаду) является энецким эквивалентом русского «самоди», превратившимся у них в племенное название.

7. Племя Бай как-то связано своим происхождением с восточными «остяками» вообще и с селькупам в частности. Племя Самату, наряду с архаичным самодийским компонентом, вероятно включило в свой сос-

⁴⁵ Говорят, что Маду (Манду) значит «дикие», «некультурные», и т. п. Возможно, что действительно предки Манду (Самату) были отсталым народом по сравнению с ненцами и племенем Бай и поэтому это название стало синонимом отсталости и некультурности. По словарю Кастрена, слово «Маду» у энцев значит «сват» (Freiweiber). Слово «сватья» на енисейском севере обозначает обычно тещу. Может быть, диктор Кастрена хотел объяснить ему, что «Маду» означает родню по жене? По нганасанским преданиям их предки стали «самоедами», взяв жен у Самату (т. е. Маду). См. М. А. Castren. Wörterverzeichnis aus den samojedischen Sprachen, St.-Pet., 1855, S. 96.

тав группы, происходящие от древнейшего аборигенного населения северной Сибири.

8. У энцев существовал своеобразный тип социальной организации, вообще широко распространенный в северной Сибири, в виде племени, представлявшего также экзогамную единицу. Наряду с ним существовали роды, частью, если они представляли подразделения такого племени, не вступавшие в брак в своем племени, частью, если эти роды были иноплеменного происхождения, имевшие право заключать браки в пределах племени.

В данной статье сделаны далеко не все выводы, вытекающие из сопоставления полевых этнографических материалов с архивными данными. Весьма вероятно, в частности, что можно будет все современные роды энцев увязать с родами, зафиксированными в ясачных книгах первой половины XVII в. Но для окончательного выполнения этой задачи необходимы еще некоторые дополнительные исследования.

И. Ф. СИМОНЕНКО

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ В ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ

(Материалы совместной экспедиции Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии Наук УССР и Института этнографии Академии Наук СССР в 1945 г.)

Излагаемые ниже свадебные обряды описаны по моим личным наблюдениям (в сентябре 1945 г.), сделанным в с. Кушница Иршавского округа, Закарпатской области.

Обычно начинают сватать «по Різдві», «по Великодні, а по Пётрі». Свадьба не может быть «два тижні по Різдві, а тиждень по Великодні». Нельзя сватать в посты (Рождественский, Великий и Петров).

Сватовство начинается с того, что отец или мать парня, желающего «оженітися», посылает кого-либо из своей родни разузнать, отдадут ли девушку за их сына. Эта посылка делается так, чтобы родители девушки не догадались об истинной цели прихода посланца. Если посланное лицо принесет положительный ответ, то отец, мать и несколько близких родственников идут сватать.

Сватанье проводится в любой день, но обязательно вечером, когда стемнеет, чтобы «другие не видели», не то все село будет смеяться, если сватовство окажется неудачным.

Во время сватанья договариваются, сколько отец девушки дает земли, приданого и пр. Когда «легінь любитися», то отец девушки дает столько земли, сколько жених просит. Во время переговоров выпивают «паленку».

Если все выяснено, обо всем достигнуто соглашение, то на следующий день (или в другой условленный день) идут к сельской администрации и там делают объявление, что такой-то вступает в брак. Объявление висит три недели. «То ся кличе завдаутне». Одновременно с объявлением там же документально оформляют, сколько за молодой дается земли, составляют «контракт» (договор).

В течение этих трех недель (иногда и более) готовятся к свадьбе: припасают водку («паленку»), мясо и другие продукты, нанимают «гудаков» — музыкантов, готовят подарки и т. д.

Свадьбу можно справлять только во вторник или четверг. В другие дни свадьбы, согласно народному обычаю, запрещаются (причин запрещения никто не мог объяснить, ссылаются лишь на то, что так и «раніше було»).

Накануне свадьбы, в понедельник или среду вечером нанятые «гудаки» приходят в дом молодой. Там угощают их ужином и «паленкой». Затем молодая берет музыкантов, приглашенных, девушек и парней и идут «різати барвінок», причем поют:

Ой, боже милостивий,
Що мені почбму,
Коли мені білу ручку
Подати нікому.
Не коси ся, барвіночку,

Бо ще й зелененький,
Не жени ся, легінеку,
Бо ще ся молодёнький

и др.

Когда принесут барвинок, его кладут на стол. Молодая идет приглашать девушек «на вінок», в это время играет музыка, а парни танцуют. Затем приходят приглашенные девушки, становятся вокруг стола и вяют венки. Музыканты в это время играют, а девушки «латкаут» — поют.

Горі, сонечко, горі
Вийте ся, віночки, скорі,
Та й ниточку шовку,
Афійці на головку.
Полям Афійка полям,
За нею Іванко з конем,
Чия ти, Афійко, чия?
Я нянькова, тай мамчина рожена,
А тобі, Іванку, сужёна

и др.

Когда закончат вить венки, садятся за стол, а молодая угощает вином и подает приготовленный ужин. Раньше на этот ужин подавались только постные блюда. Пока девушки ужинают, музыканты возле хаты играют, а собравшиеся парни поют и танцуют. После ужина девушки выходят из хаты вместе с молодой, присоединяются к парням, поют песни и танцуют. В это время мать молодой собирает своих родственников, почти только одних женщин (мужчин не более двух-трех). Когда все соберутся, берут сорочку приготовленную молодой для молодого, и «косіці» (украшение для дружков) и все вместе идут к молодому. Возле хыжи молодого процессию встречает его мать. Она долго расспрашивает: кто, откуда, не заблудились ли и т. д. Когда она удостоверится, что никто не заблудился, все заходят в хыжу, и там мать молодой передает матери молодого сорочку и «косіці». Всех пришедших приглашают к столу. К этому времени молодой уже подобрал себе «кумове», которые также садятся за стол вместе с пришедшими родственниками молодой. Всем подают «паленку» в сосуде, из которого обязательно черпают, но не наливают. Затем подают приготовленные «стравы» (блюда), обязательно постные. За угощением сидят долго, а затем расходятся по домам или же родственники молодой идут в ее хыжу, а оттуда домой. Парни всю ночь гуляют возле хыжи молодой. У молодого вечером также собираются приглашенные девушки, идут за барвинком вместе с ним, вяют венки и поют те же песни, что и у молодой, только в песне имя девушки-невесты заменяется именем молодого.

На следующий день ранним утром молодая ходит по хыжам и приглашает на свадьбу, главным образом парней, а кто-либо из ее семьи идет и приглашает родственников. Приглашенные усаживаются за стол, их угощают (блюда большей частью мясные). После пира расходятся. Несколько позже собираются приглашенные парни, садятся за стол. Им дают «паленку і їжу». Затем парни выходят на улицу и возле хыжи молодой поют и танцуют с девушками; играют музыканты.

У молодого утром тоже собираются приглашенные им родственники и парни. Родственников угощают так же, как и у молодой, а парням дают только по рюмке водки, не усаживая их за стол.

Молодой с «гудяками» и парнями идет собирать своих «кумове», а затем все усаживаются за стол в хыже молодого, пируют и поют (до этого в хыже молодого никто не поет). Во время пира «кумове»

получают «косіці» (украшение на шапку и на «уйош»). После пира все выходят на улицу, где играют музыканты, гости танцуют, а молодой идет в «сельский уряд божіти», т. е. произвести запись в метрические книги. Молодой дают знать, и она также приходит к этому времени. С молодыми приходят два приглашенных ими свидетеля. Секретарь уряда проверяет, прошел ли 21 день после объявления о браке. Затем он надевает на себя через плечо широкую ленту — «пас» с государственным гербом и заявляет: «Я, як державний урядник і ви ся передо мноу поставили аби ся я побожів, я вас буду звідати: ци ти, Афія, хочеш Івана за мужа мати?». Молодая отвечает, что желает иметь мужем Ивана. Затем задается вопрос молодому: «А ти, Іване, хочеш Афію за жону мати?». Если молодой ответит утвердительно, секретарь уряда берет метрическую книгу и записывает брак. Под записью дают подпись молодые и свидетели и расходятся по домам.

В это время в хыже молодого готовят «курагду» — белое и красное знамя со звонками, украшенное цветами и лентами. Когда «курагду» готово и пришел молодой, староста становится посреди хаты на «пéтек» (зимняя одежда из овечьей шерсти), берет «ширинку» (платок) за один конец, а другой конец подает молодому. Молодой становится сади старосты на тот же «пéтек» и берется за второй конец «ширинки». «Дружка» берет «курагду», занимает место с боку старосты и молодого и держит так, что «курагду» отделяет старосту от молодого. Когда все стали на свои места, староста обращается к родителям молодого: «Няню і мамо, дёсте? Бо я поступаю ў тайну мальженства, і що я вам де що пільного учинив до цього часу, може де коли я вас не послухав, і може сі ся сважали, і буду вас няньку просити — відпустіть ви мені».

Отец отвечает: «Біг святий». Затем староста обращается к матери: «Мамко, отпустіть, може я коли що учинив вам». Она также отвечает: «Біг святий». С подобными просьбами староста от имени молодого обращается ко всем присутствующим в порядке старшинства и близости родства. Все отвечают: «Біг святий».

Затем мать берет «свячену» воду, ставит на стол и кропит ею лежащие тут венки, а покрывши, надевает венки на шапку молодого и подает ему, а тот надевает шапку с венком на голову. Затем староста выводит молодого за «ширинку» из хыжи и в сопровождении музыкантов все идет к церкви. «Дружба» все время держит «курагду» между старостой и молодым в развернутом положении. Когда идут в церковь, впереди молодого несут два больших круглых хлеба — «крученика» (диаметром 50—60 см) и «чоботы».

Возле церкви молодого оставляют. Сваты и «кумове» играют (поют, танцуют), а два «кумове» берут «курагду» на плечо и во главе со старостой идут за молодой.

Когда приходит староста, у молодой повторяется в точности так же, как и у молодого. После выполнения этих обрядов идут в церковь. По дороге лицо, для этого назначенное, «гонноть», с большой «косіцей» и палкой в руках все время выкрикивает: «Гéцко, Афія да жівет» (или другие соответствующие имена и фамилии). Все идущие кричат: «Да жівет». То же выкрикивают и молодому, когда он идет в церковь. Когда пришла молодая, все входят в церковь, где священник их венчает. После венчания закрывается на замок входная дверь, в которую вошли молодые, а их выводят через левую боковую дверь. Во время венчания на улице возле церкви играют музыканты, парни танцуют и поют. Когда венчание окончено, староста ставит молодых вместе, дает им в руки каждому концы «ширинки», а другие оставляет у себя и за «ширинку» ведет в хыжу молодой. «Дружба» или «кумове» в это время несут «курагду»

между старостой и молодыми в развернутом виде. Впереди старосты и молодых несут два прежние «крученика» и «чоботы». По дороге «гбйкають» (кричат): «Іван Гецко а Афія Гецко да живѣт».

Прийдя к хыже молодой, находят, что ворота закрыты. «Закрытие» ворот заключается в том, что при открытом положении «ворітниці» сверху ворот кладут «пауз» — легкое бревно. У ворот стоят два «сторожа» из числа родственников молодой и кричат: «Не сїди, ідіть дальші!» и т. п. Из процессии выходят «кумбве», силою отстраняют «сторожей», открывают ворота и входят во двор. «Кумбве», отстранив «сторожей», поднимают «пауз» и пропускают молодых во двор.

Войдя во двор, все останавливаются возле дверей хыжи. Выходит мать молодой с бутылкой водки и рюмкой, кланяется молодым и угощает их «паленкой». В это время один из родственников выносит из хыжи «крученик» и дает его «гбнноть», который берет этот хлеб в руку, подает его свату или куму, не выпуская из рук, и они вместе поднимают «крученик». В образовавшуюся арку между «гонноть» и сватом проходят сваты, молодые и все присутствующие в таком порядке, как шли из церкви; под «кручеником» проходят три раза. В это время «гбнноть» кричит, чтобы никто не вырвал «крученика». После третьего прохождения под «кручеником» один из парней вырывает его из рук «гбнноть» и бежит прочь. За ним гонятся женщины, крича: «Мені дай, мені дай, мені мало, мени дитині мало» и т. д. Парень отрезает по кусочку «крученика» и раздает тем, кто гонится за ним, и сам съедает кусок.

Когда «крученик» роздан, молодые идут в хыжу, садятся за стол, а с ними все присутствующие. За столом возле молодых усаживается тот, кто нес «крученики» и «чоботы»; он кладет их возле себя. Начинается пир. В это время староста кричит, обращаясь к матери молодой: «Мамо! де сте, пбйте сюди! Наш молодой видів вас ходили пішу і хоче вам подарувати бицігли». Староста берет один «крученик» и катит его по столу, приговаривая: «На сім мош ся вѣсти». Мать отвечает: «Не мбш то на однім вести ся, мусять буди дві». Староста: «Мбш!». Мать: «Ні, не мбш!». Староста: «Мбш, нате!».

Мать отказывается. Тогда староста берет второй «крученик», катит один за другим по столу и приговаривает: «Сяк уже можеш іхати». Мать отвечает: «Ні». Староста поворачивает «крученики», ставит их рядом и спрашивает: «Ну, та тогді сяк мбш?». Мать отвечает: «Ні, так не мош. Там ще треба теньги¹, бо колеса сяк упали». Далее староста говорит: «Но то чекайте, мамо. Видів я що ви ходили піші, ай бо й босі. То дам я вам чобіт, бо ви били одной ногой боса», — вынимает один «чобіт» и кладет его вместо «теньги», говоря: «Це теньга, це чобіт, ай бо не такий, хоть який. Це такий що утціль треба ногу вдівати, а другу з другого боку». Мать продолжает отказываться. Тогда староста вынимает второй «чобіт», складывает «крученики» один на другой, а сапоги (чоботи) сверху и так подает матери. Когда мать хочет взять, староста отнимает. Мать спрашивает: «Не даєте? То що ви хочете? Ну, та чекайте!». Она отходит от стола, берет бутылку водки, возвращается, пробует водку сама, а затем передает старосте, который говорит: «Ну та сяк уже можете взяти» — и передает ей «крученики» с «чоботами». Та берет их и уносит.

Все продолжают пировать. Кухарка, стоящая возле печи, кричит: «Староста, ви зі мною дуже файно танцювали і за ото я вам файного когута испикла»². Затем берет большое блюдо, кладет на него «мичку» (кота) так, чтобы не видел староста, накрывает его вторым

¹ Ось.

² Файного — хорошего; когут — петух.

блюдом, а сбоку в щель вставляет большие перья, изображая хвост «когута», и подает старосте, ставя перед ним на стол. Но на блюде вместо петуха оказывается кот, и все смеются над старостой. После этого угощают всех водкой и кушаньями. Молодым подают отдельно, на одном блюде обоим. На первое им подают «ратоту» — яичницу, затем сладкое молоко с крошенным в него хлебом. Им дают одну ложку на двоих. После того, как поедят и попьют, все идет к молодому за исключением сватов молодой, которые продолжают пировать. К молодому идут строго в том же порядке, в каком шли в церковь. Подойдя к воротам хыжи молодого, находят их также закрытыми. Следует тот же диалог и прием открытия, а когда входят во двор, всех встречает мать молодого с водкой и рюмкой. Поклонившись и угостив молодых водкой, мать ведет молодую к «стайне», а молодой остается перед дверью хыжи. В стайню с молодой идет только мать. Здесь молодая садится на ясли и сейчас же встает и уходит обратно к молодому. Пока она ходит в стайню, выносят «крученик» и готовятся пропустить под ним молодых. Под «кручеником» трижды проходят староста, молодые и все присутствующие (как и во дворе молодой), затем следует такая же раздача «крученика».

После этого заходят в хыжу и садятся за стол, пьют водку и едят приготовленные «страви»³. За столом возле молодой садятся ее родственники, тогда как у нее в хыже возле нее сидели родственники молодого.

Тем временем оставшиеся в доме молодой сваты и родня берут подарки для родни молодого, приготовленные молодой, и ее приданое и несут все это к молодому. Их сопровождают музыканты. Прийдя в дом молодого, садятся возле молодой и кладут рядом с ней все принесенные подарки. Приданое оставляется в «кліті».

Поднимается староста и спрашивает: «А ну що съ там принесли?», а затем обращается к матери молодого: «Мамо, уже пойте сюди. Ваша невістка виділа, що ви ходили без ширинки, і вона нехоче щоб її мама так ходила». Затем староста расхваливает «ширинку», кладет ее на стол, а вместе с ней и другие принесенные подарки. Обращаясь к отцу молодого, он говорит: «Ваша невістка бачила як ви ходили в сороці без рукава». Вона нехоче, щоб ви так ходили. Вона принесла вам сорочку из шовку самого»⁴. Затем он вызывает в порядке старшинства близких родственников и перечисляет, что кому дарится. При этом он никому подарков не вручает, а складывает их тут же на столе. Закончив их перечисление, он все подарки подает матери молодого, а вместе с подарками и два «крученика». Мать молодого все это забирает, уносит и тотчас возвращается с тарелкой, которую передает старосте. Староста накрывает тарелку «ширинкой», поднимает и говорит: «Тепера будемо дарувати нашим молодим». Мать молодого кладет на тарелку деньги, а староста кричит: «Наша мама дарує молодих 100 пенгами»⁵. Затем дарит мать молодой, за ней отец, который, кладя деньги, говорит: «Най біг подарує віком и добрим здоровлем». Все присутствующие также кладут кто сколько может, а староста выкрикивает, кто сколько подарил. Собранные деньги передают молодому.

По окончании сбора денег («дари») свашки вместе со старостой берут молодую, уводят до «кліті» (комори) и там снимают с нее венки, ленты и другие украшения, расплетают косу, закручивают волосы сзади и надевают «чепак» (чепец). Тотчас же в сени входят

³ Блюда.

⁴ В действительности из домотканного полотна.

⁵ Венгерские деньги.

музыканты и вызывают молодую, которая выходит вместе со старостой и танцует. Затем подходят другие и танцуют с молодой; с танцующих староста берет деньги, которые тут же отдает молодой.

По окончании одаривания молодых на стол подают много «па-ленки» и разные «страви», поют, веселятся, а свашки поют:

Завили сь ми дівку білу,
Завили, завили,
Аби не вся молоденьку
Люди не журили.
Виддали сь ми дівку білу,
Виддали, виддали,
Аби не вся молоденьку
Люди не вмовляли

и др.

Через некоторое время родители молодой встают из-за стола, наказывают молодой, чтобы она хорошо вела себя, прощаются с ней, забирают своих музыкантов, старост, «кумбве» и других и уходят к себе, где продолжают гулять. Гости, оставшиеся у молодого, продолжают пировать. Как в доме молодой, так и в доме молодого свадьба оканчивается в тот же день.

Нами записано несколько песен, которые пелись на данной свадьбе. Так как текст песен записывался не в тот момент, когда их пели, а уже после свадьбы, под диктовку исполнителей, то порядок их исполнения установить не удалось. Все, кто был опрошен, когда поется та или другая песня, отвечали: «Порядку нема, де хто яку пригадав, то й співають». Такой ответ не соответствует действительности, ибо, судя по записанному тексту, часть песен должна исполняться только в определенный момент.

Отметим, что девушки исполняют свадебные песни только тогда, когда идут «різати барвінок» и вяжут венки. Во всем остальном процессе свадебного обряда песни поют только парни, а в двух случаях отмеченных в тексте описания свадьбы, поют женщины-свашки.

* * *

1

Зашуміла дубровиця,
Коли ся розвивала.
Заплакала дівка біла,
Коли ся віддавала.

2.

Та не шуми, дубровице,
Та не розвивай ся.
Та не плачь, дівка біла,
Та не віддавай ся.

3.

Зеленде кошенде,
А білосе нїт, нїт.
Коли було дівкою бити,
Зав'язали мї світ.
Коли було дівкою бити,
А я пожділа.
Коли було жоноу бити,
А я повдовіла.

4.

Кажуть мені женити ся
Жени ся, небоже.

Узьми за ся сиротину,
Тобі бог може.
Коли я ся та ожиниў,
Не знав що чинити.
Їзав собі нову косу,
А пішов косити.
Кошу траву, кошу,
А суху лишаю.
А мені ся молодому
Жіни привижаут.
Сюди жіни, сюди,
Сюди жіни д'мені.
Та чий ти, сірохмане,
Не обідав нині.
Хоть обідав, хоть не обідав,
Що до того кдму.
Та я їзав свою косу,
Та пішов до дому.

Та прийшов до домочку,
 Та став пуд віконце,
 Та вставай, дівко біла,
 Бо в полудне сонце.
 А чекай, чоловіче,
 Дам я ти помогу:
 Бізьми собі коновічі⁶.
 Та іди на воду.
 Я пішов, хлоп молодий,
 Та виніс водиці,
 А би сі не вродили
 Сякі бездолниці.
 Та аби ся не родили,
 Аби ся не оддавали,
 Та аби хлоп молодому,
 Світок не в'язали.

5.

Кликав мене мій миленький
 Из нового бовта⁷,
 Що сь дівчина помарніла,
 Як косиця жовта.
 Не звідай ня, мій миленький,
 Що я помарніла,
 За тобою, мій миленький,
 Тверда нуда ззіла.
 За тобою, мій миленький,
 Нуди звладали.
 Бог дай би ти через мене
 Яму викопали.
 Би ту яму покопали,
 Би поклали ў труну,
 Та тогди бим хлопче знала,
 Ош не візьмеш другу.

6.

Сорочина памутова
 Не вишиваная.
 Найшов любко доганочку
 Ош не рум'яная.
 Сорочина памутова
 Я вишити вмію,
 Най мні буде любку добре
 Я порум'янію.
 Годуй мене колачами,
 А напий горілкою.
 Так ся буду рум'яніти
 Яким була дівкою.

7.

Стій, коню, пудо мноу,
 Та стій не кований.
 Пішов любко з вечорок
 Не поцольований.
 Цу, коню, пудо мноу,
 Най тя покують,

Варуй ся ня, дівка біла,
 Най тя не щалую.
 Ош тя, дівко, гид укусит,
 Буде ти поліка,
 Ош тя легінь ишчалуе,
 Буде ти до віка.
 Ош тя, дівко, гид укусит,
 Ота ящурочка,
 То я буду, дівко, легінь,
 А ти не дівочка.
 А на мені клібанина⁸
 Буде по легінські,
 А ти будеш, дівко біла,
 Завита по жінські.
 Ош тя, дівко, гид укусит,
 Ота ящуриця,
 А я буду, дівко, легінь,
 А ти молодича.

8.

Коло млина ясицина,
 Ясинове прут'я.
 Чекай, дівко, до осени,
 В осени возьму тя.
 Чекай, дівко, до осени,
 Тай до осенини,
 Заки собі не завезу
 З поля де зернини.

9.

Що ото за тополя,
 Суха не зелена,
 Стоїть дівка в оболочі,
 Сумна, не весела.
 А що ти ся, дівка біла,
 Сумуеш, сумуеш,
 А на мене молодого
 Місяці рахуеш.
 Не гадав легініку,
 Би м на раз умерла,
 Тобі м дяку сповнила,
 Своем лице обдерла б.
 Винису ти, дівко біла,
 Дорогоє вино,
 А бись дитя не хрестила
 На мое імено.

10.

З зеленої полонини
 Голубки линули,
 Щи м нікого не любила,
 Літа ся минули.
 Щи м нікого не любила,
 Та й не буду мати,
 За літами молодими
 Буду банувати⁹.

⁶ Коновічі-ведра⁷ Бовт — магазин.⁸ Шапка.⁹ Тосковать, жалеть.

11.

Суть у нього два коника,
 Оба вороненькі.
 Буду ними догоняти
 Літа молоденькі.
 Вигониш, хлопче, коні,
 Вигониш, вигониш.
 А літа молоденькі
 Шуга не догониш.
 Я догонив свої літа
 На залізнім мості,
 Най верніться мої літа
 Хоть до мене в гості.
 Ми ся не вернемо
 До тя молодого,
 Бо нас було шановоти
 Як няня старого.
 Ми ся не вернемо,
 Тобі не будеме,
 Бо ти жалю наробиш
 І так ся вернеме.

12.

Суть у нього два коника,
 Та оба ў стайні.
 Сяду собі на одного,
 Та долю лугами.
 Сяду собі на одного,
 Та долю лугами,
 Та я найшов трое зілля
 Межі долинами.
 Та я найшов трое зілля,
 Зачав го копати.
 Прийшла ид мні ластовиця
 Та яла казати:
 «Та не копли, легінику,
 Ото трое зілля,
 Тобі дівка щаловала¹⁰
 Тепер і ў весілля.
 Сяду собі на коника
 Та гайда до дому,
 Кить не будеш, дівко, мені,
 Не будеш нікому.
 Та я вийшов до домочку,
 Та став пуд одвірки,
 Звідав от ня цімбаріки:
 «Ці пив бись горівку (горілку)».
 Не треба міцімбаріки
 Вашої горівки,
 Лиш мі треба дві три слова
 Із вашої дівки.
 Прийшла д'ньому
 Та його обнімає,
 А він собі за боку
 Саблю утігає.

13.

Ти ся жениш, легінику,
 Ти ся жениш, жениш,
 Кого мені а по собі
 Любити велиш.
 Не велю ти, дівко біла,
 Любити нікого,
 Любила сь ня легіником,
 Люби й жонатого.
 Не буду тя жонатого
 Любити, любити,
 Бо ти будеш через мене
 Своу жону бити.

14.

Подь, дівчино, у таночок
 Аби ся не бояла,
 Моя жона сидить дома,
 Ще ся не вбувала.
 Подь, дівчино, у таночок
 Подь, дівчино, на ігру,
 Заплачу ти паленочку
 Тай таночок найму.

15.

На, хлопеку, білі внучі,
 На, хлопеку, вбуйся,
 Ти проклята солудивко
 На мене не дуйся.
 На, хлопеку, сорочину,
 Не ходи в непранці,
 Або твому лепаєві
 Дримання на гадці,
 Тако би м я легінику
 До тебе мійць * мала,
 Я бим твою сорочинку
 При місяці прала.
 При місяці би му прала,
 На коші сушила,
 Щоб моа соколина
 Такоу ни ходила.

16.

У зеленій полонині
 Явір шелеснатий,
 Зати синок мамці рідний
 Заки не жонатий.
 Зати синок мамці рідний,
 А донька вірненька,
 А як ей мамка віддасть,
 Газді солоденька.

17.

Ай, боже милостивий,
 Що я не щастливий.
 Коли-м ишов до дівчини,
 Летів голуб сивий.

¹⁰ Солгала, соврала, «збрехала».

* В этом и в ряде других слов «й» произносится как немецкое «й».

Летів голуб, летів,
Летіла голубка,
Милий няню, мила мама,
Ище не така любка.

18.

Суть у ня дві білявки
Та обі однакі,
Та як би їх породила
Една рідна мати.
Та суть у ня дві білявки
Та обома ся тішу,
Едну буду палей бити,
А другу завішу.

19.

Легіню молоденький,
Легіню, легіню,
Держи собі дві білявки,
Едну про неділю.

20.

Сватали тя, дівко біла,
Не хотіла ся іти,
Зати будеш бановоти
Заки будеш жити.

21.

Из гори ся захмарило,
А з доли не видко,
Та най іду в світ далекий
Не банує нитко.
Няню за мноу не бонує,
Бо няню не мав.
Мама за мноу не бонує,
Ото добре знав.
Не банують за мноу братья
И то та сестриця,
Тільки за мноу побанує
Файна молодича.

22.

Ай, дівко стародавна,
Лажу ся женити,
Ці ни прийдеш ти
На весілля подивити.
Така бо ти, легінику,
То та свадьба мила,
Як би м я ся, легінику,
На свадьбу дивила.

23.

Ци ми пили паленочку
На зеленім лузі,
Та співали співаночку
Дівці зелемпузі.
Ци проклята зелемпуго
Зелена як трава,
До колиски сь повелика
До постелі мала.

24.

Пийме, хлопці, паленочку,
Паленка не вода,
Заплатиме у вароші
Бо одного шкода.

25.

Постілочко нова, нова,
З троякого древа,
Не такого било мені
Миленького треба.
Він ляже в одному,
А я в другому,
Не пристає наше серце
Едно к другому.

26.

Співалам би співаночку
Кабим нагадати,
А я в чужій стороноці
Будут ся сміяти.

27.

Женила ня моа мама
Женила, женила,
Повна стайня худобиці,
Жона ми не мила.

28.

Коли ми ся, дівко біла,
Любили, любили,
То в зеленій полонині
Сухі дуби цвіли.
Кали ми ся, дівко біла,
Лишили любити,
Не аби сухі дуби цвіли
Сирі ялі гнити.

29.

Качали ся вози з гори,
На долині стали,
Любили ся чорні вічка
Та вже перестали.
Качали ся вози з гори,
Качати ся й будуть,
Любили ся чорні вічка,
Любити ся й будуть.

30.

Чи ти мила така файна,
Чи мені здає ся,
Та що мене молодого
Спання не бере ся.
Спання не бере ся,
Істи не хоче ся,
Коли за тя подумаю
Сердце не колезя (бьется).

31.

Мене мама породила,
Файно повивала,
Богатому помінила,

За бідного вдала.
Мене мама породила
Блись коло водиці,
Кабим така до роботи
Як на вечорниці.

32.

Кує зозулина
У лісі на калині,
Та не ё ти мила пари
В нашій верховині.
Ай, кує зозулина
З того садочка,
То на нашу дівку люблю
Не ё надійочка.

33.

Їде машиниця
Задом не передом,
Кой за милу полумаю
Стане серце лёдом.
Їде машиниця,
Вагон відкочався,
Та ня мила полишила
Що я з нею знав ся.

34.

Паде дощик, паде,
З стріх вода льється,
Прогнівав ся мій миленький
Тай не милує ея.
Рад би собі другу найти
А мене лишити,
Та таку дівку не мав,
Та й не буде мати.

35.

Прийди, легінику,
Вечером темненьким,
Я бим тебе напоїла
Молоком тепленьким.
Прийди, легінику,
Як ся звечеріє,
Аби сь мі нічку не згубив,
Як когут запіє.
Яка мала невеличка
У Петрівку нічка,
Поцілував у личенько
Їже не ё коли ў вічко.

36.

Перед хижой сонце гріє,
Позад хижі холод,
Недалеко дівку має
Через п'ятий горід.

37.

Співаночки мої, мої
То ми йдете на ум,
Я вас мушу полишити
Через дурний розум.

38.

Не велика поляночка
Копиць на нью густо.
Та любим ся, дівко біла
Най не брешуть пусто.
Та любим ся, дівко біла
Усе с'як, усе с'як,
Та заки нас коло перкви
Пани не зголосять.
Ой, пани не зголосят
Попик не побоже,
Та заки нам на голову
Вінок не положе.

39.

Казалам ти, легінику,
Ош не любимо ся,
Розійшла ся чорна хмара,
Розійдеми й ми ся.
Коли ото розійшли ся
Вінчані бо ждони,
Чом би ми ся не разійшли
Словом наречені.

40.

Сама соб дівко біла
Ото похибила,
Добре знала, що не візьму,
На щось ня любила.
Добре знала, що не візьму
Бо я відобраний,
Мене було б не любити,
Ош бим який файний.

41.

Та молода дівка біла
Цілу ніч не спала,
До своёго миленького
Дрібний лист писала.
А дробного листа писала
Дрібенько на картку,
Та загнала поштайочку
Аж до легементу.
Ходить хлопик молоденький,
Саблю в руках носить,
Та від пана капітана
На улап ся просит.
Ай, пане капітане,
Пушай ня додому,
Бо я лишив дівку білу,
Хворує за мноу.
Та молодий легінику
Треба занехати.
Ай, пане капітане,
Буде бог карати.
Та пушу тя, пушу.

Хлопця молодого,
Та й ще ті дам до того
Коня вороного.
Ай, конику вороненький,
Тяжко на тя буде,
Ми підеме в світ далекий,
Попасу не буде.
Та я вийшов додомочку,
Ворота хилає,
Ай, вийшла родиниця
Гусаря вітає.
Та я зайшов до світлиці,
Дівчина хворує,
Та й здолів долі личко
Най она цілує.
Ціловала би я
Та лиха година,
Одрекла ся та од мене
Вся моа родина.
Та цить, дівко, не журись
Бог е с тобою,
Най дасть бог кінець війні,
Сберу ся з тобою.

42.

Піду ў катуни
Біда мені буде,
Лиш не тільки біда (буде)
Чія дівка буде.

43

Казалам же легінику
А би ся не женив,
А би собі зледа бідом
Головку не чернив.

44.

У зеленій полонині
Огень розгорівся,
Та каби знав, що я знав
То би сь поболів ся.
То каби знав, що я знав,
Любий мій соколе,
Я своїми гадочками
Посіяла поле.
Ай, поле посіяла,
А не волочіла,
Та я тебе, легінику,
За дарма любила.

45.

Така у ня дівка біла
Дуже солоденька,
Як у літі при роботі
Вода студененька.
Та не ходи, легінику,
По горах з вівцями,
Та не міси мое зілля
Білими ногами.
Бо вно тобі, легінику,

Ніц не поможе,
Бо ти не мій, я не твоя,
Легіню небоже.

46.

По пуд ділом зелененьким
Ходив мій миленький,
Та він носив за клібанів
Розмай зелененький.
Та що тобі, легінику,
Із того розмаю,
Та я тебе, легінику,
Любити гадаю.

47

Лишау тя, дівка біла,
Лишау сараку,
Лишау ти шириночку
Едну на познаку.

48

Ішов любко ў катуни
Я стояла в кирті ¹¹,
А би ся дівко справовала,
Як косиця в кирті.
А я ся так справовала
Як мельничка в млині,
Котрий прийшов, той і змолов,
Подяковав мені.

49

Не буде млин молоти,
Бо валило ваять,
Задармо ня, хлопче, гониш
Кой ня люди хвалят.
Та не буде млин молоти
Без підка нового,
Так як буде любко спати
Без личенька мого.

50.

Та я в млині ночовала
На новенькій ладі,
Не довго ти, люба мамко,
Буду на заваді.

51.

Ў моему городчику
Галуза, галуза, ¹²
Та не чекай дівко біла,
Із фраера мужа.

52.

Ў моему городчику
Виросла й вишня,
Любиви сь ня, легінику,
Чому не береш ня?
Любивим тя, дівко дівкоу,
Буду й молодичеу,

¹¹ Огород.¹² Галуза — ветка

Іще буду рік чекати,
Та озьму тя вдовицеу.

53.

Ти ся дівка віддаеш
Я в катуни іду,
Каби зати повдовіла
Заки з катун вийду.
Каби зати повдовіла
Та бись била вдова,
Та як вийду з войночки.
Ти бись била моа.

54.

Казалам ти легінику
А ще ти раз кажу,
Та абись ся сім раз женив
Любити тя лажу.

55.

Їжте хлопці капустицю
Не чекайте мнясо,
Бо заспала задрімала
Кухариця наша.

56.

Журила ся мноу мама,
Журили ся люди,
Ош на моїй головоці
Віночок не буде.

57.

В зеленій полонині
Голубка несе ся,
Та любім ся моя мила
Бо любо веде ся.

58

Ци убита доріжина ¹³
З гори на долину,
Эй, так тя дівко люблю
Як мати дитину.

59.

Ци ў моему городчику
Зелена черешня,
Кить мня хлопче ввірі любиш
Чому не береш мня.

60.

Коло, млина ясинина,
Ясинове пруття,
Чекай мила до осени
А ў осени візьму тя.

61.

Та ў моім городчику
Зелене ожиня,
Кить мня мила хош любити
То приворожи мня.

62.

Сідай мила коло мене
Говори за мене,
Та аби люди не казали
Ош не любиш мене.

63.

Ў зеленій полонині
Пасе баран дикий,
Тко з дівчатами не гуляє
Тому грїх великий.

64.

Эй, моа файна рибка
Подобает мені,
В ночі мене цільовала
Солодко мі й нині.

65.

Тко за любов та не знае
Най ся богу молить,
Бо всьо тіло здоровое
Лиш серденько болить.

66.

Тко за любов та не знае
Най ся молить богу,
Тому не э в ночи спанья
А в день супокоу.

67.

Эй, прелюба дівчина
Цоркну в оболочек ¹⁴,
Да відмикай дівко біла
Туй ти парубочок.

68.

Я прийду до дівчини
Поцьолую файно,
Вона каже: ци ня любиш,
А я кажу айно.

69.

Та люблю тя дівко біла
Люблю тя, люблю тя,
Та не знаю як ти мене
Бо не звідаю тя.

70.

Та я тобі легінику
Казала, казала,
Та я ти ся до головки
Сама не язала.

71.

Эй, тече вода, тече,
Примулила рака,
Положи ми дівко біла
На путику знака.

72.

Эй, дуба ізрубаю

¹³ Дорога.¹⁴ Окно, окошечко.

Березу прискіплю,
Догадуйся дівка біла
Коли на тя клипну.

73.

Эй, дуба ізрубаю,
Та посажу грушу,
Мушу іти до дівчини
Бо ми тягне душу.

74.

Мені до тя моя мила
Не е телефона,
Та не буду мила знати
Коли будеш дома.

75.

Коли за тя дівка біла
Почану думати,
Не треба ми молодому
Ні їсти, ні спати.

76.

Эй, біла файна рибко,
Ти білое потя ¹⁵,
Коли за тя подумаю
Мушу іти до тя.

77.

То не можу дівко біла
Серцю розказати,
Та аби серце перестало
За тебе думати.

78.

Эй, прийди мій миленький
Та я буду рада,
Кажуть люди ош мня любиш
Та най буде правда.

79.

Эй, зелена ліщина
Широкий лист має,
Гірша любов від болику
Тко в любі биває.

80.

Тогди тебе дівко біла
Полишу любити,
Як полишить бистра вода
Берега мулити.

81.

Эй, думаш дівко біла
Ош любя дурнота,
Та із любі великої
Паде позолота ¹⁶.

82.

Эй, думаш дівко біла
Ош любя дурнота,
Так не любя душу ззіла
Як довга хворота.

83.

Ай, думаш дівко біла
Ош не буду про тя.
Такий буду веселенький
Як ў яри потя ¹⁷.

84.

Я думала легінику
Ош ти прийшов на ніч,
Ти клебаню на един бік:
Дівчино добра ніч.

85.

Та люблю тя дівко біла
Май люблю не найду,
Горóдом ти буду іти
До хиж ти не зайду,

86.

Любивим тя дівко біла
Докись була мала,
Доки то ся з цимбором ¹⁸
Лыбити не знала.

87.

Любивим тя дівко біла
За півдруга года,
Топталем ти доріженку
Поперек горóда.

88.

Эй, темна нічка, темна
А чей не видима,
Ой, я бим ней не ходив
Як би не дівчина.
Ой, темна нічка темна
Та вна мені видка,
Бо мені ся вподобила
Серек села рибка.

89.

Не никав я на кали
А не на болота,
Та я до тя мушу іти
Дівчино молода.

90.

Ой, паде дождік, паде
А чей мня не залле,
Е ў милої петечина
Та вна мене завье.

91.

Ой коли подумаю
Дівчино за тебе,
Не дає мі задихнути
Не т'собі, не т'себе.

¹⁶ Болезнь — желтуха.¹⁷ Весной птица.¹⁸ Коллега.¹⁵ Птица.

92.

Коди подумаю
За милої личко,
Головка мня поболює
Сама потиличка.

93.

Ой, мою файну рибку
Любити яло ся,
Бо ў неї сірі очі
Жовтое волосся.

94.

Ой, моя дівко біла
Біленька як гуся,
Та вна мне поцьолує
Лише притулю ся.

95.

Ой кує зозулина
На вині, на вині,
То ся оберне дівко біла
Ротиком вуд'міні.

96.

Ой, вставай легінику
Бо днина біленька,
Та аби тя не увиділа
Сусіда близенька.
Ой, вставай легінику,
Бо вже кури піли,
Та аби тя, легінику,
Люди не виділи.
Коло млина ясинина,
Кодо млина став, став,
Їжжени ня файна рибко
Вбим ў тя не заспав.
Я його изгоняла,
Вставай, любку, горі
А він мое біде личко
Пригортає д'собі.

97.

Ой сивий голубику
Высоко літаєш,
Та мені жаль моя мила
Ош мня полишаєш.

98.

Ходить до ня мало легінь
А сусіда чує,
Вона дала селу знати
Де легінь ночує.

99.

Ой, цімбора ся женит
Я йому кумою,
Ой бере ми любаску
Та я не баную.

100.

Ой їде машиниця
Шинами дубоче,

Най тя бере дівко біла
Про мене тко хоче.

101.

Ай, пью палиночку
За столиком сижу,
Маєш дівко фраєрика
По очах ти вижу.

102.

Ой, кує зозулина
На дубі сидїчи,
Та здурів дівка біла
За тобою ходячи.
Ой, кує зозулина
У того загаття,
Я здурію дівко біла
Думаючи за тя.

103.

Та ў морі кирниченька
Ў мурі мурована
Га мені ся дівко здає
Шо ти мальована.
Мальована легінику
Але не про тебе,
Бо вже пройшли м'ясиці
Не видала м тебе.
Вже пройшли м'ясиці
Пройшла і петрівка,
Ти про мене ходи легінь
Я про тебе дівка.

104.

Ой, паде дождік, паде
Та він паде мокрий,
Думаш дівко ош другого
Ротик май солодкий.

105.

Спала бим ся мамко спала,
Вічка мі ся злипли,
Каби ми туй що мні мило
Весело би глипли.
Каби ми туй що мні мило
А що мні миленько,
То мої би тогди вічки
Глипли веселенько.

106.

Ой, я посажу вербу
Коріння ссыхає,
Іде милий до другої
Тай не повертає.

107.

Не розвила ся та верба
Що єї садила,
Не є того легіника
Що я го любила.
Не є того веретена
Що я на нім пряла,

Не е того миленького
Котрого м чекала.

108.

Та я з річки воду беру
На камінню стою,
Люба мені бесідочка
Миленька с тобою.

109.

Через воду не е броду
Вержена драбина,
Мені ся уподобила
Удобна дівчина.

110.

То я таку дівку люблю
Що файно ся носить,
Кои ня хоче цольовати
То все ня попросит.

111.

Ой, сонце над заходом
Хоче заходити,
Кой за дівку погадаю
Яну ся минити.

112.

Каби скоро сонце зайшло
Аби місяць засвітив,
То бим собі файну рибку
На дорозі стрітив.

113.

Эй, куплю чоботята
А щей шаркантівки¹⁹,
То як буду починати
Ходити до дівки.

114.

Коли подумаю
За білу Анницю,
А чий бим за ней вскочив
Ї велику водицю.

115.

Ой, дрімати ся дремле
Спати ся не хоче,
Я чекаю миленького
До раз при дубоче.

116.

Мені би ся не дрімало
Ош би день біленький,
Коби сів та говорив
Милий солоденький.

117.

Тко за лубу та не знае
Не требе му й знати,
Не треба му його серцю
Журу завдавати.

118.

Ой, хожу горі, долі
Їсхожу все село,
Кой не вижу тебе мила
Мені не весело,

119.

Загріло соничко
На десяту хижу,
Кой за милу подумою
Робити не можу.

120.

Ой, їде машиница
Кривулі проминат,
Чи жаль тобі моя мила
Ош любя ся минат.

121.

Ой мила, моя мила,
Десь мій розум діла,
Я твій розум легінику
Ї дуба завертіла.

122.

Чи в зеленій полонині
Написана карта,
Ош паранну²⁰ молодичю
Любити не варто.

123.

Эй, цімбар цімбарику
Я ти дам цігара,
Лиш мні повіш щіру правду
Що мила казала.

124.

Ой, прийду до церковці
Стану під образи,
Раз на попа подивлюся
На дівку три рази.

125.

Ай, прийду до церковці
То я на бік стаю,
Бо я попа не розумію
За милу думаю.

126.

Ой, коли подумаю
За тебе Василю,
Я не можу зав'язати
Монисто на шиї.

127.

Що собі подумаю
Та ото ўчиню,
Продам коня вороного
Та куплю дівчину.
Продам коня вороного
Та продам другого,

¹⁹ Шпоры.²⁰ Гордая.

Та я куплю дівку білу
До серденька мого.

128.

Ой, молода Аннице,
Молода Аннице,
Поцьолой мня молодого
Ї правое лице.
Поцьолой мня ї правое
Я тебе в лівое,
Та аби файна рибко
Серце веселое.

129.

Та я люблю дівку білу
А дівчина мене,
Не хотіли старі дати
Дівчину за мене.
Та повіш мні легінику
Чи поберемє ся,
Бо вже усі люди знають
Ош ми любимє ся.

130.

Їсі коні поковоні
Лише мої босі,
Чому до ня хлопче не йдеш
Якись ходив досі.
Чому до ня хлопче не йдеш
Чому не поверташ,
Чому вид ня на путику
Головку відверташ.

131.

Ой, Боже милостивий
То мня болят лятки,
То ид горі то в долину
Ходячи до рибки.

132.

Коли хоче дощ падати
Тогди хмара блисне,
Кой за милу подумаю
За серце ня стисне.

133.

Ой, моя мила
Далеко буває,
Та я за нею умираю
Та й она не знає.

134.

Та я маю дві дівчини
Та обі Марійки,
Едною хижа на бєрезі
Другій коло ріки.

135.

Ай, мила моя, мила
Мила миленька,
Чи всім людям, чи лиш мені
Така солоденька.

136.

Май же ми ся моя мила
Лише не любити,
Бо далека дорожина
До тебе ходити.

137.

Ой, моя мила
Буває далеко,
Коли за ню погадаю
Многі ми май легко.

138.

Та подумай мила собі
Чи не жаль би тобі,
За два роки любитися
Третій на розході.

139.

Ой, прийди легінику
Того вечеріка,
Як не буде коло хижі
Мого чоловіка.
Ой прийди легінику
Хоть на годиночку,
Я вилажу чоловіка
В ліс на калиночку.

140.

Servus²¹, дівка біла,
Та як ти ся маєш,
Та я чую зачуваю,
Що ти ся віддаєш.
Оддавай ся, дівка біла,
Про мене здорова,
Не буде в мене боліти
За тобою голова.

141.

Каби сь мила знала
Як мені на душі,
Ти бись мені заспівала
Як голуб на груші.

142.

Коло річки дві смєречки
Една другу гне, гне,
Як ти дівко на серденьку
Кой не видиш мене.

143.

Эй, прийду до дівчини
Добрий вечір рибко,
Закрий собі оболоти²²
Аби мня не видко.

144.

Эй, прийду до дівчини
Двері помуючу,

²¹ Привет.²² Окна.

Та одмикай дівко біла
Най переночую.

145.

Една гора висока,
А друга гора ниська,
Една мила далека,
Друга мила близька.
То я то ту далеку
Людам подарую,
А до тої близенької
Пішком помандрую.

146.

Легінику молоденький
Щось бим ти казала,
На котрім тя перелазі
Варта вартовала.

147.

Не е того веретена
Що я ним крутила,
Не е того лігніка
Що я його любила.

148.

Я на сборі билим
Я на сборі билим,
Чужим жонам я купав
А свою забилим.

149.

Не за то я повертаю
Ош водиці пити,
Но зато я повертаю
З дівкой говорити.

150.

Ой, ў мене молодого
Болить поперечок,
Та ходячі до дівчини
Через бережечок.

151.

Та не лай ми моя мамо
Та й моеї дівчини,
Та аби сі не псовала
Бо буде жаль мені.

М. Г. РАБИНОВИЧ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ВОЙСКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ И НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Вопрос о происхождении и древности различных народных русских музыкальных инструментов уже ставился в нашей литературе. Почти все курсы истории музыки включают хотя бы краткое описание наиболее типичных народных инструментов и некоторые сведения об их происхождении, развитии и распространенности. Из русских работ, специально посвященных народным музыкальным инструментам, следует назвать прежде всего исследование Н. И. Привалова «Музыкальные инструменты русского народа»¹, описание музыкальных инструментов б. Дашковского музея, составленное А. Л. Масловым², и работу В. А. Мошкова «Труба в народных верованиях»³. Но все эти работы, как и немногие другие исследования по этому вопросу, посвящены в основном описанию инструментов, выяснению их чисто музыкальных свойств и только иногда — сравнительному этнографическому анализу. В тех случаях, когда авторы рассматривают вопрос о применении, которое эти музыкальные инструменты имели в прошлом, они либо ограничиваются узкой областью ритуалов, как В. А. Мошков, либо дают лишь отрывочные и часто неверные сведения, основанные на немногих исторических источниках, как Н. И. Привалов.

В этом отношении показательна работа Н. Ф. Финдейзена «Очерки по истории музыки в России»⁴, где исторические источники (в том числе и источники изобразительные) привлечены лишь в отрывках, выбор которых автором совершенно неясен, и при этом использованы некритически, часто из вторых рук. Отсюда происходит ряд грубых ошибок автора, приводящих к досадным недоразумениям. Так, например, описываемые Ибн-Фадланом похороны руса в Булгаре Н. Ф. Финдейзен ошибочно относит к волжским болгарам⁵ и делает отсюда далекие идущие выводы не о русской, но о болгарской музыке.

Изучение исторических источников, относящихся к древней Руси, за последние десятилетия настолько сильно продвинулось вперед, что позволяет значительно углубить и расширить наши исследования. Нужно особо отметить, что после выхода в свет работы А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник»⁶ в научный оборот вошел почти не использовавшийся ранее вид источников — миниатюры летописных сводов, житий и т. п., которые дают чрезвычай-

¹ Ч. I — Записки Русского археологического общества, т. VII; ч. 2 — отдельное издание, СПб., 1907, Ударные музыкальные инструменты русского народа — Известия Санкт-Петербургского общества музыкальных собраний, СПб., 1903.

² «Иллюстрированное описание музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в Москве», М., 1909. Ныне они в Музее народов СССР.

³ «Живая старина», 1900, вып. III и IV. Более поздняя по времени работа Хоткевича «Музичні інструменти українського народу» (Харків, 1930) в основной своей части повторяет перечисленные работы, в особенности работы Привалова.

⁴ Т. I и II, М. — Л., 1928—1929.

⁵ Указ. соч., т. I, стр. 19—21.

⁶ Москва, 1945.

но богатый материал и для истории развития музыкальных инструментов.

Предлагаемая статья имеет своей задачей восстановить по письменным, изобразительным и археологическим источникам роль, которую играли в древнерусской жизни некоторые виды музыкальных инструментов, их внешний вид и способ употребления и сравнить их с современными народными музыкальными инструментами.

Наши основные источники — летописи и иллюстрирующие их миниатюры — уделяют больше всего внимания военной жизни русского народа. Походы, сражения и осады городов — вот наиболее частые сюжеты, встречающиеся в летописях. Поэтому естественно, что начинать наше исследование удобнее всего именно с военной музыки, одновременно выясняя и значение музыки и музыкальных инструментов в мирной жизни народа, насколько это позволяют делать источники.

Хронологически предлагаемая работа в отношении исторического анализа ограничена периодом до XV в., когда военная музыка на Руси была еще вполне народной и не превратилась в специальный род искусства, заслуживающий отдельного исследования.

Рассматривая в основном военную музыку, мы вынуждены исключить из нашего исследования целый ряд музыкальных инструментов, не получивших широкого распространения в военном обиходе и не нашедших поэтому отражения в наших источниках. Мы ограничимся духовыми и ударными музыкальными инструментами, оставив в стороне инструменты струнные. При этом необходимо заранее оговориться, что собственно музыкальные качества инструментов, а именно характер издаваемого ими звука, не могут быть нами рассмотрены, так как данных о звучании инструментов в изучаемый нами период почти не сохранилось.

Музыкальные инструменты применялись в древнерусском войске прежде всего как боевые сигнальные инструменты. Они могут быть разделены на две группы — ударные инструменты (бубны, накры, набаты) и инструменты духовые (трубы, зурны, рога и посвистели). Все эти инструменты, вместе взятые, составляли своеобразный набор, имевшийся, очевидно, в каждом более или менее значительном отряде. Насколько тесно вошли эти сигнальные инструменты в военный быт, видно хотя бы из того, что, желая охарактеризовать прирожденного воина, в древней Руси говорили, что этот человек с самого своего рождения был вблизи военных труб: «Куряне сведоми кѣмети,— читаем мы в «Слове о полку Игореве»,— под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конец копия въскрѣмлены»⁷. Некоторые сведения, встречающиеся в наших источниках, позволяют предположить, что трубы и бубны придавались войсковым соединениям определенной численности. Так, летописное повествование о Липицкой битве (1216) для определения численности войска суздальских князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей называет число стягов, труб и бубнов, имевшихся в войске у каждого из них. У Юрия было 17 стягов, 40 труб и столько же бубнов, а у Ярослава 13 стягов, а труб и бубнов 60⁸. Очевидно, не только стяги, но и звуковые сигналы обозначали определенный отряд. При этом важно отметить, что стяги, по всей вероятности, придавались тем же соединениям, что и музыкальные инструменты, но на каждый стяг приходилось по несколько бубнов и труб.

⁷ «Слово о полку Игореве», М., 1800, стр. 8. (Подчеркнуто нами.— М. Р.).

⁸ Новгородская IV летопись. ПСРЛ, т. IV, СПб., 1915, стр. 193.

Некоторые западноевропейские материалы также позволяют предположить, что численность войск могла определяться по числу имеющих в них войсковых сигнальных инструментов⁹. Множество сигнальных инструментов отмечали в русском войске западноевропейские наблюдатели в разные времена. Так, Генрих Латвийский, сталкивавшийся с русскими войсками в XIII в., неоднократно отмечал в отрядах русских дудки и литавры. «Русские..., — пишет он в одном месте, — добрались до небольшой реки, перешли ее и остановились. Затем собрали вместе свое войско, ударили в литавры, затрубили в свои дудки и стали король псковский Владимир и король новгородский, обходя войско, ободрять его перед битвой»¹⁰. А на 300 лет

Рис. 1. Осада Киева печенегами. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 35. лиц.)

позже посол императора Максимилиана Герберштейн писал в разделе своих «Записок о московитских делах», посвященном состоянию русского войска: «У них много трубочей, и если они по отеческому обычаю станут дуть в свои трубы все вместе и загудят, то можно услышать тогда некое удивительное и необычайное звучие. Есть у них и некий другой род музыки, который на их родном языке называется зурною (Szurna). Когда они прибегают к ней, то играют почти в продолжение часа, немного более или менее, до известной степени без всякой передышки или втягивания воздуха. Они обыкновенно сперва наполняют воздухом щеки, а затем, как говорят, научившись одновременно втягивать воздух ноздрями, издают трубою звук без перерыва»¹¹.

Здесь мы видим, кроме подтверждения распространенности в русском войске военной трубной музыки, еще и любопытное описание звучания русского военного оркестра и способа игры на зурне, бывшей, как видно, новинкой для австрийца Герберштейна.

Звуковые сигналы подавались главным образом в тех случаях, когда войска, сносившиеся между собой, находились недалеко друг от друга.

⁹ Например Chanson de Roland. Ed. par E. Stengel, Paris, 1900.

¹⁰ Хроника Ливонии Генриха Латвийского. М., 1938, стр. 179, 227—228 и др.

¹¹ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 79—80.

Нам известны случаи подачи сигналов при помощи труб отрядами, находившимися на разных берегах реки. Об одном из них — об осаде печенегами Киева еще в 968 г.¹² — подробно рассказано в наших летописях. Извещенные осажденными в городе о безвыходном положении и необходимости немедленной выручки, стоявшие на другом берегу реки воины воеводы Притича рано утром уселись в насады и «вѣструбиша вельми, и людѣ во граде кликнуша»¹³. Трубный звук, раздавшийся из ладей был, как видно, подхвачен трубачами в городе (трубачи эти изображены на приведенной нами миниатюре — рис. 1). Печенеги решили, что на помощь осажденным пришел князь Святослав, и бежали от города.

Рис. 2. Боевые сигнальные трубы. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 207 об.)

Другой случай относится к 1169 г. Половцы пришли на Киев и осадили на обоих берегах Днепра две крепости, бывшие важными передовыми укреплениями на подступах к Киеву, — Переяславль и Корсунь. Князь Киевский Глеб Георгиевич начал с половцами переговоры, желая, очевидно, разбить их отряды по частям. Затягивая переговоры с тем отрядом, который стоял у Переяславля, он направился с войском к Корсуню, вероятно с тем, чтобы снять с него осаду¹⁴. В летописном тексте нет никакого упоминания о том, что русские или половецкие отряды, находящиеся на разных берегах Днепра, как-либо сносились между собой. Но миниатюра, иллюстрирующая этот текст, позволяет нам предположить, что художнику было что-то известно о такого рода переговорах. Во всяком случае он изобразил две крепости, разделенные рекой, — очевидно, Корсунь и Переяславль. У каждой крепости стоит трубач. Оба трубача, как видно, перекликаются через реку¹⁵ (см. рис. 2). Реально такая перекличка не могла быть возможной, так как расстояние от Переяславля до Корсуни превышает 60 км. Корсунь расположен далеко от берега Днепра, на берегу Роси. Ясно, что изображение, как и все наши миниатюры, представляет собой лишь условное изображение реального действия. Но, с другой стороны,

¹² «Повесть временных лет», по Лаврентьевскому списку, СПб., 1910, стр. 65.

¹³ Н. И. Привалов считал, что в русском войске трубы появляются лишь с XII в. (Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, стр. 164). На самом деле, как мы видим, трубы были известны в русском войске по крайней мере на два столетия раньше.

¹⁴ Кенигсбергская летопись, лист 207 оборотный.

¹⁵ Там же, лист 207 оборотный верхняя миниатюра.

ясно и то, что миниатюрист реально представлял себе возможность как для русских, так и для половецких отрядов, находившихся в ту пору на обоих берегах реки, переговариваться между собой при помощи звуковых сигналов — в данном случае при помощи труб.

Звуковыми инструментами подавались боевые сигналы при осадах городов и в сражениях, а также в разных других случаях войсковой и мирной жизни.

Сигнал к началу боя или приступа подавался, как правило, одновременным, сильным и дружным звучанием всех «военных сигнальных инструментов», как это описано в приведенной выше цитате из записок Герберштейна. Например, князь Святослав, готовясь к штурму города Болгара на Волге (1220), «повеле всем вооружиться, и стяги наволочив, изрядив полки в насадах и удариша в накры и в арганы, и в трубы, и в зурны, и в посвистели»¹⁶. Сигнал к штурму

Рис. 3. Боевая сигнальная труба. Штурм г. Рязани Всеволодом Большое гнездо. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 227 об.)

был подан, таким образом, развевающимися стягами и громкими звуками военной музыки.

Подобным же образом объявляли и отбой. В 1343 г. новгородцы вместе с псковичами осаждали занятый немцами Орешек. Осада длилась долго, без решительного успеха. Псковичи не хотели продолжать осады. Новгородцы же просили их либо продолжить осаду, либо отступить так, чтобы немцы не заметили, что силы осаждающих убывают. Но псковичи все же отступили днем, «оудари в трубы, в бубны и в посвистели»¹⁷, т. е. демонстративно дали громкий сигнал отбоя, к великой радости немцев.

Изображение осады городов на миниатюрах Кенигсбергской летописи почти всегда включает одного или двух трубачей, на башне осажденного города¹⁸.

Наиболее ясно видно применение труб при штурме крепости в опи-

¹⁶ Тверская летопись. ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. 331.

¹⁷ Новгородская IV летопись, стр. 278. См. также С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд-во «Общественная польза», т. I, стр. 949.

¹⁸ Кенигсбергская летопись, лл.: 15 лицевой нижняя миниатюра, 29 оборотный нижняя, 37 оборотный нижняя, 129 оборотный верхняя, 144 оборотный, 194 лицевой нижняя, 236 оборотный верхняя и др.

сании штурма г. Рязани князем Всеволодом в 1179 г. «Князь же Всеволод,— гласит летопись,— иде к Резаню и взя город борисов и глебов»¹⁹. На соответствующей миниатюре изображен штурм города. Бой, как видно, идет у крепостных ворот. Всеволод с войском врывается в город. На крепостной стене стоит трубач без шлема, в коротком платье, подающий какие-то сигналы в длинную прямую трубу (см. рис. 3). Если этот трубач принадлежит, повидимому, к осажденным (город еще не взят), то нередко изображения трубачей и на стороне осаждающих. Например, на миниатюре, изображающей осаду Переяславля Ольговичами, справа, вне стен крепости, нарисован трубач с трубой, напоми-

Рис. 4. Боевая сигнальная труба с прикрепленным к ней полотнищем. Осада Переяславля. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 167 лиц. нижн.)

нающей современный горн. К трубе прикреплено треугольное полотнище, вроде полотнища стяга, алого цвета²⁰ (рис. 4). Аналогичные изображения трубачей позади войска, осаждающего город, мы находим на сценах осады Чернигова князем Ярополком.

У нас нет определенных данных о том, какую роль играла военная музыка во время передвижения войск, на походе. Можно, однако, думать, что и на походе и в сражении даваемый ударными инструментами ритм мог иметь существенное значение.

В полевом сражении звуковые сигналы служили для управления боем и прежде всего для созыва войск в одно место. Мы уже видели, что и начало боя и отбой возвещались звуками труб. Но иногда необходимо было собрать войска в определенном месте. Так, по окончании Куликовской битвы князь Владимир Андреевич Серпуховской решил прекратить преследование татар и собрать русские войска вокруг себя. Для этого он укрепил в определенном месте свой стяг «и повеле троубити собранными трубами. И снидошася елико остана живиѣ хрестьянские (христианские.— М. Р.) вои»²¹. На соответствующей миниатюре Никоновской летописи изображены развевающиеся знамена и трубачи, трубящие в прямые длинные трубы (см. рис. 9).

Интересный сюжет призыва войска при помощи рожка содержится в сказке о неверной жене. Герой сказки — царский сын, разыскивая свою жену, оставил войско за городом, а сам проник во дворец инозем-

¹⁹ Там же, л. 227 об.

²⁰ Там же, л. 169 л. в. и л. н.

²¹ Никоновская летопись. II Остермановский том, стр. 195.

ного короля, где и нашел свою жену. В это время вернулся король. Неверная жена выдала королю героя, советуя его повесить. Приведенный к виселице герой обращается к королю с просьбой: «Дай мне перед концом поиграть в рожок». Король позволил. Заиграл царский сын — у ево сила-то (войско. — М. Р.) и зашумела — идет к нему. «Што это у тебя?». «Это у моёва отца голубей много, летают. Дай мне иишо последней раз игорнуть...» Заиграл. Сила та иишо пущше зашумела. «Што это?». «Это голуби ближе летят». Еще раз попросил игорнуть. Заиграл — а тем временем у короля всю силу побили»²². Значение призывных сигналов, подаваемых в рожок, выступает в этой сказке очень ясно. Подобные же сюжеты вошли и в некоторые былины и в народные песни²³.

К сожалению, русские источники не дают нам более подробных сведений о характере звуковых сигналов, подававшихся трубами. Материал, освещающий этот чрезвычайно важный для нас вопрос, мы можем почерпнуть из западноевропейских памятников, в особенности из «Песни о Роланде», в которой содержится подробное описание боя франков с маврами.

На первом месте среди сигнальных инструментов в этом описании стоит рог, при помощи которого передаются самые разнообразные сигналы: призыв войска, приказ изменить направление движения, приказ приступить к погребению убитых и т. п.

Звуковые сигналы, конечно, могли быть очень разнообразны, так как и трубы, и рога, и даже бубны и барабаны различного рода обладают достаточным богатством выразительных средств, чтобы передать любой сигнал. Частично это можно видеть на примере «Песни о Роланде».

Военные трубы прочно вошли не только в боевой обиход, но и в различные торжественные процедуры. Миниатюры русских летописей изображают трубачей, участвующих в сценах, строго говоря, не военных. Так, на миниатюре, изображающей заключение мира между князьями Ярополком и Всеволодом, слева, в стороне от сидящих князей, стоит трубач, без шлема, но с обнаженной саблей у пояса. Он трубит в большую трубу, напоминающую по форме современный горн²⁴. Очевидно художник так изобразил салют в честь заключения мира.

Интересна сцена приема князем Галицким делегации. В центре, на «столе» (троне), сидит князь. Слева от него стоит трубач в коротком платье, без шапки. Он трубит в длинную прямую трубу. Звук даже показан вырывающимися из трубы штрихами²⁵. Наконец, упомянем еще две сцены торжественного въезда князей в город. Первая из них — сцена въезда князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо во Владимир. Текст летописи гласит: «И бысть радость велика во граде Володимире»²⁶. На миниатюре изображены стены и башни города. Перед городом — войско Всеволода, возвращающегося с победой. В городе видны церкви (вероятно, художник напоминает о приветственном колокольном звоне). Из-за крепостной стены трубач трубит в прямую длинную трубу. Вторая сцена изображает торжественный въезд сына Всеволода, Ярослава Всеволодовича, на княжение в Переяславль Русский. Перед городом — князь с дружиной. В городе два трубача, один с длинной прямой трубой, другой — с рогом²⁷.

²² Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии, П., 1914, № 40. стр. 271—273.

²³ Например в былинну о Василии Окульевиче («Песни русского народа», сборник изд. Русск. геогр. о-вом, СПб., 1894. стр. 62).

²⁴ Кенигсбергская летопись, л. 160 об.

²⁵ Там же, л. 196 об. н.

²⁶ Кенигсбергская летопись, л. 225 об.

²⁷ Там же, л. 243 об. в.

Попытаемся теперь определить, какие именно инструменты разумеются под приведенными нами выше названиями боевых сигналов в древней Руси.

Мы имеем все основания предположить, что богатый набор военных музыкальных инструментов русского войска состоял из тех инструментов, которые были всеобщепотребительны в народе. «У русских,— писал еще Н. Костомаров,— были свои национальные инструменты — гусли, гудки (ящики со струнами), сопели, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (род литавр), волынки, ленки, медные рога и барабаны»²⁸. В этом перечне инструментов мы находим почти все названия, встречавшиеся нам прежде. Своеобразный оркестр русских народных инструментов изображен на миниатюре Кенигсбергской летописи, посвященной быту древнеславянских племен. «Въсхожахоуся на игрища, на плясания и на вся бесовскаа пени,— гласит летопись,— и тоу оумыкаху жены собе»²⁹. В центре миниатюры пара танцующих — женщина в

Рис. 5. Игрища славян-вятичей. Видны бубен и сопель. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 6 об.)

длинной одежде и мужчина в красной рубахе. На поясе мужчины привешен круглый плоский бубен или барабан, в правой руке — какое-то орудие странного вида, которым, очевидно, ударяют по барабану. Орудие это есть, по нашему мнению, не что иное, как «вощага», которая использовалась для игры на барабанах и литаврах еще в XVII в. В. А. Висковатов³⁰ описывает вощагу из собрания Оружейной палаты как плетъ из толстого ремня с короткой рукояткой и шаром из ремней же на конце. Этим шаром и ударяли по натянутой поверхности барабана (см. табл. III). В правом нижнем углу миниатюры — два сидящих музыканта. Один из них играет в прямую дудку — возможно, «сопель» или «посвистель», имеющую отверстия, на которых лежат пальцы игрока, другой — в дудку более сложной формы с раструбом и шаровидным утолщением посередине (рис. 5). Этот инструмент по своему внешнему виду напоминает индийскую язычковую флейту *tubri*, у которой мундштук вставлен в высушенную тыкву, откуда выходит с другой сто-

²⁸ Н. Костомаров. Очерк жизни великорусского народа. Журн. «Современник», 1860, № 9, стр. 87. Здесь Костомаров перечисляет, очевидно, лишь главнейшие роды инструментов.

²⁹ Кенигсбергская летопись, л. 6 об.

³⁰ Историческое описание одежды и вооружения российских войск, т. I, М., 1899, стр. 106—107.

роны раструб (см. табл. II, рис. Г). Тыква служит, таким образом, как бы воздушным резервуаром³¹.

Изображений струнных инструментов — гуслей и гудков — в военных сценах нами не встречено. Можно думать, что в боевом обиходе они не нашли широкого применения из-за малой силы своего звука, легко заглушаемого шумом битвы. Однако несомненно, что в быту князей и дружины эти струнные инструменты занимали большое место. Вспомним прекрасные, поэтические строки «Слова о полку Игореве»: «Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пушаше, нъ своя вещиа прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами князем славу рокотаху»³². И Боян и автор «Слова» — это придворные певцы, участники пиров и походов, провозглашавшие славу князьям и дружине, играя на каком-то струнном инструменте, возможно, — на гуслях.

Наиболее важным и широко распространенным боевым сигнальным инструментом были, как мы могли убедиться из предыдущего текста, трубы. Недаром в описях Оружейной палаты «трубничьей рухлядью» названы все музыкальные инструменты, в том числе и ударные.

Собственно трубой называлась еще в XIX в. обыкновенно «медная в один и более долгий оборот цевка с губником и с раструбом»³³. Это определение соответствует приводимым нами изображениям труб, напоминающих по форме современный горн (см. рис. 2). Прямые же трубы «без оборота» (см. рис. 3) назывались «рожками». В дальнейшем изложении мы не будем придерживаться этого различия, которое, как мы увидим, основано на чисто внешних признаках. Да и вообще трубами назывались уже и в то время, по всей вероятности, не только медные, но и деревянные инструменты, а рожком называется далеко не всякая прямая труба, а лишь деревянная труба сравнительно короткая, имеющая отверстия для пальцев.

Для удобства в нашем исследовании, как это делается и обычно, народные духовые музыкальные инструменты разбиты на три большие группы:

1. Лабиальные (губные), — в которых воздушная струя регулируется либо губами исполнителя (сюда относятся простые трубки и флейты), либо еще и мундштуком, направляющим воздушную струю на острый край трубки (сюда относятся дудки и свистелки).

2. Лингвиальные, или язычковые, — в которых воздушная струя регулируется дрожащим язычком, простым (жалейки) или двойным (зурны).

3. Амбушюрные инструменты, не имеющие язычков. Здесь губы исполнителя заменяют язычок. К этой группе инструментов относятся охотничьи и военные рога и пастушьи трубы³⁴.

При сравнении древнерусских музыкальных инструментов с современными народными инструментами мы руководились тремя главными признаками — названием инструмента, установленным по летописям и другим письменным источникам, внешним видом инструмента, воссоздаваемым по изображениям и музейным коллекциям, и, наконец, —

³¹ Н. И. Привалов. Указ., соч., стр. 21—23. Ср. также: Curt Sachs. Geist und Werden der Musikinstrumente, Berlin, 1929. Подобный инструмент из Индонезии приведен под названием «Zungenpfeife» (S. 216, Tafel 38, Nr. 268). Само название *tubri* Sachs относит собственно к двойной язычковой флейте (см. Sachs, Reallexikon der Musikinstrumente, Berlin, 1913, S. 400).

³² «Слово о полку Игореве», стр. 4.

³³ В. Даль. Словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 819.

³⁴ А. Л. Маслов. Указ., соч., стр. 38. В дальнейшем изложении ссылки на номера предметов даются по публикации Маслова. Эти номера с существующими ныне музейными номерами не совпадают.

манерой игры на инструменте, понятие о которой иногда можно составить по описанию игры и изображениям.

Инструменты лабиальные — разного рода флейты (возможно, что это и есть «сопели» и «посвистели», упоминаемые нашими летописями³⁵) в изображениях встречаются редко. Мы можем с большей или меньшей долей вероятности признать сопель лишь в одном изображении — в руках одного из трубачей, участвующих в сцене вятичских игрищ, уже описанной нами выше (см. рис. 5). Это сравнительно короткая трубка (длиной, вероятно, 35—40 см), которую исполнитель держит обеими руками, положив четыре пальца левой руки на поверхность инструмента и, очевидно, перебирая пальцами отверстия, которых на рисунке не видно.

Такого рода инструменты широко распространены у всех народов и, в частности, в большом употреблении у народов славянских. Это небольшие прямые дудочки, обычно деревянные, длиной до 40—45 см, с мунштуками и отверстиями для пальцев на одной или двух сторонах. В коллекциях Дашковского музея, описанных А. Л. Масловым, таких дудок и сопелок множество. Укажем две «сопилки» из б. Полтавской губернии (№№ 112 и 113), одну из Харьковской (№ 114), три дудки из б. Гродненской губернии (№№ 115—117) и одну из района Гомеля (№ 121). Там же имеются польские «свиставки» (№№ 118 и 119), хорватская «пичталка» (№ 122) и чешская дудочка (№ 105). Все эти инструменты вполне однотипны (см. табл. I), и каждый из них вполне может быть сопоставлен с приведенным нами изображением. Эти «сопели» и «посвистели», по всей вероятности, и придавали древнерусской военной музыке народный характер.

Если мы обратим внимание на сцену осады Киева печенегами в 968 г. (см. рис. 1), то увидим, что стоящий на башне города трубач держит в обеих руках прямые, довольно длинные трубы, концы которых сходятся у его рта. Это, очевидно, изображение так называемой двойной трубы, либо же двойной флейты, или жалейки. Н. И. Привалов в своем исследовании отмечает, что инструменты подобного вида могут быть лабиальными — двойными флейтами — или язычковыми — жалейками (с простым язычком). И к тем и к другим относится народное название «сурьма» или «свирель»³⁶. Положение труб на приводимом нами рисунке позволяет предположить, что это скорее двойная труба, так как у жалейки обе трубки расположены параллельно, а не под углом, а на миниатюре трубач трубит не в обе трубы сразу, но лишь в одну из них.

У восточных славян сурьмы, свирели и жалейки до недавнего времени были широко распространены и употреблялись, например, в Белоруссии при святочных игрищах в избах. Некоторые исследователи полагают, что именно жалейки или сурьмы описывает у славян еще Ибн-Даста в X в.³⁷ В коллекциях Дашковского музея есть тростниковые жалейки из б. Тульской и Воронежской губерний³⁸ (№№ 145—147). Интересный инструмент, происходящий из Средней Азии (район Ташкента), описан А. Ф. Эйхгорном под названием «урра»³⁹. Две кониче-

³⁵ Н. Ф. Финдейзен (указ. соч., т. I, стр. 203) также относит летописные сопели и посвистели к инструментам лабиальным. Отмечая различие, которое летописи делают между сопелями и посвистелями, он признает, что в настоящее время установить это различие трудно, но предполагает, что, возможно, под сопелями и посвистелями понимаются прямые и поперечные флейты.

³⁶ Духовые музыкальные инструменты русского народа, СПб., 1907, стр. 110—127.

³⁷ Там же, стр. 116.

³⁸ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 47.

³⁹ А. Ф. Эйхгорн. Полная коллекция музыкальных инструментов народов Центральной Азии. СПб., 1885, стр. 15.

ские трубы разной длины соединены вместе узкими концами. Каждая из них имеет по три отверстия для пальцев. Инструмент этот, судя по описанию Эйхгорна, также имеет какое-то древнее ритуальное значение.

Мы видим, таким образом, что двойные трубы, жалейки и сурьмы — происхождения чрезвычайно древнего, что у славян они были распространены, по всей вероятности, уже в X в. и сохранились до недавнего времени, войдя, между прочим, в обиход святочных обрядов, что также указывает на древность этого музыкального инструмента.

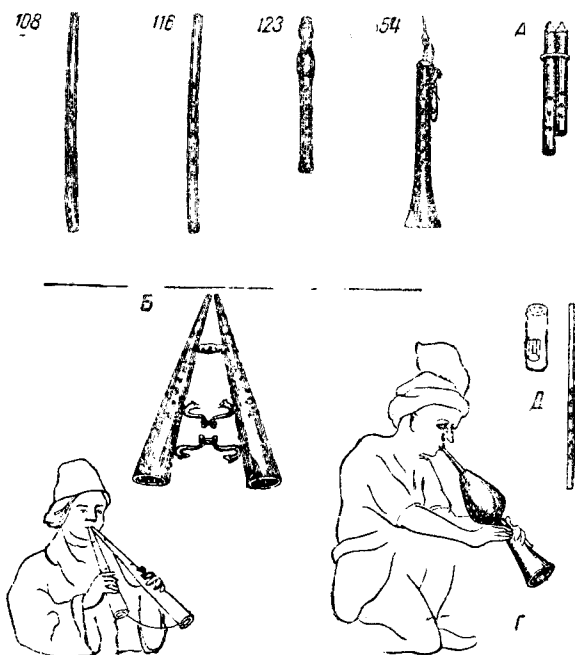

Таблица I. Народные духовые инструменты. Губные (лабиальные) и язычковые

(Порядковые номера даны по каталогу А. Л. Маслова.)

№ 108. Бирбиния — литовская деревянная дудка (дл. 42 см). № 116 Деревянная дудка из б. Гродненской губ., (дл. 42 см). № 123 Саламури — кавказская дудка (дл. 31 см). № 154 Зурна среднеазиатская (дл. 41 см). А. Жалейка (по рисунку XIX в.). Б. Двойная труба (древнее изображение). В. Двойная флейта у белоруссов (с картины XIX в.). Г. Tibri — древняя индийская язычковая флейта. Д. Сопелка из Полтавской губ.

Другой вид язычковых инструментов — зурны — может быть описан нами лишь по письменным источникам. Среди исследованного нами изобразительного материала не найдено ни одного инструмента, который можно было бы с большей или меньшей достоверностью определить как зурну. Приведенное нами выше описание игры на зурне Герберштейном, посетившим Московию в начале XVI столетия, показывает, что в то время зурны в Западной Европе распространены не были. Герберштейн, которого так поразил долгий и непрерывный звук, издаваемый зурной, очевидно, не встречал этого инструмента ни у себя на родине, в Австрии, ни во время своих длительных путешествий по Европе⁴⁰. Резкий звук, который издают зурны и волынки, был чрезвы-

⁴⁰ Поэтому мнению Эйхгорна (указ. соч., стр. 10) о том, что зурна проникла в Западную Европу из Передней Азии еще в эпоху раннего средневековья, кажется нам в отношении датировок неосновательным.

чайно удобен для боевых сигналов, и поэтому совершенно естественно, что зурна имела в древнерусском войске значительное распространение. Позднее Флетчер также отмечал в русском войске зурны, называя их гобоями. Среди современных народных русских музыкальных инструментов зурна не встречена вовсе. Приводимые А. Л. Масловым экземпляры (№№ 154—160) все происходят либо из Средней Азии, либо с Кавказа⁴¹. Зурна, которую Маслов называет «родоначальником усовершенствованного гобоя», представляет собой деревянную трубку длиной 40—50 см, с раструбом и восемью отверстиями для пальцев. В верхний конец зурны вставлена узкая трубка, в которую вставляется еще одна медная трубочка, а на нее надевается еще тростниковый мундштук (см. табл. I). Нам представляется, что зурна не имела широкого распространения в быту древней Руси, а применялась главным образом для военной сигнализации.

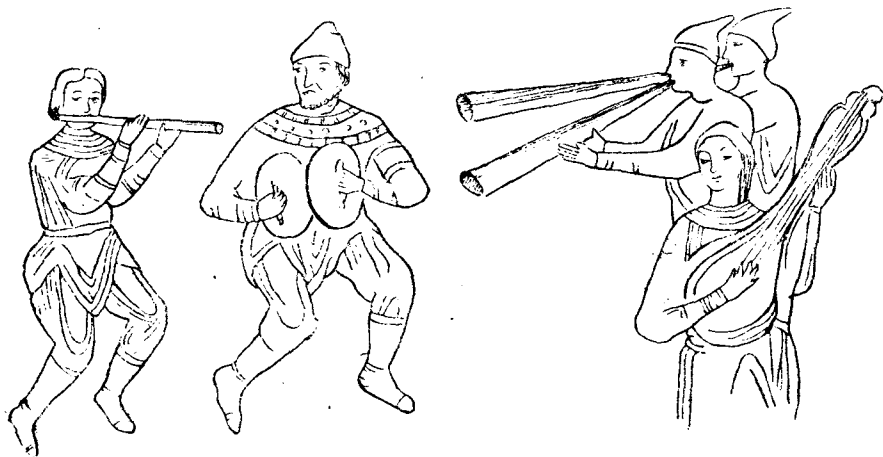

Рис. 6. Игры скоморохов (по фреске лестницы Софийского собора в Киеве). Прямые трубы. Поперечная флейта

Богаче всего представлены в нашем материале инструменты амбужные. На первом месте здесь стоят прямые длинные трубы, уже упоминавшиеся нами ранее (см. рис. 3). Такие трубы, судя по описаниям, были широко распространены в древности у евреев. Изображения их встречены на греческих краснофигурных вазах и на триумфальных арках римских императоров Тита (I в.) и Константина II (IV в.). В римском войске эти трубы широко применялись и получили название «туба». В средневековой Европе такие трубы были известны также под названием «Trompete»⁴². Одна из древнейших русских фресок — роспись лестницы Софийского собора в Киеве (XI в.) содержит изображения скоморохов. В их руках изображены музыкальные инструменты, в том числе два духовых — прямые трубы (рис. 6). Трубы эти несколько короче, чем изображенная на рис. 3, но в остальном от нее не отличаются. Н. И. Привалов, на том основании, что Софийский собор был произведением византийских зодчих, считает и эти трубы византийскими⁴³. Это мнение, принятое и некоторыми позднейшими историками музыки, базируется главным образом на работах Н. П. Кондакова, который вообще слишком часто без достаточных оснований возво-

⁴¹ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 48.

⁴² A. Demmin. Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwicklungen, 1891. S. 703.

⁴³ Зап. Рус. археол. о-ва. т. VII, вып. 2, стр. 135.

дил к византийским оригиналам целый ряд чисто русских изображений, в том числе и миниатюры Кенигсбергской летописи⁴⁴. Между тем фрески Софийского собора, в особенности же росписи лестниц, при всех своих византизмах, несомненно, отражают в значительной мере быт киевского великокняжеского двора, и изображенные на них музыкальные инструменты нельзя так безоговорочно признавать византийскими. Это чувствовал и Н. Ф. Финдейзен, который, принимая в основном концепцию Кондакова о византийском происхождении и содержании фресок, с удивлением констатировал все же, что «музыкальные инструменты, изображенные на фресках, вовсе не греческие»⁴⁵.

Игры скоморохов не являются чем-то специфичным исключительно для Византии. Они были широко распространены и на Руси. Фрески киевского Софийского собора, в котором были помещены портреты княжеской семьи, содержали, очевидно, изображения сцен из жизни княжеского двора (охота на медведя, игры скоморохов и т. п.) и древнерусских музыкальных инструментов.

На миниатюрах трубы окрашены по большей части в желтый цвет, что позволяет предположить, что они были медными. Современные пастушьи трубы — деревянные, сложенные из двух половин, каждая из которых имеет выдолбленный полуцилиндрический паз, так что при складывании внутри трубы получается цилиндрический канал. Сверху деревянные трубы нередко оплетаются берестой. «Трубы такие, — пишет А. Л. Маслов, — обычно не имеют звуковых отверстий, отчего являются непригодными для исполнения мелодий, а дают лишь известный натуральный ряд звуков. До тех пор, пока труба на Западе не была усовершенствована, то и не могла служить для музыкальных целей, а была преимущественно сигнальным и религиозным инструментом»⁴⁶. Это же обстоятельство отмечает и В. А. Мошков, добавляя, что густой и сильный звук трубы делает ее чрезвычайно удобной для военной сигнализации и ритуальных действий⁴⁷. Чем труба длиннее, тем сильнее издаваемый ею звук. Это обстоятельство может объяснить и появление изогнутых труб, по форме напоминающих современный горн (см. рис. 2 и 4). Так как при большой длине трубы применение ее в военном деле становится затруднительным, появилась необходимость сделать трубу более портативной, сохранив силу ее звука, т. е. длину. Металлическая труба легко может быть свернута в один и более оборот. На Западе такие трубы были распространены с XI—XV вв. под названием *clarine* или *doppelwundene Trompete*. Они известны по рисункам из рукописей XV в. Наиболее раннее изображение такой трубы на Западе — фигурка XIV в. из Нюрнбергского музея⁴⁸.

Приведенные нами изображения показывают, что в XV в., когда изготовлялись миниатюры Кенигсбергской летописи, на Руси уже были широко распространены такие трубы с оборотом. Но исследователями бесспорно установлено, что миниатюры Кенигсбергской летописи в ряде случаев копировались с более ранних. Миниатюры, приведенные нами, иллюстрируют события XII в. Возможно, таким образом, что трубы, напоминающие по форме современный горн, были известны на Руси и ранее XV в.

Среди наших коллекций имеется множество прямых длинных труб, происходящих как из русских и славянских земель, так и из Средней Азии и Сибири. Назовем здесь польскую обрядовую трубу — лигавку (№ 172), обрядовую и пастушью трубу гуцулов — трембиту (№ 173).

⁴⁴ Подробнее об этом см. А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 7.

⁴⁵ Указ. соч., т. I, стр. 57.

⁴⁶ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 49.

⁴⁷ В. П. Мошков. Указ. соч., стр. 300.

⁴⁸ A. Demmin. Op. cit., S. 707.

пастушьи трубы из б. Смоленской, Могилевской, Тамбовской и Олонецкой губерний (№№ 176—178, 180, 182 и 183), кавказскую горотото, или саквири (№ 171), среднеазиатский карнай (№№ 169 и 170) и бурятскую голин-буре (№№ 166—168) (см. табл. II) ⁴⁹. В. А. Мошков отмечает подобные же трубы у сербов-лужичан⁵⁰. Длина этих труб от 1,16 м до 2,5 м, а в отдельных случаях даже до 4 м. Встречаются и металлические и деревянные трубы. Пастушьи трубы с оборотом, но не металлические, а деревянные, составленные из нескольких колен и оплетенные берестой, встречены в б. Олонецкой, Вологодской и Могилевской губерниях (№№ 186—187) (см. табл. II) ⁵¹. Длина их достигает

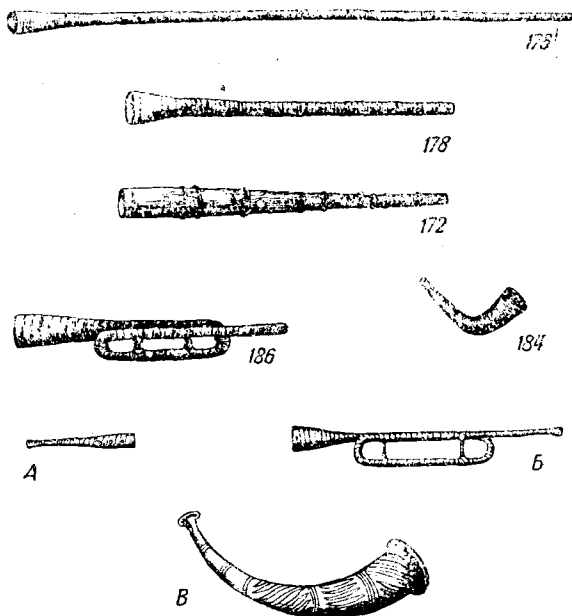

Таблица II. Народные духовые инструменты. Амбурные

№ 176. Пастушья труба из б. Смоленской губ. (дл. 2 м 10 см).
 № 178. Пастушья труба из б. Могилевской губ. (дл. 1 м 24 см).
 № 172. Лыгавка — обрядовая польская труба (дл. 1 м. 23 см).
 № 186. Пастушья труба из б. Вологодской губ. (дл. 82 см).
 № 184. Пастуший рог из б. Минской губ. (дл. до 50 см).
 А. Пастуший рожок из б. Ямбургского уезда (дл. 25 см).
 Б. Пастушья труба из б. Олонецкой губ. В. Изображение рога Роланда по рукописи XIV в.

80—90 см (в развернутом виде эти трубы были бы длиной около 2 м). Происхождение этого вида деревянных труб представляется нам своеобразным отражением в народных инструментах инструментов специально сигнальных и оркестровых. Очевидно, деревянные трубы в данном случае подражают металлическим. Н. И. Привалов, а вслед за ним и А. Л. Маслов предполагают, что этот вид труб был заимствован русскими в очень поздний период (в XVII в.) из Западной Европы, в особенности же из Финляндии⁵² (!). Приведенный нами выше материал доказывает существование труб с оборотом на Руси по крайней мере с XV в., т. е. одновременное появление их как на Руси, так и на Западе. Вопрос о заимствовании представляется поэтому весьма спорным.

⁴⁹ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 50—52.

⁵⁰ В. А. Мошков. Указ. соч., стр. 315.

⁵¹ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 52.

⁵² Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, вып. 2, стр. 167; А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 52.

Автор одной из новейших работ о музыкальных инструментах Курт Закс отмечает повсеместное распространение подобных труб (Alphöfner или Rindentrompeten) среди пастухов как в Европе, так и в Азии и даже в Южной Америке⁵³.

Что же касается прямых труб, то совершенно не обязательно предполагать, что они проникли к нам из Римской империи через Византию, как это делает Привалов⁵⁴. Эта форма труб, существующая в настоящее время только как пастушья, повидимому, очень древнего переднеазиатского происхождения и могла распространиться на Руси независимо от Рима и Византии.

Другая группа амбушюрных музыкальных инструментов, бытующих до настоящего времени, — пастушья и охотничья рожки — также встре-

Рис. 7. Заглавная буква Р из Новгородского евангелия XIV в.

чается в исследуемом нами материале. Одна из художественно выполненных заглавных букв новгородского недельного евангелия (XIV в.) — буква Р — представляет собой фигуру бирича с жезлом в руке. Бирич трубит в короткую прямую трубу с широким раструбом и тремя отверстиями для изменения высоты звука (рис. 7)⁵⁵. Аналогичная этой короткая деревянная пастушья труба, которую Н. И. Привалов определяет как рожок, имеется в коллекции Н. И. Привалова. Длина ее 25 см. Она имеет три отверстия (табл. II). Интересно, что эта короткая труба-рожок происходит из б. Ямбургского уезда, т. е. также из Новгородской земли⁵⁶.

Короткий прямой или изогнутый рожок был очень удобен при передвижении, которое длинная труба чрезвычайно стесняет. Вероятно, поэтому такие рожки и употреблялись биричами для привлечения внимания слушателей перед объявлением порученной биричу вести.

Рог же был особенно удобен для конного воина, так как с ним можно было справляться одной рукой, оставляя другую свободной, чтобы править лошадью. Поэтому вполне естественно, что на наших миниатюрах у конных воинов почти всегда изображены рога (рис. 8), в то время как трубачи нарисованы либо пешими, либо стоящими на крепостных стенах и башнях. Собственно рога — изогнутые, сделанные из естественного рога вола, барана, козла, а в древнейшие времена и тура, были известны всем народам земного шара еще с глубокой древности⁵⁷. Должно быть с очень древних времен они стали делаться и из искусственного материала — бронзы, дерева и т. п., а также из слоновых клыков. Рога из слоновых клыков были распространены в эпоху средневековья в Северной Африке, откуда проникали, начиная, кажется, с IX в., в Европу. Самое название такого рога «олифант» связывают с материалом, из которого он сделан (от *elephas* — слон). Олифанты были знаками отличия знати. Они украшались художественной резьбой, накладками из драгоценных металлов и т. п. В европейских музеях

⁵³ Curt Sachs. Handbuch der Musikinstrumentenkunde, Leipzig, 1930, S. 296.

⁵⁴ Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, вып. 2, стр. 167.

⁵⁵ В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. LXIX, рис. 8.

⁵⁶ Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, стр. 183.

⁵⁷ В. А. Мошков (указ. соч., стр. 304—307) дает обширную сводку упоминаний рога в древнейших памятниках (талмуде и пр.) и распространения его у современных народов.

хранится несколько таких рогов. Рог Тулузского музея предание приписывает самому Роланду; рог, хранящийся в Аахенском соборе — Карлу Великому⁵⁸. Олифант брата Карла Великого, Карломана, находится в Брюссельском музее. Этот рог длиной 0,59 м, с украшениями из золота, очень похож на изображение рога Роланда, имеющееся в рукописи, датированной XIV в.⁵⁹. Олифант с богатой серебряной накладкой с изображениями сцен охоты и сражений (XI в.) принадлежит Копенгагенскому музею⁶⁰. Охотничьи и военные сюжеты были, кажется, излюбленными украшениями рогов. Вспомним, что накладной серебряный орнамент одного из турьих рогов-ритонов, найденных в «Черной могиле» — погребении славянского князя X в., — также содержит

Ри: 8. Русское войско на походе. Виден сигнальный рог. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 173. об. нижн.).

сцены фантастической охоты⁶¹. Изображения рога встречаются и в южнославянском орнаменте. Так, заглавное И из боснийского апокалипсиса XV в. украшено изображением человека, трубящего в рог⁶².

Рассмотрев весь этот материал, устанавливающий древность бытования рога, мы можем теперь с полным основанием отвергнуть предположение Привалова о том, что русский охотничий рог — результат укорочения военной трубы с загнутым концом (*lituus*) и что рог появился на Руси уже после XVI в.⁶³. Ведь и курганные находки и древние миниатюры показывают, что рог и как сигнальный инструмент и как ритон был издревле широко распространен на Руси. Использование в этих целях рогов животных было вполне естественным. Для этого не требовалось укорачивать длинные трубы.

Упомянутые в летописях арганы, или органы (встречается и название «варганы») довольно трудно связать с каким-либо современным народным музыкальным инструментом. И. И. Срезневский связывает этимологически само название инструмента со словом «орган», но и он

⁵⁸ В. А. Мошков. Указ. соч., стр. 310.

⁵⁹ Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, стр. 137—138.

⁶⁰ Demmin. Op. cit., S. 705.

⁶¹ См. Д. Я. Самоковасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916. Н. Ф. Финдейзен без достаточных оснований считает турьи рога из «Черной могилы» музыкальными инструментами.

⁶² В. В. Стасов. Указ. соч., табл. XXXIII, рис. 23.

⁶³ Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, стр. 175.

отмечает, что упоминаемые в летописях органы это не органы, но какие-то ударные инструменты, на что указывает хотя бы выражение: «громко в варганы быют»⁶⁴. Изобразительный материал не позволяет нам восстановить внешний вид древнерусских органов. Греческое слово «орган» (*οργανον*) обозначает не только собственно орган, но музыкальный инструмент вообще⁶⁵. Лиутпранд (умер в 972 г.), бывший послом в Константинополе, описывая церемонию торжественного приема послов, различает «духовые и ударные органы», звучавшие поочередно⁶⁶. Здесь, очевидно, речь идет о разных видах музыкальных инструментов вообще.

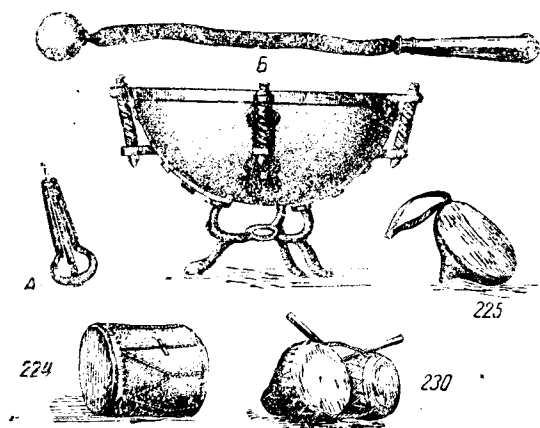

Таблица III. Народные музыкальные инструменты. Ударные

А. Варган. Б. Литавры и вошага из Оружейной палаты. № 225. Кыш даул. Охотничий барабан из Самарканда. № 224. Доли — барабан из Дагестана (выс. 33 см., диам. 31 см.). № 230. Диплани — кавказские глиняные литавры с палочками

В недавнее еще время (до того, как всеобщее распространение получила гармонь) в русской деревне были распространены оригинальные инструменты, которые назывались варганами. Это были небольшие металлические инструменты, состоящие из подковообразной основы, к которой одним концом прикреплен длинный подвижной язычок из тонкой металлической пластинки. При игре концы основы берутся в рот, а свободный конец язычка приводится в движение пальцем. Получающийся при этом звук регулируется движениями языка и губ (см. табл. III). Инструмент этот под разными названиями распространен у целого ряда народов. Украинцы называют его «дрымба», сербы и хорваты — «дромбула», немцы — «Maultrommel», чуваш — «кабас», или «кабаш», якуты — «комыс», или «хомуз»⁶⁷. Н. И. Привалов, ссылаясь на коллекции Петербургского археологического института, утверждает, что медные инструменты типа варгана были распространены еще в греческих колониях в Причерноморье⁶⁸. Звук, издаваемый современным варганом, слишком слаб, чтобы служить военным сигналом. Поэтому

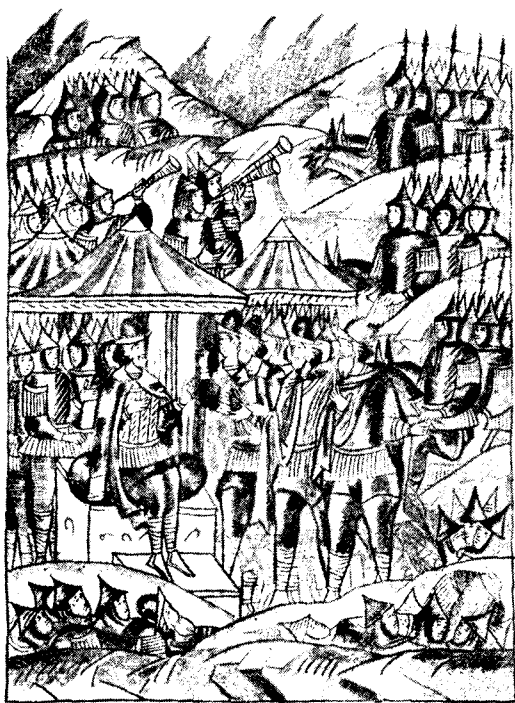
⁶⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, стр. 227.

⁶⁵ Курт Закс, описывая современный варган (Maultrommel), также обращает внимание на созвучие названия этого инструмента и органа и полагает, что здесь под словом «орган» разумеется музыкальный инструмент вообще (Curt Sachs. Handbuch der Musikinstrumentenkunde, S. 64).

⁶⁶ Н. Ф. Финдейзен. Указ. соч., т. I, стр. 47.

⁶⁷ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 44.

⁶⁸ Н. И. Привалов. Ударные музыкальные инструменты русского народа, стр. 34.

И пошелъ трубитьъ избранныи труба-
ми . не подошла елико естажа мори
крътъи нъ естѣиши . и попраша шенѹ

Рис. 9. Сбор войск на Куликовом поле. Видны сиг-
нальные трубы. Миниатюра Никоновской летописи
(II Остермановский том, стр. 195).

Оутреже пораноскорѣ ударя бѣны .
 Ісполниѣ полѣ испонponde . акой за

Рис. 10. Сцена похода. Бубны. Миниатюра Никоновской летописи (Лаптевский том, л. 53 лиц.).

Рис. 11. Соколиная охота. На шее коня висит бубен. Миниатюра Никоновской летописи (II Остермановский том, стр. 1620)

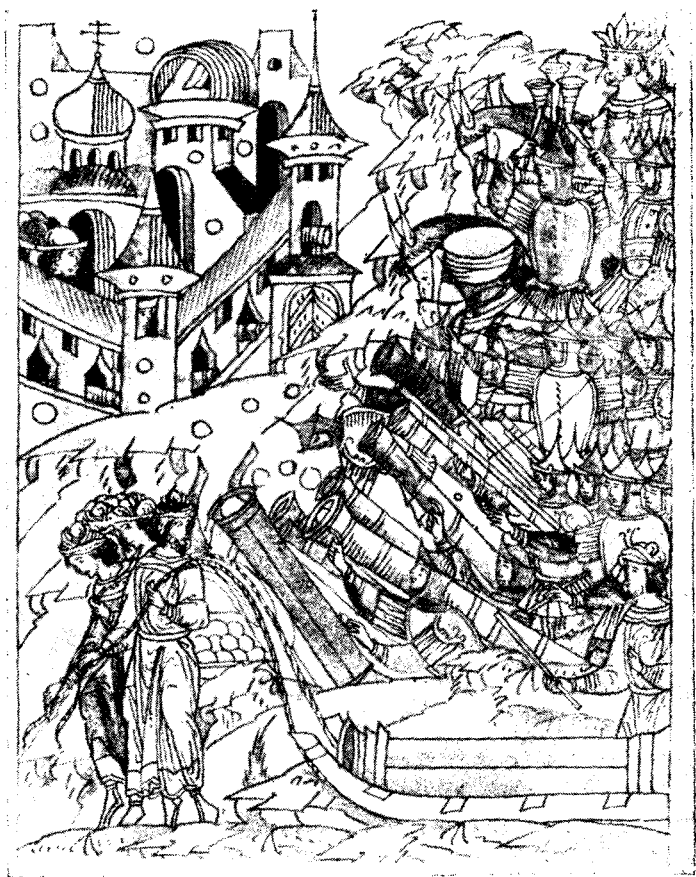

Рис. 12. Осада города. Видны литавры. Миниатюра Никоновской летописи (Голицынский том, л. 757 лиц.).

сопоставить этот инструмент с летописными органами не представляется возможным. Определить летописные органы можно будет лишь в том случае, если о них найдется соответствующий изобразительный материал. Сейчас же мы можем только сказать, что в летописях речь идет о каких-то ударных музыкальных инструментах.

Сопоставление летописных упоминаний бубнов с их изображениями приводит нас к выводу, что в древней Руси бубнов, таких, какие мы привыкли видеть в наше время, с одной только мембраной, шумящими дисками, вставленными в обод, и бубенчиками, — очевидно, не существовало. Под словом «бубен» наши предки понимали барабан. На рис. 6 мы видели такой плоский барабанчик, подвешенный к поясу исполнителя. На одной из миниатюр Лаптевского тома Никоновской летописи мы вновь видим изображение барабанов, иллюстрирующее следующий текст: «Оутре же порано король оударя в бубны, исполчив полки свои поиде»⁶⁹. Барабаны высокие, цилиндрические. На них видна тесьма, регулирующая натяжение кожи на обеих мембранах. По барабанам ударяют, как видно, одной палкой, поддерживая барабан свободной рукой (рис. 10). Другое изображение бубна встречено также в Никоновской летописи. Бубен висит на шее коня Луки Колоцкого во время соколиной охоты и, как видно, служит сигнальным инструментом для подзывания соколов (см. рис. 11)⁷⁰. По своей форме, насколько это можно установить, этот бубен похож на «кышдаул» — маленький охотничий барабан из Средней Азии. Барабан этот (см. табл. III) имеет одну только мембрану и шлемообразный корпус. Диаметр его 28 см. Изображения барабанов, привешенных у пояса воина, встречаются еще в древнем Египте⁷¹.

Накры были также своего рода барабанами, вроде современных литавр. Они имели полусферическую форму и обычно употреблялись парно. Изображения накр имеются в Никоновской летописи также в рисунках военных сцен (см. рис. 12)⁷². Этот сигнальный инструмент был, кажется, вовсе чужд Западной Европе. Накры проникли туда из Турции в XVII в. под названием «sardarnaggara»⁷³. Это название во второй своей части совпадает с русским наименованием литавр — «накры». Русский путешественник XV в. Афанасий Никитин отмечает накры, или «нагары», в составе боевых сигнальных инструментов, применявшихся в Индии. У одного из индийских феодалов, Мелик-Тугара, «на всякую ночь двор его стерегут сто человек в доспехах, да 20 трубников, да 10 нагар, да 10 бубнов великих». Значение бубнов, накр и труб как сигналов здесь выступает очень ясно. Как отмечает П. Савваитов, для ударов в литавры были специальные палочки с шариком на конце⁷⁴.

Самое название, под которым накры фигурируют в Европе в XVII в. — sardarnaggara, чрезвычайно интересно. Оно лишний раз подтверждает гипотезу о заимствовании западноевропейскими войсками этого инструмента от турецких янычар. Н. Бессарабов в своем исследовании о древних европейских музыкальных инструментах⁷⁵ дает подробное описание военного оркестра янычарских войск. Полный состав военного оркестра янычар включал 54 человека, 9 из которых играли

⁶⁹ Никоновская летопись, Лаптевский том, л. 53 лиц.

⁷⁰ Никоновская летопись, II Остермановский том, стр. 1620.

⁷¹ Demin. Op. cit., S. 708.

⁷² Никоновская летопись, Голицынский том, лист 757.

⁷³ Demin. Op. cit., S. 708.

⁷⁴ Ср. П. Савваитов. Описание старинных русских утварей, СПб., 1896, стр. 82.

⁷⁵ N. Bessaraboff. Ancient european musical instruments. 'An organological study of the musical instruments in the Leslie Lindsey Mason collection at the Museum of Fine Arts, Boston, 1941, p. 20—24.

на зурнах, 9—на трубах, 9—на «полумесяцах»⁷⁶, 9—на турецких барабанах, 9—на кимвалах и 9—на накрах. Бессарабов считает далее, что восточные ударные инструменты проникали постепенно в Западную Европу по трем основным путям—в эпоху раннего средневековья через Испанию от мавров (об арабском происхождении литавр говорит, по мнению некоторых авторов, и самое их название «нагара» — pagga), через восточное побережье Средиземного моря в эпоху крестовых походов и через Россию, Польшу и Венгрию в XIV—XVII вв.⁷⁷

Однако на Руси накры и другие ударные инструменты были хорошо известны, как мы видели, и в гораздо более древние периоды, в Западную же Европу они попали, по всей вероятности, уже позднее, в связи с борьбой против турок.

Рассмотренные нами ударные инструменты—барабаны и накры—встречаются среди народных музыкальных инструментов главным образом у наших юговосточных соседей. Так, род примитивных литавр, представляющих собой глиняные горшки, затянутые кожей (причем настройка на определенную высоту звука производится путем нагревания горшков),—«диплипито»—происходит с Кавказа, упомянутый нами охотничий барабан—из Средней Азии, деревянный цилиндрический барабан «доли»—из Дагестана и т. п.⁷⁸

В результате произведенного нами анализа некоторых видов древнерусских музыкальных инструментов⁷⁹ и сравнения их с современными народными инструментами мы можем сделать следующие выводы:

1. Военная музыка в древней Руси исполнялась, за редким исключением, на тех инструментах, которые были в ту пору всеобщепотребительны в народе и основные типы которых существуют поныне.
2. Подавляющее большинство русских народных музыкальных инструментов бытовало на Руси с глубокой древности, и мнение предыдущих исследователей о поздних заимствованиях этих инструментов русскими от соседних народов (в особенности из Византии) неосновательно.
3. Ряд музыкальных инструментов (в особенности инструменты ударные) тесно связаны с Востоком, многие же формы инструментов (например инструменты лабиальные) были издавна распространены во всем мире.

⁷⁶ Schellenbaum—инструмент в виде штанги с укрепленными на ней колокольчиками, зачастую увенчанный бунчуком или изображением полумесяца. Из янычарского оркестра перешел в Европу и теперь составляет неперемнную принадлежность каждого военного оркестра (Sachs. Handbuch..., S. 51—53).

⁷⁷ N. Bessaraboff. Op. cit., p. 32—37.

⁷⁸ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 60—61.

⁷⁹ В настоящей статье не рассмотрены набаты, била и колокола, применявшиеся для военной сигнализации, так как это были инструменты специальные и в народных инструментах аналогий не имеют.

Л. И. ЛАВРОВ

«ОБЕЗЫ» РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Вопрос об обезах, кавказском народе XII—XIV вв., в исторической литературе никогда не привлекал достаточного внимания исследователей, которые привыкли по традиции усматривать в обезах абхазов. Автор намерен доказать, что под обезами русские летописи имели в виду не абхазов, а абазин.

В настоящее время абазины проживают в Черкесской автономной области Ставропольского края в числе около 20 тыс. человек. В середине XIX в. их было не менее 100 тыс., а несколько столетий тому назад — много более.

Начиная с Гюльденштедта (1773)¹ в кавказоведении утвердилось мнение, будто абазины являются переселившимися на Северный Кавказ абхазами². Попытка Буткова усмотреть в абазинском племени «тапанта» потомков населения Касахии Константина Багрянородного и «касогов» русских летописей³, как и подхваченное Д. Гулиа голословное утверждение А. Грена, будто абазины происходят от «апшилов», упоминаемых армянским географом VII в.⁴, из-за очевидной несостоятельности не получили распространения в литературе. То же относится и к гипотезе Ш. Ногмова, будто абазины есть тот народ, который был известен русским летописцам под именем «ясы»⁵. Сторонники теории абхазского происхождения абазин обычно ссылаются на сходство наименования абазин и абхазов, на народные предания и, наконец, на языковую близость этих двух народов. Акад. Н. Я. Марру, а

¹ J. A. Güldenstedt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge, I, St. Petersburg, 1787, S. 465—466.

² J. Potocki. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, I, Paris, 1829, p. 253; П. Бутков. О имени козак. Вестник Европы, 1822, № 23, стр. 188; С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, I, М., 1823, стр. 331; Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера, стр. 413 и 425; Л. Люлье. Черкесия. Краснодар, 1927, стр. 9; А. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе, «Кавказский календарь на 1858 г.», Тифлис, 1857, стр. 276; А.-д Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. «Военный сборник», XI, СПб., 1860, стр. 309; Н. Каменев. Бассейн Псекупса. Кубанские войсковые ведомости, 1867, № 5; Е. Вейденбаум. Путеводитель по Кавказу, Тифлис, 1888, стр. 84; Е. Д. Фелицын. Черкесы — адыге и западно-кавказские горцы. Кубанские областные ведомости, 1884, № 34; его же примечания к работе М. Пейсонеля: Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря. Краснодар, 1927, стр. 35; Г. Мерцбахер. К этнографии обитателей Кавказских Альп. Изв. Кавк. отд. Рус. геогр. о-ва, Тифлис, 1905, т. XVIII, № 2, стр. 94; Н. Бартольд. Абхазы. «Новый энцикл. словарь» Брокгауза и Ефрона, I, СПб. (год не указан); П. Ковалевский. Кавказ, т. I: Народы Кавказа, СПб., 1914, стр. 36; Ф. Красильников. Кавказ и его обитатели, М., 1919, стр. 53; С. Басария. Абхазия, Сухум-Кале, 1923, стр. 18; Н. Яковлев. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков. Записки Сев.-кавк. горского н.-и. ин-та, I, Ростов н/Д., 1928, стр. 128, и другие авторы.

³ П. Бутков. Указ. соч., стр. 192.

⁴ А. Грен. Краткий очерк истории Кавказского перешейка с древнейших времен. Университ. изв., Киев, 1895, стр. 38; Д. Гулиа. История Абхазии, I, Сухум, 1925, стр. 75, 81 и 101.

⁵ Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, Тифлис, 1861, стр. 76.

также и автору этих строк уже приходилось обращать внимание на то, что большинство известных нам племенных названий северо-западного и, частично, центрального Кавказа генетически связаны между собою и восходят к одному общему корню⁶. Этнические термины, относящиеся к абазинскому народу, не представляют собою исключения и так же увязываются с абхазскими, как с черкесскими племенными терминами. Поэтому наличие общего корня в названиях абазин не может быть принято за доказательство абхазского происхождения абазин. В литературе часто ссылаются на абазинские народные предания, которые будто бы рассказывают о переселении этого народа из Абхазии. Но в действительности эти предания говорят о переселении из другого, соседнего с Абхазией, района. Сталь в 1852 г., ссылаясь на мнения абазин, писал, что этот народ постепенно переходил из Абхазии «через горные перевалы на пространстве между рр. Тебердой и Белою»⁷. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы убедиться, что между Тебердой и Белой наиболее удобными перевалами являются именно те, которые прилегают не к Абхазии, а к нынешним Адлеровскому и Лазаревскому районам, т. е. к местам, где истари обитало не абхазское население, а, как мы склонны утверждать, население убыхское и абазинское. С. Басария, посетивший в 1929 г. абазинские селения с предвзятой целью найти доказательства абхазского происхождения абазин, пишет, что «сами абазины считают, что все они бесспорно выходцы из Абхазии», но тут же противоречит самому себе, когда сообщает, что старики абазины считают своей прародиной Вордане (местность северо-западнее Сочи). Басария не нашел среди абазин преданий о переселении их из Абхазии. Вместо абазинских он приводит абхазское предание о переселении на Северный Кавказ некоторого числа самурзаканцев в один из голодных годов. Текст предания не оставляет сомнения в том, что речь идет о переселении незначительной группы самурзаканцев. Такие переселения имели место во все эпохи, во всех районах Кавказа, и они не меняли этническую карту. Помимо указанного абхазского предания, Басария ссылается на слышанное им в Абхазии мнение, по которому абазины выселялись на Северный Кавказ из разных мест Абхазии⁸. Неопределенность этого мнения заставляет Басарию ограничиться лишь лаконическим его упоминанием. Оно также могло относиться к взаимным передвижениям мелких групп населения. Не исключена возможность влияния на рассказчика существующей книжной традиции. Показательно, что сам Басария зарегистрировал другое, неправильное с его точки зрения, мнение тех же абхазов, что абазины никогда из Абхазии не выселялись и, таким образом, и в древности являлись особым народом⁹.

Сталь был склонен считать абазин за выходцев из абхазского общества Цебельды¹⁰. Бесспорно, почвой для этой гипотезы послужило наличие в свое время среди абазин — шкаравцев, как и среди цебельдинцев и джикетов — псхувцев, феодальной знати, носившей одну и ту же фамилию Маршани. Но какое это имеет отношение к вопросу об этногенезе? Разве не было грузинских и армянских Орбелиани, черкесских и крымских Гиреев или рассеянных по Европе Габсбургов? Басария приводит обрывок абазинской песни, в которой упоминается Цебельда

⁶ Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов, стр. 45; Л. Лавров. Из поездки в черноморскую Шапсугию. Советская этнография, 1936, № 4—5, стр. 131—132.

⁷ Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. «Кавказский сборник», XXI, Тифлис, 1900, стр. 65.

⁸ С. Басария. Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе, Сухум, 1929, стр. 16—17.

⁹ Там же, стр. 17.

¹⁰ Сталь. Указ. соч., стр. 79.

Но разве в народных песнях упоминаются только географические пункты своего народа?

В литературе нельзя найти ни одного народного предания, которое подтверждало бы факт переселения абазинского народа из Абхазии. Ссылки же разных авторов на такие предания — результат недоразумения. Но в литературу не раз проникали обрывки народных сказаний, считающих прародиной абазин территорию нынешних Адлеровского, Лазаревского или Туапсинского районов. Выше мы уже приводили зафиксированное Басария мнение абазин, что они в древности обитали в районе Вордане. Точно то же слышал еще в середине прошлого века Люлье¹¹. Знакомый с местными преданиями Торнау, чтобы примирить их с общераспространенным в литературе недоразумением, вынужден был прибегнуть к гипотезе, что абазины, хотя, мол, и вышли из Абхазии, но в процессе миграции долго жили в районе Сочи, откуда потом переселились на север¹².

В записанных нами абазинских преданиях фигурируют в качестве первоначальных мест обитания этого народа: Псху, Ахчипсоу, Шапсугия и Мдавей, т. е. территория, расположенная на северо-запад от Абхазии. Исключение составляет лишь одно предание (из девяти), слышанное нами в сел. Инджичкун. В нем рассказывается, что предки нынешних жителей этого селения сперва жили «где-то около Сухума», а потом четыре поколения тому назад (т. е. менее 150 лет тому назад) переселились на Теберду. Так как исторические документы знают северокавказских абазин уже на протяжении почти 400 лет и так как сообщавший это предание плохо разбирался в незнакомой ему географии черноморского побережья, то первую часть этого сообщения мы склонны считать ошибочной.

Племенные, фамильные и топографические термины северокавказских абазин имеют свои параллели на черноморском побережье в районе Сочи. Так, фамилия крупнейших абазинских князей и возглавляемое ими общество, с одной стороны, и одна из рек северо-западнее Сочи, с другой стороны, носили одно и то же наименование — Лоо. Князь и общество Кечь существовали и у северокавказских абазин и у джикетов (в окрестностях Сочи), причем джикетские Кечь обигали на р. Кечь (приток р. Мзымты). Старое название абазинского селения Псыж-Дыдыркъвай имеет также абсолютную параллель в названии одной из рек, впадающих в море между Сочи и Туапсе. Так как обычно не реки назывались по именам обществ, а общества по именам рек, то отсюда следует, что северокавказские Лоо, Кечь и Дыдыркъвай есть производные от соответствующих топонимических терминов черноморского побережья. Абазинское общество Баг имело свою параллель в джикетском обществе того же названия. И в данном случае более древним оказывается не северокавказское, а джикетское Баг, так как в исторической Джикетии этот термин зафиксирован безымянным автором «Объезда Евксинского понта» около V в.¹³. Ряд географических названий черноморского побережья, которое в XIX в. было заселено черкесами, не может быть истолковано с помощью черкесского языка и, в то же время, объясняется из абазинского. Например: р. Магры — от абазинского мыгъра (рукав), мыс Агрия — от абазинского агъра (рябой), р. Аше — от абазинского аща (брат).

Таким образом, географическая номенклатура Адлеровского, Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края носит абазинские следы, причем, при параллельном существовании одинаковых терминов

¹¹ Л. Люлье. Указ. соч., стр. 9.

¹² Ф. Торнау. Указ. соч., стр. 425.

¹³ В. В. Латышев. Известия древних греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе, т. I, ч. I, СПб., 1893, стр. 278.

среди северокавказских абазин и в помянутых районах побережья, более древними оказываются вторые. Данные топонимики подтверждают, как и исторические предания, что северокавказские абазины некогда жили на черноморском побережье северо-западнее Абхазии. Но анализ топонимических терминов позволяет сделать еще одно предположение: предки шкаварцев обитали примерно от Гагр до Адлера или Мацесты, а далее на северо-запад обитали предки тапантовцев.

Нашему выводу на первый взгляд противоречит тот общеизвестный факт, что до середины XIX в. черноморское побережье Кавказа от Тамани и до р. Шахе было занято черкесскими племенами натхуаджей и шапсугов, а от р. Шахе до р. Мацесты — убыхским народом. Каким образом черкесы сменили на этом пространстве ранее обитавших здесь абазин? Как протекал на черноморском побережье Кавказа процесс образования племен?

Древнегреческие и римские писатели не знали ни черкесов с убыхами, ни абазин, ни абхазов. Пространство от Тамани до нынешней Грузии в те времена было занято множеством не оформившихся в племена мелких обществ. Натуральный характер производства был причиной существования большого числа обособленных, отличающихся друг от друга языков. В течение первого тысячелетия нашей эры развитие морской торговли создает условия для классовой дифференциации населения. В VII в. возникает абхазское государство с тенденцией расширения не только в сторону юга, но и в сторону севера. Грузинская летопись говорит, что владетель (или «царь») Абхазии Леси (VII в.) владел землями до самой р. Кубани. Так ли было в действительности или это преувеличение летописца — сказать трудно, но не подлежит сомнению, что влияние Абхазии в те времена было велико. Это влияние должно было сказаться и на языке соседних с абхазами мелких обществ. Нам кажется, что зафиксированное позже распространение абхазов далеко на север от собственно Абхазии не означает, что там действительно обитали абхазы, а лишь является свидетельством влияния абхазской культуры, и в первую очередь языка, на мелкие общины северо-западной части черноморского побережья Кавказа. Во всяком случае у нас нет никаких доказательств массового переселения абхазов на земли древних торетов, керкетов, ахеев, синдов и других мелких народов, занимавших интересующее нас пространство в начале нашей эры. Причину близкого сходства абазинского и абхазского языков следует видеть в том, что предки абазин в течение ряда столетий находились по соседству с обществами, объединявшимися в абхазскую народность, и в силу этого не могли не испытать влияния в ту пору более высокой культуры своих соседей.

Но в первом тысячелетии нашей эры не одни абхазы объединялись в народность. Со второй половины первого тысячелетия все писавшие об этом крае авторы уже не говорят о многоязычии и вместо большого числа мелких народов указывают всего лишь 3—4. Многоязычие постепенно исчезает. Но еще в XIX в. сохранялся особый язык маленького убыхского народа — памятник эпохи господства мелких обособленных обществ, говоривших на особых языках.

Наличие абхазского влияния соблазняло многих старых авторов, недостаточно вникавших в этнографическую карту черноморского побережья, на котором они указывают абхазское население иногда вплоть до самой Тамани. Например, по Герберштейну (первая половина XVI в.), в низовьях р. Кубани живут «афгазы», а в горах — черкесы¹⁴. По Иоанну

¹⁴ С. Герберштейн. Записки о московских делах, СПб., 1908, стр. 159—160.

Лукскому (около 1625 г.), черкесская земля на юге заканчивается пунктом Кудесчио, т. е. мысом Кодош, около г. Туапсе, а далее простирается Абхазия¹⁵. По Эвлия-Челеби (1641), этот же Кодош (у него Кютасси) есть крайний на северо-западе пункт распространения абхазов¹⁶. По Пейсонелю, абазины (так он называет абхазов и абазин вместе) населяют все пространство от Суджука (теперь — г. Новороссийск) до Мегрелии¹⁷. Позже, в XIX в., многие документы по старой традиции продолжали считать абхазами заведомо черкесское племя шапсугов, обитавшее на побережье.

Исторические источники до XVIII в. знают среди черкесов лишь такие племена, которые в ту пору обитали или на северной стороне главного Кавказского хребта или возле устья р. Кубани. Источники XVI и XVII вв. упорно не упоминают среди черкесов такие племена, как шапсуги, абазехи, бжедуги и махоши. Но на основании, с одной стороны, многочисленных народных преданий и, с другой, бесспорных исторических письменных документов мы не можем отрицать того слишком очевидного факта, что эти три теперь черкесских племени обитали до XVIII в. на той самой территории, которую долго различные авторы принимали за абхазскую или за абазинскую. Возникает законный вопрос: не являются ли эти племена очеркесившимися абазинами?, т. е. не говорили ли они в прошлом на абазинском языке?

В сознании черкесов долго существовало противопоставление одной группы черкесских племен другой группе таких же племен. Одну такую группу называли «адыге», т. е. черкесы. Другая же группа черкесских племен не считалась адыгейской и именовалась термином «абаза», или «абадзе», т. е. абазины. Начиная с Услара и до настоящего времени в кавказоведении господствует мнение, будто подобное деление черкесов на две противопоставляемые друг другу части возникло из-за различия в их социальном строе. Группа «адыге», мол, имела князей, а группа «абаза» их не имела. Так и писали об «аристократических» и «демократических» племенах черкесов. Автору этих строк уже приходилось обращать внимание на несостоятельность такого объяснения¹⁸. Гипотеза Услара разбивается уже тем фактом, что причислявшиеся к «абазе», т. е. «демократической» группе, племена бжедугов, махошей и жанов также имели князей¹⁹.

Мы стоим перед, казалось бы, странным явлением: значительная часть черкесских племен (а именно: шапсуги, натхуаджи, абазехи, гуае, жаны, бжедуги и махоши) долгое время среди самих же черкесов не признавались черкесскими, а именовались абазинами. К абазинам же причисляли и прибрежный народ убыхов, говоривший на своем особом языке. Само черкесское племя «абазех» в переводе означает «нижние абазины». Из этой группы шапсуги, гуае, натхуаджи и убыхи до середины XIX в. проживали на той самой части черноморского побережья, которая в старину считалась заселенной абазинами (или, ошибочно, — «абхазами»). Что же касается жанов, бжедугов, махошей и абазехов, то о них мы также имеем сведения, что они переселились на Северный Кавказ из той же самой части черноморского побережья.

¹⁵ Жан де - Люкк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингелов и грузин. Записки Одесск. о-ва истории и древностей, XI, Одесса, 1879, стр. 489 и 492.

¹⁶ Брун. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. Там же, X. Одесса, 1875, стр. 179.

¹⁷ М. Пейсонель. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах, Краснодар, 1927, стр. 29.

¹⁸ Л. Лавров. Указ. соч., стр. 132.

¹⁹ Л. Люлье. Указ. соч., стр. 11.

Предания абазехов рассказывают о переселении их «из Абхазии»²⁰, вернее — Абазии. Одно из абазехских преданий указывает на долину реки Шахе как на первоначальное местообитание этого племени. Старики шапсуги до сих пор показывают в районе Туапсе места, где когда-то жили махоши. По бжедугским преданиям, бжедуги также «абхазского происхождения»²¹, но что это была за «Абхазия» — мы хорошо знаем из сочинения Эвлия-Челеби, который в 1641 г. застал бжедуг в процессе переселения из приморского района, расположенного между рр. Сочи и Шахе, на Северный Кавказ. Он рассказывает, что в то время один из турецких военачальников «вел 3000 человек из боздуков (т. е. бжедугов. — Л. Л.) в поход астраханский, по окончании которого он им дал юрт в черкесских горах Обур, где они и остались». Причисляя бжедуг к абхазам, он говорит о бжедугах: «это народ храбрый, говорящий по-абхазски и по-черкесски. Гора Обур отделяет абхазских боздуков от черкесских»²². Разделение бжедуг на две части живо в сознании и современных бжедуг, которые делят свое племя на два подплемени: хамышь и чеченей. По преданиям, они (как свидетельствует и Эвлия-Челеби) выселились на Северный Кавказ в разное время. Так как о разделении бжедуг на абхазскую и черкесскую части Эвлия-Челеби говорит непосредственно после упоминания об их двуязычии, то это сообщение нельзя понимать в ином смысле, кроме как в том, что «абхазские» бжедуги говорили «по-абхазски», а бжедуги, переселившиеся в Черкесию, успели (частично?) усвоить черкесский язык. Таким образом, свидетельство Эвлия-Челеби окончательно убеждает в том, что бжедуги до своего выселения с побережья (т. е. до начала XVII в.) говорили на одном из диалектов абазинского языка. В таком случае, что убедительное можно противопоставить само собою напрашивающемуся предположению, что и целый ряд других черкесских племен (так наз. «абаза», или «демократические» племена), выселившихся с побережья несколько столетий тому назад, также являются очеркешенными абазинами? Сказанное подтверждается существующим у самих абазин мнением, что их народ состоит в самом близком родстве с абазехами и шапсугами.

То, что многие старые авторы считали первоначальную родину абазин Абхазией, объясняется звуковой близостью термина «абаза», с одной стороны, и от грузин вошедшего в литературу термина «абхаз», с другой. Эта звуковая близость пугала всех, кто недостаточно вникал в этническую обстановку северо-западного Кавказа. В то же время сами черкесы, в том числе живущие на морском берегу шапсуги, четко отличают абазин, называемых ими «абаза», от абхазов, которых они именуют «азега». Этническая и языковая разница между абазинами всегда существовала. Именно поэтому старые грузинские источники прослеживали эту разницу, когда на северо-западном Кавказе указывали не два народа (абхазы и черкесы), а три («апхазы», «джики» и «черкези»). Грузинские авторы обозначали абазин термином «джик».

В XIX в. граница между прибрежными абазинами («джикетами») и черкесами проходила около р. Сочи²³. В первой половине XVII в. (по Эвлия-Челеби и Иоанну Лукскому) она проходила гораздо далее на северо-восток, а именно — около нынешнего г. Туапсе. В начале XVI в., если верить Герберштейну, абазинам принадлежало даже низовье р. Кубани. Таким образом, перед нами некогда значительный народ, который в течение примерно пяти последних веков непрерывно умень-

²⁰ Н. Каменев. Указ. соч., № 5.

²¹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Абазехи. Записки Кавк. отд. Рус. геогр. о-ва, кн. XXII, вып. 4, Тифлис, 1902, стр. 11—12.

²² Брун. Указ. соч., стр. 178.

²³ Убыхский язык сохранялся только в горах, а не на побережье.

шался в числе. Это уменьшение происходило не столько за счет истребительных войн с соседями (хотя таковые, конечно, были), сколько за счет ассимиляции с черкесами, добрая половина которых должна быть признана потомками абазин.

В связи с изложенным возникает вопрос: кого русские летописи имеют в виду, когда говорят о кавказском народе «обезы»? До сих пор в среде историков принимается за аксиому, будто обезы — это абхазы. На чем основывается это мнение? Исключительно на том, что историческая литература привыкла не замечать ныне маленького, но когда-то обширного, абазинского народа. В русских летописях обезы упоминаются несколько раз. Так, в одном месте говорится, что Владимир Мономах прогнал половецкого хана Отрока «во обезы за железныя врата», где он отсиживался до самой смерти Владимира. Под 1154 г. рассказывается о женитьбе великого князя киевского Изяслава на невесте «из обез». Под 1223 г. среди покоренных монголами народов упомянуты «ясы, обезы, косоги», т. е. аланы, обезы и черкесы. Под 1346 г. летописец сообщает о большом море, поразившем Поволжье, Крым и Кавказ: «бысть мор на бесермены, и на татары, и на ормены, и на обезы, и на жиды, и на фрязы, и на черкасы и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребати». Под 1395 г. среди различных стран, завоеванных Тимуром, упоминаются «Гурзистани, Обези, Гурзии»²⁴. Из летописных известий лишь последнее может быть отнесено к абхазам. За это говорит то, что страна обезов поставлена рядом с Грузией. Но в то же время само сообщение о завоевании Тимуром обез должно быть отнесено к абазинам. Во всяком случае нам хорошо известен поход Тимура в земли абазин («в Абасу») со стороны Северного Кавказа²⁵. В остальных случаях русская летопись, как нам кажется, имеет в виду именно абазин, а не абхазов.

Прежде всего — что такое «железные врата»? Этим термином на разных языках, в разное время именовались разные проходы или перевалы из Северного Кавказа в Закавказье, и нет никаких оснований приурочивать это название к какому-нибудь определенному пункту Кавказа. Но бегство Отрока через железные врата к обезам не есть бегство в Абхазию, так как для того, чтобы укрыться от Мономаха, вряд ли нужно было бежать в далекую и труднодоступную с севера Абхазию. Для этого достаточно было бежать в земли абазин, которые тогда обитали вблизи Тамани, в непосредственной близости от половецких степей. В сообщении летописца о завоевании монголами обезы поставлены рядом с двумя северокавказскими народами, из которых черкесы являлись непосредственными соседями абазин, в то время как абхазы не были соседями ни черкесов, ни алан. В сообщении о моровой болезни среди южных народов упомянуты только северокавказские и крымские. Упоминание армян, гетуэзцев («фрязы») и евреев имеет в виду городское население крымского и таманского побережий. Помещение среди них народа обезов, конечно, относится к абазинам, жившим вблизи Тамани и Крыма, а не к более далеким абхазам. Вообще, если абхазы были сравнительно далеким от русских земель народом, то не нужно забывать, что абазины являлись ближайшими соседями Тмутараканского княжества, и странным было бы незнание их русскими людьми того времени.

Наш вывод, что под обезами нужно понимать именно абазин, находит и лингвистическое подтверждение. Дело в том, что абхазы сами себя называют «апсуа», по-грузински — «апхазы», по-свански «мипхаз»,

²⁴ Полное собрание русских летописей, т. I, стр. 146 и 189; т. II, стр. 74 и 155; т. III, стр. 39; т. IV, стр. 125; т. VII, стр. 60, 129 и 210; т. VIII, стр. 65.

²⁵ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II.

по-черкесски — «азега». Термин «обез» должен быть сопоставляем не с ними, а с самоназванием абазин — «абаза». Еще Н. Я. Марр писал о термине «абаза», что именно «эта разновидность названия и лежит в основе формы, известной из «Русских летописей» — «обезы»²⁶.

Когда же обезы-абазины переселились на Северный Кавказ? В литературе наибольшее распространение получило мнение Гюльденштедта, утверждавшего, что это будто бы произошло в XVII в.²⁷ Другие относили это событие к V—VI вв.²⁸, до X—XI вв.²⁹, к XI в.³⁰, к XVI в.³¹ и даже к XVIII—XIX вв.³² Особняком стоит мнение двух авторов, считавших абазин северокавказскими аборигенами³³. Осторожное, но правильное мнение А. Н. Генко и Г. П. Сердюченко состоит в том, что выселение абазин произошло во всяком случае до XVII в.³⁴.

Г. П. Сердюченко в доказательство раннего переселения абазин к верховьям р. Кубани и р. Лабы ошибочно ссылается на свидетельство Герберштейна о пребывании «афгазов» на Кубани в первой половине XVI в.³⁵ Но у Герберштейна сказано буквально следующее: «Около болот Меотиды (т. е. Азовского моря.— Л. Л.) и Понта (т. е. Черного моря.— Л. Л.), при реке Кубани, впадающей в болота, живет народ «афгазы»³⁶. Как мы уже отмечали выше, Герберштейн имел в виду тех абазин, которые в ту пору продолжали обитать на черноморском побережье, поблизости от устья р. Кубани. Таким образом, хотя это и соблазнительно, мы вынуждены отказаться от ссылки на Герберштейна. Древнейшее свидетельство о пребывании абазин на Северном Кавказе имеется в родословной кабардинских князей, составленной в XVII в. и доведенной до событий, совпадающих со смертью царя Федора Ивановича (1598 г.). В ней говорится, что у князя Матрюка был «3-й сын Кайтука мурза — бездетен, утонул на Кубане реке, как в добычу ездил под абазинцов»³⁷. Матрюк — это хорошо известный кабардинский князь второй половины XVI в., сын Темрюка. На родной сестре Матрюка был женат царь Иван Грозный. Из сказанного явствует, что гибель Кайтуки могла произойти лишь в конце XVI в. Так как исключена возможность набега Кайтуки из Кабарды на приморских абазин, то благодаря этому свидетельству можно считать доказанным пребывание абазин в Закубанье в конце XVI в. Этим самым снимаются высказывавшиеся предположения о переселении абазин позже XVI в.

²⁶ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 45.

²⁷ J. A. Güldenstedt. Op. cit., S. 465—466; С. Броневский. Указ. соч., стр. 331; Л. Люлье. Указ. соч., стр. 9; Ад. Берже. Указ. соч., стр. 71; В. Бартольд. Указ. соч., стр. 103; Ф. Щербина. История Кубанского казачьего войска, II, Екатеринодар, 1913, стр. 14; У. Алиев, Б. Городецкий и С. Сиюхов. Адыгея, Ростов н/Д., 1927, стр. 30; Д. Гулия. Указ. соч., стр. 75; С. Басарня. Абхазия, Сухум-Кале, 1923, стр. 48.

²⁸ П. Бутков. Указ. соч., стр. 188.

²⁹ Е. Шиллинг. Абхазы. Энциклопедический словарь т-ва Гранат, I дополн. том, М. (год не указан), стр. 19.

³⁰ Н. Яковлев. Указ. соч., стр. 128.

³¹ См. примечания Е. Фелицына к работе М. Пейсонеля. Указ. соч., стр. 35.

³² Большая сов. энциклопедия, т. I, стр. 115.

³³ J. Klaproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, I, Halle und Berlin, 1812, S. 447; Л. Лопатинский. Заметка о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, XII, Тифлис, 1891, стр. 3—4.

³⁴ А. Н. Генко. О языке убыхов. Изв. АН СССР, 1928, стр. 237; Г. П. Сердюченко. Абазины и первые сведения об их языке. Уч. зап. кафедры языка Ростов. пединститута, 2, Ростов н/Д., 1940, стр. 21.

³⁵ Г. П. Сердюченко. Указ. соч., стр. 21.

³⁶ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 159.

³⁷ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, I, М., 1889, стр. 2.

Не только в среде абазинского народа, но и среди кабардинцев, бесленеев и абазехов исторические предания единодушно утверждают, что переселению абазин на север предшествовало движение на предкавказские равнины кабардинцев, бесленеев и чемгуев. Доподлинно известно, что переселение кабардинцев и других черкесских племен произошло после разгрома монголами половцев и алан в XIII в. В литературе утвердилось ошибочное мнение, будто кабардинцы заняли свои нынешние места около XIV—XV вв. Эта неправильная точка зрения до настоящего времени является господствующей. Но оставленное русским летописцем описание местоположения ставки золотоордынского хана Узбека в 1319 г. позволяет датировать это событие более ранним временем. В этом описании говорится, что ставка находилась «за рекою за Терком под высокими горами под яскими и черкасскими у града Титякова на реце Сивинце близъ врат железных, у болвана медяного, у златыя главы у Темиревы, у богатыревы могилы». Есть сведения, что в не сохранившемся теперь архиве командира Моздокского полка 1840-х годов Султан-Казы-Гирея находилась какая-то старинная рукопись, в которой было сказано, что Узбек-хан в 1319 г. занимался исправлением укрепления Жулат. Уже из одного сопоставления обоих свидетельств напрашивается предположение, что Титяков и Жулат есть одно и то же. Жулатом же называются развалины средневекового города на р. Тереке, около нынешнего осетинского селения Эльхотово. Указанная в летописи топография подтверждает наше предположение, что Титяковым русские называли Жулат. Напомним, что под ясами древнерусские источники имели в виду алан-осетин, а «железными вратами» обычно назывались проходы через Кавказский хребет. Так как в тексте речь идет о железных вратах, находящихся одновременно вблизи осетин и черкесов, то таковыми не мог быть Дербент. Но так как речь идет о железных вратах за рекой Терком, то, значит, это не западнокавказские перевалы. Остается считать, что железными вратами в данном случае летописец назвал Дарьяльское ущелье, издавна служившее важнейшим проходом из Северного Кавказа в Закавказье и неоднократно именовавшееся в старой литературе «железными вратами». Город же Титяков, находившийся за р. Терком, вблизи Дарьяльского ущелья, только и мог быть не чем иным, как исторически известным Жулатом. Для нас сейчас важно другое, а именно то, что Жулат, ныне расположенный между Осетией и Кабардою, указан летописцем под осетинскими и черкесскими горами. Из этого следует неоспоримый вывод, что черкесское племя — кабардинцы в 1319 г. уже обитало в местах, которые они занимают и в настоящее время. Так как ближайшие к Жулату горы летописец называет уже в ту пору не только осетинскими, но и черкесскими, то можно думать, что черкесы (именно кабардинцы) уже прожили в этих местах известный отрезок времени, за который успели передать свое имя этим горам. Следовательно, вряд ли ошибемся, если выскажем предположение, что переселение кабардинцев к бассейну р. Терека произошло во второй половине XIII в.³⁸

Абазины, о которых известно, что они переселились на Северный Кавказ после кабардинцев и что в конце XVI в. они уже там жили, могли совершить свое переселение только в течение XIV—XVI вв. К сожалению, попытки более точной датировки интересующего нас события, при нынешней степени выявленности источников, выходят за рамки достоверного. Отметим только, что Тимур, совершая из Север-

³⁸ Л. И. Лавров. Черкесия в XIII—XIV веках. Красная Черкесия, 1941, №№ 137 и 138.

ного Кавказа свой поход «в Абасу», должен был перевалить через «гору Эльбрус», т. е. через Кавказский хребет³⁹. Значит, Тимур совершил свой поход в земли абазин, проживавших тогда на черноморском побережье. Но на основании этого источника нельзя утвердительно говорить, что в конце XIV в. все абазины продолжали еще обитать на своих прежних местах. Еще менее убедительна попытка, которую делал Фелицын, приурочить приморское княжество «Биберди» в XVI в. к абазинцам, во главе которых стояли князья Бибердовы⁴⁰. Би-берд, или «бий-Берды» (вариант «Берды-бий») — собственное татарское имя, часто встречавшееся среди разных народов Северного Кавказа.

Абазинские предания единогласно утверждают, что среди них тапантовцы первыми совершили переселение. Вслед за ними двинулись другие абазинские племена. Переселение, очевидно, не было стремительным и эпизодическим. Оно совершалось постепенно.

Перейдя на Северный Кавказ, абазины столкнулись с кабардинцами и татарами. Последние, кажется, и наделили первых переселившихся абазин названием тапанта. Правда, Г. П. Сердюченко считает, что термин «тапанта» происходит от осетинского тапан, «равнина», и та, окончание множественного числа⁴¹, но допущение такого толкования предполагает, что абазины жили на Северном Кавказе еще в ту эпоху, когда осетины являлись могущественным народом и держали в своих руках добрую половину Северного Кавказа, в том числе и часть бассейна р. Кубани. В противном случае остается необъяснимым, почему эта часть абазин сделала своим самоназванием термин, созданный территориально далеким и политически второстепенным народом, каким стали осетины после монгольского нашествия XIII в. Более основательно видеть в слове «тапанта» татарское «табан-да», что означает «на равнине», т. е. равнинные жители. Можно даже предполагать, что само осетинское «тапан» есть более позднее заимствование из татарского языка, заимствование, проникшее в осетинский после XIII в.

Таким образом, наши общие выводы сводятся к следующему:

1. Абазины переселились на Северный Кавказ из той части черноморского побережья, которая лежит на северо-запад от Абхазии.
2. Указанное переселение произошло не ранее XIV и не позднее XVI в.
3. Абазинский народ в прошлом был численно много большим, чем в настоящее время. Значительная часть черкесских племен является очеркешенными абазинами.
4. Русские летописи имели в виду под «обезами» именно абазин, а не абхазов.

³⁹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 180—183.

⁴⁰ Е. Д. Фелицын. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области. «Кубанский сборник», V, Екатеринодар, стр. 17—18.

⁴¹ Г. П. Сердюченко. Указ. соч., стр. 16—17; Его же. Абазины. Красная Черкесия, 1940, № 288.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ТРЕХРОДОВОЙ СОЮЗ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Среди проблем социального строя первобытной общины экзогамия издавна привлекала к себе внимание этнографов. Вопросам, связанным с экзогамией, посвящено немало работ. Среди исследований имеются столь солидные труды, как четырехтомное издание «Тотемизм и экзогамия» Дж. Фрэзера. Нет ни одной работы, которая, трактуя о социальном строе первобытной общины, так или иначе не затрагивала бы проблемы экзогамии. Тем не менее многое еще остается неясным, — причем остаются невыясненными как раз самые существенные для понимания экзогамии стороны этой проблемы.

Шотландский адвокат и ученый Мак Леннан первый обратил внимание на существование у первобытных народов особых норм и обычаев, регулирующих брачные связи. Оценивая работы Мак Леннана в настоящее время, видишь в них больше ошибок и заблуждений, чем тех положений, которые прочно вошли в науку. Тем не менее именно ему принадлежит заслуга введения в этнографическую науку понятия и терминов — экзогамия и эндогамия. Хотя противник Мак Леннана Морган писал, что термины эти (в том виде, как они были применены Мак Леннаном) «так искажены, что самое лучшее употребление, какое можно с ними сделать, это — отбросить их», тем не менее они прочно вошли в науку. В статье, помещенной в *Fortnightly Review* за 1877 г., Мак Леннан отметил: «Первое (т. е. экзогамия. — Д. О.) — это закон (law), запрещающий браки между лицами одной крови или происхождения, считая их кровосмешением, часто под угрозой смерти, а последнее (т. е. эндогамия) — закон, запрещающий всякие браки с кем бы то ни было, кроме как с лицами одной крови и происхождения»¹. По мнению Мак Леннана, невозможно сосуществование обоих законов в пределах клана. «Если мужчина, из страха совершить кровосмешение, не должен жениться на женщине своей крови или происхождения и ему запрещается под угрозой нарушения другого закона жениться на

¹ В своей книге «*Primitive Mariage*» Мак Леннан указывает, что основой или прототипом обоих названий, вводимых им, были слова «экзогамия» и «эндогамия», употреблявшиеся в ботанике. Так как эндогамия чаще всего встречается в индийских кастах, то Мак Леннан предполагал сначала вместо последнего из этих терминов употребить слово «каста». Но ввиду того, что понятие «каста» содержит еще и другие значения, не входящие в круг рассматриваемых им вопросов, то он предпочел новый термин. См. указ. соч., стр. 48 (1-е единбургское издание 1865 г.).

женщине какой-либо другой крови или происхождения, то для него оказывается невозможной женитьба на ком-либо вообще. Если в каком-либо племени экзогамия и эндогамия могли бы сосуществовать, тогда в этом племени браки были бы абсолютно запрещены. Так обстоит дело в том случае, если под племенем разумеется племя, связанное единством происхождения, или группу родственников. Совершенно так же будет обстоит дело и в том случае, если племя понимать в смысле локализованной группы (local tribe), состоящей из некоторого числа частей различных племен одного происхождения»².

Исходя из этих предпосылок, Мак Леннан, естественно, заключил, что в мире должны существовать либо экзогамные, либо эндогамные племена. Экзогамные племена, по его мнению, зависели всецело от других племен, у которых должны были добывать себе жен похищением. Межплеменные браки не могли заключаться мирным путем. «Мир и дружба в те времена были неизвестны. Единственное, что объединяло их между собою,— это совместные действия в случае защиты или нападения на общих врагов. Эти отношения вражды и ненависти должны были существовать даже между частями одной разделившейся семьи. Естественно поэтому, что единственным путем для заключения браков были браки похищением, основанные на применении силы»³. Полную противоположность этой группе племен представляли эндогамные племена. Среди последних не развилась система заключения браков путем похищения. Среди этих мирных племен запрещалось вступать в брак на стороне с членами других семей и племен, но разрешалось заключение браков в пределах своей группы. «Жених и невеста жили вместе, в дружбе со всеми своими сородичами. С согласия своих родственников женщина становилась женой избравшего ее мужчины, при этом все происходило мирным путем. Если мужчина принуждал ее к браку или похищал ее без ее согласия и против желания ее друзей, то он должен был отделиться от своей группы, чтобы избежать мести. Обычными способами заключения брака у этих племен была сначала помолвка, за которой следовало сожительство, а затем, на более развитой стадии, помолвка, связанная с религиозными церемониями и другими обрядами, соединяющими супругов». Римские формы заключения брака — *usus* и *confarreatio* — являются браками этого типа. «Во всяком случае они являются формами, присущими бракам между членами одной семейной группы или племен. Коль скоро это так, они могли возникнуть только среди эндогамных племен или, в случае брака в пределах племени, среди племен, которые разрешали своим членам вступать в брак между собою или заключать браки в других группах»⁴.

Каковы были соотношения между племенами той и другой группы? Это осталось неясным и самому Мак Леннану. Судя по некоторым его замечаниям, можно думать, что экзогамные племена были, по его мнению, более примитивными и сменились затем эндогамными. Народы классического мира — греки и римляне — находились, как он думал, уже на этой более поздней эндогамной стадии.

Все выводы Мак Леннана были спорными уже в его время. Особен-

² К этому Мак Леннан добавляет: «Это возможно было бы лишь в том случае, если предположить, что локальное племя состоит из некоторого числа кланов различного происхождения, причем одну или несколько из них придерживается экзогамии в то время, как другая часть кланов (один или несколько) следует закону эндогамии. Но это было бы уже сопоставлением, а не сосуществованием обоих принципов». См. J. F. McLennan. *Studies in Ancient History. The Second Series* London, 1896, p. 46. Примечания в этом издании сделаны его братом, Д. Мак Леннаном. Ср. «*Primitive Marriage*», 1865, pp. 53—54.

³ McLennan. *Primitive Marriage*. Edinburg, 1865, pp. 53—54.

⁴ Ibid., pp. 47—50.

но резкой критике его гипотезы подверглись со стороны Моргана, не говоря уже о других ученых, в числе которых мы видим Г. Спенсера. Нет необходимости входить в подробности этой полемики. Достаточно указать, что следующим крупным шагом вперед в деле уяснения взаимоотношений экзогамии и эндогамии, как и самой сущности этих институтов, были исследования Моргана. Он считал, что Мак Леннан попал на ложный путь, предположив, что оба обычая исключают друг друга. В действительности они не только не могут быть противопоставлены друг другу, но, напротив, взаимно друг друга дополняют. Основной ошибкой Мак Леннана было не вполне точное понимание им того, что представляет собой основная социальная единица первобытного общества. Повидимому, он весьма смутно представлял себе, что такое племя, так как в различных местах своего сочинения он употребляет это слово в самых разнообразных значениях. Кроме того сам Мак Леннан дает перечень признаков семи видов племенной организации. Приводимый им перечень весьма противоречив и может быть объяснен только тем состоянием, в котором находилась этнографическая наука того времени. Мак Леннан, зависевший от литературных источников, весьма неполных и противоречивых, в конце концов запутался в определениях. В этом отношении несомненным преимуществом его противника Моргана было хорошее знание жизни североамериканских индейцев. Основываясь на непосредственном наблюдении их жизни, Морган уяснил механизм родовой организации, и поэтому ему удалось легко разъяснить, что основным признаком рода (имея в виду брачные взаимоотношения) является экзогамия, тогда как племя — эндогамно⁵. «Экзогамия и эндогамия встречаются одновременно друг подле друга, в одном и том же племени и встречались таким образом с незапамятных времен. Это относится и ко всем вообще индейцам»⁶.

Энгельс очень ясно изложил суть этой полемики и заключил свое изложение следующим выводом: «Таким образом, если род был строго экзогамным, то охватывающее всю совокупность родов племя было в такой же степени эндогамным. Этим был окончательно низвергнут последний остаток искусственных построений Мак Леннана»⁷.

Следующим крупным шагом вперед были исследования Л. Я. Штернберга (исследования, еще недостаточно оцененные как у нас, так и в особенности на Западе)⁸. Находясь в ссылке на Дальнем Востоке в течение почти восьми лет (с 1889 по 1897 г.), Л. Я. Штернберг занялся изучением народностей низовьев р. Амура и острова Сахалина. В отличие от большинства других этнографов, Л. Я. Штернберг, изучая проблемы социальной организации, не только описал родовой строй гиляков, но глубоко проник в самую его сущность и уяснил механизм взаимоотношений родов. В результате изучения гиляцкого языка, фольклора и этнографии Л. Я. Штернбергу удалось обнаружить у гиляков следы существования особой системы взаимоотношений родов, названной им «гиляцкой фратрией».

С самого начала своих работ Л. Я. Штернберг установил, что система родства гиляков принадлежит к числу классификационных, и он решил, что открыл у них следы пуналуальной семьи и порядков ирокез-

⁵ L. H. Morgan. Ancient Society. Цит. по русскому переводу: «Первобытное общество», СПб., 1900 (под ред. Д. Н. Кудрявцева). Приложение к третьей части книги «Первобытный брак» Дж. Ф. Мак Леннана, стр. 498—517.

⁶ Л. Г. Морган. Указ. соч., стр. 505.

⁷ Фр. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Предисловие к четвертому изданию 1891 г. М., Партиздат, 1932, стр. 18.

⁸ Л. Я. Штернберг. Гиляки. Этнографическое обозрение, кн. 60, 61 и 63 за 1904 г. Перепечатано с добавлением неизданных ранее материалов в сборнике работ Л. Я. Штернберга: Семья и род у народов северо-восточной Азии, изд. Института народов Севера, Материалы по этнографии, т. III, Л., 1933.

ского рода⁹. Однако дальнейшее изучение показало, что родовая организация гиляков отличается некоторыми особенностями. Нормы гиляцкого рода показали, что термины «экзогамия» и «эндогамия» весьма шатки. Так, экзогамность гиляцкого рода, как оказалось, не исключает брака между близкими родственниками¹⁰. С другой стороны, род оказался не самодовлеющим организмом, а частью триединого родового союза — частью одной «фратрии», как назвал Л. Я. Штернберг этот триединый союз. Фратрия эта коренным образом отличается от того понятия фратрии, которое установилось в этнографии со времен работ Моргана. В то время, как фратрия ирокезов экзогамна, внутри гиляцкой фратрии браки не только допускались, но были обязательны¹¹.

Гиляцкая система родства, как сказано, относится к числу классификационных систем. Один и тот же термин обозначает не только отца, но всех его братьев, мужей всех сестер матери и братьев этих мужей. Точно так же один и тот же термин обозначает не только мать, но и всех ее сестер, жен всех братьев отца и сестер этих жен и т. д. Гиляцкая система родства не знает особых терминов свойства, и именно это обстоятельство привело Л. Я. Штернберга к открытию трехродового союза — гиляцкой фратрии. В гиляцкой системе родства имеем:

ахмалк — брат матери = отец жены (тесть)
 нанаханд — сестра отца = мать мужа (свекровь)
 пу, иви — сын сестры отца = муж
 анх, анхей — дочь брата матери = жена и т. п.

По указанию Л. Я. Штернберга, нормы заключения браков среди гиляков были основаны на принципе: «мужчины обязательно женятся на дочерях брата своей матери, иначе говоря, дочери в каждой семье принадлежат от рождения сыновьям сестры отца»¹². Памятуя классификационный характер всех упомянутых здесь терминов, становится ясно, что мы имеем дело не с отношениями отдельных семей, но перед нами взаимоотношения целых родов. В основе их лежит стремление уже заранее обеспечить своим детям возможных супругов. Таким образом, все члены одного рода берут себе жен из другого, точно определенного рода, а сестры их уходят замуж в третий род. В результате оказываются связанными три рода: для каждого из них один род является родом тестя — это род *ахмалк*, тот род, откуда я, мой отец, все мои братья, братья моего отца и т. д. берут жен. Вторым родом является мой собственный род, род моего отца, деда и т. д. (надо сказать, что у гиляков существовал отцовский род). Третьим родом является род зятя — *ымхи*. Все это находит себе подтверждение в брачных нормах гиляков, которые наблюдал Л. Я. Штернберг, а также в терминологии родства. Таким образом, у гиляков род органически связан по крайней мере с существованием двух кровнородственных с ним родов. Следовательно, проблема экзогамии рода появляется в новом свете. Связь родов основана не на отрицательной связи запрета брака внутри рода, но, напротив, на положительном требовании заключения браков с определенным родом. У гиляков связь родов основана на обязательном браке мужчин на дочерях брата матери. Следовательно, перед нами односторонняя форма кузенного брака: сын сестры женится на дочери брата.

К сожалению, работы Л. Я. Штернберга почти не нашли отклика

⁹ Л. Я. Штернберг. Семья и род, стр. V (письмо Л. Я. Штернберга М. А. Кролю от 19 мая 1891 г.).

¹⁰ Л. Я. Штернберг. Гиляки, отд. оттиск, стр. 25; Семья и род, стр. 99 и сл.

¹¹ Л. Я. Штернберг. Семья и род, стр. 109.

¹² Л. Я. Штернберг. Гиляки, стр. 31. Семья и род, стр. 100.

в научной литературе. Лишь в некоторых русских работах его учеников встречаются указания, что в той или иной местности определенные роды связаны с другими родами, откуда из поколения в поколение брали жен. Но упоминания эти весьма отрывочны, и трудно из них извлечь что-либо кроме заключения «о существовании в прошлом союза двух родов»¹³. В зарубежной литературе открытия Л. Я. Штернберга не нашли никакого отклика, если не считать известной статьи Энгельса «Вновь открытый случай группового брака», помещенной в «Neue Zeit» за 1892—1893 гг. Статья эта осталась единственным исключением. Один лишь Энгельс нашел возможным пользоваться работами Штернберга, напечатанными по-русски. Ни один из этнографов Западной Европы и Америки не ознакомился с ними на русском языке; нашли отклик лишь его статьи, переведенные на английский язык. Пожалуй, наиболее полным изложением взглядов Штернберга на английском языке являются страницы, посвященные социальному строю гиляков в работе Гольденвейзера «Totemism, an analytical Study»¹⁴.

«Гиляцкая фратрия» на берегах Амура, описанная Л. Я. Штернбергом, точно соответствует социальной организации многих племен Бирмы и Ассама. Это осталось неизвестным Л. Я. Штернбергу как при его первых исследованиях гиляков, так и позднее, при опубликовании им в 1913 г. своей монографии «Гиляки». Между тем, социальная организация типа гиляцкой «фратрии» была замечена у племен качин почти одновременно с исследованиями Л. Я. Штернберга. Пример социального строя племени качин, несмотря на то, что отчет о нем появился в довольно распространенном этнографическом журнале «Anthropos», остался незамеченным даже в кругах специалистов, изучавших общие проблемы социального строя первобытной общины. Объясняется это, по моему мнению, тем, что материалы об общественном строе качин, сообщаемые французскими и немецкими исследователями, излагают сущность организации очень поверхностно и их можно было оценить лишь зная исследования Штернберга. Правда, многочисленные этнографы, работавшие среди племен юго-восточной Азии, имели в своих руках не менее интересные и, быть может, более точные материалы для заключений о социальном развитии первобытной общины. Но лишь Л. Я. Штернбергу удалось проникнуть в существо социального устройства, названного им «гиляцкой фратрией»; он глубже других разобрал связанные с ней проблемы и указал на связь этих порядков с кузенным браком.

Раньше других внешняя сторона отношений такого типа была описана у племени жи. Еще в 1901 г. при составлении этнографического описания племен Индии, включенного в перепись населения (Census of India), один из чиновников писал: «У жи некоторые определенные семьи, которые мы назовем А, могут брать жен из других семей, которые могут быть обозначены В. Но В не могут брать себе жен среди А, а обязаны искать для себя жен дальше, в других определенных семьях. М-р Джордж описывает это как устройство, при котором одна семья является, так сказать, общим тестем другой семьи и дает жен только членам этой последней»¹⁵. В том же отрывке, несколько раньше, автор пишет: «Вообще говоря, брачные порядки качин являются своеобразным смешением экзогамии и эндогамии». Однако по поводу этих порядков он не говорит ничего, оставляя нас в недоумении, что имеется в виду под этим «своеобразным смешением». Можно предполагать, что

¹³ Упоминания об этом встречаются в работах Н. П. Дыренковой, И. Д. Старынкевич, Л. Э. Каруновской, Н. К. Каргера, Н. А. Липской и др.

¹⁴ Goldenweiser. History, Psychology and Culture, N. Y., 1933, p. 274 sq.

¹⁵ Census of India 1901, vol. XII, Burma, part I, Report by C. C. Lewis, Rangoon, 1902, p. 132—133.

автор, говоря о смещении эндогамии и экзогамии у качин, имел в виду те же порядки, что и у жи. Во всяком случае, из этих слов мы видим, что брачные нормы, существующие у племени жи, в точности соответствуют порядкам, которые наблюдал Л. Я. Штернберг в 1903 г. у гиляков.

Лишь в 1913 г. социальное устройство качин (да и то весьма неполно) было описано французским миссионером Жильод¹⁶. «Во всем, что касается брака,— пишет он,— качин делятся на две группы: *маю-ни* (*mau-ni*) и *дама-ни* (*da-ma-ni*). *Маю-ни* — племя или группа племен, которая поставляет жен; *дама-ни* — те племена, где находятся мужчины». «Человек, говоря о своих тесте и теще и обо всей их родне, называет их *маю-ни*, напротив родители, говоря о своем зяте и о его родных, называют их *дама-ни*». «Племя (или семья), являющееся *дама-ни* в отношении своих *маю-ни*, само, в свою очередь, является *маю-ни* для другого племени, которое для него является его *дама-ни*. Так, в деревне Матан три семьи и три главных ветви: Чьяма-ни, Лацин-ни, Кавлу-ни. Первые берут жен у вторых, вторые у третьих, третьи у первых». Это описание Жильода не оставляет никакого сомнения в отношениях между *маю-ни* и *дама-ни*. Это те же отношения, которые описывал у гиляков Л. Я. Штернберг,— отношения рода *ахмальк* и рода *ымхи*. Если представить себе эти отношения схематически, то мы получаем связь родов по «цепочке» (см. схему 1).

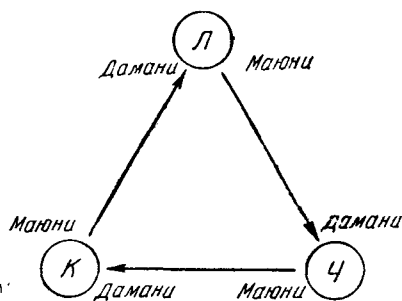

Схема 1

Род Марип (М)
 » Маран (Мр)
 » Нкумни (Н)
 » Лафай (Лй)
 » Латонг (Л)

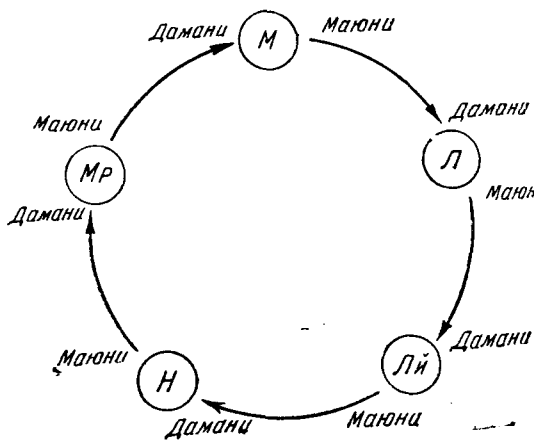

Схема 2

Род Лацин (Л)
 » Кавлу (К)
 » Чьяма (Ч)

Существующая в деревне Матан связь трех родов не является общераспространенной у всех качин. Повидимому, число родов, связанных между собой, бывает различно. Разделение на *маю-ни* и *дама-ни* качин возводит к мифическим *wushet wa takat* — основателям «пяти племен» группы качин. По преданию, эти пять первоначальных родов некогда связаны были между собой следующим образом (схема 2):

Этот древний порядок со временем несколько изменился. «Вначале каждое племя имело своими *маю-ни* какое-либо одно племя. В настоящее время их обычно два. Так, Нкумни имеет своими *маю-ни* племена

¹⁶ Ch. Gilhodes. Mariage et condition de la femme chez les Katchines (Birmanie). *Anthropos*, VIII, 1913, p. 363—375.

Лафай и Марипни; Лафай имеет своими *маю-ни* Латонг и Маранни; Латонг — своими *маю-ни* Марип и Нкумни. Таратни могут брать себе жен согласно древнему обычаю, но для них в настоящее время одно племя подразделено на несколько семей, распределенных на *маю-ни* и *дама-ни*. Обычай требует, чтобы *дама-ни*, будь то Дуни или Таратни, выбирали себе жену из числа своих *маю-ни*. Не следовать этому обычаю означает покрыть себя позором и рисковать остаться без потомства».

Это не вполне ясное в деталях сообщение дает нам указание, во-первых, на то, что браки в определенном направлении у качин освящены обычаем и нарушение их означает бесчестие; во-вторых, что система первоначальной связи родов сбилась под влиянием самых разнообразных обстоятельств. Трудно ожидать устойчивости подобной системы. Для правильного ее функционирования необходим целый ряд особых условий. Прежде всего необходимо, чтобы численность каждого из родов племени, входящих в цепочку, была примерно одинакова, иначе одному из родов не хватит мужей, а другому жен. Кроме того, необходимо, чтобы сохранялась территориальная целостность общины. Наконец, чтобы все эти отношения были ясны, помимо всего, необходимо, чтобы существовал и господствовал при отцовском роде патрилокальный брак¹⁷. Между тем все эти условия могут сохраняться лишь при известной изолированности, когда старинные традиции племени продолжают устойчиво держаться. Кроме того, для сохранения старых порядков необходимо, чтобы тот или иной род не исчез под влиянием военных столкновений. Но как раз племя качин находилось издавна в иных условиях. Вся история его полна столкновениями с соседними племенами. Культура его проникнута бирманскими и китайскими влияниями, и приходится только удивляться тому, что, несмотря на все это, следы древней организации сохранились у него столь устойчиво. К сожалению, до сих пор племя качин, как и его соседи жи, остается почти неизученным.

Та же система взаимоотношений родов значительно лучше изучена у некоторых племен Ассама, по преимуществу у группы, называемой лингвистами группой «старых куки»¹⁸, а именно у чиру, курум-куки, аймоль-куки и др. Одно из них, небольшое племя чиру, насчитывающее всего около 1200 человек, живет в горном районе в юго-западной части государства Мейтей. Чиру, как и большинство племен горных районов Ассама, занимаются земледелием, наряду с которым немаловажное значение имеет и охота. Деревни, отделенные друг от друга на большие расстояния, окружены полями, расположенными по склонам гор. Главную часть земледельческих работ составляет совместная (всей общиной) обработка лесных участков. Расчистка полей производится подсечно-огневым способом. Это — широко распространенная во всем Ассаме так называемая система джум (*jhum*). Она характерна только для горных районов. Поля, расположенные в долинах, находятся в частном владении отдельных лиц, и работа на них производится группами наемных рабочих. В экономической жизни чиру не представляют собой исключения, так как те же формы земледелия и землевладения типичны для большинства горных племен Ассама и Бирмы, как-то: племен группы нага, группы куки, гаро, микир и др.¹⁹

¹⁷ Либо при материнском счете родства — матрилокальный, как у гаро.

¹⁸ По определению G. Grierson'a.

¹⁹ Специально об экономике чиру см. статью индийского ученого Джарака Чандра Дас «Some notes on the economic and agricultural life of a little known-tribe on the eastern frontier of India», помещенную в журнале *Anthropos*, XXXII, 3/4, 1937, pp. 440—449. Некоторые подробности о чиру см. также у Paresch Chan-

У чиру, по сообщениям исследователей, существует пять экзогамных «кланов». Счет родства у них идет по линии отца, и таким образом перед нами отцовский род. Все эти пять родов связаны между собой особыми брачными нормами. «Хотя,— пишет Бозе,— роды экзогамны, однако мужчины и женщины не могут вступать в брак с членами любой из других групп. Их выбор ограничен социальными условиями, и они связаны ими. Во всяком случае мужчина должен предпочтительно брать в жены дочь брата своей матери, а в случае ее отсутствия — девушку из того же рода. Брак с дочерью сестры отца строго запрещен»²⁰. Итак, у чиру мы находим

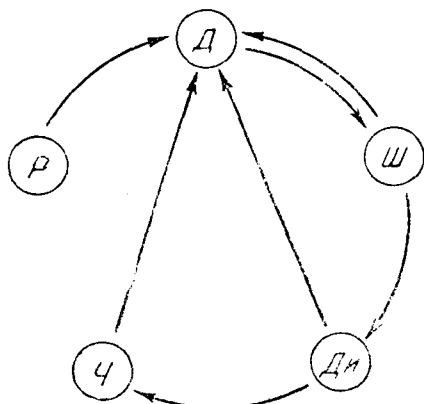

Схема 3.

Мужчина рода:

Данла
Дингтой
Резар
Шампар
Чонгдур

может брать жену из рода:

Дингтой или Шампар
Чонгдур или Данла
Данла
Дингтой или Данла
Данла

Изображаем это в виде схемы (см. схему 3).

Как видно из этого, один из родов, а именно род Данла, связан кузенными браками со всеми остальными родами. Это может быть объяснено тем, что род Данла находится в особом положении, так как считается главным среди всех пяти родов: из членов этого рода избираются деревенские старшины. Это так называемый «царский род» (royal clan)²².

Сведения, собранные в свое время полковником Шекспиром, очевидно, неполны: род Резар оказывается лишенным права заключения браков. Тем не менее, судя даже по его данным, социальное устройство чиру достаточно ясно свидетельствует о существовании у них «цепочки родов»:

Резар → Данла → Шампар → Дингтой → Чонгдур

Бозе, специально занимавшийся социальным строем племен Ассама, для более подробного исследования чиру избрал район, где, по его мнению, лучше сохранилась старинная социальная организация. Местом исследования была большая деревня Нунгша, где еще можно было на-

dra Das Gupta. A note on the Kom People of Manipur, Journ. of the Dep't of Letters. University of Calcutta, vol. XXVII, 1935, pp. 1—7.

²⁰ J. K. Bose. Marriage classes among the Chirus of Assam. Man, vol. XXXVII, 1937, № 180, p. 161.

²¹ J. Shakespear Col. The Lushei Kuki clans, London, 1912, p. 149 sq.

²² Помощник деревенского старосты выбирается всегда из членов рода Резар.

блюдают прежние обычаи. В ней представлены все пять родов племени чиру. Сравнивая их имена с именами, известными по сообщению Шекспира, мы видим, что место рода Дингтой занимает Курунг. Это объясняется местными условиями: Курунг, бывший прежде лишь одной из семейных групп, входил в род Дингтой. Впоследствии эта группа разбогатела, численно увеличилась и так окрепла, что постепенно обособилась и понемногу вытеснила все остальные семейные группы своего рода, заступив его место.

В настоящее время брачные связи между родами, живущими в деревне Нунгша, организованы следующим образом:

Мужчина рода:	должен брать жену из рода:
Резар	Данла (Д)
Данла	Шампар (Ш)
Шампар	Чонгдур (Ч)
Чонгдур	Курунг (К)
Курунг	Резар (Р)

Таким образом, получается следующая схема:

Перед нами та же система, что и у племени качин. Так же связь родов идет по «цепочке», причем каждый из родов является «родом тестя» для одного и «родом зятя» для другого рода. Так же, как и у качин, мужчина берет себе в жены девушку из того же рода, откуда была взята его мать, мать его отца и т. д. В свою очередь девушка выходит замуж за юношу, переходя в тот же род, куда были выданы замуж ее сестры, сестры ее отца, сестры отца ее отца и т. д. Наконец, основой всех этих брачных норм является односторонняя форма кузенного брака, а именно женитьба на дочери брата матери.

Сходные с чиру порядки мы находим также у пурум, которых Грирсон причисляет к одной из подгрупп куки, к «старым куки». Они живут на восточной границе государства Манипур в Ассаме. Как и другие племена горных районов, пурум занимаются примитивным земледелием в его подсечно-огневой форме²³. Несмотря на то, что всех пурум сохранилось ныне лишь около 300 человек, они считают себя отдельным племенем. Племя эндогамно, т. е. браки с другими племенами группы куки, например с чиру, аймоль и др., еще до недавнего времени были запрещены. Лишь в последнее время в этом отношении произошли некоторые изменения. Пурум, по сообщению Таракчандра Даса, представляет собой часть первоначально единого племени, впоследствии разделившегося на две группы: пурум и чауте. Чауте живет в том же районе у Бишанпора, на западном берегу озера Логтак. Обе группы не только сохранили предания об общем происхождении, но и роды их носят одинаковые названия и принцип брачной связи этих родов одинаков у обеих групп.

Пурум разделены на шесть патрилинейных родов: Макан, Маррим, Парпа, Хьенг, Тао и Джульхунг. Кольцевая связь этих родов в настоя-

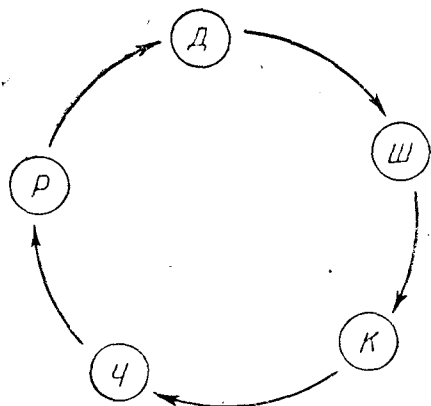

Схема 4.

²³ Tarakchandra Das. Kinship and social organisation of the Purum Kukis of Manipur, Journ. of the Dep't of Letters, Univ. of Calcutta, vol. XXVIII, 1935, pp. 101—114.

щее время не столь единообразна, как у чиру. Так, например, юноша рода Макан может брать жену в любом из четырех определенных родов, тогда как девушка Макан должна выходить замуж обязательно в один род — род Тао. Соответственно целый ряд особых взаимоотношений сохранился между остальными родами, которые связаны между собой по два, по три и т. д. Таракчандра Дас приводит в виде таблицы перечень брачных взаимоотношений родов этого племени. Из нее видно отсутствие единообразия и чрезвычайное смешение.

Мужчина рода:	берет жену из рода:
Макан	Маррим, Парпа, Хьенг, Джульхунг
Маррим	Тао
Парпа	Маррим, Хьенг
Хьенг	Тао
Тао	Макан, Парпа
Джульхунг	Тао

Обратно:

Девушки рода:	уходят замуж в род:
Макан	Тао
Маррим	Парпа, Макан
Парпа	Макан, Тао
Хьенг	Макан, Парпа
Тао	Маррим, Хьенг, Джульхунг
Джульхунг	Макан

Анализ приведенных Таракчандра Дасом сведений показывает, что некоторые из этих родов не что иное, как подразделения одной, первоначально большей группы. Так, например, роды Джульхунг, Маррим и Хьенг находятся в одинаковом положении по отношению к роду Тао. Мужчины каждого из этих трех родов имеют право брать себе жен только из рода Тао, и в то же время между этими тремя родами существуют брачные запреты. Все они вместе представляют собой как бы один экзогамный род. Различие между ними заключается лишь в том, что по отношению к родам Макан и Парпа не все они находятся в одинаковом положении. Это лучше всего можно видеть на схемах 5 и 6 (схема 6 обратна схеме 5).

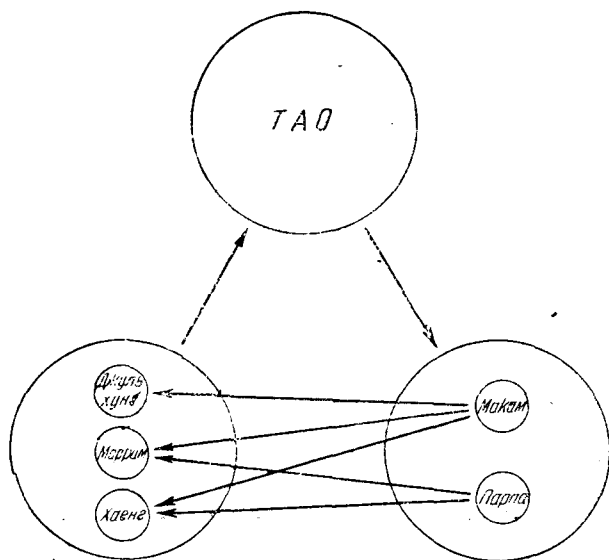

Схема 5.

Направление стрелок показывает, что мужчины одного рода берут себе жен из другого рода

Рассматривая эти схемы, нетрудно заметить, что в третьей из групп, состоящей из двух родов, основным является род Макан, связанный со всеми тремя родами второй группы. Род Парпа (другой из родов третьей группы) находится в особом положении. Он связан лишь с родами Маррим и Хьенг и, что самое существенное, не составляет с родом Макан одного экзогамного целого²⁴. Напротив, между ними возможны брачные связи: мужчины Макан имеют право брать себе жен из рода Парпа. Отсюда следует, что состав второй группы родов

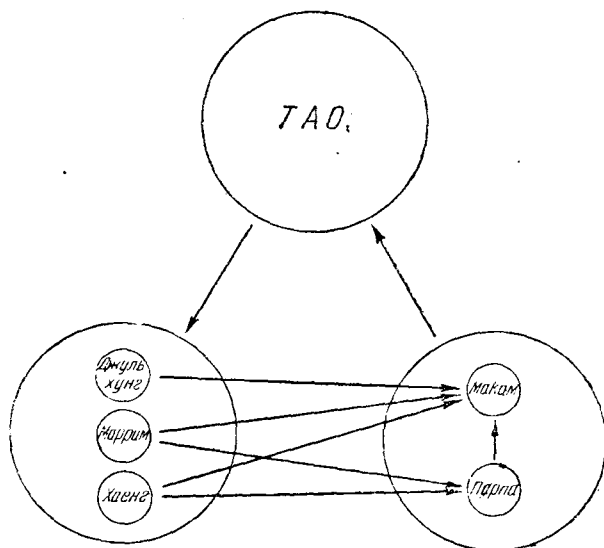

Схема 6.

Направление стрелок показывает, что девушки, выходя замуж, переходят в род мужа

существенно отличается от состава третьей группы. Вторую группу мы имеем полное право рассматривать как единое целое. Третья группа, повидимому, представляет собой сложное целое. Возможно, что некогда существовало и четвертое подразделение, которое затем слилось с третьей группой, т. е. некогда была четырехродовая организация следующего вида:

$$\text{Тао} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{Джунльхунг} \\ \text{Маррим} \\ \text{Хьенг} \end{array} \right\} \rightarrow \text{Парпа} \rightarrow \text{Макан} \rightarrow \text{Тао}$$

Таким образом, несмотря на большую сложность соотношений этих родов, мы имеем все основания видеть здесь ту же кольцевую систему связи, как у качин, чиру и у гияков.

Таракчандра Дас предполагает, что в основе социальной организации дит три довода: 1) значение терминов *maksa* и *pinang*; 2) наличие пурум лежит прежняя дуальная организация. В пользу этого он приво-особых обрядов при похоронах; 3) существование в номенклатуре родства особой группы обращений лиц одного рода к членам другого. «Некоторые своеобразные обряды и термины родства,— пишет Таракчандра Дас,—указывают на существование дуальной организации

²⁴ В пользу гипотезы расщепления свидетельствует, во-первых, образование новых родов, например Инкте, выделившегося из рода Маррим, Пиллинг из рода Хьенг, рода Тейк, выделившегося из Тао (см. указ. соч., стр. 6); во-вторых, при гипотезе слияния трудно объяснить, как могла возникнуть связь всех трех родов второй группы с родом Макан.

в прошлом. Так, например, слово *макса* (*mākṣā*) обозначает мужей дочерей семьи всех возможных поколений. Точно так же жены этих *макса* называются *нинган* (*ningan*). Эти две группы названий, прилагаемых безотносительно поколения, возможно, указывают на соответствующие группы дуального деления²⁵. Как *макса*, так и *нинган* принимают значительное участие в самых важных социальных и религиозных обрядах семьи. Например, во время свадьбы группы *макса* и *нинган* отправляются в дом отца невесты, чтобы отвести ее в дом отца ее мужа. Со стороны жениха никто не может сопровождать ее, кроме них». Затем они приносят из дома жениха в дом невесты *шинсу* и *зу* — специально для этого случая приготовленные особые кушанья и напиток, запретные для всех людей из рода жениха и для всех женщин из рода невесты, в том числе и для самой невесты²⁶. Далее, рассуждает Таракчандра Дас, если в этих обрядах принимают участие все женщины семьи невесты, то «это дает нам общество с двумя экзогамными половинами, где женщины каждой из них должны выполнять известные обычаи вместе со своими мужьями, а дочери, вместо того, чтобы следовать обычаям своей группы, придерживаются обычаев соответствующей (другой) половины²⁷, куда они будут выданы замуж». «Мы можем объяснить запреты в отношении *шинсу* и *зу* только таким образом». Таков первый довод автора. Таракчандра Дас совершенно прав, говоря об объединении в одну группу мужчин рода *A* и женщин рода *B*. Однако, находясь под впечатлением сообщений о группировках подобного типа, столь хорошо известных на примере австралийских племен, где существует дуальная организация, наш исследователь заключил, что этот принцип объединения характерен только для дуальной организации. Но следует вспомнить, что этот принцип характеризует также социальную организацию, существующую у пурум и описанную самим автором. Действительно, система связи родов, которую мы рассматриваем, имеет совершенно те же черты, что и дуальная организация. Из того, что данных терминов два, а не больше, никак не следует, что перед нами только две группы или половины. Рассуждая так, автор упустил из виду, что роды пурум связаны между собой как бы цепочкой, т. е. род *макса* является по существу «родом зятя» (как у гиляков родом *ымхи*), а женщины *нинган* — это женщины «рода тестя». Роды, связанные между собой таким образом, могут быть показаны схематически следующим образом (схема 7):

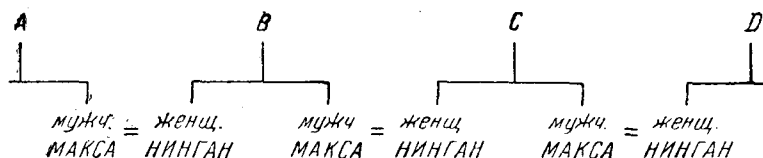

Схема 7.

В отличие от гиляцкой системы обозначений мы здесь имеем противопоставление двух групп: рода мужей (или группы мужей) роду жен (или группе жен), тогда как у гиляков противопоставляется «род зятя» «роду тестя».

Вторым доводом автора в пользу дуальной организации являются особые обычаи при погребении, практикуемые пурум. В погребении умершего сородича его близкие не принимают почти никакого участия.

²⁵ «Perhaps indicate the complementary groups of a dual division».

²⁶ «так как они считаются дочерьми своего рода, а не женами», — добавляет автор.

²⁷ «The customs of a complementary moiety».

Вместо них многие обряды выполняют *макса*, т. е. люди другого рода — мужья их дочерей. Эти *макса* омывают тело покойного, переносят его к могиле и хоронят на родовом кладбище. Таракчандра Дас указывает, что по собранным им сведениям, у пурум ближайшие патрилинейные родственники умершего не делают ничего и лишь присутствуют при погребении. Вспоминая аналогичные обряды тлинкитов и ирокезов, у которых покойного хоронят люди противоположной фратрии, Таракчандра Дас видит и в этом следы дуальной организации. Но эти обычаи существуют и у многих племен, не имеющих дуальной организации, как раз там, где засвидетельствованы следы трехродового союза. Таким образом, сами по себе похоронные обряды еще не являются доказательством прежде существовавшей дуальной организации.

Третий довод заключается в том, что у пурум существуют особые термины обращения мужчин одного рода к женщинам другого. Юноша рода Макан, обращаясь к девушке рода Маррим, называет ее *канауну*, она называет его *купа*. Однако тот же юноша рода Макан, говоря с девушкой рода Тао, называет ее *катуну*, а она назовет его *кану*. Как и другие термины классификационной системы родства, эти термины употребляются очень широко, охватывая всю группу лиц, относящихся к данному роду, безотносительно их возраста. Очевидно, что различие в этих терминах зависит от того, связаны или не связаны между собой данные роды. Вспомним, что соотношения между упомянутыми родами таковы, что род Макан берет жен из рода Маррим, а девушки рода Макан уходят замуж в род Тао. Ясно, что перед нами две группы терминов: 1) обращения к лицам, с которыми брак дозволен, и 2) обращения к лицам, с которыми брак не допускается. Тогда «*канауну*» можно перевести словом «жена» (возможная, потенциальная). Обратный термин «*купа*» соответственно будет обозначать «муж» (возможный, допустимый). Другая группа терминов, «*катуну*» и «*кану*», будет обозначать мужчин и женщин, с которыми браки не допускаются. Все это верно, но никак нельзя согласиться с автором, когда он делает из этого следующий вывод: «Итак, для каждого индивидуума общества пурум лица противоположного пола делятся на две группы: лиц, с которыми брак возможен, и лиц, с которыми он недозволен. Является ли это остатком прежней дуальной организации?» На это можно сразу ответить — нет. Ибо наряду с терминами второй группы, т. е. «*катуну*» и «*кану*», существуют еще термины брат и сестра, отличные от них. При дуальной организации они должны были бы совпасть. Разделение терминов возможно лишь при четырех и более классах, т. е. при более сложных системах типа австралийских классов (брачных). Но как раз при той системе кольцевой связи родов, которая существует у пурум, эти термины вполне объяснимы, и нет необходимости обращаться к австралийским племенам. Впрочем, сам автор предусматривает также иную возможность. Он пишет: «Может быть предложено и другое объяснение. Эти родовые термины обращения могли возникнуть с целью упростить сложные правила, регулирующие браки между членами различных родов, и дать возможность легко избегать запретных и избирать подходящих лиц для брачной жизни». Объяснение это, правда, имеет слишком общий характер, являясь пригодным для всех решительно терминов любой классификационной системы. С объяснением, выраженным в столь общей форме, конечно, нельзя не согласиться.

Итак, рассмотрев все доводы автора, мы не нашли их доказательными. Тем не менее я думаю, что в основе этой системы связи родов действительно лежит дуальная организация. Доказательства этого должны быть иного, более общего характера, так как перед нами явление не местное, имеющее частное значение, а закономерность, отражающая общие законы развития первобытно-общинного строя.

Своеобразные брачные порядки ассамских племен не были предметом специального изучения. Многие племена Ассамы еще ждут своих исследователей. Тем не менее в литературе были сделаны попытки объяснить происхождение вышеописанных брачных норм. Все высказанные до сих пор предположения сводятся к тому, что трехродовая система является результатом сопоставления двух разных систем. Так, по мнению Хеттона, эти порядки явились результатом взаимодействия завоевателей и покоренного населения, а именно: трехродовая система является результатом столкновения дуальной организации пришельцев с дуальной организацией аборигенов, причем низший из классов завоевателей слился с высшим классом коренного населения страны. Это предположение вряд ли может выдержать какую-либо критику, так как дуальная организация не является делением племени по классовому признаку и не предполагает деления на высших и низших²⁸.

Несколько иной точки зрения держится Боз, предполагавший, что трехродовая система явилась результатом столкновения патрилинейного народа иммигрантов с матрилинейными аборигенами. По его предположению, Ассам некогда был населен матрилинейными племенами. Затем одна за другой появились волны патрилинейных иммигрантов, принесших с собой улучшенные методы производства. «Они привлекли к себе внимание своих соседей, и понемногу взаимные сношения с местным населением сделались регулярными. По истечении некоторого времени, когда иммигранты убедились, что они в известной степени руководят местным населением, они попытались утвердить среди него патрилинейные идеи. Это облегчалось склонностью местного населения сливаться с ними». Таким образом понемногу установились патрилинейные порядки, но «прежние матрилинейные инстинкты» не вполне исчезли, и следы старой культуры сохранились в этой системе. Все дело рисуется для Боза следующим образом: при заключении брака мужчина избегает только группу отца, но ему позволено жениться в группе матери; однако женщина должна избегать вступления в брак не только с членами группы отца, но также и группы матери. Различие в положении мужчин и женщин Боз объясняет тем, что среди последних дольше сохраняются матрилинейные традиции и они противятся бракам своих дочерей в пределах своих групп. Таким образом девушка должна выходить замуж в иную группу, чем группы ее родителей. Мужчины, по мнению Боз, «не обращают внимания на это, так как это никоим образом не нарушает их взглядов»²⁹. Искусственность этого объяснения, на мой взгляд, очевидна. Трудно обосновать, например, почему матери противятся браку в пределах своей группы только дочерей, как будто это не может касаться и их сыновей, которые (как и дочери) являются членами их группы.

Связь трехродовой системы с перекрестно-кузенным браком осталась для Боз неясной. Это видно из того, что одновременно с предложенным им объяснением трехродовой системы, о котором только что шла речь, Боз напечатал статью о происхождении перекрестно-кузенного брака. Отмечая в этой работе, что наиболее распространенной формой является брак с дочерью брата матери, Боз предполагает, что это явилось результатом желания пришельцев улучшить экономическое положение семьи своей сестры. С этой целью они ввели брак сына сестры со своими дочерьми. В общем дело рисуется Боз так. На древней матриархальной стадии браки между детьми брата и сестры запрещаются, так как это было бы нарушением «household exogamy». Позднее эта «экзо-

²⁸ J. H. Hutton. *Races of Further Asia, Man in India*, XII, № I, 1932.

²⁹ J. K. Bose. *Origin of Tri-Clan and Marriage Classes in Assam. Man*, 1937, No 410

гамия домохозяйства» исчезла ввиду того, что эти обычаи были не в интересах пришельцев. Мужчина в группе, в которой счет родства шел по линии матери и имущество наследовалось по этой же линии, старался как-либо посодетьствовать семье своей сестры, жени сына сестры на своей дочери. Жена, владевшая имуществом и соблюдавшая обычаи древности, не противилась этому, ибо это не нарушало «экзогамии домохозяйства». Таким образом постепенно утвердился брак с дочерью брата матери. Однако женщины противились тому, чтобы их дочери выходили замуж за сыновей их братьев, поэтому другая форма перекрестно-кузенного брака оказалась запретной. Я не буду следовать далее за изложением Боз, отсылая читателя к его статье³⁰.

Объяснение это не может, конечно, решить проблему перекрестно-кузенного брака. Столь распространенный обычай должен иметь более общую причину. Кроме того, весьма неясным остается утверждение Боза, что некогда браки между детьми брата и сестры были недозволены. Ведь это является исходным пунктом всех его рассуждений. Но это следовало бы еще доказать. Словом, Боз предложил две чрезвычайно искусственных попытки объяснить происхождение трехродовой системы сначала и перекрестно-кузенного брака затем, не уловив их взаимной обусловленности. Один из индийских ученых, Чаттопадайя, указал на связь брака с дочерью брата матери и трехродовой системы. К сожалению, его работы нет в наших библиотеках; я основываюсь лишь на краткой ссылке на его замечания³¹.

Для изложенных здесь теорий характерно одно обстоятельство. Все они исходят из предположения о контакте или столкновении двух групп народов. Эта черта весьма характерна, впрочем, для индийских ученых, так как история их родной страны полна примерами подобных завоеваний. Уместны ли подобные предположения в отношении происхождения трехродовой системы или столь распространенного обычая кузенных браков? Что касается последней проблемы, то односторонний кузенный брак встречается у огромного числа племен земного шара. Что касается Ассама, то такой брак засвидетельствован у племен нага, а именно у лхота-нага и сема-нага, далее у микир, аймоль, куки, гаро, качин, жи, кхаси и вар. Многие племена Ассама до сих пор еще не изучены, и эта форма брака, может быть, существует и у многих других.

Итак, гиляцкая фратрия широко распространена в юго-восточной Азии и не представляет собой изолированно стоящей формы социальной организации. Имеются данные, позволяющие утверждать ее существование также в Индонезии, в некоторых районах северо-восточной Австралии и почти по всей Африке, как в странах негров банту, так и в Судане. Ввиду столь широкого распространения этого типа социальной структуры первобытного общества, сохранение названия «гиляцкая фратрия» нежелательно, так как может повести к недоразумению. Слово «фратрия» имеет прочно установившееся в этнографии значение. Это слово применялось Морганом в совершенно ином смысле. У Моргана фратрия экзогамна. «Гиляцкая фратрия, — писал в свое время Л. Я. Штернберг, — ничего общего не имеет с моргановской, ибо внутри ее браки не только допускаются, но обязательны»³². Кроме того, «гиляцкая фратрия» существует далеко за пределами Амура. Ведь мы не говорим об ирокезском роде у народов Сибири, Индии, Африки и т. д., хотя родовая организация была описана Морганом на примере ирокезов.

³⁰ J. K. Bose. Origin of cross-cousin Marriage in Assam. Nature, February 20, 1937, vol. 139, No 3512, p. 328.

³¹ Работа Чаттопадайя Contact of peoples affecting marriage rules помещена как Presidential Address in Anthropol. section, Indian Science Congress, 1931.

³² Л. Я. Штернберг. Семья и род, стр. 109.

Так как сам Л. Я. Штернберг называл тилицкую фратрию также триединым кровнородственным трехродовым союзом, то я удерживаю это определение и считаю более удобным называть этот тип социальной организации первобытной общины **трехродовым союзом**.

Причины возникновения трехродового союза не вполне выяснены. Замечательно то, что он засвидетельствован преимущественно среди патрилинейных родовых обществ. Прежде чем прийти к окончательному выводу, следует подождать опубликования исследований о социальной структуре племени гаро. Судя по данным Плейфайра, Боза и др., у гаро существует односторонняя форма кузенного брака и в частности брак с дочерью брата матери (так называемый институт «нокром»). Остается неясным, однако, существует ли у гаро трехродовой союз, подобный описанному выше.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Н. СТЕПАНОВ

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЭТНОГРАФИЯ (1845—1861)

В 1855 г. великий русский демократ-революционер Н. Г. Чернышевский в рецензии на одно из изданий Русского географического общества писал: «Деятельность Географического Общества, приносящая столько пользы русской науке, давно уже возбуждает в публике сочувствие, которое должно почитаться совершенно заслуженною наградой его неутомимых трудов»¹. И это не единственное свидетельство внимания Чернышевского к деятельности Географического общества. Ряд рецензий дан был им как на повременные издания, так и на отдельные монографии, вышедшие Обществом. С особенным вниманием относился Чернышевский к деятельности Русского географического общества в области этнографии².

Этнографическая работа с самого возникновения Географического общества заняла в его деятельности прочное и видное место. Место это сохранилось и позже, на всем протяжении столетней истории этого важнейшего русского научного учреждения.

Время с 1845 по 1861 г. может быть выделено как особый и один из интереснейших периодов в истории РГО. Периодизация истории Общества, предложенная в свое время П. П. Семеновым Тян-Шанским в его известном юбилейном издании «История полувековой деятельности Русского Географического Общества, 1845—1895» (три части, СПб, 1896), носит сугубо юбилейный характер и вряд ли может быть принята при научном изучении деятельности Общества. Какую бы роль в организационной и идейной жизни Общества ни играли те или другие его председатели³, деятельность Общества определялась прежде всего

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. I, П., 1918, стр. 416 (рецензия на «Отчет Русского Географического Общества за 1855 год»).

² Значение этнографической науки неоднократно подчеркивалось Чернышевским. В замечательной рецензии на «Магазин земледения и путешествий. Географический сборник, издаваемый Николаем Фроловым», т. III, М., 1854, Чернышевский подробно развил свой взгляд на роль этнографической науки — см. Полное собр. соч., т. I, П., 1918, стр. 222—230. Об этнографических интересах Чернышевского см. Виноградов. Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского. К пятидесятилетию со дня смерти. Сов. этнография, Сборник статей, 3, 1940.

³ Семенов Тян-Шанский, собственно, периодизирует историю Общества по фигурам вице-председателей: вице-председатели были фактически руководителями, председателями Общества, так как официальный председатель — член царствующей фамилии Романовых — играл лишь номинальную роль.

общими историческими условиями. Выделение времени с 1845 по 1861 г. вполне оправдано с этой точки зрения. Это особый период в жизни Общества, когда оно развивало свою деятельность в условиях предреформенной России. Все писавшие о РГО подчеркивают его тесную связь на разных этапах его существования с широкими общественными кругами, с общественной мыслью, чуткость в постановке вопросов, значительную прогрессивную роль, которую оно играло в формировании и развитии русской общественной идеологии⁴. Положение это совершенно бесспорно, и верность его особенно ярко может быть проиллюстрирована на фактах из жизни Общества в предреформенный период.

В нашу задачу входит лишь рассмотрение работы Отделения этнографии РГО. Однако именно в деятельности Отделения этнографии, наряду с деятельностью Отделения статистики, всего ярче отразилась эта черта, характерная в целом для РГО⁵. Отметим сразу же и еще одну сторону жизни Отделения этнографии за данный период. В статьях и трудах, вышедших из-под пера его деятелей, впервые, по существу, ставятся теоретические проблемы в русской этнографии как особой науке, формулируются ее задачи и уточняются ее связи и взаимоотношения с другими родственными отраслями научного знания. Здесь как раз пролегает столбовая дорога русской этнографии 40—60-х годов XIX в.

Уже в докладной записке «Об основании Русского географо-статистического общества», поданной 1 мая 1845 г. будущим вице-председателем РГО Ф. П. Литке министру внутренних дел Л. А. Перовскому, подчеркнута роль этнографической работы в планах будущей деятельности Общества. В записке так много уделено внимания этнографии, что Л. С. Берг, опубликовавший эту записку, считает ее написанной этнографом: «Записка эта, очевидно, составлена Далем, судя по большому месту, какое занимает этнография в программе организуемого общества»⁶. Думается, однако, что если этнограф принимал участие в составлении этой записки, что почти несомненно, или даже был ее единоличным автором, как предполагает Л. С. Берг, то таким этнографом был не В. И. Даль, а будущий председатель Отделения этнографии К. М. Бэр — один из трех инициаторов создания РГО (Литке, Бэр и Врангель). Задачи этнографической работы, изложенные в этой записке, полностью совпадают с идеями программных статей К. М. Бэра. Записка так формулирует задачи будущего Общества «в отношении этнографическом»: «Сия последняя сторона вопроса, т. е. познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов, должна на первый раз преимущественно обратить на себя внимание Общества, по следующим причинам: 1) по быстроте, с которой изглаживаются отличительные черты народности; это порождает опасение, что важные для отечественной истории сведения и события, кои теперь могли бы еще быть сохранены, через немногие десятилетия погибнут невозвратно; 2) по великой важности законов сего рода для антрополога и историка, важности всеми признанной и подавшей повод к учреждению особых этнографических обществ в Германии, Франции и Англии; наконец, 3) потому, что в России, представляющей богатейшее поле для исследований сего рода, ими чрезвычайно мало занимались. Между тем как сведения об этом

⁴ См., например, Л. С. Берг. Всесоюзное Географическое общество за сто лет, М.—Л., 1946; В. М. Штейн. Роль Всесоюзного Географического Общества в развитии русской общественной мысли. Изв. Всес. геогр. о-ва, т. 77, вып. 1—2, 1945.

⁵ Деятельность Отделения статистики в период 1845—1861 гг., довольно подробно рассмотрена в вышеуказанной статье В. М. Штейна.

⁶ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 35.

государстве в географическом, физическом, статистическом и других отношениях со времен императрицы Екатерины II чрезвычайно много продвинулись вперед, напротив к изысканиям Палласа, Лепехина и Георги относительно туземных племен прибыло весьма не много. Разрабатыванием этого поля Общество несомненно бы заслужило признательность всех любителей просвещения, а равно могло бы принести пользу самому правительству, коему нередко подобные этнографические сведения бывают необходимы»⁷.

Приведем аналогичные места из программной статьи К. М. Бэра «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности»⁸:

«Запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен. Народы исчезают и остаются одни имена их. История открытия Сибири показала много имен народов, которые уже не существуют. Некоторые племена близки к уничтожению, напр. Ливы и Кревинги. Хотя небрежение к физическим и нравственным различиям разных племен ведется издавна и вследствие того память о них теряется, но еще есть многое в этом отношении, что могло бы быть собрано и что с течением времени уменьшится и наконец и вовсе исчезнет. Все сведения, кои еще возможно соединить, составляют сокровище, которое с течением времени возрастает в цене». «Действительно, история, или по крайней мере история просвещения, и этнография часто заимствуется одна от другой и в основаниях своих составляют одну и ту же науку. Сравнительная этнография описывает в настоящем те отношения, о коих история повествует, когда они уже прошли ... Но кроме всеобщих сведений о разных степенях просвещения, подробное знание разных народов новейшего времени весьма важно для вывода общих заключений там, где чувствуется недостаток в собственно исторических данных»⁹.

Задачи этнографического исследования Бэр сводил, следовательно, к изучению, главным образом, отсталых «инородческих» племен Российской империи. Материал, полученный в результате этого исследования, может быть с успехом использован антропологом и историком для создания сравнительной истории культуры. Не случайно в своей статье Бэр называет Блуменбаха и Клемма. Труд Блуменбаха «О природных различиях человеческого рода», появившийся в конце XVIII в., был одним из первых законченных систематических трактатов по антропологии. Десятитомная «Всеобщая история культуры человечества» Клемма рассматривала все человечество как единый и цельный организм, давала картину развития культуры, начиная от первобытного состояния человечества, сравнивая и сопоставляя данные о культуре самых различных народов древнего и нового мира. «Сравнительная этнография описывает в настоящем те отношения, о коих история повествует, когда она уже прошла. Таким образом, история образованности человечества, написанная Клеммом, есть не что иное как изображение главных народов в течение времен», — писал Бэр. Программный характер имеет и другая статья Бэра того же времени — «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества»¹⁰. Так же как и К. Риттер, Бэр развивает в этой статье положение об определяющем влиянии географической среды на развитие человечества: «Итак, мы можем сказать, что судьба народов определяется наперед и как бы неизбежно природою занимаемой ими местности»¹¹. Данные

⁷ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 33—34.

⁸ Напечатана в «Записках Русского Географического Общества», кн. I, 1846, стр. 93—115.

⁹ Там же, стр. 94, 102.

¹⁰ Напечатана в «Карманной книжке для любителей земледения, издаваемой от Русского Географического Общества, 1848», СПб., 1849, стр. 195—235.

¹¹ Там же, стр. 210.

сравнительной этнографии о различном характере и уровне культуры отдельных народов находят себе объяснение в данных географии. Вот выводы, сформулированные самим Бэром: «Сблизим теперь в кратких словах все высказанные нами мысли и наблюдения. Наклонение земной оси определяет количество теплоты, получаемой каждой частью планеты, от очертания суши и морей зависит дальнейшее распределение тепла и удобство или неудобство сообщений людей между собой; возвышение и понижение почвы, оказывая сильное влияние на низвержение воды из воздуха, определяет вместе с тем пути, по которым эта вода возвращается в море и образует естественные пути сообщения; хребты гор образуют и разъединяют народы, содержание тепла и воды (вообще климат) определяет производительность почвы и частью само собою,

Академик К. М. Бэр.

а частью посредством этой производительности действует на образ жизни и другие особенности народа; даже отдельные произведения природы оказывают значительное влияние, сами будучи результатом вышеисчисленных физических условий местности. Основываясь на всем этом, можно сказать, что в физических свойствах местности как бы заранее определена судьба народов и целого человечества»¹².

Подчеркнем несомненную зависимость этих взглядов Бэра от идей Гумбольдта и Гердера. На Гердера сам Бэр в своей автобиографии указал как на родственного ему мыслителя. О Гумбольдте, сближая его с Риттером, Бэр писал, что «география в обширном смысле слова сделалась наукою всеобщего интереса, с тех пор, как работы таких ученых, как Гумбольдт и Риттер, наглядно показали, что на лице земли написаны не только законы распространения органических тел, но отчасти и судьбы народов». Общим для идей всех этих ученых являлось представление об историческом процессе как продолжении геофизического процесса и определяющей зависимости исторических явлений от географических условий¹³.

Программные установки Бэра легли в основу многих экспедиционных работ, осуществленных как лично им, так и другими учеными с его помощью. Еще в 1837 г. Бэр лично осуществил экспедицию на Новую Землю. Целью экспедиции было исследование условий и характера животной и растительной жизни на Крайнем Севере с тем, чтобы подойти к разрешению основного вопроса — «что в состоянии создавать природа на севере, при столь незначительных возможностях, которые ей там предоставляют». Те же цели преследовала и экспедиция 1840 г. в Лапландию, осуществленная Бэром совместно с А. Ф. Миддендорфом. Бэр,

¹² Там же, стр. 230.

¹³ Н. А. Холодковский, Карл Бэр, 1923, стр. 83; Э. Л. Радлов. К. М. фон Бэр как философ. Первый сборник памяти Бэра, Л., 1927, стр. 62.

наконец, явился инициатором и идейным руководителем замечательной сибирской экспедиции 1842—1845 гг. А. Ф. Миддендорфа¹⁴.

Как известно, последняя экспедиция Миддендорфа сыграла немало важную роль в самой организации РГО. Миддендорф вернулся в Петербург из экспедиции 20 марта 1845 г., и на банкете, устроенном в честь путешественника, произошел первый обмен мнений о необходимости организации географического общества. Бэр тридцать лет спустя, вспоминая время создания РГО, писал Литке: «Это было славное время, полное оживления. Миддендорф вернулся из Сибири, и мы с своей стороны были одушевлены желанием воздать ему должное»¹⁵.

Являясь одним из инициаторов организации РГО, К. М. Бэр, став первым председателем Отделения этнографии, с той же энергией, что и прежде, взялся за организацию экспедиционных работ под углом осуществления тех задач, которые были сформулированы и в докладной записке об организации РГО и в его программных статьях.

Первым крупным мероприятием Отделения этнографии явилась экспедиция академика Шегрена в 1846 г. в Лифляндию и Курляндию с целью изучения остатков двух племен — ливов и кревингов. Подробная инструкция для Шегрена была составлена самим Бэром¹⁶. Такие же этнографические инструкции были составлены Бэром для Уральской экспедиции 1847 г., в ходе которой Гофманом были собраны этнографические материалы о самоедах, остяках и зырянах, и для экспедиции Ценковского и Ковалевского в Египет и Нубию в 1847—1848 гг.¹⁷.

Развертывая работы по этнографическому изучению «инородческих» племен Российской империи, Бэр бесспорно во многом продолжал традиции XVIII в. Сам Бэр отчетливо понимал эту преемственность. В цитированный выше записке писалось о необходимости продолжать «изыскания Палласа, Лепехина, Георги относительно туземных племен». Традиции XVIII в. Бэр стремился продолжить на базе последних достижений антропологии и сравнительной этнографии, подводя под этнографию и определенную теоретическую основу (зависимость культуры и быта от географической среды) и одновременно стремясь использовать данные этнографии для сравнительной истории культуры.

Одной из задач Отделение этнографии, руководимое Бэром, ставит подготовить труд на подобие труда Георги. В докладной записке Совету общества в 1846 г. Отделение этнографии, отмечая, что «общие сочинения о различных племенах, населяющих Россию, как, например, труд Георги, слишком устарели», проектирует подготовить новый труд по плану Георги — «возможно полное описание различных племен, населяющих Россию»¹⁸.

Большое научное значение для своего времени и программных установок и организационно-руководящей работы Бэра в области этнографии совершенно бесспорно. Однако направление Бэра в области этнографии очень скоро уступило место в деятельности РГО другому течению. Ведущую роль в русской этнографии в конце 40-х и в 50-х годах занимают Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин. Ведущую роль занимают они и в РГО.

При всех научных достоинствах направления Бэра, направление это

¹⁴ Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII—XIX веках. М.—Л., 1940, стр. 189—191, 196—197, 202—203.

¹⁵ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 22—23.

¹⁶ П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского Географического Общества, 1845—1895, ч. I, СПб., 1896, стр. 37—38. «Извлечение из отчета» Шегрена напечатано в «Записках» РГО кн. II, 1847, стр. 253—266.

¹⁷ П. П. Семенов. Указ. соч., стр. 22, 23, 30.

¹⁸ Архив Всесоюзного Географического Общества, дело № 4 за 1846 г. «по занятиям Отделения этнографии России».

мало было связано с жизнью передовых общественных кругов того времени.

Обстановку в РГО в рассматриваемое время ярко отображают мемуары одного из крупнейших деятелей РГО — П. П. Семенова Тянь-Шанского. Некоторый материал, правда ограниченный в силу официального характера издания, дает и его «История полувековой деятельности Русского Географического Общества», в которой изредка промелькнут, среди страниц «объективного», строго фактического изложения событий строчки мемуарного порядка. Семенов отмечает, что РГО, именно как Общество, а не как правительственное учреждение, «не было и не могло быть замкнутой корпорацией», оно «росло, развивалось и крепло непосредственно из русской общественной среды». Большое значение в жизни и деятельности РГО в 50-х годах приобрели «молодые силы» — прогрессивные общественные деятели, поставившие своей целью «способствовать своими незабвенными трудами познанию русской земли и русского народа». Многие из членов РГО явились деятелями реформы 1861 г. По подсчету Семенова, из 50 видных деятелей крестьянской реформы «не менее 20 были до того времени более или менее видными научными или общественными деятелями в среде Русского Географического Общества»¹⁹. Если общественно-политической программой «молодых сил» была ликвидация крепостного права, то научной программой соответственно явилось «изучение русского народного быта», исследование жизни и быта русского крестьянства. Естественно, что центрами сосредоточения «моло-

Н. И. Надеждин.

дых сил» явились Отделения этнографии и статистики.

Идейными руководителями нового направления в Отделении этнографии явились Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин. Председателем Отделения, вместо Бэра, стал Н. И. Надеждин и «непосредственным последствием этой перемены», по словам Семенова, явилось то, что «исследование быта русского народа выступило решительно на первый план деятельности Отделения»²⁰.

Научная деятельность Н. И. Надеждина и его значение в истории русской науки плохо изучены, точнее — совсем не изучены до настоящего времени. О Надеждине писали главным образом как о литературном критике и издателе «Телескопа». Единственная монография о Надеждине, написанная Н. К. Козминым, обрывается на 1836 г., годе закрытия «Телескопа»²¹. Между тем разносторонняя научная деятельность Надеждина в различных областях науки развертывается в основ-

¹⁹ Мемуары П. П. Семенова Тянь-Шанского, т. III, Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861), П., 1915, стр. 2; П. П. Семенов. Указ. соч., стр. XXII, XXVI.

²⁰ П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского Географического Общества, ч. I, стр. 38.

²¹ Н. К. Козмин. Николай Иванович Надеждин, жизнь и научно-литературная деятельность, 1804—1836 г. Записки Историко-филологического факультета С. Петербургского университета, ч. CLXI, 1912.

ном после 1836 г. Значение этой деятельности блестяще, в сжатой, но выразительной формуле оценил еще Чернышевский: «Если бы должно было представить полную оценку всей его ученой деятельности, мы откались бы от такой задачи, превышающей силы наши. По многим и разнороднейшим отраслям науки, особенно касающимся России, он был первым нашим специалистом; по некоторым другим, общим нам с Западной Европой, равнялся с лучшими немецкими или французскими специалистами. Все отрасли нравственно-исторических наук, от философии до этнографии, были так глубоко изучены им, как редкому специалисту удастся изучить одну свою частную науку. Этим страшным запасом знания располагалум необыкновенно сильный, светлый и проныцательный, и потому о чем бы он ни писал, он проливал новый свет на предмет, какой бы науки ни касался, двигал ее вперед. А писал он обо всем, от богословия до русской истории и этнографии, от философии до археологии. Такой многосторонней ученой деятельности не может вполне оценить один человек»²².

В работах литературоведов обычно представление о резком, крутом повороте в литературной деятельности Надеждина после 1836 г. Бесспорно, что если до 1836 г. Надеждин прежде всего — литературный критик, то после 1836 г. он по преимуществу ученый: историк, этнограф и т. д. Однако, при всей разнице этих периодов в жизни и деятельности Надеждина, многое объединяет их с точки зрения основных, руководящих идей его творчества. Если как литературный критик Надеждин «рассматривал литературу как одно из частных проявлений общей народной жизни, требовал, чтобы она сознала свое назначение — быть не праздною игрою личной фантазии поэта, а выразительницею народного самосознания и одною из могущественнейших сил, движущих народ по пути исторического развития»²³, то как историк и этнограф Надеждин ставил прежде всего проблемы происхождения и образования народности и проблемы народной жизни²⁴.

Исторические работы Надеждина были для своего времени замечательным явлением²⁵. Не случайно представители различных направлений и специальностей ставили неоднократно вопрос о том, чтобы, выбрав эти работы из периодических изданий 30-х и 40-х годов, выпустить их специальным изданием²⁶. Замечательная статья Надеждина

²² Н. Г. Чернышевский. Очерки Гоголевского периода русской литературы. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1931, стр. 158.

²³ Н. Г. Чернышевский. Там же, стр. 201.

²⁴ Отмечу, что тот же Чернышевский прекрасно понимал это единство литературной и научной деятельности Надеждина. Видя философский генезис идей Надеждина в философии Шеллинга, Чернышевский вместе с тем отмечал своеобразие и оригинальность творческого пути Надеждина, считал, что он «пошел далее Шеллинга и приблизился, силою самостоятельного мышления, к Гегелю, которого, как по всему видно, не изучал» (там же, стр. 179).

²⁵ К сожалению, до настоящего времени мы не имеем ни одной специальной статьи, посвященной Надеждину как историку. Милюков в своем общем курсе русской историографии явно недооценил Надеждина (см. «Главные течения русской исторической мысли», изд. 3-е, СПб., 1913, стр. 267—268). В противоположность Милюкову, Н. Л. Рубинштейн в курсе русской историографии справедливо рассматривает Надеждина как «видного представителя русской исторической науки», отмечая заслуги Надеждина в области исторической географии и этнографии («Русская историография», 1941, стр. 215, 222, 362).

²⁶ Тот же Чернышевский писал: «Когда исполнится высказанное многими мнение, чтобы издано было полное собрание сочинений Надеждина, почти каждый из наших ученых, чем бы ни занимался он, найдет, что многие важные вопросы его специальной науки лучше, нежели кем-нибудь у нас, объяснены Надеждиным, и будет изучать его труды...» (Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1931, стр. 158). Вопрос об издании трудов Надеждина ставил также И. И. Срезневский, указывая, что они займут не менее шести больших томов (Вестник Рус. геогр. о-ва, 1856, ч. XVI, отдел «Смесь», стр. 15—16). В том же номере Вестника РГО помещен список работ Надеждина (неполный), составленный Г. Н. Геннади (стр. 16—19).

«Опыт исторической географии русского мира» бесспорно составила эпоху в истории русской исторической географии. Выдвинутая в этой работе теория о Прикарпатье как древнейшем гнезде славянского населения наложила глубокий отпечаток на труды русских историков и вплоть до построений А. А. Шахматова явилась одной из ведущих в разработке древнейшей истории славянства²⁷.

Уже в статьях 30-х годов Надеждин дал в общих чертах свое понимание задач этнографической науки. География и этнография, по Надеждину, выступают как «два первые основания истории»²⁸. Этнографическая основа исторического процесса имеет важнейшее значение в судьбах человечества. Отсюда этнография выступает у Надеждина как часть исторической науки, имеющая свои задачи в установлении «исторической истины»²⁹. При общем единстве человеческой природы совершенно очевидно «различие ее в разных народах, издавна отделившихся друг от друга». «Различие народов состоит во множестве частных оттенков одной и той же природы человеческой, которых совокупность составляет так называемую народную физиономию, или, в более тесном значении, относительно только внутренних духовных свойств, народный характер». Важнейшим основанием «этнографического разделения» на народы является язык — «самое резкое и самое прочное клеймо народной самобытности». Но не один язык составляет отличительную черту народной физиономии. Народы различаются и физическими особенностями («особым образованием тела») и психическими («особым сложением духовного организма»). Причины этих различий народов коренятся в географических особенностях местопребывания народа и в особенностях их происхождения («генеалогических особенностях происхождения каждого народа») ³⁰.

В ряде статей 30-х и 40-х годов Надеждин начал и разработку вопросов славянской этнографии. Наибольшее внимание в этот период Надеждин уделяет проблеме происхождения славянства в целом, восточного славянства в частности. Здесь вопросы этнографии тесно смыкались с вопросами исторической географии, к которой Надеждин имел особую склонность. Широко использует он топонимику для разрешения запутанных вопросов древнейшего расселения славянских племен, умело и тонко применяет он ее данные, предостерегая от скороспелых выводов, основанных на случайных сближениях. «Нигде не может быть столько раздолья произволу, мечтательности, натяжкам, как при звуках. Слово все в нашей власти. Оно беззащитно. Из него можно вымучить всякий смысл этимологическою пыткой». Надеждин резко выступает против такой этимологии, которая, по «малейшему, ничтожному созвучию, часто еще основанному на искаженных звуках, соединяла самые несовместимые факты, мешала времена, скакала через расстояния», и требует тщательной предварительной работы над географической номенклатурой, работы, которая восходит от нынешних названий к древним, «старобытным, первоначальным, через весь ряд изменений, которые они вытерпели». С большим мастерством он использует данные топонимики в блестящей работе «Опыт исторической географии русского мира», делая в ней впервые ряд методологических наблюдений, позже прочно вошедших в русскую науку³¹.

²⁷ Историографические судьбы этой теории вкратце даны у Д. И. Багалая. Русская история, т. I, М., 1914, стр. 123—124.

²⁸ «Об исторических трудах в России». Библиотека для чтения, т. XX, 1837, стр. 111.

²⁹ «Об исторической истине». Там же, стр. 159.

³⁰ Там же, стр. 159—160.

³¹ Отметим также следующие статьи Надеждина, посвященные вопросам происхождения славянства и славянской этнографии: «Великая Россия», «Венеды», «Великий Устюг», «Вологодская губерния и Вологда», «Вычегда» — в Энциклопедическом Лек-

В Русском географическом обществе Надеждин впервые нашел широкое поле деятельности для организации этнографической работы в соответствии со своими любимыми идеями. 29 ноября 1848 г. в годовом собрании РГО он выступил с программным докладом «Об этнографическом изучении народности русской», надолго определившим характер работы Отделения этнографии РГО. Уже в самом начале доклада Надеждин подчеркнул, что «главным предметом внимания нашего должно быть то, что именно делает Россию Россиею, то есть — «человек русский!». Положения доклада развивают идеи Надеждина 30-х годов. Этнографию Надеждин делит на следующие разделы: лингвистическая этнография (или этнографическая лингвистика), этнография физическая и этнография психическая. Лингвистическая этнография изучает язык народа — «главный залог и главный признак народности». Лингвистической этнографии нет дела до «письменного», «книжного» языка (это дело филологов), она изучает речь простую, «обыкновенную, самодельную, которую народ составляет себе общим бессознательным участием всех для общего повседневного употребления». Подробно излагает Надеждин содержание «психической этнографии»: она охватывает весь «быт народный», в нее входит и «семейное устройство народа, со всеми его особенностями», и «домохозяйство, и вообще промышленность», т. е. занятия, и «жизнь и образованность общественная, поколику развита народом из себя», т. е. формы общественной жизни, и, наконец, религия — «как народ ее себе придумал или присвоил». Особо выделяет Надеждин вопросы происхождения русского народа и его культурных связей с соседними народностями. Необходимо рассмотреть «таинственный процесс» образования народностей, изучить взаимное влияние народностей, когда происходит «обоюдный размен понятий, нравов, привычек». На севере и востоке славяне сталкивались с чудью — финскими элементами, на юго-западе «многое отзывается частью Азией, изобличает в себе происхождение кавказское или — еще далее — под-алтайское». К этому надо добавить влияние культур: греческо-византийской — из-за Дуная, латинско-польской — из-за Вислы, «немецко-варяжской» — из-за моря. Надо раскрыть эту «многовековую накипь разнородных и разнокачественных элементов». И при всем том, подчеркивает Надеждин, «русский человек не перестал быть человеком русским, не выродился — ни в чужд «белоглазую», ни в сорочину «долгополую», не обернулся ни ляхом — «котоликом», ни немцем — «алюто-ром»...

Важнейшее внимание Надеждин уделяет «русским вне России», русскому населению, находившемуся на территории Австро-Венгрии, в Галиции и Венгрии, подчеркивая «наше кровное родство с огромною массою братьев» за рубежом. На основе впечатлений и материалов, собранных во время путешествия в 1840—1841 гг. по славянским странам, Надеждин набрасывает превосходный очерк быта и культуры зарубежного русского населения³². Путешествие 1840—1841 гг. Надеждина и постановка им в стенах РГО задачи изучения русского и вообще славянского населения за рубежом дали ощутительные результаты. Росли и крепились научные связи русских ученых со славянскими учеными. Сам Надеждин был в переписке с Миклошичем, Яном Коларом, Вуком Караджичем

сиконе, 1836—1838 гг., т. VIII—XII; «О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края» — в книге «Торжественное собрание Одесского Общества истории и древностей», 1840; «Геродотова Скифия, объясненная чрез сличение с местностями» — Записки Одесского Общества истории и древностей, т. I, 1844; «О местоположении древнего Пересечена, принадлежащего народу угличам» — там же; «Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 году по южнославянским землям» — там же; «Племя русское в общем семействе славян» — журнал Министерства внутр. дел, ч. I и др.

³² Доклад Надеждина помещен в Записках Русск. геогр. о-ва, кн. II, 1847.

и др. Несколько позже Надеждина, и безусловно не без его влияния, в том же РГО начинает свою деятельность А. Ф. Гильфердинг.

Приход Надеждина в РГО вызвал резкий поворот в работе Отделения этнографии. Русская этнография становится центральной тематикой Отделения. В новом уставе РГО, утвержденном в декабре 1849 г., подчеркивается, что задачами Отделения этнографии являются «не только антропология в тесном смысле, но и изучение наречий, нравов, обычаев разных народностей и в особенности изучение бытовых сторон жизни русского народа»³³. Крупнейшим мероприятием Надеждина как руководителя Отделения этнографии была организация сбора материала на местах по русской этнографии с последующей обработкой и публикацией в специальном издании — «Этнографическом сборнике». Надеждин лично взял на себя разработку программы. Программа в числе 7000 экземпляров разослана была во все углы России³⁴. Программа ставила задачей собрать материал о тех «классах населения, в коих народные особенности сохраняются наиболее; таковы в племени русском: весь так называемый простой сельский народ, а также и средние классы горожан: мещане, купцы и разночинцы; одним словом, все те, о которых говорится, что они живут еще по-просту, по-русски!». Программа включала следующие разделы: 1) наружность — «все характеристические особенности телосложения и вида», 2) язык — «во всем разнообразии его местных наречий и говоров», 3) домашний быт, включая сюда жилище, утварь, платье, пищу, обычаи и обряды, занятия и ремесла, 4) народные предания и памятники. Некоторые вопросы, стоявшие первоначально в программе, вычеркнуты были в корректуре, как сочтенные, очевидно, нежелательными в высоких сферах. Так, вычеркнутыми оказались вопросы о крестьянском оброке и барщине, а также подводной и рекрутской повинностях. Интересовали эти данные составителя программы в связи с вопросом крестьянского бюджета и народными юридическими обычаями (раскладка на мирских сходках повинностей денежных и натуральных)³⁵.

Рассылка программы на места дала совершенно исключительные результаты. «Со всех концов России начали стекаться в Общество местные этнографические описания, все более интересные и важные», — вспоминает И. Срезневский³⁶. К 1853 г. число присланных рукописей дошло до двух тысяч. РГО создало целую армию корреспондентов. В центре всей этой работы стоял Надеждин: «ни одного даровитого вкладчика не оставлял он без приветов и такими приветами и советами вызывал их к новым трудам» (Срезневский). Рукописи поступали от местной интеллигенции (учителя, врачи), сельского духовенства, крестьянства.

Непосредственным итогом работы по изучению всех этих рукописей явилась подготовка к печати «Этнографического сборника». С 1853 по 1874 г. вышло 6 выпусков, в которых либо в оригинале, либо в обработке появились материалы по русскому народному быту. К. Д. Кавелин так оценивал эти материалы: «Богатство и разнообразие доставленных материалов поразительно. Обнимая все стороны народного быта в мельчайших подробностях, они представляют полную картину современного русского простолюдия, начиная с его наружного вида, одежды, пищи,

³³ П. П. Семенов, Указ. соч., стр. 16; Л. С. Берг, Указ. соч., стр. 48.

³⁴ Разосланное количество экземпляров не могло удовлетворить места. Как отмечено в одном из документов за 1852 г., «в Общество поступают беспреданно требования на нее со стороны частных лиц» (Архив Всес. геогр. о-ва, дело № 5, за 1852 г. «О напечатании и рассылке этнографической программы»). В 1852 г. отпечатано было второе издание программы, столь же быстро разошедшееся.

³⁵ Л. С. Берг, Указ. соч., стр. 146—147.

³⁶ И. Срезневский. Воспоминания о Н. И. Надеждине. Вестник Рус. геогр. о-ва, 1856, ч. 16, отдел «Смесь», стр. 9.

жилья, до тончайших оттенков его речи, понятий, печалей и радостей в домашней и общественной жизни»³⁷. Помимо того, материалы эти были использованы для подготовки нескольких капитальных работ по русской этнографии. Широко использовал их В. И. Даль для «Толкового словаря живого великорусского языка», а также для сборника «Пословицы русского народа», и А. Н. Афанасьев для сборника русских народных сказок. Обрабатывал их и И. Срезневский для проектировавшегося сборника «Памятники народного русского языка и словесности». В редактировании «Этнографического сборника» последовательно принимали участие, помимо Н. И. Надеждина, К. Д. Кавелин, Н. В. Калачов, В. И. Ламанский, В. В. Стасов.

Важнейшее значение из них для организации и направления работы Отделения этнографии в рассматриваемый период имели К. Д. Кавелин и Н. В. Калачов.

К. Д. Кавелин, наряду с Надеждиным, явился центральной фигурой в той смене идейного направления, которая обозначилась в Отделении этнографии в конце 40-х годов. Семенов Тянь-Шанский так характеризует его роль в РГО в своих мемуарах: «Между этими лицами (деятелями РГО.— Н. С.) высокое место по своим блестящим дарованиям, глубокому знанию бытовой истории русского народа и пламенной, страстной и полной самоотверженности преданности идее освобождения крестьян занимал Константин Дмитриевич Кавелин... новые деятели общества обратили усиленное внимание на изучение русского народного быта и аграрных отношений между помещиками и крестьянами, несомненно подготовившее великую реформу последующего царствования. Сам Кавелин принял, конечно, главное участие в этих работах»³⁸. Бесспорно, Семенов крайне идеализирует и реформу 1861 г., и деятелей реформы, и самого Кавелина. Оценка Семенова — это оценка с либеральных позиций. Однако бесспорно и то, что новый курс в работе Отделения этнографии был тесно связан с русской действительностью, русской жизнью того времени. Деятели типа Кавелина делали большое прогрессивное дело, сближая науку с актуальными вопросами современности.

Рамки николаевской России лимитировали программу научного исследования. Выше отмечалось, что в первоначальном варианте программы содержались вопросы о барщине, оброке, подводной и рекрутской повинностях, выброшенные позже в корректуре. Как цензура ограничивала и стесняла научные издания, показывает следующий любопытный документ, опубликованный недавно Л. С. Бергом. В докладной записке, адресованной Советом Общества на имя председателя Общества, указывалось, что «ученое общество не смело печатать на страницах своего

К. Д. Кавелин.

³⁷ «Некоторые извлечения из собираемых в Р. Г. Обществе этнографических материалов о России, с заметками о их многосторонней занимательности и пользе для науки» (К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. IV, Этнография и правоведение, стр. 169).

³⁸ Мемуары П. П. Семенова Тянь-Шанского, т. III, стр. 15, 17.

журнала, например, следующие слова: ни храма Мемфиса или Сезостриса, ни *буддийского монастыря*, ни *религиозных верований* индусов или других язычников, ни признанной всеми государствами за самостоятельную республику в Африке колонии *Либерии*, образовавшейся из свободных негров, и т. д. Занимаясь исторической географией, Общество не смело печатать подтверждений, что такой-то город в Азии упоминается еще в Библии, или при этнографических исследованиях указывать на поверья и предрассудки, или, наконец, говорить, что женщины такого-то инородческого племени *совершают роды не лежа, а оставаясь на ногах*, и т. д. Описывая фауну края, нельзя было упоминать о птицах, водящихся во всей Индии, Африке и других местах и известных в зоологии под названием секретарей (род коршунов) и адъютантов. Все эти слова превращались по заботливости цензора в *капище* Мемфиса или в буддийское *здание*, а другие совершенно уничтожались под цензорским пером. Эпитет *образованных* наций, прилагавшийся где случалось, говоря о народах или государствах Западной Европы, тщательно преследовался и по настоящее время преследуется ценсурой». Далее в записке указывалось, что «всякое описание монастыря, замечательного древностью, отсылается в цензуру духовную; всякое слово об иноверцах — в департамент духовных дел; описание дорог — в главное управление путей сообщения, и т. п.»³⁹.

В условиях цензурного зажима при Николае I, да и при Александре II (цензурные правила смягчены были лишь в 1865 г.) изучение быта русского крестьянства и публикация соответствующих материалов не могли носить всестороннего характера. Когда в 1858 г. в апрельской книжке «Современника» было помещено извлечение из известной записки Кавелина об освобождении крестьян, то цензурное ведомство и редакция «Современника» были подвергнуты взысканию, а идеи Кавелина признаны «вредными» и несогласными с правительственными мероприятиями. Редактор сочинений Кавелина (четыре тома, 1896 г.), опубликовавший ряд материалов о его жизни и деятельности, Д. А. Корсаков, с полным правом мог отметить в предисловии к одной из своих публикаций: «К. Д. Кавелин особенно усердно занялся обработкой этнографического материала, стекавшегося в географическое общество, и находил в нем не только данные для историко-этнографического изучения, но и для определения современного положения крепостного населения. Но последняя цель, до поры до времени, оставалась под спудом, и в царствование императора Николая Павловича могла обнаруживаться только первая — историко-этнографическая».

С каким жаром Кавелин работал над обработкой материалов о русском народном быте, прекрасно рисует письмо его от 8 апреля 1850 г. к Н. Н. Буличу. Это же письмо прекрасно вскрывает весь процесс редакции, всю рабочую кухню редакторов «Этнографического сборника». «Что касается до моих занятий, — пишет Кавелин, — то они теперь почти исключительно посвящены приготовлению к изданию богатых этнографических материалов географического общества. Первый выпуск

³⁹ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 56—57. Таким же ограничениям и стеснениям подвергалась и научно-популяризаторская деятельность Общества. В 1862 г. в среде РГО возник вопрос о чтении в Обществе публичных лекций «по разным предметам, входящим в круг его занятий». Министром народного просвещения А. В. Головным публичные лекции были разрешены, но «под наблюдением относительно сего местной полиции». Рукою Литке на соответствующем документе на полях помечено: «как это понимать?» Не все лекции, проектировавшиеся РГО, были разрешены. Так, не состоялись намеченные лекции Н. И. Костомарова: «О быте малороссийских крестьян» и «Русская земля в Смутном периоде (самозванцы и междоусобица)». Лекции, проведенные в 1863 г. (позже их не было), имели «успех и сочувствие публики». Материалы о чтении публичных лекций в РГО содержатся в деле № 5 за 1863 г. в архиве Всесоюзного географического общества — «О чтении публичных лекций».

(Сборник) составит те из них, которые могут быть напечатаны целиком, с более или менее значительными изменениями в редакции только. Таких №№, составленных по программе этнографического отделения, оказалось 17 или 18. Остальные, в числе слишком 400, будут переработаны, т. е. из них выберется все мало-мальски любопытное и новое, будет сведено систематически, т. е. по известному порядку и плану, и в этом виде издано. Последняя половина этого труда истинно египетская. Читаешь тетради и иногда в них ничего не найдешь, иногда — одно какое-нибудь слово или две строки. Я принял такую методу: все эти места выписываются на кусочках бумаги, которые потом разберутся и будут подклеены одни под другими. Иначе нельзя было составить свода из 400 слишком более или менее толстых тетрадей. За то смею надеяться, что вещь выйдет не дурная и свод составлен будет добросовестно. Прибавить должно, что кроме меня работают над этими материалами еще три человека: Савельев (ориенталист), Сахаров и Срезневский. Савельев взял всех инородцев, Сахаров — сказки, песни, пословицы и загадки, Срезневский — словари и филологические сведения и материалы; я взял почти все остальное о русском, малороссийском и белорусском племенах, т. е. описание жилья, пищи, одежды, общественный быт и юридические обычаи, игры, праздники и поверья. К печатанию первого выпуска приступим после святой; свод будет долго делаться; работа копотная и трудная»⁴⁰.

Кавелин не только организатор (наряду с Надеждиным) важнейшей коллективной работы Отделения этнографии в конце 40-х и в 50-х годах. С именем Кавелина связан комплекс новых идей в этнографической науке, новое слово в самом методе изучения этнографических явлений. Кавелин как теоретик-этнограф — особая тема и тема, лишь отчасти входящая в историю этнографических работ в рамках РГО. Основные теоретические работы Кавелина не связаны с Отделением этнографии РГО. Поэтому здесь мы их коснемся лишь частично.

Характерной чертой этнографических работ в России до 40-х годов XIX в. был прагматизм, формальное описание этнографических явлений и фактов, не раскрывавшее их исторических корней и тем самым не раскрывавшее сущности этих явлений и фактов. Типичными в этом отношении являлись работы таких этнографов, как Терещенко, Снегирев, Сахаров и др. Первые удары этнографическому прагматизму нанесены были Бэром и Надеждиным. Бэр сближал этнографию с антропологией и географией, искал ключ к объяснению этнографических явлений в данных антропологии и географии. Надеждин, подметив связи этнографии с исторической географией и лингвистикой («лингвистическая этнография»), вскрыл сложный характер образования, происхождения народности и тем самым поставил проблему народности как историческую проблему. Кавелин внес принцип историзма в этнографическую науку в целом.

Новое понимание задач этнографической науки, выводившее ее из тупика этнографического прагматизма, — формального описания этнографических фактов, вытекало из особенностей развития русской исторической науки в 40-х и 50-х годах XIX в. «Новая историческая школа, главными представителями которой были гг. Соловьев и Кавелин»⁴¹, исходившая из понятия о народе как живом организме и об истории народа как органическом развитии его исконных бытовых начал в обстановке природных условий и внешних влияний, раскрывавшая закономерности развития из основных форм быта и юридической жизни, тре-

⁴⁰ К. Д. Кавелин. Три неизданных монографии по крестьянскому вопросу 1857—1864 гг., с предисловием Д. А. Корсакова. Русская старина, 1887, февраль, стр. 438—439.

⁴¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1931, стр. 205.

бовала особого внимания к современному народному быту, в котором сохранились его старинные формы и обычаи. Изучение современного народного быта нужно было для понимания самой истории. Тем самым, с одной стороны, этнографические явления включались в общий комплекс исторических явлений, а с другой стороны,— эти явления по необходимости рассматривались не *in statu*, а исторически, с раскрытием их корней. «Всякое явление в жизни народа, как бы это явление ни было, повидимому, случайно, должно рассматриваться в истории по отношению к внутренним условиям народной жизни; оно объясняется или в свою очередь объясняет их»,— писал С. М. Соловьев.

В своей знаменитой статье «Взгляды на юридический быт древней России» (1847) Кавелин резко подчеркнул значение современного народного быта для раскрытия исторического процесса развития народа. «Где ключ к правильному взгляду на русскую историю?» — ставил вопрос Кавелин и отвечал: «Ответ простой. Не в невозможном отвлеченном мышлении, не в почти бесплодном сравнении с историей других народов, а в нас самих, в нашем внутреннем быте»⁴². Этнографические факты имеют важнейшее значение для изучения исторического прошлого народа. «Ищите в основании обрядов, поверий, обычаев-былей когда-то живых фактов, ежедневных, нормальных, естественных условий быта, и вы откроете целый исторический мир, которого тщетно будем искать в летописях, даже в самых преданиях, ибо народ иногда и не помнит, как он жил в отдаленной старине, и не понимает следов этой жизни в настоящем»⁴³. Этнографические явления и факты, с которыми сталкивается современный исследователь,— сложные явления, разобраться в которых можно только пользуясь методом исторической критики. Только исторический подход раскрывает сущность этих явлений и объясняет их. «Наши простонародные обряды, приметы и обычаи, в том виде, как мы их теперь знаем, очевидно сложились из разнородных элементов и в продолжение многих веков. Все, что имело на Россию более или менее положительное влияние извне, все эпохи ее внутреннего исторического возрастания проводили какую-нибудь черту в обрядах и обычаях, прибавляя к ним новое, изменяя, уничтожая или переименовывая старое. Вследствие этой беспрестанной, хотя и медленной, перестройки наши обычаи и обряды представляют самый нестройный хаос, самое пестрое, повидимому бессвязное, сочетание разнороднейших начал. Развалины эпох, отделенных веками, памятники понятий и верований, самых разнородных и противоположных друг другу, в них как бы набросаны в одну груду в величайшем беспорядке. Подвести их под систему, объяснить из одного общего начала невозможно, потому что они составились не по одному общему плану, не суть порождение единой творческой мысли. Чтоб внести сколько-нибудь света в эту массу отрывочных, отчасти искаженных и обесмысленных фактов, остается одно средство: разобрать их по эпохам, к которым они относятся; по элементам, под влиянием которых они образовались, и потом с помощью способов, на которые указывает историческая критика, восстановить, сколько возможно, внутреннюю связь этих эпох и последовательность преемственного влияния этих элементов»⁴⁴.

В статьях, посвященных русскому народному быту, Кавелин дал блестящие образцы применения исторического метода к анализу этнографических явлений. Отметим особенно такие статьи, как обширная рецензия на «Быт русского народа» Терещенко и статья об этнографиче-

⁴² К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. I, Монографии по русской истории, СПб. (год не указан), стр. 10.

⁴³ К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. IV, Этнография и правоведение, СПб. (год не указан), стр. 50.

⁴⁴ К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. IV, стр. 33.

ских материалах РГО. В них Кавелиным высказаны замечательные мысли о генезисе обрядов и поверий, дана резкая, острая критика исследователей, которые склонны были в русском быту все объяснить заимствованиями, нарисована картина развития верований и развития общественного и домашнего быта славян (род, семья) и т. д.⁴⁵

Продолжателем идей Кавелина в этнографии явился другой выдающийся деятель РГО — Н. В. Калачов, возглавивший Отделение этнографии в 1860—1865 гг.

П. П. Семенов в своих мемуарах характеризует Калачова как одного из наиболее горячих сторонников ликвидации крепостного права. Еще за 20 лет до реформы Калачов занимался «устройством быта крестьян» в своих родовых имениях в Саратовской губернии. Здесь же он «ознакомился с бытом русского народа» и изучил обычное право⁴⁶. В РГО Калачов вступил уже известным историком-юристом, автором ряда работ по истории русского права. В 1850 г. Калачов предпринял издание, получившее широкую известность, — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России». Вокруг этого издания объединились историки, историки-юристы, этнографы, историки литературы, фольклористы и т. д. Сотрудниками издания были Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, И. Е. Забелин, Ф. И. Буслаев, Н. Афанасьев, И. Срезневский, И. Снегирев и др. В предисловии к первой книге «Архива» издатель писал: «Главное внимание в настоящем случае мы будем обращать на внутренний быт нашего отечества и народа, имея в виду ту тесную, неразрывную связь, которою во всех отношениях соединяется Русь древняя с новой»⁴⁷. История русского права для Калачова сливалась с историей русского народа, с историей его быта и культуры. «Архив» Калачова соответствовал тем идеям, которые пропагандировались в Отделении этнографии РГО Надеждиным и Кавелиным. И Калачов сам подчеркивал это в своем издании. «Признавая не только полезным, но и отрядным явлением обнаружившееся в последнее время стремление к нашей науке изучать самостоятельно русский народный быт, мы считаем

Н. В. Калачов.

⁴⁵ Автор единственной специальной статьи о Кавелине как этнографе — М. И. Кулишер подчеркивает, что в трактовке некоторых вопросов Кавелин превосходил Тэйлора и Мэна («Кавелин и русская этнография», Вестник Европы, 1885, август, стр. 657—665). К этому стоит добавить, что Кавелин до Мак-Леннана подошел к пониманию того социального института, который шотландский ученый назвал экзогамией; «Обычай отдавать девушек замуж в далекую сторону», — писал Кавелин, — доказывает, что древнейшие общины состояли каждая из одной семьи, рода, между членами которых не бывало брака» (Кавелин, т. IV, стр. 125).

⁴⁶ Мемуары П. П. Семенова П. П. Семенова Тян-Шанского, т. III, Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861), П., 1915, стр. 160.

⁴⁷ «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. 7, М., 1850, стр. 3.

долгом пополнять, по возможности, издаваемые с этой целью сочинения и материалы, будучи уверены, что только взаимным содействием ученых обуславливается полнота и отчетливость всех трудов подобного рода»⁴⁸. В 1859 г. Калачов организует новое фундаментальное издание — «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России». Новое издание продолжило прежнее издание с тем отличием, что акцент в новом издании ставился на «практических сведениях». Оно должно было знакомить «с теми данными настоящего времени, которые, представляя картину современного быта в разных слоях русского общества и в разных частях России, могли бы притом служить полезным указанием способов, применяемых правительством или предполагаемых частными лицами для лучшего удовлетворения признаваемых ими потребностей»⁴⁹. Центральной темой нового издания явился крестьянский вопрос, взятый и в историческом плане (материалы по истории крепостного права), и в бытовом (обычаи крестьян в различных местностях), и в юридическом. В том же 1859 г. Калачов, работая как член известных редакционных комиссий, зачитывает в заседании доклад «О прекращении крепостного права».

В 1860 г. Калачова избирают председателем Отделения этнографии РГО. Совершенно не случайно избрание Калачова. В эти годы развязывался узел многовековой крепостной зависимости крестьянства, и внимание передовой русской этнографии сознательно направлялось в сторону изучения не просто быта, но прежде всего юридического быта русского крестьянства. Вдохновителем этой линии в русской этнографии и ее блестящим организатором становится Калачов. В ряде первоклассных статей Калачов разрабатывает различные вопросы, связанные с юридическим бытом русского крестьянства («Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях», «Очерк юридического быта великорусских крестьян в XVII столетии», «Артели в древней и нынешней России», «О волостных и сельских судах в древней и нынешней России», «Некоторые данные о разработке материалов в наших архивах и об изучении нашего народного быта»). Отметим практическую заостренность всех этих работ Калачова. Одна центральная идея пронизывает их. Обычное право народа, развивавшееся «самобытно и с незапамятных времен», не только объект для изучения юристов и этнографов, восстанавливающих по отдельным пережиткам целые институты в прошлом; оно и сейчас продолжает оставаться живым народным правотворчеством, органически увязанным с особенностями самого народного быта; правительство должно не только бережно и внимательно отнестись к этому правотворчеству, не стесняя его ненужной регламентацией, но и многое взять из него в создании новых правовых норм пореформенной России. Особенное внимание Калачова привлекают такие юридические формы, как артели, а также волостные и сельские суды. «При совершившемся освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости, стеснявшей сельскую промышленность, и при других благоприятных условиях для общественной деятельности, товариществам, коих члены связаны между собою артельным началом, предстоит значительное развитие», — пишет Калачов в статье об артелях. «В виду такого развития артельного начала, желательно, чтобы оно не было стесняемо преждевременной регламентацией и могло выработаться свободно в среде самого народа»⁵⁰. Важное значение придает Калачов волостным и сельским судам, как органам, где доньше часто действуют нормы обычного права. Целью статьи, посвященной этому вопросу, было для

⁴⁸ Там же, стр. 4—5.

⁴⁹ «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. I, СПб., 1859, стр. III.

⁵⁰ Н. В. Калачов. Артели в древней и нынешней России.

него — «представить мысли относительно тех основных положений, которые должны быть ...приняты во внимание при необходимо предстоящем изменении в составе, предметах ведомства и делопроизводстве означенных судов»⁵¹. Отметим, что, приняв непосредственное участие в составлении новых судебных уставов, Калачов настоял, чтобы в Устав гражданского судопроизводства внесена была статья (130-я), позволяющая мировым судам при постановлении решений руководствоваться также местными народными обычаями.

Важнейшим делом Калачова как председателя Отделения этнографии РГО явилась разработка программы для собирания материала о народных юридических обычаях. Программа была разработана Калачовым совместно с Муловым и напечатана в VI т. «Этнографического сборника» (1864). Как своевременно поставлена была эта задача Калачовым, показывают следующие факты. В 1863 г. в «Киевских губернских ведомостях» была напечатана программа по южнорусскому обычному праву. В 1864 г. аналогичная программа по русскому праву была опубликована в «Архангельских губернских ведомостях». Необходимость постановки работы по собиранию материалов по обычному праву осознавалась в различных уголках России. Ведущее значение для дальнейшего развития этнографии имела, однако, не программа киевская или архангельская, а именно программа Отделения этнографии, созданная по инициативе Калачова. Эта программа, как писал о ней Л. Н. Майков, «быстро разошлась по разным концам России, всюду возбуждая внимание наблюдателей быта народного»⁵². Программа РГО по обычному праву имела значительное влияние на развитие изучения в России обычного права, вызвала на это поприще многих новых деятелей и создала целую литературу. Ее перепечатали многие губернские ведомости с различными дополнениями, многие губернские статистические комитеты (в Архангельске, Самаре, Ярославле и др.) включили в свою работу вопросы программы. В прямой связи с программой стоят и такие превосходные работы, как работы П. С. Ефименко о народных юридических обычаях крестьян Архангельского края, Кострова о юридических обычаях крестьян-старожилов Томской губ. и др. Работа по изучению обычного права русского народа в Отделении этнографии далеко выходит за рамки рассматриваемого нами периода. Важнейшим итогом работы явилось издание в 1878 г. превосходного «Сборника народных юридических обычаев», где были помещены статьи Калачова, П. С. Ефименко, А. Я. Ефименко, Кострова, Самоквасова и др., а также новые программы по собиранию материалов по обычному праву, составленные Матвеевым и Фойницким⁵³.

Этнография русского народа — центральная тематика Отделения этнографии в 50—60-х годах XIX в. Надеждин, Кавелин, Калачов — наиболее выдающиеся организаторы и идейные руководители этнографической работы в РГО в эти годы. Идейно связано с этой линией и изучение русской и славянских народностей за государственными пределами тогдашней России. Зачинателем и здесь был Надеждин. Продолжателем его явился А. Ф. Гильфердинг. В изданиях Общества за эти годы помещен ряд статей по этнографии карпатских украинцев, черногорцев, македонских славян, болгар, кашубов (балтийских славян). В V томе «Этнографического сборника» помещена переводная статья Лежана об этнографии Европейской Турции с первой этнографической ее картой, на которой было изображено распространение на Балканском полуострове славянских народностей. А. Ф. Гильфердингом в 50—

⁵¹ «Сборник государственных знаний». под редакцией В. П. Безобразова, т. VIII, стр. 128, примечание.

⁵² «Двадцатипятилетие Русского Географического общества», СПб., 1872, стр. 50.

⁵³ Записки Рус. геогр. о-ва по Отделению этнографии, т. VIII, 1878.

60-х годах в изданиях Общества были напечатаны: статья «Босния в начале 1858 г.»⁵⁴, капитальный труд о Боснии и Герцеговине⁵⁵, статья «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря»⁵⁶ и, наконец, «Старинный сборник пословиц»⁵⁷.

Еще в начале 50-х годов Гильфердинг выступил с исследованиями, посвященными славянской филологии, обратившими на себя внимание как специалистов-филологов, так и представителей передовой общественной мысли (Чернышевский)⁵⁸. В последующих трудах — «История балтийских славян» и «Письма об истории сербов и болгар» Гильфердинг уже вплотную подошел к вопросам славянской этнографии. Работа над вопросами славянской филологии и истории выявила для Гильфердинга необходимость расширения круга источников, показала необходимость обращения к непосредственным наблюдениям жизни зарубежных славян и к материалам в зарубежных архивах. Гильфердинг едет за границу. Назначенный консулом в Боснии и Герцеговине, Гильфердинг соединяет служебные дела с продолжением научных трудов. В 1856 г. в «Русской Беседе» Гильфердинг печатает статью «Народное возрождение сербов лужичан в Саксонии», где впервые выступает как полевик-этнограф. В статье описывается современная жизнь лужичан, приводятся образцы их поэзии. «Эти 160 000 людей среди миллионов немецкого народа сохранили до сих пор свою славянскую речь, свой особый быт, свое стародавнее наименование сербов», — подчеркивает Гильфердинг. Вековую борьбу славянства против агрессии немцев и живучесть славянской культуры в немецком окружении на Западе подчеркивает Гильфердинг и в таких трудах, как «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века» и «Остатки славян на берегу Балтийского моря». Любовно описывает Гильфердинг быт и культуру балтийских славян-кашубов. В 1857 г. Гильфердинг предпринял путешествие по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии и дал яркое и живое описание своего путешествия. Срезневским эта книга была оценена как «замечательнейшее явление этого рода», как книга, которая «не может быть заменена никакою другою и всегда останется источником для исследователя»⁵⁹. Перед читателем встают жизнь и быт сербов на фоне путевых впечатлений и картин природы, даются сведения о племенных и социальных группах населения, описывается их хозяйство, жилища городского и сельского типа, религиозная и обрядовая жизнь и т. д. Книга содержит значительный материал текстов произведений народной словесности, записанных самим путешественником от исполнителей-сербов. «Эпическая поэзия так жива в Боснии, как она могла быть жива в Греции во время Гомера. Там нет даже старцев, слепцов (как, например, в Сербии и Далматии), которых специальное занятие и ремесло — петь песни; нет — в Боснии слепцов не нужно: каждый человек знает песни и поет их. Эпические преимущественно принадлежат мужчинам, лирические — женщинам», — пишет Гильфердинг.

Гильфердинг осуществил то, о чем ставил вопрос еще Надеждин. Благодаря Гильфердингу Отделение этнографии РГО расширило территориальные границы своих исследований и осуществило изучение славянских народностей за пределами России.

⁵⁴ Напечатана в Вестнике Рус. геогр. о-ва, ч. XXIII, 1858.

⁵⁵ Напечатана в Записках Рус. геогр. о-ва, кн. XIII, 1859.

⁵⁶ Напечатана в Этнограф. сборнике, вып. V, 1862.

⁵⁷ Напечатана в Записках Рус. геогр. о-ва по Отделению этнографии, т. II, 1869.

⁵⁸ Труды А. Ф. Гильфердинга: «О сродстве языка славянского с санскритским», 1853; «Об отношении языка славянского к языкам родственным», 1858. Рецензии Чернышевского в I т. Сочинений, П., 1918, стр. 1—8 и 170—177.

⁵⁹ И. И. Срезневский. Разбор сочинения Гильфердинга «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии». XXIX присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград, СПб., 1860.

Этнография русского народа, как центральная тематика, и этнография славянских народностей за рубежом, как тематика, тесно в научном отношении смыкающаяся с первой, — такова главная линия этнографической работы в рамках РГО в 50—60-е годы.

Снята ли была тем самым тематика К. М. Бэра? Она была снята как главная и центральная (в идейной направленности Бэра) и сохранена как тематика, имеющая свое законное место в общем объеме этнографических работ в России. Краткой характеристикой этнографического изучения нерусского населения в РГО в эти годы мы и закончим свой обзор.

Вслед за программой по собиранию материалов по этнографии русского народа в 1850 г. была составлена особая программа для собирания сведений об «инородческом населении» России. В 1856 г. эту программу перерабатывали и дополняли П. С. Савельев, П. И. Саввантов и др. Для проектировавшейся в 50-х годах Камчатской экспедиции была составлена особая программа этнографических исследований особой комиссией под председательством Н. И. Надеждина, в состав которой входили К. М. Бэр, П. И. Кеппен, А. М. Шегрен, В. В. Григорьев и др.⁶⁰

IV выпуск «Этнографического сборника» (1858) сплошь был посвящен этнографии нерусского населения. В него вошли статьи о карагасах, самоедах, минусинских татарах, черемисах, материалы Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках.

Большой картографический материал о расселении народностей в России собран был П. И. Кеппеном, поставившим себе задачу нанести на карту Европейской России в губерниях с преобладающим русским населением «все поселки, занятые инородческим населением». Этнографическая карта Европейской России была выполнена Кеппеном в 1851 г., а в следующем году написана и объяснительная записка с двумя таблицами, заключающими в себе числовые данные об «инородческом населении».

Географическое общество оказало большое содействие в организации путешествия Европеуса для изучения финских племен на Терский берег. Этнографические задачи ставились и для комплексных экспедиций, организованных самим РГО. Этнографическое изучение в Хорасанской экспедиции 1858 г. проводил сам начальник экспедиции Н. В. Ханьков⁶¹. Интересные данные о туркменах собраны были в 1858 г. М. Н. Галкиным-Врасским⁶².

Отделением этнографии в 1862 г. проектировалось издание особой «Карманной книжки для любителей этнографии инородцев». Была разработана программа, которая и рассматривалась в Академии Наук особой комиссией в составе академиков Бетлинга, Видемана, Шифнера и Вельяминова-Зернова⁶³.

Но особенно большая работа в этом отношении развернулась в филиалах Общества: Кавказском и Сибирском отделах, открывшихся в 1851 г. С 1852 по 1862 г. Кавказским отделом было издано 6 книг

⁶⁰ Программа вошла в общий «Свод инструкций для Камчатской экспедиции, принимаемой Русским Географическим обществом», напечатанный в 1852 г. Экспедиция иначе называлась еще «Камчатско-Американской», так как проектировались работы и в российских владениях в Северной Америке. Интересные материалы о разработке инструкций и планах экспедиций содержатся в Архиве Всесоюзного геогр. о-ва, дело № 22 за 1851 г., «О составлении инструкций для Камчатской экспедиции».

⁶¹ Труд Н. В. Ханькова «Mémoire sur l'ethnographie de la Perse» был опубликован в Париже в 1866 г.

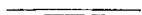
⁶² Труд Галкина «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю» опубликован в 1860 г. Предварительно часть этих материалов была опубликована в т. I Записок Русск. геогр. о-ва по Отделению этнографии, 1867.

⁶³ Архив Всес. геогр. о-ва, дело № 9 за 1862 г. «Об издании карманной книжки для любителей этнографии инородцев».

«Записок Кавказского отдела». Сибирским отделом с 1856 по 1863 г. также было издано 6 книг «Записок».

С большим сочувствием на оба издания откликнулся Н. Г. Чернышевский. В рецензии на 1 книгу «Записок Сибирского отдела» Чернышевский, рассказав об истории организации Сибирского отдела и о плане нового издания, отметил, что «успех других предприятий и достоинства прежних изданий Географического общества могут быть порукою» в успешности нового предприятия. «Распространение сведений о таком крае, какова Сибирь, еще мало описанная и исследованная страна с огромной будущностью впереди, есть дело, имеющее все права на внимание и сочувствие образованной публики», — писал Чернышевский⁶⁴.

За 15 лет (1845—1861) Отделением этнографии РГО пройден был большой творческий путь. Отделение этнографии явилось в эти годы основным центром организации этнографической работы в России. Десятки книг, сотни статей, многочисленные экспедиции — итог его плодотворной работы. В кипучей работе, в столкновении различных идей и взглядов пролагались пути дальнейшего развития этнографической науки, формулировались ее задачи и уточнялись ее методы. Связанное тысячью нитей с русской жизнью, с русским обществом Русское географическое общество обросло обширной корреспондентской сетью, явилось подлинным организатором этнографической работы и на местах, во всех уголках Российского государства. С большим сочувствием и вниманием следили лучшие люди России того времени за деятельностью нового научного центра. Рупор передовой общественной мысли, Н. Г. Чернышевский, как бы подводя итог десятилетней работе Общества, в 1855 г. с полной отчетливостью выразил это, отметив, что «деятельность общества, сочувствие и содействие его трудам с каждым годом усиливается»⁶⁵.

⁶⁴ Полное собрание сочинений, т. II, 1918, стр. 324—328 (рецензия на «Записки Кавказского отдела») и 578—583 (рецензия на «Записки Сибирского отдела»).

⁶⁵ Полное собрание сочинений, т. I, 1918, стр. 418—419.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ АВТОРЕФЕРАТЫ

В. В. ГИНЗБУРГ

МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИИ ГУННОВ И САКОВ

*(Антропологические материалы из курганов у г. Янги-Юль,
близ Ташкента)*

Палеоантропологические материалы из Средней Азии имеются в очень скудном количестве. А между тем, именно в этой области, где с давних времен, в ходе исторического процесса, соприкасались многочисленные народы, как автохтонные, так и приходявшие с самых разнообразных сторон и имевшие разные расовые типы, — антропологические материалы могут служить хорошим историческим источником. Находки последних лет начали восполнять этот пробел.

Материалы из раскопок Г. В. Григорьева под Ташкентом в 1938 г., несмотря на их малочисленность, представляют интерес вследствие их характерности и помогают пролить свет на происхождение древних народов Средней Азии.

Мы получили 4 (частью неполных) черепа из катакомбных погребений, относимых Григорьевым к началу нашей эры, принадлежавших, повидимому, гуннам (усуням), и 3 черепа, относимых к V—III вв. до н. э., находившихся в общей катакомбе кургана № 12 в скорченном положении и принадлежавших, по Григорьеву, сакам¹.

Даем краткую характеристику материалов, которые хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР за № 5770.

Гунны (усуни?)

1. № 62, К-10 (рис. 1). Хорошо сохранившийся череп мужчины молодого возраста (30—35 лет). Черепная коробка брахикранная, пентагоноидной формы, с плоским, возможно, искусственно деформированным затылком, средненаклоненным лбом, среднеразвитым надпереносьем и хорошо развитыми надбровными дугами. Скулы значительно выступают, собака ямка глубокая. Выступление носа среднее. Профиль носовых костей вогнутый; спинка носа угловатая. Орбиты средней высоты. Расовый тип брахикранный, европеоидный, с оттенком монголоидности. Повидимому, в основе лежит памиро-ферганский тип, с примесью южносибирского.

2. № 65, К-8. Несколько поломанный череп, повидимому, мужчины зрелого возраста (40—50 лет). Черепная коробка мезокранная, овоидной формы, с прямым широким лбом и слабо развитым надпереносьем и среднеразвитыми надбровными дугами. Лицо широкое, с значительно выступающими скулами и среднеуглубленной собачьей ямкой. Выступление носа среднее. Профиль носовых костей выпуклый в нижней части; спинка носа угловатая. Орбиты небольшие, низкие. Расовый тип, повидимому, европеоидный, с монголоидной примесью. Приближается к андроновскому типу.

3. № 61, К-10. Череп ребенка около 10 лет, неопределенного пола. Черепная коробка очень короткой пентагоноидной формы благодаря значительному уплощению затылка. Скулы выступают слабо, собака ямки глубокие. Все верхние резцы лопатообразной формы. Расовый тип, повидимому, европеоидный, брахикранный, но с монголоидной примесью.

¹ По данным Т. Г. Оболдуевой, эти могилы датируются III—V вв. н. э.

4. № 72, К-10. Обломки черепа старческого возраста. Черепная коробка с угловатым затылком, возможно, мезо- или долихокранная.

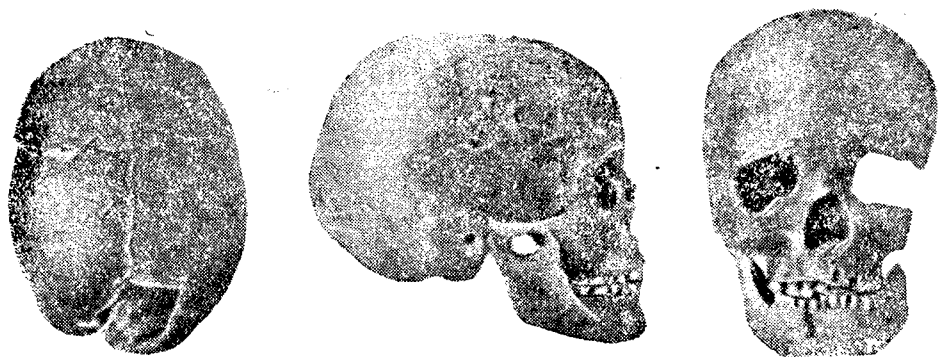

Рис. 1. Тип гуннов (усуней)

Саки

1. № 64, К-12, п. 3 (рис. 2). Сломанный череп женщины молодого возраста (25—30 лет). Черепная коробка эллипсоидной формы, с прямым лбом и слабо развитым надпереносьем и надбровными дугами. Лицо невысокое, узкое, со слабо выступающими скулами и глубокой собачьей ямкой. Выступание носа среднее. Орбиты небольшие, низкие. Расовый тип европеоидный, длинноголовый (повидимому, средиземноморский).

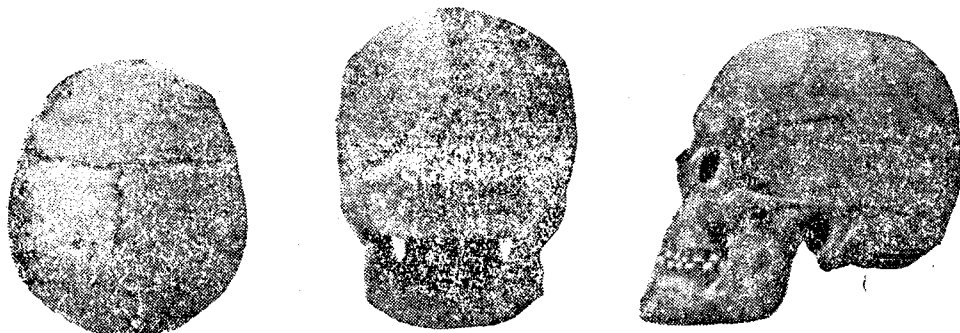

Рис. 2. Тип саков

2. № 66, К-12, п. 1. Остатки черепа женщины возмужалого возраста (35—40 лет). Черепная коробка, возможно, мезокранная, эллипсоидной формы.

3. № 63, К-12, п. 2. Остатки черепа мужчины возмужалого возраста (35—40 лет), с круглым затылком.

В прилагаемой таблице дана цифровая характеристика отдельных черепов.

Приведенные данные показывают значительное различие между изученными черепами саков и гуннов.

Сохранившийся череп саков (рис. 2) является типичным представителем длинноголового европеоидного типа, с характерными признаками средиземноморской расы, которая в настоящее время широко распространена от Индии, через Закаспийский край и Переднюю Азию, по всей Северной Африке и Южной Европе. Не менее широко этот тип был распространен и в описываемое древнее время, и к нему же относились, повидимому, и многие скифские племена².

На основе народов, являвшихся носителями данного типа, развились и туркмены³.

² А. П. Богданов. О могилах скифо-сарматской эпохи и о краниологии скифов. Антропол. выставка, т. III, ч. 1; Г. Ф. Дебец. Черепа из Верхнесалтовского могильника. Антропология, т. IV, Киев, 1931.

³ Л. В. Ошанин. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен. «Известия Средазкомстариса», № 1, Ташкент, 1927; Его же. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. «Известия Средазкомстариса», № 4, Ташкент, 1928.

№ по порядку	№ по Мартину	Инвентарный номер	Г у н н ы			Саки
			1	2	3	1
			62.К-10	65.К-8	61.К-11	64.К-12 п. 3
			Мужской	Мужской	Неопредел.	Женский
Возраст			30—35 л.	40—50 л.	Около 10 л.	25—30 л.
1	1	Продольный диаметр черепа	177	190?	165	182
2	8	Поперечный » » .	151	147	146	140?
3	17	Высотный » » .	135	—	—	130
4	9	Наименьшая ширина лба . .	99	—	—	100
5	23	Горизонтальная окружность черепа	520	—	—	—
6	8:1	Черепной указатель	85,3	77,4?	88,5	76,9?
7	9:8	Лобно-поперечный указатель .	65,5	—	—	71,4?
8	5	Длина основания черепа . . .	99	—	—	100
9	40	» » лица	95	—	—	97
10	47	Высота лица полная	124	—	—	102
11	48	» « верхняя	74	71	61	63
12	45	Скуловой диаметр	139	142	118	123?
13	66	Бигониальный диаметр	116	—	—	—
14	43 ₁	Биорбитальная ширина	97	104	—	100?
15	50	Межорбитальная »	21	24	—	26
16	—	Назомаларная	106	115	—	—
17	48:45	Верхний лицевой указатель . .	53,2	50,0	51,7	51,2?
18	9:45	Лобно-скуловой »	71,2	—	—	81,3
19	54	Ширина носа	28	27	—	26
20	55	Высота	54	54	—	47
21	54:55	Носовой указатель	51,8	50,0	—	55,3?
22	57	Наименьшая ширина носовых костей	9,2	10,2	—	9
23	—	Высота спинки носа	4,6	4,1	—	—
24	—	Высота переносья над биор- битальной линией	21	20	—	—
25	—	Высота переносья над межор- битальной линией	7,8	8,5	—	—
26	51	Ширина орбиты	41	42	—	40
27	52	Высота »	33	32	—	37
28	52:51	Орбитный указатель	80,5	76,2	—	92,5
29	62	Длина неба	51	—	—	43
30	63	Ширина неба	41	—	—	35
31	63—62	Указатель ширины неба	75,9	—	—	81,4
32	32	Угол профиля лба	85	93	—	95
33	72	» » лица	90	86	—	85
34	75	» спинки носа	66	57	—	—
35	75 ₁	» » » к линии профиля	24	19	—	—
36	—	Наклон лба	2	1	1	1
37	—	Развитие глабеллы	3	1	1	2
38	—	» надбровья	2	2	—	1
39	—	Горизонтальное выступание лица	2	1	—	2
40	—	Развитие скул	3	3	2	1
41	—	Глубина собачьей ямки	2—3	2	3	2—3
42	—	Ширина переносья	1	1	—	2
43	—	Выступание носа	2	2?	—	2?
44	—	Профиль носовых костей . . .	1	3	—	1
45	—	Нижний край грушевидного отверстия	fossa praeas.	fossa praeas.	infantilis	anthrop.
46	—	Развитие носового шипа	2	1	2	3?
47	—	Высота орбиты	2	1	—	1

Сохранившиеся черепа гуннов (усуней; рис. 1) являются представителями совершенно другого расового типа. Этот тип является в основном короткоголовым европеоидным, обобщенно называемым памиро-альпийским и также широко распространенным как в настоящее время, так и в древние времена на территории от Средней Азии, через Юго-восточную Европу и Кавказ, до Средней Европы, т. е. к северу от области распространения средиземноморского типа.

Исследованные нами черепа гуннов (усуней) из раскопок под Ташкентом очень близки к черепам усуней из раскопок М. В. Воеводского в Киргизской ССР близ Каракола⁴, исследованным Т. А. Трофимовой⁵. Эти черепа близки по типу и к черепам из Восточного Туркестана, привезенным Стейном и изученным Кизсом⁶, хотя последние обладают несколько более низким черепным указателем. Необходимо отметить несколько большую монголоидную примесь на изученных нами черепках усуней по сравнению с изученными Трофимовой, что выражается сравнительно большими размерами, особенно в поперечном направлении, большей высотой лица, слабее выступающим носовым шипом. Это несколько сближает представленные здесь черепа с черепами гуннов из Кенкольмского могильника⁷.

Вместе с тем нужно отметить и морфологическую близость изученных нами черепов усуней с черепами сармат из Нижнего Поволжья, описанными Дебецом⁸. Это особенно интересно в связи с тем, что эти черепа он морфологически сближает с андроновским типом из Минусинского края и из Западного Казахстана⁹.

Конечно, наши немногочисленные материалы не могут пока определенно связать андроновский тип Минусинского края с типом Западного Казахстана и Нижнего Поволжья, однако можно предположить, что андроновский тип в начале нашей эры был распространен на широкой территории, а не только у сармат на территории Нижнего Поволжья.

Эти материалы подтверждают представление о гуннах как о союзе племен, в который входили и аборигены Средней Азии, родственные усуням. Может быть, это — эфталиты, тогда действительно они отличаются от коренных гуннов-монголоидов своим европеоидным антропологическим типом.

Археология и палеоантропология Средней Азии только начинают по-настоящему развиваться. Желательны более интенсивная работа в этом направлении и возможно скорейшее опубликование всех имеющихся материалов, чтобы можно было составить более определенное представление о древней истории народов Средней Азии.

⁴ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. У-Суньские могильники из территории Киргизской ССР, «Вестник древней истории», № 3 (4), 1938.

⁵ Т. А. Трофимова. Краниологический очерк татар Золотой Орды. «Антропологический журнал», № 2, 1936.

⁶ Arthur Keith, Human skulls from ancient cemeteries in the Tarim Basin. Journal Royal Anthropol. Inst., vol. LIX, 1929.

⁷ В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров. Антропологические материалы из Кенкольмского катакомбного могильника. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. X (в печати).

⁸ Г. Ф. Дебец. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. «Антропологический журнал», № 1, 1936.

⁹ Г. Ф. Дебец. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. «Антропологический журнал», № 2, 1932.

ПАМЯТИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Заседание Ученого совета Института этнографии 16 июля 1946 г. было посвящено памяти Н. Н. Миклухо-Маклая, в связи со 100-летием со дня рождения этого великого русского ученого, исполнившимся 17 июля. Заседание открылось речью председателя Ученого совета проф. С. П. Толстова, кратко охарактеризовавшего деятельность «теорий» расовой неполноценности «дикарей». Наблюдения и материалы Н. Н. Миклухо-Маклая обличают всех идеологов колониальной политики. Не только научная деятельность, но и сама жизнь великого ученого и путешественника, самоотверженно работавшего в труднейших условиях, является высоким образцом для современных ученых.

Доцент Я. Я. Рогинский прочел доклад «Н. Н. Миклухо-Маклай как человек и ученый» (напечатан в № 2 «Советской этнографии» за 1946 г.). Аспирант А. И. Блинов сообщил о недавно найденных в Австралии новых материалах из дневника Н. Н. Миклухо-Маклая. Сопоставив эти материалы с дневниками Н. Н., изданными Институтом этнографии АН СССР, докладчик пришел к выводу, что материалы, найденные в Австралии и отсутствующие в русском издании, были исключены при редактировании и подготовке дневников к печати самим Н. Н. Миклухо-Маклаем. Это в основном — сведения о личной жизни Н. Н. (болезнь, отношения со слугой и проч.). Имеются и незначительные редакционные сокращения. Все эти детали все же важны и интересны для восстановления образа великого ученого-гуманиста. Они должны войти в новое издание полного собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, которое будет печататься по постановлению Президиума Академии Наук СССР. После научных докладов выступили писатели с чтением литературных произведений, посвященных Н. Н. Миклухо-Маклаю. Писательница Л. К. Чуковская прочитала отрывок из написанной ею книги о путешествиях Миклухо-Маклая. Драматург А. Г. Глебов прочел сцены из своей пьесы о Миклухо-Маклае «Человек — везде человек».

М. Г. Рабинович

СЕССИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ В ЛЕНИНГРАДЕ

7—17 июня 1946 г. в Ленинграде происходила сессия Института этнографии АН СССР, посвященная итогам работы последних лет. Первым был заслушан доклад Д. А. Ольдерогге «Место трехродового союза в истории развития первобытно-общинного строя», часть которого публикуется в настоящем номере журнала. Следующий доклад Н. В. Кюнера «Культура феодальной Кореи» познакомил участников сессии с новым и очень ценным материалом по Корее. Доклад охватывает последовательно все стадии культурного роста Кореи, привлекаются ранние китайские источники, разбираются отдельные образцы культуры; особенно интересен вопрос о заготовке жертвенных животных и о сезонных жертвоприношениях. Из культуры периода феодализма докладчик знакомит с энциклопедией Мунь-хоньбиго (1770) как литературным источником. Серия отчетных докладов работников отдела Сибири дала новый материал по этнографическому изучению отдельных народностей Сибири. Доклад С. В. Иванова на тему «Реалистические основы искусства тунгусо-манчжуров» является результатом долголетнего сбора материала по местным этнографическим музеям. В докладе анализируются разнообразные формы изобразительного искусства тунгусских народностей (звенков, эвенов, негидальцев) и народностей Амур-

ского бассейна (гольдов, ульчей, ороков, удэ). Доклад сопровождался большим количеством цветных, силуэтных и других иллюстраций и был принят аудиторией с живым интересом. Доклад Г. М. Василевич «К вопросу о палеоазиатах Сибири», построенный на языковом и фольклорном материале, касался проблемы древнейшего заселения этой страны. Доклад Е. Д. Прокофьевой «О древних жилищах селькупов на рр. Тымь и Кеть» построен на материалах, собранных автором во время длительной экспедиции к селькупам, и представляет большой интерес в связи с вопросами этногенеза самоедской и угорской групп. Доклад А. А. Попова «Душа, болезнь и смерть по воззрениям иганасан» интересен своим фактическим материалом, собранным докладчиком во время трехгодичного пребывания на полуострове Таймыр. Все доклады по отделу Сибири вызвали оживленные прения и получили должную оценку. Л. П. Потапов сделал ряд дополнений на основе своих личных наблюдений среди алтайской группы народностей. А. А. Анисимов со своей стороны высказал ряд соображений по заслушанным докладам, используя собранные им и еще не опубликованные материалы по эвенкам.

С новой, впервые поставленной темой выступил Д. К. Зеленин в своем докладе «Переход от древнего, «азиатского», способа сидеть к новому, «европейскому». Доклад вызвал оживленный обмен мнениями, в которых представители смежных специальностей сделали ряд ценных дополнений по имеющимся у них неопубликованным материалам. Так, М. П. Грязнов привел ряд примеров из археологической практики, Д. А. Ольдерогге сообщил о способе сидения в древнем Египте, Е. Н. Студенецкая дополнила доклад фактическим материалом по Северному Кавказу.

Далее был заслушан доклад Л. А. Диннес «Дохристианские храмы Руси по памятникам народного искусства». Докладчик осветил вопрос о сооружении у славян храмов и капищ. В докладе были привлечены археологические, летописные материалы и дан анализ русских народных вышивок, содержащих архаические мотивы, проливающие свет на древние формы славянского храмостроительства. Доклад сопровождался большим количеством диапозитивов; он предназначен к напечатанию в одном из очередных номеров «Советской археологии».

С большим интересом был заслушан доклад С. П. Толстова на тему «Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан начала XI века», опубликованный в № 2 нашего журнала.

Отчетный доклад С. П. Токарева «Итоги работы этнографического отряда Балканской экспедиции 1946 г.» познакомил аудиторию с работой этнографического отряда советской делегации¹ и подготовкой к будущей экспедиции в Балканские страны. Далее был заслушан доклад Г. Ф. Дебеца «Предварительные итоги работы Чукотской экспедиции 1945—1946 гг.», в котором автор сообщил о результатах антропологического изучения эскимосов и чуков; его сообщение вызвало оживленные прения.

М. В. Степанова в докладе «Этнографическое изучение Аляски в 30—40-х годах XIX в.» дала анализ и итоги работы русских исследователей Аляски. Следует также отметить доклад В. В. Гинзбурга «Палеоантропологические материалы к изучению этногенеза народов Средней Азии».

Итоговая сессия института этнографии показала, что работа советских этнографов не прерывалась в годы Великой отечественной войны и велась, хотя и в менее широких масштабах, но весьма плодотворно. Работали этнографические экспедиции, отдельные этнографы ездили в научные командировки, вели исследовательскую работу на местах. Собранный материал проливает свет на многие темные места в этнографии народов СССР.

В. Храмова

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

В течение июня 1946 г. в Институте этнографии были защищены три кандидатских диссертации и одна докторская.

4 июня защищена диссертация на степень кандидата исторических наук окончившей аспирантуру Института Д. В. Найдич-Москаленко. Тема диссертации — «Быт украинского крепостного крестьянства в царской России накануне реформы 1861 г.». Официальные оппоненты: профессора А. И. Козаченко и С. П. Толстов. Объем работы 16 с лишним авт. листов и около 20 листов приложений — материалов Центрального архива Революции. Список использованной литературы содержит свыше 200 названий. Как отмечалось в выступлениях оппонентов, работа эта, представляющая собой результат многолетних исследований, написана на основе тщательного изучения большого числа архивных документов, литературных источников, фольклорных материалов, статистических сведений и, наконец, музейных фондов. Проф. С. П. Толстов отметил, что монография Д. В. Найдич примыкает к тому типу работ, который характерен для советской этнографической науки пос-

¹ См.: «Советская этнография», 1946, № 2.

ледного десятилетия и знаменует коренной перелом ее в сторону строгой историчности. Ограничив свое исследование хронологическими рамками одного десятилетия (50-е годы прошлого столетия), автор дал комплексное описание определенного класса общества данной национальности, благодаря чему оказалось возможным решение ряда этнографических вопросов. В частности, это касается вопросов истории украинского жилища и украинской одежды. Автором прослежены традиции доминировавшей на Украине деревянной архитектуры, ныне уже исчезнувшие в ряде районов, но в 50-х—60-х годах прошлого столетия еще хорошо выявлявшиеся. Установлено преобладание на Украине классического славянского трехкамерного жилища и приведен ряд других интересных данных. Не лишенная некоторых недостатков, в основном технического порядка, монография Д. В. Найдич,¹ как было отмечено, по широте охвата материала выходит за рамки требований, предъявляемых к кандидатской диссертации, темой которой могла быть любая из глав данной работы. Диссертанту единогласно присуждена искомая степень.

18 июня были защищены две диссертации на степень кандидата исторических наук: Б. А. Васильевым на тему «Медвежий праздник у орочей; опыт анализа обряда и мифологии» и Н. А. Бутиновым — «Учение Грэбнера». В основу работы Б. А. Васильева положен обширный этнографический материал (записанные автором тексты и обряды), связанный с медвежьим праздником у орочей Советской Гавани и ороков Сев. Сахалина. Разработанная на этой основе монография представляет значительный интерес, выясняя один из важных вопросов общей истории и истории первобытной культуры. Проследившая исторические корни отдельных элементов обряда медвежьего праздника, автор выясняет его место в истории культуры и истории религии народов Сибири и Дальнего Востока. Расширяя хронологические и территориальные рамки исследования, Б. А. Васильев привлек обширный материал по малым народностям Северной Евразии, по народам Сев. Америки и Юго-Восточной Азии, в меньшей мере — по народам Индии, Индо-Китая и Малайского архипелага. Как отметил официальный оппонент проф. С. П. Толстов, поднятый автором материал позволяет по-новому осветить вопрос о происхождении восточного, «аинского», по выражению автора, пласта в медвежьем празднике народов Севера. На фоне древних обрядов, восходящих к тотемическим представлениям позднего палеолита и раннего неолита, выступает пласт, носящий на себе следы региональной специфики и влияния более сложной религиозной системы, связанной с земледелием. Особенно убедительны с точки зрения оппонента выводы автора, основанные на материале юго-восточной Азии, позволяющие проследить генезис «аинского» пласта и путь его распространения с юга на северо-восток. Проф. Толстов считает все же, что, при всей широте охвата материала, в работе Б. А. Васильева, имеются пробелы и некоторые положения требуют уточнения. Автору следовало бы использовать и поставить в связь с медвежьим праздником материал о человеческих жертвоприношениях у племени нага (Ю.-в. Азия). Недостаточно использован также материал о Китае, и, таким образом, опущено важное звено связи между народами Северной Евразии, с одной стороны, и Юго-восточной Азии, с другой. Следовало бы уточнить и некоторые вопросы датировки обрядовых комплексов (в отношении более раннего, общесибирского пласта), что позволило бы автору прийти к весьма важным выводам о времени заселения Америки. Наконец, автору следовало бы поставить вопрос о распространении элементов медвежьего праздника на запад, проследить связь его с культом оленя (у оленеводческих народов) и коня (у народов Алтая, якутов и, далее, у западных гунов и массагетов). Эти замечания, заключает проф. Толстов, не умаляют достоинства работы, стоящей на высоком уровне и являющейся ценным вкладом в этнографическую науку.

Работа Н. А. Бутинова представляет собой критический анализ учения Грэбнера — основоположника «культурно-исторической школы», одной из самых влиятельных в современной буржуазной этнографии. В связи с основной своей задачей автор разбирает и взгляды предшественников Грэбнера (Ратцеля, Фробениуса) и его последователей (В. Шмидта, Копперса и др.). Диссертант остановился и на некоторых основных проблемах этнографической науки (о возникновении культуры, ее развитии и географическом распространении), пытаясь показать, как разрешаются эти проблемы критикуемой им школой. Работа построена по методу логического анализа основных понятий, на которых базируется учение Грэбнера. При этом, как отметил официальный оппонент проф. С. А. Токарев, автор подчас слишком увлекается формально-логическим разбором понятий, превращая его в самоцель. Как несомненное достоинство работы, проф. Токарев отметил широту постановки вопроса; изложение и критика грэбнерианства ведутся на широком фоне истории науки; критику грэбнерианства диссертант ведет на основных принципиальных проблемах этнографической науки. Наряду с этим оппонент отметил ряд недостатков в работе. Существенной ошибкой работы оппонент считает то, что диссертант ограничивается чисто логическим анализом методологии Грэбнера, оставляя в стороне такой важнейший момент, как противоречие выводов Грэбнера фактическому материалу, которым он оперирует. Спорно понимание Н. А. Бутиновым отдельных положений Грэбнера. Ошибочно отождествление теории миграций и теории культурных за-

имствований, в действительности противоречащих одна другой. Оппонент отмечает также неполноту разбора учения Грэбнера: довольно подробно проследившая эволюцию его взглядов в 1904—1911 гг., автор не затрагивает его поздних работ. Несмотря на недостатки, работа Н. А. Бутинова признана представляющей большой интерес, как одна из первых попыток в советской этнографической науке подвергнуть учение Грэбнера серьезному критическому разбору, вскрыть его теоретические корни и дать ему строго научную оценку. Диссертанту присуждена искомая степень.

25 июня защищена докторская диссертация докторантом Института Л. П. Потаповым. Тема диссертации—«Алтайцы» (историко-этнографический очерк). Объем 22 авт. листа. Официальные оппоненты—профессора М. П. Грязнов, М. О. Косвен и С. П. Толстов. Работа построена на изучении письменных источников и многолетних личных наблюдениях автора и представляет собой первое в имеющейся литературе монографическое исследование, показывающее процесс сложения современных тюркоязычных племен Алтая (собственно алтайцы, теленгиты, телеуты, тубалары, челканцы, кумандинцы, шорцы) и их культуры. В работе впервые выявляются ранние и своеобразные формы феодальных отношений у кочевников Алтая. Работа распадается на две части: первая посвящена характеристике культуры и быта древнейшего населения Алтая, вторая—истории развития народов Алтая в период нахождения их в системе Российского государства. Как отметил проф. С. П. Толстов, большой интерес представляют разделы работы, освещающие историю взаимоотношений алтайцев с царской Россией во всей их сложности и противоречивости. Осветив историю захвата царским самодержавием богатых алтайских земель и колониальную эксплуатацию народностей Алтая, автор с убедительностью вскрыл прогрессивное значение вхождения этих народностей в состав России, показав тот огромный вклад в их культурное развитие, которым они обязаны трудовой части русского народа. Весьма интересны также главы, посвященные бурханизму. В противоположность имевшейся в свое время в литературе оценке бурханизма как прогрессивного явления, Л. П. Потапов убедительно показал, как бурханизм использовал старое движение народных масс в условиях колониального гнета, поставив его на службу, с одной стороны, зайсанам-скотовладельцам, с другой,—иностранным, в частности, японским империалистам. Оценивая монографию Л. П. Потапова как труд большой значимости, поставивший, и в основном правильно разрешивший ряд важнейших вопросов хозяйственной и культурной истории алтайцев, оппоненты отметили и ряд имеющихся в ней недочетов. Проф. М. П. Грязнов, подчеркивая правильность общей концепции автора, не может согласиться с отдельными его положениями в части анализа данных археологии. Вместе с тем оппонент, как положительную сторону работы, отмечает, что автор развил и дополнил наши представления о социально-экономических отношениях у ранних кочевников. Возражения со стороны оппонентов встретили разделы работы, касающиеся форм семьи и системы родства у алтайцев. Проф. М. О. Косвен отметил, что характеристика автором общественного строя алтайцев не вскрывает в должной мере процесса распада родового строя, зарождения классовых начал и их развития. Проф. С. П. Толстов видит в трактовке автором классовых взаимоотношений на Алтае в XIX в. некоторую архаизацию алтайского общества («создается впечатление, что там лишь зарождаются классовые отношения, тогда как в предшествующей главе автор показал уже сложившееся феодальное общество»). С другой стороны, не показаны четко различия в общественном укладе Северного и Южного Алтая, что привело к некоторой модернизации северо-алтайского общества.

В заключительном слове диссертант, возражая оппонентам по вопросам о формах семьи и системы родства, вместе с тем согласился с основными замечаниями проф. Толстова. Работа Л. П. Потапова признана ценным вкладом в советскую науку. Диссертант представлен к утверждению в степени доктора исторических наук.

О. А. Корбе

РАБОТА БИБЛИОТЕКИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО БИБЛИОГРАФИИ ЭТНОГРАФИИ

Среди библиографических работ по истории науки, подготовляемых Научно-библиографическим отделом Научной библиотеки им. Горького Московского государственного университета, большое общественное и научное значение имеет библиография по истории исторических наук в СССР.

Идея такой библиографии родилась в связи с решением опубликовать труды научной конференции по вопросу о роли русской науки в развитии мировой науки и культуры, созванной Университетом в 1944 г. Последние томы трудов конференции должны включить библиографию по истории русской науки. Составление такой библиографии возложено на Научную библиотеку им. Горького.

В настоящее время, наряду с библиографиями по истории точных и естественных наук закончена и библиография по истории исторических наук. В разработке

списков основных проблем и научных учреждений, с деятельностью которых связано развитие исторической науки, а также списков основных ее деятелей, активное участие приняли профессора Исторического факультета МГУ: Е. А. Косминский, В. И. Пичета, А. В. Арциховский, Н. Л. Рубинштейн, С. А. Токарев, Н. А. Машкин и др. Приступлено также к составлению библиографии по истории этнографии. Соответствующая разработка основных проблем, историю изучения которых в СССР необходимо проследить при составлении библиографии, а равно список научных учреждений, оставивших заметный след в истории этнографии, и список этнографов составлены проф. С. А. Токаревым. В число проблем, на которые обращается особое внимание при библиографическом отборе, входят прежде всего вопросы этногенеза народов СССР, древних переселений народов на территории СССР, азиатско-американских культурно-исторических связей, восточных славян и их соседей, докапиталистических пережитков у народов СССР, некапиталистического пути развития ранее отсталых народов, национальной политики в СССР, изживания фактического неравенства и др.

При составлении библиографии по истории этнографии, как и вообще по истории исторических наук, предполагается подвергнуть сплошному обследованию *de visu* все основные исторические и этнографические журналы. Окончание работы намечено на 1947—1948 гг.

Зав. Научно-библиографическим отделом Научной библиотеки им. Горького *Н. В. Стариков*

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В КИРГИЗИИ

В годы, предшествовавшие Великой отечественной войне, этнографические исследования в Киргизской ССР носили ограниченный характер и осуществлялись главным образом силами сотрудников ленинградских и московских научных учреждений и музеев. Основной задачей приезжавших в Киргизию экспедиций был сбор этнографических коллекций для нужд музеев. Созданный в 1926 г. Государственный республиканский музей, имевший значительные этнографические коллекции, пришел за последние годы в состояние упадка. К концу 1943 г. этнографические коллекции Музея насчитывали немногим более 400 предметов. Лишь в 1940 г., по инициативе Комитета наук при Совнарком Киргизской ССР, возобновились этнографические исследования местными научными силами. На Тянь-шань выезжала экспедиция в составе С. Ильясова и А. Бусыгина. К сожалению, собранные экспедицией материалы, касающиеся семейных отношений и верований киргизов, еще не опубликованы. В том же 1940 г. этнография Киргизии обогатилась ценным документальным источником для этнолого-лингвистических исследований: вышел из печати фундаментальный киргизско-русский словарь, составленный заслуженным деятелем науки Киргизской ССР проф. К. К. Юдахиним и содержащий 25 000 слов.

Прерванные Отечественной войной этнографические работы были возобновлены в 1943 г. в связи с организацией в г. Фрунзе Киргизского филиала Академии Наук СССР. Программа работ Исторического сектора Института языка, литературы и истории, входящего в состав филиала, включала и развитие исследовательских работ по этнографии республики. На пленарном заседании Института в декабре 1943 г., посвященном вопросам этнографического изучения Киргизии, были обсуждены и одобрены основные направления научно-исследовательской и музейной работы в области этнографии.

В 1944 г. была вновь развернута экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ работа. Директор ИЯЛИ С. Ильясов совершил поездку в Тяньшанскую область, аспирант А. Умурзаков — в Джалабадскую область. Одновременно был подготовлен к печати ряд статей этнографического характера и составлена программа сбора этнографических материалов в Киргизии (вышла из печати). Известным стимулом для дальнейшего развертывания этнографических исследований в Киргизии явилась организованная в апреле 1944 г. Институтами этнографии и востоковедения (сотрудники которых в связи с эвакуацией вели свою работу в Ташкенте) конференция по изучению этнографии и фольклора Средней Азии. С того же года приступил к сбору этнографических материалов среди проживающих в Киргизии дунган аспирант Института этнографии Г. Г. Стратанович, продолжавший свою работу в 1945 и 1946 гг. Кандидат этнографических наук З. Л. Амитин-Шапиро предпринял большой труд по составлению аннотированного указателя литературы по дунгановедению и уйгуроведению, вышедшей в свет с 1917 г. Эта работа завершена.

К этим же годам (1943—1944) относится выполнение альбома образцов киргизского орнамента художником М. В. Рындиным. В этом альбоме нашла частичное завершение десятилетия собирательская деятельность энтузиаста-художника, накопившего исключительно богатые материалы по киргизскому национальному орнаменту. Преждевременная смерть не позволила М. В. Рыдину осуществить задуманные им широкие планы изучения и публикации материалов по киргизскому народному изобраз-

зительному искусству. Богатые материалы, собранные М. В. Рындиным, были использованы заслуженным деятелем науки Киргизской ССР, доктором исторических наук А. Н. Бернштамом в законченном им труде по истории изобразительного искусства Киргизии, построенном на комплексном изучении памятников народного искусства, археологических и исторических источников.

Этнографические материалы находят свое место и в других исторических исследованиях и трудах. Так, в диссертации С. Ильясова, защищенной им в 1945 г. на степень кандидата исторических наук, большая глава, основанная главным образом на собранных автором полевых этнографических материалах, посвящена характеристике родовых и феодальных пережитков в Киргизии. В законченном составленном одготомнике «Очерки по истории Киргизской ССР», являющемся коллективным трудом Исторического сектора ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР, ряд глав написан преимущественно на этнографическом материале. Наконец, в вышедшей недавно из печати книге «Очерк культуры киргизского народа», автором которой является пишущий эти строки, содержится сжатая этнографическая характеристика киргизов.

Одним из крупных достижений последнего времени является введение с 1945/1946 учебного года курса этнографии для студентов исторического и естественно-географического факультетов Киргизского государственного педагогического института. Начинает разворачивать работу по сбору этнографических коллекций Музей национальной культуры при Киргизском филиале АН СССР.

Этнографическим изучением Киргизии занимается и Институт этнографии АН СССР, пославший в 1945 г. экспедицию под руководством Н. Н. Чебоксарова для антрополого-этнографического изучения дунган Киргизии. В 1946 г. ИЯЛИ и Музеем национальной культуры КирФАН'а, совместно с Институтом этнографии АН СССР, были организованы две этнографические экспедиции: в Тяньшанскую и Таласскую области, — собравшие обширные этнографические материалы и музейные коллекции.

Остается упомянуть о том, что в богатом рукописном хранилище Отдела фольклора и эпоса «Манас» ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР в большом количестве представлены фольклорные материалы, имеющие непосредственное отношение к этнографии (трудовые, обрядовые и бытовые песни, заговоры, шаманские заклинания, мифы, легенды, родословные, записи скотоводческих и земледельческих обрядов и т. п.). Эти непрерывно пополняющиеся материалы ждут своих исследователей.

Одной из ближайших задач этнографической науки в Киргизии, вокруг которой должны объединиться все этнографические силы, является подготовка труда, в котором были бы подытожены и обобщены как уже имеющиеся, так и подлежащие дополнительному сбору материалы по этнографии Киргизской ССР.

С. М. Абрамзон

КУСТАРНЫЙ МУЗЕЙ ГРУЗИНСКОЙ ССР

Музей Управления промысловой кооперации при Совете Министров Грузинской ССР — единственный на Кавказе Кустарный республиканский музей, занимающийся изучением кустарных промыслов Грузии как в их историческом прошлом, так и в настоящем состоянии. Это — один из старейших музеев Кавказа и Грузии; начало сбора его коллекций относится к декабрю 1899 г., к моменту организации Кавказского Кустарного комитета. Первое участие музейных экспонатов на выставках относится к 1900 г., когда они были представлены на Всемирной Парижской выставке. В дальнейшем музей, как в дореволюционное время, так и в советский период, участвовал своими коллекциями и экспонатами в ряде местных выставок всероссийских и всесоюзных, а также и на всемирных зарубежных (Парижские 1900 и 1925 гг., Туринская 1911 г., Берлинская, Лондонская 1913 г.). Высокое качество кустарных изделий музея не раз отмечалось в центральной и местной прессе.

За советский период (в основном за 1922—1927 гг.) сотрудниками музея была проведена работа по собиранию, изучению и выделке ряда высококачественных образцов изделий в грузинском стиле (ковров, кружев, стильной мебели, образцов металлообработки, камнерезания и т. д.). В 1935 г. группой научных работников под руководством акад. Джавахишвили был проведен ряд экспедиций по обследованию ремесел и промыслов в различных районах Грузинской ССР; собран богатейший материал по истории различных отраслей кустарной промышленности Грузии, выявлен ряд очагов кустарноремесленной промышленности и подобран материал для терминологического словаря.

За долгое существование музей испытал ряд превратностей, не способствовавших развертыванию его работ (переходы из ведомства в ведомство, смена помещений и т. д.). За последние два года (1944 и 1945) при поддержке нового руководства промысловой кооперации, на базе соответствующих ассигнований, музей смог развернуть ряд работ научно-технического характера (по приведению в порядок основных коллекций и экспонатов, различных материалов) и научно-исследовательских (консультации и письменные экспертизы по различным вопросам); к работе привле-

чен ряд научных сотрудников Академии Наук Грузинской ССР — проф. Куфтин (металлообработка), старш. научн. сотрудник Института искусств — Майсурадзе (керамика) и др., музея искусств «Метехи» — старш. научн. сотрудник А. Д. Джандлиери (груз. вышивки) и др.; по отдельным вопросам привлекались профессора: Г. С. Читая, Гордеев и др. По заданию музея составлен ряд исторических монографий и очерков по отдельным видам ремесел Грузии: о древнейшей металлообработке и добыче металла в Грузии в свете данных последних археологических открытий в Михет-Самтавро — Г. Ломшатидзе (ученого секретаря Института истории им. Джавахишвили); «Исторический обзор ремесел Грузии» — Г. Гамкредидзе (ученого секретаря Государственного университета); доцента Макалатия «Шерстокацкий промысел в горной Грузии». Директором музея Г. И. Ткешелашвили составлен ряд очерков по истории музея. В результате этих работ подготовлен 4-й том научно-исследовательских работ музея и готовится 2-й том — по истории ремесел Грузии (керамика, вышивки и т. д.). По заданию музея в Центроархиве Груз. ССР собраны неопубликованные первоисточники по истории различных ремесел Грузии и городских цехов (амкарств) Тбилиси и Ахалциха.

В настоящее время коллекции Кустарного музея состоят из следующих отделов — групп экспонатов: керамики, дерево- и металлообработки, рукоделий и вышивок, набоек, кожаных изделий, групп шерстяных изделий, в основном — ковровых.

Особый интерес представляет группа экспонатов в грузинском стиле, созданных за советский период в экспериментально-художественной мастерской отдела кустарной промышленности Народного комиссариата земледелия Груз. ССР за 1922—1927 гг.; таковы, в первую очередь, ковры, кружева, некоторые образцы металлообработки и камнерезания. Все эти экспонаты создавались художниками музея, выделялись работниками его мастерской. Наибольший интерес представляют ковровые изделия и, отчасти, кружева, разработанные по заданию музея и послужившие в дальнейшем технически-производственными образцами для создания соответствующих производств и экспонатов. Для создания и разработки этих образцов были использованы мотивы и элементы древнегрузинских орнаментов («грузинское плетение») с архитектурных памятников Грузии и древних образцов грузинской чеканки, фресок и миниатюр. За этот же период, кроме ковров грузинского стиля, в мастерской музея были сотканы по лучшим образцам иранских классических ковров (времени Шах-Абаса, XVI в.) два огромных ковра, так называемые «Мир» и «Охотничий» — «испаганской школы». Все эти ковры неоднократно экспонировались на местных, всероссийских, всесоюзных и всемирных выставках, вызывая большой интерес и высокую оценку. В Кустарном музее хранится также ряд ковровых изделий — паласов, сумахов, джеджимов, хурджин различных районов Кавказа (в основном, азербайджанских и дагестанских) и иранских.

Отдел рукоделий и вышивок по числу экспонатов занимает первое место и состоит из изделий шелковых, полотняных, бумажных, трикотажных — работы, главным образом местной (грузинской и армянской), отчасти российской, украинской, иранской (незначительное количество экземпляров), представленных в виде шарфов, салфеток, скатертей, полотна и т. д. По своим художественным достоинствам выделяется коллекция (54 предмета) тавсакрави ручной работы, вышитых в большинстве случаев золотой и серебряной ниткой по бархату и шелку из Восточной Грузии конца XVIII и начала XIX века.

Из экспонатов художественной вышивки выделяются работы Бодбийской мастерской Кустпрома Наркомзема Груз. ССР 1923—1924 гг. Замечательные экспонаты: большой черный башлык, вышитый золотыми нитками, с традиционным рисунком «мани», гурийский национальный костюм «чакура», расшитое «сюзане» Старого Тбилиси 50—60-х гг. XIX в. и т. д. Вязка представлена образцами тушинских и хевсурских носок, поражающих гармоничным сочетанием цветов и художественным их подбором, яркостью растительных красок. Набойка, в основном, представлена оригинальными традиционными старотбилисскими народными полотняными скатертями середины XIX в., так называемыми «лурджи-супра», синего цвета, с изображением накрытого стола с излюбленной рыбой «цецхали», ножами, вилками и пр. Имеются образцы шелковых «калган» — набойки выделки батумских артелей.

Особое место занимают коллекции бисерных изделий, в основном местной, тбилисской работы 30—40-х гг. XIX в., в виде ряда высокохудожественных изделий бытового назначения. Выделяется крупное бисерное шитье — датированное и подписанное изображение трех парид: Тамары, Мариам и Дареджан, работы ахалцихской вышивальщицы Розы Моисашвили 1898 г. Кружевной подотдел музея состоит из образцов грузинских, русских и швейцарских кружев. Образцы трикотажных изделий представлены производственными образцами различных артелей Грузии в виде предметов бытового назначения, в основном из вискозы, выработки 1934 г.

Отдел деревообработки включает интересные экспонаты предметов, в основном крестьянского быта (посуда, мебель, колыбели, «кеври» и т. д.), архитектурного дерева и группы народных музыкальных инструментов. Среди экспонатов выделяются по форме и отделке хевсурская и кахетинская пандури, с художественной резьбой.

Из отдельных экспонатов бытового дерева привлекают внимание удобством конструкции круглые скамьи из горных районов Грузии (Сванетия, Мтиулетия, Осетия); очень портативен выточенный из цельного дерева (диам. больше метра), с низкой ножкой, круглый аджарский стол. Архитектурное дерево представлено тремя высокохудожественными экспонатами: резной деревянной дверью из Ахалцхского района (деталь дома) и резными окнами иранской работы, так называемыми «шебеке» и «мушараби»; имеются два «дахли» (род «сейфа» в Старом Тбилиси, одному из них больше 150 лет)—тип, распространенный в быту у тбилисских кустарей и ремесленников. «Дахли»—с инкрустацией из кости, внутри ряд отделений для бумажных, серебряных, медных и золотых денег. Имеется художественная резная рамка из ореха с виноградными листьями в грузинском стиле (судя по короне, принадлежавшая какому-то княжескому роду).

Отдел металлообработки представлен коллекцией ажурных серебряных изделий, выполненных техникой «ахалцхской филигрании», по большей части работы тбилисского мастера-легина Гаджи-Али-Эфендиева за 1910—1912 гг. Эти экспонаты (вазы, шкатулки, чернильные приборы и т. д.) тончайшей выделки, сложного орнамента, украшают стеклянную витрину музея. Основная часть коллекций этого отдела состоит из медной посуды традиционного гарнитура зажиточных классов городского населения Тбилиси, с гравированным орнаментом конца XVIII и начала XIX в. Таковы: чаши, мангалы, котлы и т. д. Чрезвычайно любопытен по форме ручной фонарь с металлической покрывкой и днищем (орнаментированными), употреблявшийся в Старом Тбилиси. Группа металлического оружия грузинского происхождения представлена рядом ценных предметов: здесь мы видим кинжал с насечкой, «бебути» (Старого Тбилиси) с серебряными ножами, хевсурский щит, наконецники для стрел и т. д. Имеются также кое-какие предметы иранского происхождения. По изумительной технике и художественной обработке особое место в этом отделе занимает сосуд (котел) иранской работы XIII—XIV вв. с рядом сцен из поэмы «Шах-Намэ» (медальоны на боках) и куфической надписью (на арабском языке на горле и дне. Интересны образцы художественной гравировки (носребренная медь)—два стакана в грузинском стиле работы худ. Милохова 1922—1923 гг. по орнаменту Хахульской иконы, мундштуки, наперстки, пояса, рога для вина «канци».

Отдел керамики состоит из различных видов посуды (кувшины и пр.) Восточной и Западной Грузии, а также одиночных экземпляров из Дагестана (с. Балхар), Ирана и др. Отдельные разрозненные образцы исторической керамики Грузии охватывают значительный отрезок времени от XII до XVII вв. и далее до образцов современного керамического производства артелей «Сарецао Кавშიри». Очень интересны с музейной и художественной стороны: изразец с изображением «охотника с соколом» XVIII в., глиняная круглая пороховница, найденная случайно при раскопках в Сигнахе, «чараки»—светильники из Мхета XIX в. Имеется хороший образец народной керамики в виде традиционного «марани» с головой барана и двенадцатью маленькими кувшинчиками вокруг, из Телави, 60—70-х гг. XIX в. Ценна изящная иранская ваза XVII в. с люстром. В отделе много больших крестьянских, типичных для Грузии «квеври»—кувшинов для хранения вина, обычно врытых в землю. Интересна скульптурная покрывка кувшина работы художника-самоучки на тему: «Пастух с барашками» (Мхетская артель, 1930 г.).

Отдел плетеных изделий состоит из ряда экспонатов бытового назначения (в крестьянском хозяйстве Грузии), а также из образцов кустарных плетеных изделий в виде цветочных корзин, рам, тумбочек, кресел из прутьев ивы и т. д., а также крестьянских плетеных изделий в виде корзин, цыновок из ореховых листьев из Имеретии, «лаги» из соломы и кукурузных листьев из Карталини.

Отдел кожаных изделий состоит из образцов различной обуви и пр. Обращают на себя внимание работы самоучек-художников различных артелей «Сарецао Кавშიри»: большое панно-аппликация из кожи работы мастера Серопьяна 1932 г., «Ленин на Красной площади»; все панно сделано из мелких кусков кожи. К числу работ членов артели относится большой оригинальный портрет товарища Сталина из волос, выполненный парикмахером Боржомской артели, а также картина масляными красками—внутренность типичной грузинской торни (хлебопекарни) в Раче, работы Окроперидзе.

Отдел камнерезных изделий насчитывает несколько образцов обработки гишера (с глубокой древности разрабатываемого в Грузии), четки и кула (из тыквы с инкрустацией из гишера) из г. Кутаиси. Имеется также ряд изделий из розоватого кутаисского ангидрида, в том числе ваза с орнаментом по рисунку худ. Магалашвили в грузинском стиле и ряд мелких композиций—вещиц бытового назначения: модели пепельницы, чернильницы, набалдашника для палки и т. д. по рисункам худ. Милохова.

В музее имеются картины (масло), написанные по его заказу в 1934—1935 гг. грузинскими художниками Сидамона-Эристави, Макашвили, Вахтангом Джапаридзе, Годзелашвили и др. на различные темы кустарно-ремесленной промышленности Грузии, главным образом кустарных промыслов Старого Тбилиси: «даба-хана», чувячная, оружейная, ковроткацкая и т. д. За 1944—1945 гг. музей пополнился

рядом картин (масло и акварель) художника В. Джапаридзе на темы «Древообработка в Хевсуретии» и др., а также рядом макетов, изображающих типичные мастерские Старого Тбилиси.

При музее имеется библиотека (до 1000 книг) по отдельным вопросам кустарной промышленности Кавказа и России. В музее же хранится материал бывш. Художественной мастерской Кавказского Кустарного комитета в виде серии (более 100) акварелей рисунков ковров художника Страуме, его же зарисовки, а также рисунки художников бывш. О-ва поощрения изящных искусств на Кавказе—Оскара Шмерлинг, Франка и др.; зарисовки заставок и букв из рукописей монастырей Голати, Эмиадзина и т. д. Имеются также коллекции фотографий художественных вышивок, золотых и серебряных изделий, керамических изделий и пр. Кавказа и Ирана, а также фотографии архитектурных памятников Грузии, Средней Азии и др.

Директор Кустарного Музея Г. И. Ткешелашвили

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ЕВРЕЕВ ГРУЗИИ

Государственный Историко-этнографический музей евреев Грузии был основан в 1933 г. Со дня своего основания музей провел большую работу по сбору предметов материальной культуры, относящихся к истории евреев в Грузии, и создал прочную базу для дальнейшей научно-исследовательской работы. В этих целях были организованы комплексные этнографические экспедиции в соответствующие районы республики, при участии крупных представителей этнографической и исторической дисциплин. В результате музей собрал много материала по комплексам: жилья, одежды, утвари, сельскохозяйственных орудий, ремесла, средств сообщения, рукоделий, а также по социальным отношениям, религиозным верованиям и обрядам, народной медицине и т. д.

Музеем была организована историко-этнографическая выставка, охватившая жизнь и быт грузинских евреев с первых веков нашей эры до последнего времени. В экспозициях музея богато представлен этнографический материал по разделам: хозяйство и занятия, материальная культура, социальные отношения, идеология. Особо выделяются две рукописные библии, относящиеся к средним векам, писанные на пергаменте, являющиеся плодом великолепно выполненной каллиграфической работы, с интересными мотивами восточной орнаментуры. Помимо этнографического, в экспозициях дан богатый исторический материал, относящийся к древнейшему периоду истории грузинских евреев, к их жизни и быту в раннюю и позднейшую эпоху, и освещающий участие их в революционном движении. В завершение показано социалистическое переустройство жизни и быта евреев Грузии. Экспозиция схватывает также время Великой отечественной войны и участие евреев в победе советского народа над фашистской Германией и японским империализмом.

Наряду с собирательской и экспозиционной шла систематическая работа по выявлению исторических документов в Центральном Государственном архиве Грузинской ССР и других архивах Советского Союза. Работа эта успешно продолжается, и в результате ее музей обладает ценнейшими историческими материалами и документами, касающимися грузинских евреев. Материалы эти не только характеризуют условия их жизни, труда и борьбы за лучшее будущее, но и проливают свет на некоторые вопросы, связанные с историей Грузии вообще.

В работе музея принимают активное участие крупные специалисты Грузии (акад. И. Бердзенишвили, проф. Л. Меликсет-Бек, проф. Ш. Амираншвили, проф. Чхетия, проф. Иорданшвили и др.). Названными специалистами в «Трудах музея» опубликован ряд статей, как-то: «Исторические документы о евреях Грузии» — акад. И. Бердзенишвили, «Агמעו העבראים» — проф. Л. Меликсет-Бек, «Исторические документы о евреях Грузии, относящиеся к 1 половине XIX века», — проф. Чхетия и др.

За время своего существования музеем разработан ряд вопросов по истории и этнографии грузинских и закавказских евреев; результаты этой работы напечатаны в изданных музеем трех томах «Трудов», объемом около 58 п. л. Здесь помещены следующие монографии: «К истории торговли грузинских евреев» — И. Паписимедов; «Правовое положение евреев Грузии» — М. Шукьян; «Термины «еврей», «израиль» — М. Мамиствалишвили; «Стэла с еврейской надписью, найденная в Мцхетах» — А. Крихели; его же «Исторический обзор пребывания иногородних евреев на Кавказе», «Грузинские евреи в эпоху феодализма» и др.

Особо следует отметить интересный труд музея: перевод с древнееврейского на грузинский язык извлечения из этнографического путешествия И. Черного по Грузии в 1869 г.

Ценный материал накопил музей и по фольклору грузинских евреев: собрано много стихов, преданий, легенд, пословиц и т. п. Недавно приступлено к фиксации

музыкального фольклора; к этой работе привлечены известные музыковеды, в результате чего уже записаны на валики десятки свадебных песен, плясок, домашних напевов и т. д.

Музеем проведена большая работа по выявлению и собиранию образцов народного творчества (рукоделие). В этой области заслуживают внимания картины художника-самоучки Шалома Кобовили, представленные в стационарной экспозиции музея в числе 65 и описанные в специальной монографии, посвященной творчеству этого художника. Темой творчества Кобовили, в основном, является этнографическая действительность ахалцхских евреев, как-то: рождение ребенка, свадьба, погребение, женщина в старой семье, занятия ахалцхских евреев, религия и т. д. Картины Кобовили привлекают внимание зрителей простотой и оригинальностью передачи и точностью воспроизведения старого и нового быта. С особым интересом и любовью исполнены картины нашей социалистической действительности.

При музее имеется документальный архив, где собраны рукописные (начиная с XIII в.) и архивные документы в количестве до 7 тысяч единиц. Архив содержит материалы, касающиеся социально-правового положения евреев, в частности, грузинских евреев, их поселения, занятий. Особо надо отметить документы, касающиеся восстания евреев-крепостных (см. монографию А. Крихели «Стремление крепостных евреев к освобождению от крепостной зависимости», изд. 1944 г., с предисловием Ш. Чхетия).

При музее имеется научная библиотека, насчитывающая свыше 6 тысяч книг. В отделе семитологии имеются уникальные издания: путешествия X и XI вв., словари на арамейском, древнееврейском, арабском, латинском и других языках, начиная с XVII в. до первой половины XIX в.

Учитывая задачи, возложенные на советские музеи, Музей евреев Грузии с первых дней организации поставил в центре своей деятельности культурно-массовую и политико-просветительную работу. Музей проводит лекции и беседы на производствах и предприятиях г. Тбилиси, а также в районах среди колхозников.

В период Великой отечественной войны музей почти всю свою работу перестроил на военный лад. В 1941 г. музеем была организована выставка на тему «Варварство фашизма и защита родины», причем музей систематически расширял экспозицию новыми материалами, охватывающими героические подвиги Красной Армии под водительством Великого Сталина.

Директор Музея А. Крихели

МУЗЕЙ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

В нынешнем своем виде музей существует с 1926 г. (возник в 1920 г.). Из собранных сотрудниками музея и поступивших в него экспонатов уже в начале тридцатых годов сформировались фонды: археологический, нумизматический, исторический и этнографический. Позже к ним был присоединен специальный фонд экспонатов по истории религии. Было положено также начало фонду эпиграфики на камне.

Музей истории Азербайджана со своими фондами и экспозициями помещается в здании бывшего дворца ширваншахов, расположенного на вершине бакинского холма, окруженного старинными крепостными стенами. Дворец и четыре других здания (диван-хана, усыпальница членов семьи ширваншахов, шахская мечеть и мавзолей выдающегося ширванского ученого Сеид Яхья Бакуви) — постройки конца XIV и первой половины XV в. — довольно хорошо сохранились.

В нескольких залах и комнатах дворца размещена музеем экспозиция по истории Азербайджана в XVIII и первой половине XIX в. В экспозицию вкраплены этнографические материалы; специальной выставки этнографических коллекций из-за недостатка помещения не создано. Этнографическим фондом музея (около 4 1/2 тыс. экспонатов) заведует З. А. Кильчевская.

В музее имеется около 90 азербайджанских женских национальных костюмов из Карабаха, Гянджи, Нухи, Шемахи и ее районов, Кубы, Баку и Апшерона, Нахичевани и Талыша. Наиболее старинные костюмы восходят к началу XIX в., большая же часть их относится к концу XIX и началу XX в. Хотя значительная часть этих костюмов сшита из тканей фабричного производства, но по покрою они сходны с костюмами начала XIX в., сшитыми из местных и иранских тканей ручной, ремесленной выделки. Коллекция женских костюмов позволяет установить принадлежность костюма к различным социальным слоям, общие черты и различие костюмов в различных частях страны (Карабах, Ширван, Нахичевань и пр.), а также изменения, внесенные в костюм с течением времени. К сожалению, экземпляров мужского костюма в музее мало. Пополнение фонда старинными мужскими костюмами весьма затруднено — их очень мало сохранилось.

Другие предметы одежды, имеющиеся в музее, изготовлены из тканей ремесленно-кустарного производства как северных, так и южных частей Азербайджана.

В старину в Азербайджане кустарным способом выделявались ткани хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые. Из хлопчатобумажных тканей наибольший интерес представляют галамкары — бумажные ткани с ручной набивкой, часто очень сложного узора. В этнографическом фонде хранятся исполненные таким способом скатерти, платки (бохча), занавеси и другие предметы, а также два комплекта (из Гянджи и Нухи) деревянных штампов с резаным по ним узором для набивки тканей (около 200 экз.). Большая часть из этих галамкаров относится ко второй половине XIX в., но есть экземпляры начала XIX и конца XVIII в. Из шерстяных тканей особенно замечательна тирма — ткань из очень тонких шерстяных ниток, окрашенных в различные цвета. Ткань соткана так, что из этих цветных ниток получался сложный узор. В отдельных экземплярах этих тканей можно насчитать до 60 различных оттенков цветных нитей. Собрано около 200 различных видов ткани тирма.

Шелковые ткани издавна выделявались в Азербайджане (в Барде, Гяндже, Шемахе, Тебризе). Это производство очень старое, оно существовало уже в XII в. и, очевидно, и в более ранние века. Из шелковых тканей наиболее известными являются: канаус, мов, дарапы, тафта, а также келегаи (специально для головных платков) и джиджим, употребляемая для покрывал, матрасов, хейба (переметных сум), чепраков, на одеяла и пр. Многие из тонких шелковых тканей сделаны в рисунке крупных клеток или широких полос, окрашенных в мягкие, гармонирующие друг с другом цвета. Ткань джиджим выделялась в узкую полосу, иногда с геометрическим узором, имела яркие расцветки. В фонде собрано до 50 фрагментов парчи; некоторые образцы ее относятся к XVII и XVIII вв.

Музей имеет большие и хорошие коллекции азербайджанских вышивок. Среди вышивок шелком по сукну и бархату особого внимания заслуживают вышивки, исполненные мужчинами-вышивальщиками города Нухи. Эти вышивки на предметах обихода (попонах, чепраках, мутаках, подушках, занавесах, покрывалах) пользовались широкой известностью едва ли не с середины XIX в.; по узору и стилю они в основном воспроизводят мотивы XVIII и даже XIX вв. Наиболее старинные из этих вышивок относятся к концу XVIII и началу XIX в. Цветные шелковые нити вышивки в них окрашены прочными растительными красками. К другому подразделению — вышивок мишурой — относится около 150 экспонатов. Эти вышивки золотистой и серебристой, гладкой и крученой ниткой, а также блестками очень эффектны. Подобного рода вышивки производились в различных местностях Азербайджана. Наибольшими художественными достоинствами и сложностью узора и шва обладают вышивки Карабаха, Шемахи (Ширвана) и Нахичевани, несколько проще вышивки Кубы, Апшерона (в том числе и Баку), а также Талышинского края. Этого рода вышивки часто можно встретить на чехлах для корана, гробия, часов, пенала (калемдан), ножиц, принадлежностей косметики, на занавесах для ниш, покрывалах для седла, подушках, арачихах и других предметах. Многие из этих предметов входили в состав традиционного приданого невесты. Предметов вышивки бисером собрано только 30. Эти работы прекрасны по своему выполнению и заслуживают внимательного изучения.

Азербайджан издавна славится коврами. Особое внимание уделяется музеем старинным коврам. Коллекция ковров в музее пока невелика, но уже имеются экземпляры из районов Кубы (Перебедиль, Чичи, Конахкенд), из районов Шемахи (так называемые ширванские ковры), а также ковры из Казаха, Карабаха и селений Апшерона (Хилья-Амираджаны и Сураханы).

Музеем обращено внимание на сбор медной посуды азербайджанского производства. Медная посуда производилась в нескольких городах Азербайджана (Гяндже, Шемахе, Нухе), но истари наиболее известным центром производства ее было селение Лагич, находящееся примерно в 35 км к северо-западу от г. Шемахи. В Лагиче выделялась посуда различных форм (сатыл, сарнич, долча, казан, серпущ, сини, меджмей, гюгюм, абгердан, хамамтасы и др.). Эта посуда украшалась гравированным (а в старину и чеканным) орнаментом, иногда весьма богатым. В музее хранятся около 300 экземпляров лагической медной посуды. На некоторых изделиях имеются клейма мастеров, имена владельцев посуды, даты. Наиболее ранние экземпляры относятся к XVII в. Собирается также медная посуда, производившаяся, повидимому, в южном Азербайджане (Тебризе), но собрано пока лишь небольшое количество этих изделий.

Музей собирает также коллекцию изделий из дерева (около 100 экз.). Имеется несколько старинных (конца XVIII в.) изделий шебека, т. е. узорчатых рам, собранных без клея и гвоздей из маленьких деревянных стерженьков, концы которых врезаны шипами, а также изделия из дерева, инкрустированные костью и металлом.

Собраны также инструменты и станки, употреблявшиеся в домашнем и ремесленном производстве. Имеется ковроткацкий станок и целый комплект разных станков по обработке шелка-сырца и выделке шелковых тканей. Этот комплект станков (конца XVIII и начала XIX в.) был вывезен музеем из сел. Мюджи (близ Шемахи), являвшегося в старину одним из центров производства шелковых тканей.

Наряду с подлинными экспонатами в музее собираются фотографии жилищ, мастерских, лавок, базаров и пр.

В. Н. Левиатов

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ КОМИ АССР

Этнографическая экспозиция в Краеведческом музее Коми АССР в г. Сыктывкаре, открытая в 1946 г., составляет часть исторического раздела. Экспонаты, освещающие хозяйство, быт и культуру народа коми, сосредоточены по темам и размещены, за недостатком экспозиционной площади, в одной комнате.

Сельское хозяйство представлено несколькими орудиями земледельческого труда: сохой, вязовой бороной, горбушей, примитивным суком-цепом и ступой для толчения зерен. Все это говорит посетителю об отсталых, крайне примитивных формах земледелия, значительно дольше сохранявшихся в условиях северной природы. На этом же стенде представлены некоторые предметы быта: прялки, самодельные весы, кузова из березового лыка и т. д. Очень сжато дано рыболовство. Модель лодки, несколько рыболовных снастей, «острога» и «сак» — вот все, что видит посетитель в музее по этой отрасли хозяйства, столь богатой и разнообразной, занимающей значительное место в Коми АССР. Полнее представлена охота: два мужских манекена в полном охотничьем снаряжении; рядом на щите размещен охотничий инвентарь: лыжи, обтянутые мехом, ружья — от кремневых до винтовки последнего образца, пороховницы, охотничьи пояса, котомки, топор и нож в ножнах — необходимые принадлежности охотничьего костюма. На подставке представлены орудия лова: черкан, старинные кляпцы, железные капканы, петли волосяные, металлические и т. д.; наконец, модель охотничьего лесного амбара «щамья». Вещественный материал дополнен иллюстрациями охотничьей избушки, типов охотников, охоты на мелведя и картой распределения охотничьих угодий.

Тема «жилище» экспонирована в музее чрезвычайно слабо и представлена только одной моделью старинной избы, зато костюм показан наиболее полно и дает представление об основных формах национальной одежды. Эта тема представлена пятью взрослыми и двумя детскими манекенами. В первом шкафу стоит группа: женщина, девушка и мальчик. Все эти фигуры одеты в костюмы, сшитые из домотканой пестряди. Женщина в «сорoke» — головном уборе, вышедшем в настоящее время из употребления, и сарафане из пестряди. Во втором шкафу — две богатые женщины из Усть-Цильмы конца XVIII и XIX в., одетые в парчевые сарафаны, безрукавки, шелковые рубашки с длинными рукавами и штофные платки-шали. В третьем шкафу представлены еще два женских манекена. Один в верхней самодельной одежде из сукна «дукесе», второй — в белой рубашке с красной затканкой на плечах и сарафане — «шушуне» из синей набойки. К сожалению, в экспозиции не указана точная документация костюма и выставленные комплекты в большинстве случаев являются сборными. Рядом с экспонатами по костюму имеется витрина с головными уборами «сборниками».

Интересен стенд с посудой. Посетитель видит здесь глиняную самодельную посуду, весьма разнообразной формы, сделанную руками без помощи гончарного круга, плетеную из сосновых корней и березового лыка, огромные деревянные ковши, напоминающие формой птицу, блюда, миски и жбаны, деревянные замки и солонки в виде утки с утятами на крышке. В этом разделе особенно ярко проявилось своеобразное искусство народа коми, жителя северных лесов, — умение использовать дерево в домашнем обиходе и художественно обработать каждый сучок и деревянный изгиб.

Народное искусство представлено также богато и разнообразно. Вязанные изделия из шерсти: пояса, чулки, перчатки и рукавицы — поражают яркостью красок и богатством орнамента. Показаны образцы набойки, набойные доски и подушка для набивки холста. Узорное тканье представлено полотенцами с браным узором из красных ниток. Искусство ижемцев представлено изделиями из кожи, замши и оленьего меха: сумки, мешки, рукавицы, шапки, ковры и т. д. Имеется большой набор резных деревянных изделий.

Экспозиция, несмотря на сильную перегрузку, все же неполно освещает быт и культуру народа коми. Очень жаль, что не показаны производственные процессы: ткачество, плетение, изготовление глиняной и деревянной посуды. Не экспонирована такая интересная тема, как национальные музыкальные инструменты. Не выдержана и система показа. Тема «костюм» перемежается с другими темами. Отсутствие в кадрах музея специалиста-этнографа сказалось и на экспозиции, которая нуждается в расширении площади и большей научной разработке.

В. Белицер

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Новая книга о культуре о. Пасхи

(Alfred Métraux, *Ethnology of Easter Island* (Bernice P. Bishop Museum, Bull. 160), Honolulu. Hawaii, 1940, 43).

Происхождение культуры острова Пасхи — одна из интереснейших и сложнейших проблем этнографии, давно привлекающая к себе внимание исследователей. Об этом небольшом островке, затерянном в просторах Тихого океана, существует целая литература, и не в одну сотню названий. Что придает особую трудность, но и особый интерес проблеме, — это контраст между величественными памятниками прошлого и современным бедственным состоянием малочисленного туземного населения, не имеющего никакого представления об этих памятниках и их значении. Кто и зачем строил эти огромные каменные статуи? Кто и как переносил их и расставлял по циклопическим каменным площадкам, растянувшимся по побережью вокруг всего острова? Откуда взялись и что означают загадочные письмена, покрывающие деревянные таблички, немногие уцелевшие от благочестивого фанатизма католических миссионеров? Могла ли вообще эта ныне погибшая культура, сравнительно высокая и сложная, быть создана в условиях маленького изолированного острова, который едва ли вмещал больше 3—4 тыс. населения?

Для решения этих вопросов нужно прежде всего знать факты. А за серьезное собрание и изучение фактического материала исследователи взялись, к сожалению, поздно, когда многое уже нельзя было изучить после погрома, учиненного перуанскими работорговцами (1862), и истребления старых писем миссионерами (1864). Старая культура пришла в полный упадок, и недостаток точных знаний пришлось восполнять легендами и более или менее рискованными гипотезами, вплоть до теории о потонувших архипелагах (Макмиллан Браун) или теории индийского происхождения письменности о. Пасхи (Хевеши). Экспедиция миссис Раутледж 1914—1915 гг. спасла и собрала все, что к этому времени еще сохранилось из остатков старой культуры о. Пасхи. Но материалы этой экспедиции опубликованы до сих пор лишь частично. Франко-бельгийская экспедиция 1934—1935 гг. застала еще меньше сохранившихся следов прошлого. Но в составе ее были крупные ученые, в том числе Альфред Метро, автор рецензируемой книги, и экспедиция сильно продвинула вперед разрешение проблемы.

Добросовестный и широко образованный исследователь, известный ранее своими работами по этнографии Южной Америки, Метро очень серьезно взялся за трудную проблему. Острову Пасхи были посвящены еще прежде несколько его статей в разных журналах (1936—1938), в одной из которых он между прочим подвергает критике теорию Хевеши о связи письменности о. Пасхи с иероглификой Мохенджо Даро («Anthropos», 33, 1938). В настоящей же книге собран и систематически изложен материал по этнографии о. Пасхи. Не ограничиваясь материалами собственной экспедиции, Метро дает здесь и хорошую сводку всего известного из прежней литературы. В этой книге ценно прежде всего подробное и систематическое изложение фактического материала. Уже одно это весьма важно, потому что прежние авторы зачастую неточно описывали факты, преувеличивали особенности культуры о. Пасхи, сгущали краски в сознательном или бессознательном стремлении усилить «загадочность» этой культуры. Это обстоятельство отмечает сам Метро. Так, он указывает, что некоторые авторы преувеличивали скудность естественных ресурсов острова, контрастирующую с богатством культуры. В литературе нередко преувеличивали огромность каменных статуй, которые, как указывает Метро, не превосходят своим весом 4—5 тонн, и их не так уж трудно было передвигать; более же крупные статуи, до 20—30 тонн весом, не передвигались на большие расстояния, а ставились вблизи каменоломен, где их выделывали. Это строго критическое изложение точных

фактов, устранение всех гиперболических представлений — само по себе составляет большую заслугу автора. Это первый шаг к правильному, научному решению проблемы, которую давно пора освободить от досужих фантазий. Вторым и не менее существенным шагом в том же направлении является то, что Метро очень удачно применил метод сравнительного анализа. Он сопровождает изложение фактического материала по каждому разделу сравнительными данными по другим островам Полинезии. Богатая эрудиция автора позволяет ему приводить параллели метко и верно. И вот оказывается, что почти каждое явление культуры о. Пасхи находит свои аналоги в той или иной части Полинезии. Шаг за шагом, ведя читателя по разным сторонам и элементам культуры о. Пасхи, автор убедительно показывает, что эта культура не так уж изолирована, не так уникальна. Красной нитью проходит через все изложение основная идея Метро: культура о. Пасхи — чисто полинезийская по своему происхождению и характеру, она выросла из общеполинезийских источников, а своеобразие ее объясняется лишь местными условиями развития. Не нужно предполагать никаких катастроф, ни посторонних влияний, чтобы понять происхождение этой «загадочной» на первый взгляд культуры. Автор не видит также серьезных оснований говорить, как это многие делали, о двух расах, борющихся между собой за обладание островом, о наличии здесь более раннего меланезийского (негроидного) населения и о параллелях, якобы существующих с культурой Меланезии.

Чтобы яснее показать, как автор приходит к этим выводам, дадим краткий обзор содержания книги Метро.

Автор начинает с обстоятельного географического очерка о. Пасхи, показывая, что остров не так уж беден ресурсами. Земля его плодородна, лес все же был и, как ни мал остров (55 кв. миль), он мог прокормить 3—4 тыс. жителей. Далее автор включает в свою книгу очерк антропологии о. Пасхи, написанный американским антропологом Шапиро. По своим расовым признакам островитяне — типичные полинезийцы; однако признаки этой расы здесь как бы усилены, что автор объясняет условиями изоляции и «инбридинга». Меланезийской примеси не обнаруживается. Больше всего сходства в расовом отношении островитяне Пасхи обнаруживают с жителями Мангаревы, но есть и черты, близкие к маорн Новой Зеландии, к обитателям Маркизских о-вов и Туамоту. Язык островитян чисто полинезийский, хотя в последнее время он сильно засорен европейскими словами.

Изложив кратко историю взаимоотношений туземцев с белыми и быстрый упадок их культуры, автор обращается к сохранившимся источникам для изучения древнейшего прошлого о. Пасхи. Он приводит тексты своих новых записей древних легенд о Хоту Матуа, культурном герое и первом колонизаторе острова, о борьбе Длинноухих с Короткоухими и пр. и сопоставляет разные версии генеалогии местных королей.

Что касается социальной организации туземцев о. Пасхи в новейшее время, то Метро честно заявляет, что не мог о ней много узнать, будучи увлечен, главным образом, изучением прошлого. 456 человек туземцев (все современное население) живет в 50 домах, т. е. по 9 человек в среднем в доме: такой сравнительно большой средний состав семьи Метро объясняет обычаем принимать в свою семью родственников и друзей, что, может быть, является остатком большой семьи (ivi).

Вопреки ходячему мнению, плодovitость туземцев велика, и рождение детей всегда составляет радость для семьи. Есть остатки возрастных посвященных обрядов. Половая мораль не отличается строгостью, однако Метро относится с осторожностью к старым сообщениям о крайней половой распушенности, особенно женщин. Автор тщательно анализирует значение социальных терминов «mata», (скорее племя, чем клан), *tihi* (группа, откуда можно брать жен) и пр. Он характеризует 4 класса или ранга, на которые делилось население, отмечая также особые профессиональные группы, отношения рабской или даннической зависимости («kio»). О формах собственности, о правовых обычаях, суде и расправе сведения очень скудны.

Раздел, посвященный материальной культуре, особенно интересен. Автор собрал здесь буквально все, что сохранилось на месте, в музеях и в литературе. Подробно описывается земледелие, рыболовство, типы орудий, постройки, лодки, техника плетения, изготовление тапы, одежда, украшения, деревянная резьба, каменные орудия и пр. Для каждого элемента культуры подыскиваются сходные и родственные формы в других частях Полинезии. Автор не оставляет без внимания, конечно, известные каменные площадки — «аху», о которых высказывалось столько предположений. Он указывает, между прочим, на один важный факт, свидетельствующий против «теории катастрофы», согласно которой о. Пасхи имел прежде будто бы более крупные размеры: почти все «аху» расположены вдоль побережья острова: хотя морские волны местами подмывают берег, но «аху» ими не разрушаются, и «ясно, что аху были построены вблизи берега, там, где они стоят и сейчас». Описав подробно каменные площадки, разделив их на несколько типов, Метро указывает на наличие аналогий на других полинезийских островах: Мангарева, Туамоту, Таити, о. Неккера в Гавайской группе; самое слово «аху» известно и другим полинезийцам,

хотя не совсем в том же значении. Метро предполагает, что «аху» представляют собой очень древнее явление в Полинезии и что в центральной Полинезии эти ритуальные площадки превратились в священную ограду («марае») лишь после того, как предки островитян Пасхи выселились оттуда.

Особое внимание уделяет автор, естественно, каменным статуям. Прежде всего он отмечает факт, на который ранее не обращали внимания: на о. Пасхи есть два вида каменных статуй: одни размещены на «аху» вдоль побережья, другие — вблизи тех каменоломен Рано-рараку, где они выделялись из мягкого туфа. Между этими двумя видами есть различия: статуи на аху меньше размерами и снабжены расширенным основанием, статуи же, расположенные вблизи Рано-рараку, имеют внизу клиновидное заострение для всаживания в почву, а главное — они больше по размерам и, очевидно, не предназначались для дальних передвижений (последнее, впрочем, отмечала и миссис Раутледж). Чем дальше от места выделки, тем в общем меньше размер и вес статуй. Передвигать их было, по мнению автора, не так трудно: это облегчалось ровным характером местности, поросшей, кстати, высокой и скользкой травой. На скалистом северном берегу нет статуй, перенесенных из Рано-рараку, а есть только статуи из местного базальта. Хотя теперешние туземцы не помнят о том, как передвигались статуи, но это не значит, что последние относятся к очень отдаленному времени: войны и другие потрясения в середине XIX в. привели к быстрому забвению всех культурных традиций. В противовес прежним скороспелым теориям, Метро очень осторожно высказывается о назначении статуй. Нет прямых доказательств, что они были предметом поклонения. Более вероятно, что статуи делались для увековечения памяти умерших, но автор думает, что это был не единственный мотив для столь значительной затраты труда. Самое интересное и в этом вопросе — сопоставление с аналогичными памятниками на других островах. Метро отвергает, как неубедительную, гипотезу Бальфура о связи каменной скульптуры о. Пасхи с Меланезией. Напротив, он видит генетическую связь этой скульптуры с деревянной резьбой, известной на многих островах Полинезии, особенно на Мангарева. Деревянная скульптура, как указывалось уже раньше, вообще предшествовала в Полинезии каменной. Некоторые детали статуй о. Пасхи (плоские поверхности, трактовка рук, контур подбородка) напоминает технику деревянной резьбы. Метро выдвигает следующую гипотезу, которой нельзя отказать в убедительности: «Первые насельники прибыли на о. Пасхи, вероятно, из восточной Полинезии и были знакомы с резьбой человеческих фигур из дерева. За недостатком дерева на их новой родине они применили свое искусство к туфу из Рано-рараку, который податливее камня. Поощряемые обилием туфа и легкостью переноса статуй по открытой стране, они стали делать все более и более крупные статуи, пока каменная резьба не достигла развития большего, чем в других частях Полинезии».

Вопроса о старой религии островитян Пасхи Метро касается лишь кратко, ибо сохранившиеся данные крайне скудны. Интересен один факт: имена великих богов Полинезии — Тангароа, Ту, Хиро, Ронго, Тане — были, несомненно, известны на о. Пасхи, но не видно, чтобы они пользовались особым почитанием. Из почитаемых богов на первое место выдвинулся чисто местный бог Макемаке; Метро предполагает, что Макемаке, быть может, — местное имя бога Тане: автор основывается на связи обоих образов с птичьим культом. Очень ценно собрание довольно большого количества фольклорных текстов, записанных Метро на местном языке и приводимых в дословном переводе: в книге содержится 42 текста сказок и преданий, не считая отдельных текстов, приводимых в оригинале.

Последний раздел книги посвящен знаменитым табличкам с письменами. Автор тщательно собрал все факты, касающиеся этого вопроса. Он не может согласиться с мнениями об особой древности этих табличек и их чужеземном происхождении. Новейшие данные позволяют разбить сохранившиеся таблички с надписями на несколько видов: одни из них относятся к праздникам, другие к умершим, третьи к войнам, четвертые содержат молитвенные тексты. Самые простые и примитивные — первые. Очень важно было бы собрать и систематизировать все знаки, встречающиеся на табличках. Автор проделал это только для одной таблички, расклассифицировав около тысячи знаков. Более полный корпус, составленный ранее епископом Тепано Жоссеном, Метро считает неудачным. Не раз делались опыты расшифровки текстов при помощи стариков-туземцев, помнивших прежнее употребление табличек. Но эти опыты показали, по мнению Метро, лишь то, что знаки на табличках не представляют собой настоящего письма, а скорее мнемонической средство, употреблявшееся при пении заклинаний. «Различные попытки расшифровки табличек установили только один факт, — говорит Метро: — таблички никогда не читались, а использовались при пении заклинаний». Опрашиваемые туземцы всегда лишь разъясняли значение отдельных знаков, но не читали их. Анализ знаков крайне труден, ибо они бесконечно разнообразны и часто комбинируются, образуя сложные знаки. Метро считает, что перед нами система пиктографии, но достигающая высокой степени условности и с более или менее фиксированным числом символов.

Автор выдвигает следующую гипотезу о происхождении этой «письменности».

«Таблички были первоначально дощечками, которые употреблялись людьми ронгоронго (знатоками заклинаний) для отбивания такта при пении. Они украшались резьбой, которая стала связываться с заклинаниями. Символы составили нечто вроде пиктографии в том смысле, что каждый знак получил связь с определенной фразой или группой слов в заклинании. Символы не соответствуют точно определенному заклинанию, но каждая табличка могла использоваться со многими заклинаниями, и с каждым изображением связывались различные фразы. Так как связь между заклинанием и табличкой была довольно слабой, то знаки стали условными и традиционными. Вот что имел в виду осведомитель Раутледж, говоря, что «слова были новые, а буквы старые». Магический или орнаментальный характер знаков вытеснил их пиктографическое значение. Если символы вначале вырезывались на деревянной палке, то легко понять характер «бустрофедон» (т. е. чтение в обоих направлениях попеременно) этого «письма». Несмотря на отсутствие прямых параллелей с другими островами Полинезии, Метро все же считает, что «письменность» о. Пасхи стоит не так уж изолированно: есть известная аналогия ей в мнемонических знаках на Маркизских о-вах, а отчасти и на о-вах Кука, Туамоту и Таити.

В заклинании автор формулирует свои общие выводы о происхождении культуры о. Пасхи. «Воображаемая таинственность о. Пасхи,— говорит он,— основывается на предположении, что культура этого клочка земли была слишком развита, чтобы быть созданной теми туземцами, которые жили там, когда остров был открыт европейцами». Отсюда теория забытой цивилизации, разрушенной природной катастрофой или вторжением. Но «подобные взгляды покоятся на простой спекуляции, а не на наблюдаемых фактах». «Геологическая» теория происхождения или гибели культуры о. Пасхи не подтверждается фактами. Попытки установить связь этой культуры с Меланезией или другими отдаленными областями тоже неубедительны и основаны на поверхностных сходствах. Вообще теорию нескольких культурных или расовых слоев на о. Пасхи Метро отвергает. «Культура о. Пасхи едина». В ней нет ни одного неполоинезийского элемента. Тем более отвергает автор попытку патера Г'юзинде связать о. Пасхи со «свободно-материнско-правовым культурным кругом», как основанную на простом недоразумении и незнании фактов. Гипотеза о культурных связях с Южной Америкой настолько «фантастична или наивна», что Метро даже не считает нужным ее разбирать.

Установив, что «о. Пасхи был заселен одной единственной волной иммигрантов, принадлежащих к полинезийской расе», Метро ставит вопрос: откуда и когда пришли эти иммигранты? Он устанавливает наличие на о. Пасхи всех общеполинезийских элементов культуры. Напротив, те элементы, которые типичны для западной Полинезии (Бэрроус), на о. Пасхи совершенно отсутствуют, тогда как черты общих с юго-восточной Полинезией и с Новой Зеландией, там много. «Нет сомнения, что о. Пасхи принадлежит к окраинному подрайону центрально-полинезийской культуры». Автор перечисляет элементы культуры, сближающие о. Пасхи с Новой Зеландией (короткая и длинная палочки, один из типов каменных резцов, горизонтальный настил крыши, костяные иглы, слово «кого» в обращении к отцу и пр.), с Туамоту (тип хижины, досчатые лодки, каменные площадки, головной убор из перьев, миф о создании человека, Ронго и Тангароа в качестве предков королей, диалект), с Гавайями (горизонтальный настил крыши, составные рыболовные крючки, каменные ступы, каменные площадки). Особенно много параллелей с о. Мангарева и Маркизскими о-вами. С Мангаревой о. Пасхи сближает: обычай мостить камнями перед домом, тип лодки с поднятыми концами, форма весла, некоторые особенности деревянных изображений, изоляция детей вождя, полная татуировка тела, термины *hi-atua* (жрец) и *hugitapu* (общинник), тип святилища, погребальные склепы, выставление трупа на подмостках, корпорации профессиональных заклинателей. С Маркизскими о-вами налицо следующие параллели: домашние куры, изображения на тапе, большие каменные статуи на площадках, горельефная резьба, камнерезное дело, длинные и узкие дощечки, протыкание ушей, полная татуировка тела, стилизованные фигуры с большими глазами, корпорации заклинателей.

Имея в виду эти многочисленные совпадения, Метро считает наиболее вероятным переселение предков островитян Пасхи или с Мангаревы или с Маркизских о-вов. Правда, он видит и существенные различия между культурой о. Пасхи и названных островов, но эти различия объясняются тем, что развитие в течение долгого времени после расселения шло различными путями. Метро полагает, что наличие ряда общих черт с культурой не одного, а многих районов окраинной Полинезии указывает на очень давнее выселение оттуда предков островитян Пасхи. Это выселение имело место до того, как началась дифференциация отдельных локальных культур. Особое сходство с Новой Зеландией объясняется тем, что предки маорийцев отделились от центральных полинезийцев в ту же раннюю эпоху. Это было время, когда «предки туамотцев, мангаревцев, маркизцев и маори обитали на одной и той же группе островов и имели единую культуру»; к ним принадлежали и предки жителей о. Пасхи. Последние, вероятно, выселились с Мангаревы; быть может, это было какое-нибудь побежденное племя, бежавшее под предводительством своего вождя Хоту-Матуа. Из-за недостатка дерева поселенцы о. Пасхи забыли искусство

мореплавания. Дерево стало своего рода драгоценностью — отсюда деревянные украшения. «Единственным локальным изобретением, сделанным островитянами Пасхи, были, повидимому, деревянные таблички». Каждый из районов Полинезии развил какую-нибудь свою сторону культуры: маркизцы татуировку, маори резьбу по дереву и ядентовые изделия. На о. Пасхи такой специальностью стало изготовление огромных статуй. В этом нет ничего чудесного, ничего противоречащего «полинезийскому гению».

«Цель этой книги, — говорит в заключение Метро, — была показать, что о. Пасхи есть локальная полинезийская культура, которая развилась из архаической и недифференцированной полинезийской цивилизации. Но я надеюсь, что из этой книги можно извлечь и другой урок — то, что культуры не статичны, что они не нуждаются во внешних толчках и влияниях, чтобы развиться и достигнуть известной степени совершенства. На самом уединенном из обитаемых островов мира островитяне Пасхи сумели развить и усовершенствовать культуру, полученную ими от их полинезийских предков на Западе».

И в самом деле, прекрасная книга Метро достигает этой цели. В годы, когда в буржуазной науке так сильно увлечение разными ультрадиффузионистскими теориями, когда научная добросовестность так часто приносится в жертву фантастическим построениям в духе «школы культурных кругов» во всех ее разновидностях, — особенно отраднo видеть, как лучшие из зарубежных исследователей не поддаются этому гипнозу. Трезвый ум и научная добросовестность Альфреда Метро приводят его, в результате глубокого анализа фактов, к выводам, созвучным с основными принципами нашей советской этнографической науки. Культура не статична, и она не нуждается во внешних толчках, чтобы идти по пути развития, — это то, что не раз доказывалось и советскими этнографами. Метро нисколько не отрицает роли культурных заимствований и культурной традиции, но он не фетишизирует ни того, ни другого. Что же касается конкретной проблемы о. Пасхи, то в этом отношении книга Метро знаменует собой решительный поворот от фантастических и романтических гипотез к строго научному, серьезному анализу фактов на основе последовательно проводимого метода историзма.

Книга Метро не лишена, конечно, недостатков. Она все же неполна. Автор слишком бегло касается историографии вопроса о культуре о. Пасхи, отделяясь нередко лишь намеками или вскользь сделанными замечаниями. Он сокращает до минимума полемику, заменяя ее изложением конкретных фактов. Для специалиста этих беглых замечаний достаточно, но читатель, не знакомый со специальной литературой, предпочел бы, чтобы те взгляды, против которых Метро выступает, были как-то изложены. Далее, история о. Пасхи со времени соприкосновения с белыми затронута тоже слишком кратко. Из какой-то, вероятно, осторожности автор даже не упоминает о печальной роли католических миссионеров в разрушении памятников древней культуры о. Пасхи. Странно, что неполна даже библиография, приводимая в конце книги. Хотя она состоит из 230 названий, но здесь отсутствуют почему-то работы Хевеши и Гейне-Гельдерна, с которыми полемизировал прежде сам автор. Неужели он считает эти работы не заслуживающими упоминания даже в библиографическом списке?

По существу же взглядов Метро надо сказать, что, хотя основной его тезис — о чисто полинезийском происхождении культуры о. Пасхи — обоснован им с достаточной убедительностью, тем не менее это не означает, что следует прекратить всякие попытки отыскать исторические связи этой культуры с другими, более отдаленными районами. Пусть культура о. Пасхи — плоть от плоти полинезийской культуры, но ведь эта последняя сама-то имеет по всей очевидности довольно далекие связи на западе — в южной и восточной Азии, а может быть и на востоке, в Америке. Мало того: даже вопрос о возможности исторической связи с древнеиндской цивилизацией, о возможности сохранения в «письменности» о. Пасхи каких-то отдаленных реминисценций иероглифического письма Мохенджо-Даро, вопрос, поднятый Хевеши, не может, думается нам, быть совершенно снят с порядка дня. Poleмику по этому вопросу нельзя считать законченной — по крайней мере до тех пор, пока не доведен до конца анализ всей системы «письма» о. Пасхи и пока не расшифрована иероглифика Мохенджо-Даро. Наука не сказала здесь еще своего последнего слова.

Отмеченные недостатки книги Метро однако невелики в сравнении с ее крупными достоинствами. Она бесспорно составляет очень большой вклад в науку, значительный шаг вперед в изучении культур Океании.

Представляется весьма желательным перевод книги на русский язык. Она бесспорно найдет себе многочисленных читателей в советской стране.

С. Токарев

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИИ

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII — XIX веках. Сборник материалов под редакцией А. И. Андреева (Всесоюзное географическое общество). Москва — Ленинград, 1944, 223.

Русские открытия в Северной Америке и Тихом океане, совершенные в XVIII и начале XIX в., составляют одну из крупнейших заслуг русской науки. История этих открытий, публикация соответствующих документов и материалов, а равно их изучение, помимо их общенсторического значения, интересуют нас с этнографической точки зрения как одна из значительных глав истории русской этнографии, сделавшей здесь, что касается Северной Америки, большой вклад в этнографическую науку, открывшей новый, неизвестный дотоле этнографический мир народов Алеутских островов и Аляски, давшей первые, а потому и особо ценные, сведения об этих народах. Внимания заслуживает и участие русской науки в этнографическом изучении Океании. Разработка этих глав истории нашей науки ведется у нас уже издавна и продолжается по сей час; сделано в этой области, однако, далеко не все, и ни достаточной публикации материалов, ни исследования ряда отдельных тем, ни тем более полной истории этих открытий и достижений мы не имеем. В недавнее время работа по выявлению, изучению и публикации относящихся сюда архивных материалов была возобновлена, и рецензируемый сборник, изданный под редакцией А. И. Андреева, является одним из результатов проделанной работы.

Сборник состоит из трех разделов. Первый содержит материалы по экспедициям Глотова, Пономарева и др., открывших острова Умнак и Уналашка, и Лазарева, Васютинского, Толстых и др., посетивших Андреяновские острова. Во втором разделе помещен ряд документов, относящихся к деятельности основателя Российско-американской компании Григория Ивановича Шелехова. Третий раздел содержит оставшиеся совершенно неизвестными, открытые лишь в 1940 г. в Ленинграде, «Записки» приказчика названной компании Н. И. Коробицына, которому довелось стать участником первого русского кругосветного путешествия и совершить плавание на корабле «Нева» под командой капитана Ю. Ф. Лисянского.

Материалы первого из указанных разделов сборника были уже напечатаны: экспедиции Глотова и др. — в V выпуске известного «Шукинского сборника», в 1906 г., экспедиции Лазарева и др. — Л. С. Бергом в журнале «Землеведение», в 1924 г. В рецензируемом сборнике эти материалы печатаются повторно по уже опубликованным текстам.

Материалы о деятельности Шелехова, относящиеся к 1785—1790 гг., публикуются впервые и представляют исключительный интерес. Помимо их значения для истории организованной Шелеховым компании и для характеристики этого предприятия, они еще раз ярко освещают личность этого замечательного русского человека. Замечательными чертами обрисовывают публикуемые документы высокий патриотизм Шелехова, его организаторский талант, его заботливость о своих сотрудниках и вместе с тем его заботу о поддержании среди них строгой дисциплины. Замечательны черты, характеризующие отношение Шелехова к туземцам открываемых им земель. Эта сторона его личности и деятельности заслуживает быть особо отмеченной потому, что в зарубежной, в частности, американской, литературе, вплоть до публикаций, выходящих в наши дни, неизменно подчеркиваются «жестокости», совершавшиеся русскими «конкистадорами» в Америке. В опубликованных А. И. Андреевым документах, регламентах и наставлениях Шелехова своим сотрудникам неоднократно фигурируют предписания: во вновь открываемых землях «обитающие народы «чрез ласковое обхождение в дружество приводить»; «наблюдать, чтоб все пришедшие обитатели в подданство не имели от лености и нерадения здешних продуктов в пище и в одеянии нужды»; «здешних обитателей, аманат, служащих при компании в работах каюр и работниц содержать в хорошем призраении, сытых, а последних обувать и одевать и обидеть не только делом, но и словом никого... не допускать, обидчиков из своих без лицепрятия с запискою штрафовать же строго»; «всем лисьевским алеутам, самопроизвольно... пришедших и у нас с женами и детьми обитающих, ныне и впредь, сколько тех будет, иметь содержание отменно хорошее, обувать и одевать всегда, как русских, не гнушно, а особенно толмачей и хороших мужиков одевать поотменнее, кормом самих и жен со всяким удовольствием питать... Есть ли пожелают во свояси, проводить их честно»; «для лисьевских алеут и их жен, где они будут жить сделать с перегородками добрые и теплые казармы». Мы не исчерпали всех подобного рода распоряжений Шелехова, равно как и иных свидетельств его исключительного отношения к туземцам, его забот об их хозяйственном и культурном устройстве, проходящих красной нитью через все его предписания и занимающих большое место в деятельности этого русского «конкистадора». С полным основанием мог Шелехов писать, говоря о себе в третьем лице, в поданном им в 1788 г. прошении на имя Екатерины II: «Живучи на главном острове близ двух лет, все свое старание употребил он к тому, чтоб тамошние народы заставить себе повиноваться не по страху и нужде, а по любви и по

собственной их пользе; употребленные им к тому средства, сообразные с правилами человечества и их правами, подали трудам его совершенный успех: усмирил он бывшую между ними вражду и междоусобия, коими искони взаимно они друг друга истребляли; показывал им неизвешенные до того им способы к доставлению себе пропитания, коих недостаток нередко жизнь их подвергал гибели, и снабдил их нужными к тому орудиями. Таковыми в нуждах их пособиями и снисходительным его с ними обращением преклонил их к себе в любовь, снискал их доверенность и удостоверял их, что пребывание россиян на их земле доставит им бесчисленные выгоды, безопасность и благоденствие».

Такова поистине замечательная, поистине славы достойная страница из истории русской этнографии!

Большой интерес представляют названные выше «Записки» Коробицына, обнимающие период 1795—1807 гг. Это, наряду с существующими уже и отчасти опубликованными материалами о кругосветном путешествии Лисянского — Крузенштерна, — новый и важный документ. В этнографическом отношении имеет значение ряд содержащихся в этих «Записках» точных и очень реалистических характеристик туземцев Океании и Северной Америки, описаний их внешнего вида, материальной культуры, некоторых сторон их общественных отношений, в частности, замечания по о. Пасхи, опровергающие баснословные сообщения о туземцах этого острова капитана Кука, замечания по Сандвичевым островам и др.

Предисловие А. И. Андреева дает обзор состояния архивных подлинников публикуемых документов, общую характеристику этих материалов и оценку их значения, а равно некоторые указания о соответствующих материалах, остающихся еще неопубликованными. Сборник снабжен иллюстрациями, заимствованными из современных источников, отлично воспроизведенными портретами Лисянского, Крузенштерна, Резанова и Баранова и некоторыми автографами. Отметим превосходное общее оформление этой публикации (художник Н. А. Седельников).

Выпуск этого ценного сборника — большая заслуга А. И. Андреева. Надо пожелать скорейшего опубликования и других архивных материалов по истории русских географических предприятий XVIII—XIX вв. Появление данного сборника еще раз напоминает о нашей задаче изучения этой замечательной главы из истории русской этнографии, в которой между прочим Г. И. Шелехов занимает видное место. Кстати сказать, в 1947 г. исполняется 200 лет со дня рождения этого «русского Колумба», как его назвал Державин, и дата эта, несомненно, должна быть отмечена у нас подобающим образом.

М. Косвен

НАРОДЫ СССР

Избранные причитания. Подготовка текста и вступительная статья В. Базанова. Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР и Гос. изд-во Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1945, 130.

Научно-исследовательский институт культуры и Государственное издательство Карело-Финской ССР приступили к изданию научно-популярной серии «Библиотека русского фольклора Карелии», общая редакция которой осуществляется А. М. Астаховой и В. Базановым. Цель серии — издание антологий классических образцов замечательного фольклора Карелии, а также не опубликованных еще или мало известных текстов. Намечено издание девяти выпусков, в число которых входят сборники причитаний, былин, исторических песен, сказок, лирических песен, советского фольклора, сборник «Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева» и «Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье». Последние два выпуска тематически несколько выпадают из плана популярной серии, в научном же отношении, несомненно, представляют наибольший интерес.

В рецензируемом сборнике представлено творчество трех замечательных воплениц: И. А. Федосовой, Н. С. Богдановой и А. М. Пашковой, пользующихся заслуженной известностью далеко за пределами Карелии. Общеизвестно, что плачи Федосовой были использованы Некрасовым в поэме «Кому на Руси...», что замечательный ее портрет дан Горьким в романе «Клим Самгин». Кстати сказать, об этом даже не упомянуто во вступительной статье, — для широкого же читателя эти факты, говорящие об обращении крупнейших наших писателей к народному творчеству, несомненно, интересны и поучительны.

Кроме текстов причетов, в сборнике даны автобиографии воплениц. Эти небольшие, бесхитростные и вместе с тем очень интересные и яркие рассказы народных поэтесс об их жизни очень оживляют книгу, сближают, роднят читателя с теми носителями народного искусства, творчество которых представлено в сборнике. Этому же способствует и вводная статья сборника, написанная В. Базановым, «Вопленицы и их причитания», в которой дается творческий портрет воплениц, характеризуются особенности их поэтического творчества, стиля каждой из них.

Творчество знаменитой русской вопленицы, талантлившей народной поэтессы Ирины Федосовой представлено в сборнике четырьмя плачами, на основании кото-

рых можно судить о многообразии ее творчества, о его тематическом и образном богатстве. Приходится пожалеть, что составитель не включил в сборник образец свадебного причета. Это дало бы возможность показать с еще большей убедительностью всю широту творческого диапазона Федосовой, тем более, что III том «Причитаний Северного Края» Барсова, включающий свадебные причеты, мало известен и почти недоступен. В этом отношении В. Базанов повторяет вошедшую в традицию ошибку сборников А. Н. Нечаева «Избранные причитания Ирины Федосовой» и сборника «Русские плачи» Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова.

Два плача Федосовой даны в сборнике в сокращении. Иначе и быть не могло, так как в сборнике Барсова мы имеем огромные сводные тексты, объединяющие несколько плачей, связанных с различными моментами похоронного обряда и проводов рекрута, или несколько вариантов причета. К сожалению, составителем отобраны не всегда самые яркие части плачей и часто отсекаются наиболее насыщенные эмоционально и наиболее сильные в художественном отношении строки; как, например, в плаче вдовы по мужу, где опущен изумительный по выразительности и красоте конец плача. Напрасно составитель опустил ремарки, имеющиеся в тексте Барсова, так как они служат комментарием причета, указывают на его функцию и показывают членение причета на отдельные самостоятельные части.

Причеты, приведенные в книге, характеризуют пути развития этого жанра начиная с 60-х годов XIX в. вплоть до нашего времени. Совершенно непонятно, почему составитель не включил в сборник причетов с ярко выраженной советской тематикой плачей, которые показали бы, что современный народный плач вступил в новую фазу своего существования, раздвинул узкие рамки «семейной», индивидуальной тематики, стал выражением общего народного горя, — наиболее ярким примером чего являются плачи о Ленине. Репертуар Пашковой давал все возможности для этого.

Аппарат сборника вызывает некоторые возражения: словарь случаев и неполон, нет библиографического указателя. В научно-популярном издании, которое прежде всего должно пробудить интерес к материалу, натолкнуть читателя на дальнейшее изучение вопроса, необходимо было дать указания на основные исследования и сборники.

Несмотря на указанные недостатки, сборник «Избранные причитания» несомненно явится полезной книгой для широкого читателя и нужным пособием в школьной и вузовской работе.

Э. Гофман-Померанцева

Джа м бу л Джа ба е в. *Собрание сочинений*. Казахское Государственное объединенное издательство, Алма-Ата, 1946, 620.

К столетию со дня рождения народного певца Джамбула Джабаева Казахское государственное издательство выпустило новый сборник его произведений, значительно пополненный против прежних изданий. Особенно следует отметить включение в сборник дореволюционных произведений Джамбула, до сих пор почти неизвестных широкой публике. Сборник делится на пять частей: 1. Дореволюционное творчество (1862—1917); 2. Айтысы, поэтические состязания (1872—1909); 3. Песни советской эпохи (1921—1940); 4. Песни военных лет (1941—1945); 5. Поэмы. Пожалуй, можно спорить против деления послеоктябрьских песен на два раздела, ибо по лейтмотиву своему песни военных лет не отличаются от всего послереволюционного творчества Джамбула. Этот лейтмотив — чувство глубокого патриотизма, беспредельной любви к великой советской родине и ее вождям Ленину и Сталину — насквозь пронизывает все произведения Джамбула, сложенные им на протяжении последних двух десятилетий его жизни. Это чувство глубокого патриотизма 90-летний акын стремится вдохнуть в каждого советского человека, будь то еще крошечка, только что вступивший в жизнь, которому поэт посвящает свою «Колыбельную», широко известную детям нашей страны, или боец, сражающийся против ненавистного врага («К Красной армии», «Богатырям, ломающим преграды», «Поэма любви и гнева» и др.), или старик-животновод, которому советская власть широко раскрыла мир радостного и плодотворного труда («Мастерам животноводства»).

Песни Джамбула — это переданная в поэтических образах история жизни его самого и его народа в течение почти столетия. Основное содержание его дореволюционных произведений — глубокое сочувствие угнетенному народу, гневное бичевание баев, мулл, продажных волостных управителей и царских приставов, жадной сворой влипших в тело трудового народа, обличение их темных махинаций — от подкупов до убийства. Глубокой скорби исполнены произведения Джамбула, относящиеся ко времени восстания 1916 г. Наряду с этим, в песнях Джамбула того периода звучат оптимистические ноты ожидания каких-то перемен, какой-то бури, которая сметет с лица земли врагов народа. Особенно интересны мало известные у нас айтысы — поэтические состязания, в которых Джамбул нещадно, не стесняясь в выражениях, бичует и самих баев, и лстецов — жиршей, восхваляющих своих господ. Глубокий демократизм Джамбула, любовь к угнетенному «степному народу»,

гордый отказ от милостей богачей — снискали ему еще в молодые годы широкую популярность в трудовых массах Казахстана.

И в послереволюционных своих произведениях Джамбул постоянно возвращается к воспоминаниям о пережитых народом тяжких бедах, противопоставляя этим воспоминаниям ликующий гимн новой, радостной жизни. При этом характерно, что поэт не ограничивается рамками своего родного Казахстана, он постоянно обращается к другим народам нашей страны («Джамбул — Гасему Лахути», «Сулейману Стальскому», «Сынам Тихого Дона», «Тарас» и мн. др.) и даже за ее пределы. Широта политического горизонта Джамбула и его глубокий интернационализм проявляются в его откликах на международные события (его обращения к «Испанским братьям», к «Братьям по крови» — западным белоруссам и украинцам). Но ярче, вдохновеннее всего поет он о нашей стране — «родине радости», о Москве — «красавице веков», о счастливой жизни советского народа под сенью Сталинской конституции, славу которой он воспеет с необычайной силой, о партии большевиков, о Ленине и Сталине — «батырах нашей эпохи». В годы, когда ненасытный лютый враг гоптал нашу землю и терзал наших людей, почти столетний старик чувствует прилив молодых сил и создает цикл мощных, пронизанных пламенными чувствами гнева к врагу и любви к родине и ее сынам, произведений, среди которых одним из лучших в мировой поэзии по силе патриотического вдохновения можно назвать «Ленинградцы, дети мои!». И столетний старик, уверенный в побуждающей силе своих песен, ставит себя в ряды бойцов, ибо:

«О, сыны мон, о, сыны!
Как бьетесь вы за счастье страны,
Так старый Джамбул, ваш отец, запоем
И песнями к мести народ поведет».

Непоколебимой уверенностью в скорой победе, которую одержит советский народ, ведомый великим полководцем Сталиным, звучат последние песни Джамбула («Героям Воронежа», «Светлый праздник наш недалек» и др.).

Мы не ставим себе целью в краткой библиографической заметке в какой-либо мере осветить многогранную поэзию Джамбула, ни даже подробно остановиться на той ее стороне, которая, как нам кажется, ярче всего проявляется в его произведениях, — на их политической насыщенности и значимости. Будем рассчитывать, что в недалеком будущем подробному разбору творчества Джамбула будет посвящено специальное исследование. Следует также пожелать, чтобы розыски произведений Джамбула, относящихся к дореволюционному периоду и особенно к первым годам советской власти, представленных в рецензируемом сборнике далеко недостаточно, были продолжены и соответствующие разделы сборника пополнились. Это помогло бы еще с большей яркостью восстановить духовный и творческий облик Джамбула — этого вдохновенного поэта-гражданина двух веков.

Казахское государственное издательство с любовной тщательностью издало сборник произведений народного певца. Сборнику предпослана обстоятельная статья М. Ритмана-Фетисова о творчестве Джамбула. Следует отметить хорошее оформление издания (художник Н. Тимофеев). В переводах хорошо переданы поэтическая прелесть, звучность стиха и насыщенное содержание произведений Джамбула. В книге довольно много фотографий поэта на разных этапах его жизни. Правда, в большинстве своем широко известных. Издана книга на казахском и русском языках.

О. А. Корбе.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

Хр. Вакарелски и Д. Ивановъ. *История на обляклото*, съ 153 рисунки, 12 таблици на кройки на български носии и 2 географически карти на сѣнитѣ носии, отъ които карти едната е цвѣтна. Учебник за V класъ на девическитѣ практически занаятчийски училища, София, 1942, 175.

Рецензируемая книга состоит из восьми глав: 1. История одежды как наука; 2. Одежда в древней истории; 3. Одежда в средние века; 4. Одежда в новое время; 5. Одежда в новейшее время; 6. Формы; 7. Болгарская народная одежда в настоящем и прошлом; 8. Дополнительные сведения по истории одежды. Особый интерес для нас представляет глава 7-я, автором которой является проф. Хр. Вакарелски, — «Българскитѣ народни носии сега и въ миналото» (стр. 56—147).

Автор трактует народную одежду как один из важных исторических документов, дающий возможность проследить культурные взаимодействия между народами и являющийся показателем развития художественного вкуса народа. Мужской костюм рассматривается отдельно от женского, потому что, с точки зрения автора, территория распространения типов и разновидностей женской и мужской одежды не совпадает.

Обзор одежды автор начинает с описания головных уборов и прически. Девушки в теплое время ходят с открытой головой, украшая ее нечетным числом заплетенных кос и спуская их сзади по спине. В жару и холод они повязывают платок. Главным отличием замужней женщины является покрытие головы. Оно бывает двух видов: обыкновенная повязка, состоящая из белого или цветного платка, сложенного по диагонали, и повязка с шапкой. Мужским головным убором служит черный колпак из овчины, мехом наружу, имеющий цилиндрическую или полусферическую форму. Типичной мужской и женской обувью являются постолы — «царвули», а в праздники кожаная обувь — «еменин», «кундари» и др. И мужчины и женщины в праздники носят обувь с шерстяными вязаными узорчатыми чулками. В некоторых местах носят чулки из сукна. Мужчины в восточной Болгарии обвивают вокруг ноги прямоугольный широкий кусок белого толстого сукна — «навуша», или «навоп». Женщины летом носят вязаные узорчатые паголенки «калчи», а на руках от локтя до кисти — «нарѣ квиди». Мужчины зимой носят варежки.

Мужская и женская одежда, как нижняя, так и верхняя, украшена вышивкой. Женская рубаша вышивается на пазухе, рукавах и по подолу. Отличаются богатой вышивкой рукавов, плеч и пазухи североболгарские рубашки. Другой тип представляют македонские рубашки, богато вышитые по подолу и рукавам. Преобладающий цвет болгарских вышивок — красный, но имеются области с черной вышивкой, а в особых случаях — с оранжевой, желтой и синей. Орнамент болгарской вышивки разнообразен, — от простейших геометрических фигур до сложных сочетаний растительных, животных и антропоморфных образов. Техника весьма разнообразна: от плотной, почти двойной, рельефной вышивки до тонкой ажурной. Кружева мало применяются для украшения женского костюма и представляют собой позднее явление. Пестрые тканые шерстяные пояса шириной от 2 до 8 см характерны для женского костюма некоторых областей. Болгарский народный костюм, особенно женский, отличается обильными металлическими украшениями: головными, шейными, поясными, браслетами, перстнями. Интересна их форма и техника. Последняя представляет ковку, литье и филигранную работу.

Основные отличия народной болгарской женской одежды: длинная — почти до земли и всегда ниже колен — рубаша, верхнее платье, свободно висящее, покрытие головы в виде тем или иным способом повязанного платка. Болгарская народная женская одежда представляет три типа, в зависимости от платья, надеваемого непосредственно на рубашу. Один тип состоит из двух передников — «престилки», опоясанных отдельно один от другого спереди и сзади на нижней части тела; этот тип называется «двупрестилченъ». Другой тип — «сукманестъ» представляет собой одежду, в которой сверх рубашки надевается длинное, закрытое спереди и сзади платье — «сукманъ», с разрезом сверху, пропускающим только голову. Надевается оно через голову и бывает с рукавами и без рукавов. Третий тип — «санченъ» включает одежду «саа», открытую спереди по всей длине, с расходящимися или сходящимися полами и с рукавами или без них. Двупрестилочная одежда распространена почти по всей северной Болгарии. Двупрестилочный костюм имеет очень длинные хлопчатобумажные или конопляные рубашки, отличающиеся сборчатостью около ворота, а очень часто и у края рукава. По особенностям рубашки и некоторым другим приметам этот тип верхней одежды можно разделить на восточную и западную группы. В западной двупрестилочной одежде встречается «бърчанката» — женская рубаша с особым пазушным разрезом не посередине груди, а в стороне, влево. Среднее полотнище у нее на груди сильно собрано в области воротника, а часто и внизу, что узлит его. Для получения необходимой ширины полотнища прибегают к помощи боковых клиньев, идущих от области груди к воротнику. Такая рубашка украшается вышивкой на груди, плечах, рукавах и менее по подолу. Преобладающий цвет вышивки красно-лиловый и черный. При этой рубашке на плечах, где пришивают рукава, вшивают один треугольный или четырехугольный кусочек, называемый «алтица» или «латица», который может вшиваться и подмышками. В западной двупрестилочной группе имеется восемь разновидностей. В восточной двупрестилочной группе основные черты те же, что и в западной. Рубашка собрана у ворота и имеет пазушный разрез всегда посередине груди. Здесь распространен обычай рубашку выпускать над фартуком, т. е. делать «дълбока пазва» — глубокую пазуху. Задняя престилка — «пещемаль», «кърлянка», «завешка» — имеет обыкновенно темный цвет. Яркость цветов, встречающаяся в одежде на запад от р. Янтры, в восточной группе не встречается. Здесь имеются три разновидности женской одежды. Второй тип женской одежды — «сукманест типъ» — представляет суконное, закрытое спереди и сзади платье, носимое сверху длинной до ступней рубашки и имеющее прорез для продевания головы в виде или простого разреза или широкого выреза. Сукман бывает без рукавов и имеет клинья в большем или меньшем количестве. Непостоянный по виду и размещению является и украшение сукмана, а также цвет материи, что дает основания для выделения разновидностей общего типа. Северная граница сукмана в иных местах доходит до Дуная, как зимняя одежда двупрестилочного типа, в других районах она уходит на юг в балканские области. Добруджанское население, как и болгары в Бессарабии и южной России, имеют «сукманеста несня», такую как в Варненском или Ямболомском, Сливенском и других Бур-

гасских и Одринских районах. «Сукманесть типъ» имеет двадцать четыре разновидности. Третий тип женской одежды — «саичень типъ» — представляет раскрытую спереди во всю длину верхнюю одежду, надеваемую непосредственно сверху рубашки. Здесь имеются две группы. В первой (длинносачной) платье одной длины с рубашкой и имеет черный цвет, во втором (короткосачной) — платье белое, значительно короче рубашки и оставляет видной нижнюю богато расшитую часть этой рубашки. Одежда «съ дълги сачи» — с длинной сачей — имеет десять разновидностей. Короткосачная одежда «съ къси сачи» встречается главным образом в македонских областях, населенных болгарами. Она имеет девять разновидностей.

Мужская одежда очень разнообразна. Основным различием является цвет одежды, носимой сверху рубашки, — белый или черный. Основными типами поэтому являются «бѣлодрешни носии» и «чернодрешни носии». Белодрешная одежда встречается главным образом в западных районах Болгарии. Носили ее и в северных и южных болгарских районах. Чернодрешная одежда оказалась гораздо жизненнее и сейчас быстро вытесняет белую одежду. Наиболее характерным отличием мужской белодрешной одежды являются узкие брюки — «чешири» или «беневерци». По покрою они разнообразны, но имеют отличительную особенность: задняя сторона у них выше передней и они гладко прилегают к телу. По внешним украшениям, по покрою и верхней одежде различаются шесть разновидностей. Основным отличием чернодрешного костюма является покррой брюк; имеется три вида брюк: широкие двусторонние длинные, широкие двусторонние короткие — динии и узкие односторонние длинные. Эти брюки носят в восточной и северной Болгарии, а также во Фракии. Характерным для чернодрешного костюма является длинный и широкий шерстяной пояс, цвет его и способ опоясывания. При диниях носят зимой «погавици» или «калцуню». При чернодрешном костюме рубашка коротка и сравнительно мало украшена. Во многих случаях покррой мужской рубахи бывает со сборчатыми по краю рукавами или с широкими вышитыми.

Объяснение происхождения болгарской народной одежды проф. Вакарельский начинает с двупрестилочного ее вида. Этот вид встречается в Сербии и Хорватии, в Семиградье, в Румынии, в западных и северных Карпатах, на Украине, в Белоруссии и Великороссии. В прошлом он был у литовцев, эстонцев и других угрофинских народов, а также в Средней Азии, в Гималаях. Это — одна из наиболее первобытных одежд. Начало ее кроется в обвертывании нижней части тела одной однополотнищной престилкой, вторая появилась для закрывания места, плохо прикрытого при соединении двух краев первой престилки. Из этого однопрестилочного, а позже двупрестилочного покрывания нижней части тела развилась современная юбка, промежуточные формы которой находят у русских славян, главным образом в поневе. Это показывает несостоятельность утверждений, что двупрестилочный тип одежды у болгар является результатом румынского влияния. Скорее румыны восприняли старославянские формы одежды и хорошо их сохранили. Предполагают, что часто встречающиеся короткие престилки или бахрама, повязанные спереди или сзади как украшения, являются видоизменением престилок. Рубаха — «риза» — у болгар имеет два типа: с вырезанным воротом и с собранным бористым воротом. Болгары принесли рубаху со своей прародины. На памятниках Адамкиса и Троянковой колонне мы видим мужскую рубаху в виде тканого куска материи, натянутого через голову и спадающего спереди и сзади. Женская рубаха была длинная с собранным воротом. Тип рубахи с собранным воротом, который встречается у болгар главным образом при двупрестилочной одежде, распространен в других странах и у других народов в сочетании с подобной одеждой. Она распространена в северной части Болгарии, тогда как на юге распространены рубашки с прорезом на середине груди. В этом отношении первый тип имеет общеславянский характер, как это показывает современное его распространение. Вопрос историко-этнографического характера ставится иной: была ли эта старославянская «бърчанка» нижней и тонкой одеждой, как теперь? Известные данные говорят, что она была и нижней и верхней одеждой. Одно из указаний, что рубаха у славян была толстой верхней одеждой, представляет обычай многих славян и их соседей носить летом рубашку с поясом. Во многих местах в селах и сейчас мужчины носят под хлопчатобумажными белыми рубашками толстые суконные одежды или шерстяные рубахи, а во многих костюмах в Македонии женщины носят под рубахой толстую одежду или самые рубахи имеют подкладку.

Наибольшее отличие в мужской одежде представляет одежда нижней части тела: «чешири», «потури», «беневерци». Белодрешная одежда с узкими брюками, как и двупрестилочная женская одежда, широко распространена в средневропейских и славянских странах. Старые славяне, насколько известно, носили узкие брюки, но наличие у всех славян термина «шелварь» говорит о том, что широкие шелвары были известны и в праславянское время. Для старых болгарских славян были типичны узкие «беневерци», но частым явлением были и широкие «потури», воспринятые, может быть, от Аспаруховых болгар. Покрой и тех и других показывает происхождение их от двух отдельных ноговиц, защищающих первоначально от холода. Шерстяной широкий и длинный пояс представляет памятник древней славянской культуры. Вместе с тканым существовал и плетеный пояс. Кожаный пояс

вроде «сильяситъ» тесно связан со скотоводческим хозяйством и уходит в глубокую древность.

Головное покрытие у женщины в Болгарии характеризуется несколькими особенностями. Первое место занимает платок — «кърпа», покрывающий сверху или непосредственно голову, или повязываемый сверх какой-либо шапки или другого предмета. Этот платок известен под многими названиями: «кърпа», «забрадка», «месаль», «махрама», «шамия» «дарпа» и т. д. Во многих случаях платок сложен диагонально и повязан на голову. Повязывают голову, главным образом, замужние женщины. Повязывание, вероятно, имеет обрядовое начало. Сам платок, как часть одежды, является одной из самых первобытных одежд. Закрывание платком затылка и покрывание спущенных сзади кос является древней славянской формой покрытия. На магическое или обрядовое значение указывают, между прочим, и известные формы шапок под покрытием: например, однорожные и двуроженные головные уборы.

Существовало мнение, что белодрешная мужская и двупрестилочная женская одежда, а также и вышивки в северноболгарских районах являются плодом румынского влияния. Другие связывают болгарскую одежду и особенно женский головной убор с турецким влиянием. Это не соответствует действительности. Нужно признать, что славянки имеют свои собственные двупрестилочные одежды, а мужчины — белые узкие беневреченные одежды. Очень многое говорит и за наличие у болгар в древности саичной мужской и женской верхней одежды, а также широких потур, которые принесли Аспаруховы болгары. Балканским влиянием объясняется появление сукмана и саи как женской одежды, отражающее средиземноморское культурное влияние. Специально византийское влияние отразилось в женских металлических украшениях и в вышивках. В вышивках сохранена традиция древнего болгарского района в средней России. Западномакедонские женские «сокаи», а также вышивки поразительно одинаковы с современными чувашскими и марийскими. Можно еще проследить египетские, иранские и закавказские вышивальные традиции. Турецкое, восточное влияние сказалось прежде всего в черном цвете одежды, вышивках и украшениях. Влияние Запада сказывается в головных уборах, вышивках и украшениях.

Таково содержание работы проф. Вакарельского, представляющей большой интерес. Особенно подробно освещена здесь женская одежда. Одежда картографирована на двух картах, говорящих о подробном изучении народного костюма Болгарии. Мы не согласны, однако, с автором в двух вопросах. Первый касается изучения мужской одежды отдельно от женской. У нас, советских этнографов, изучают обе вместе, одним этническим комплексом, что помогает делать более правильные выводы и обобщения. Второй вопрос касается того, что надо считать основным элементом в костюме. Советские слависты считают основным элементом славянского костюма нательную одежду — рубашу. Профессор же Вакарельский считает таким элементом верхнюю одежду, что определяет другую классификацию одежды и другой подход к ее изучению.

Д. Найдич

НАРОДЫ АФРИКИ

J. G. Peristiany. *The social institutions of the Kipsig's*. Introduction by E. E. Evans-Pritchard. London, 1939, XXXIV + 288.

Кипсиги, или, как они неправильно иногда именовались, «лумбва», — одна из наиболее многочисленных, насчитывающая около 80 тыс. чел., африканская народность группы так называемых нилото-хамитов, родственная племенам нанди, камасиа, туркана и др., обитающая в области Кения. Автор посвященной этой народности книги, имея ученые степени доктора философии Оксфорда и доктора прав Парижа, является в этнографии учеником покойного Малиновского. Книга его основана на материале, собранном в течение девятимесячного пребывания среди кипсиги, и представляет собой обычного для зарубежной этнографии, почти стандартного типа монографию, дающую статистическое описание различных сторон культуры данной народности. Пресловутого «функционализма», так вредящего конкретности и объективности описания, в книге Перистиани незаметно, но случайная и произвольная последовательность изложения отдельных тем делает все описание фрагментарным. Вслед за общим введением автор ряд глав посвящает инициациям, возрастным группам, добрым отношениям молодежи, браку, разводу, рождению детей и усыновлению, далее — семье, экзогамным нормам и родственной терминологии, затем — роду, хозяйству, военному делу и охоте, организации управления и обычному праву, наконец, религии, в частности — магии. В приложении — ряд образцов фольклора в оригинальных текстах с подстрочным переводом. При такой многогранности, описания автора довольно беглы, но все же отчетливы и интересны. Любопытны, в частности, сведения о доброй жизни и мужских домах, интересны сведения о военном деле, обстоятельно описана хозяйственная деятельность. Очень интересны, видимо, у кипсиги родовая структура и родовые отношения, но собранный автором по этой теме материал явно недостаточен: ситуация очень сложная и требует

гораздо более тщательного и более подробного исследования. В общем книга Перистиани весьма полезна для африканиста, сообщая разнообразные сведения о народности, остававшейся малонизвестной.

М. К.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Eric Rau. *Institutions et coutumes canaques*. Préface de René Maunier. Paris, 1944, 200.

Автор — доктор прав, чиновник, долго служивший во французских владениях в Океании, в том числе на Новой Каледонии, — поставил себе задачей изучить старое обычное право и социальный строй туземцев Новой Каледонии («канаков»). Так как этот прежний социальный строй вместе со многими старыми обычаями уже перестал существовать, автору пришлось использовать в качестве источников сообщения более ранних наблюдателей, дополнив их собственными расспросами стариков-туземцев и белых поселенцев и миссионеров, давно живущих на острове.

После краткого вводного очерка о «канаках» Новой Каледонии, коснувшись также вопроса об их происхождении, автор дает описание прежнего племенного строя, организации власти (вожди, совет племени и пр.), юридических обычаев, военного права, брачно-семейной жизни и форм собственности. Судя по этим заголовкам, книга должна быть очень интересной, но содержание ее разочаровывает. Она только лишний раз подтверждает, что заурядный буржуазный юрист не в состоянии понять строй общества, отличный от капиталистического. Вопреки своему стремлению «освободиться от категорий и определений гражданского кодекса», автор не сумел это сделать. Он сообщает, конечно, немало любопытных деталей туземного обычного права и пр., но очень мало помогает уяснить основной вопрос, до сих пор остающийся нерешенным: что же собственно представлял собой в прошлом социальный строй новокаледонцев? Как известно, старые источники дают слишком мало материала для решения этого вопроса. Автор весьма решительно, но вскользь, говорит о «феодальной» организации новокаледонского общества (термин, не раз употреблявшийся и прежними наблюдателями), но не дает, как и они, серьезного обоснования к тому, чтобы признать здесь феодализм. Он говорит о «трех главных категориях», на которое делилось население Новой Каледонии: вожди, знать и народ, но можем ли мы здесь говорить о настоящих общественных классах, — этого из книги не видно. В главе о собственности автор говорит о двух ее основных видах: «домениальная» (общинная) и индивидуальная — семейная; но существовала ли частная собственность на землю и существовал ли класс крупных землевладельцев (на что есть намеки в старой литературе), — этого Рау не разъясняет. Странно, что он ни словом не касается вопроса о рабстве — хотя в литературе ставился специально вопрос о его наличии или отсутствии на Новой Каледонии. Таким образом, до сих пор не решенную проблему специфики социального строя новокаледонцев книга Рау, к сожалению, не разрешает.

С. Токарев

Emile de Courton. *Tahiti*. Alger, 1944, 141.

Популярная книжка — очерк французских владений в Океании, богато иллюстрированный. Краткое географическое описание, очерк истории, популярное описание быта полинезийцев прежде и теперь, данные о пришлое населении и о современной экономике. Интерес представляют сведения о роли и участии океанийских французских колоний во второй мировой войне (книжка вышла в свет еще до ее окончания).

С. Т.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

за 1946 г.

С. И. Толстов. Этнография и современность, (1), 3.

Я. Я. Рогинский. Н. Н. Миклухо-Маклай, (2), 5.

С. В. Иванов. Памяти В. Г. Богораза, (3), 3.

Десять лет Сталинской Конституции, (4), 3.

Вопросы общей этнографии и антропологии

П. И. Кушнер (Кнышев). К методологии определения этнографических территорий, (1), 12.

С. И. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества, (1), 25.

М. О. Косвен. Из истории проблемы матриархата, (1), 31.

М. Г. Левин. Проблема пигмеев в антропологии и этнографии, (2), 17.

В. И. Чичеров. Традиция и авторское начало в фольклоре, (2), 29.

М. О. Косвен. И. Я. Бахофен и русская наука, (3), 9.

Вопросы этногенеза

Акад. Н. С. Державин. Происхождение болгарского народа и образование первого болгарского государства на Балканском полуострове, (1), 59.

А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века, (1), 84.

Т. А. Трофимова. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, (1), 91.

А. Д. Удальцов. Племена Европейской Сарматии II в. н. э., (2), 41.

Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми по данным антропологии, (2), 51.

В. В. Гинзбург. Антропологические данные по этногенезу хазар, (2), 81.

А. И. Смирнов. К вопросу о происхождении татар Поволжья, (3), 37.

Т. А. Трофимова. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии, (3), 51.

Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар по данным этнографии, (3), 75.

Л. Залый. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка), (3), 87.

А. И. Окладников. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре, (4), 11.

Г. М. Василевич. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов, (4), 34.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

К. В. Вяткина. Пережитки материнского рода у бурят-монголов, (1), 137.

В. Г. Мешкова. Племенные «гёбли» в туркменских коврах, (1), 145.

Л. В. Кулаковский. «Кострома» (брянский хороводный спектакль), (1), 163.

С. И. Толстов. Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан начала XI века, (2), 87.

М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа, (2), 109.

Л. И. Потапов. Культ гор на Алтае, (2), 145.

Л. Г. Бараг. Песни белорусских девушек, угнанных в немецкую неволю, (2), 161.

Л. А. Динцес. Восточные мотивы в народном искусстве Новгородского края, (3), 93.

А. И. Окладников. Из области древней культуры якутов, (3), 113.

С. М. Абрамзон. К семантике киргизских этнонимов, (3), 123.

А. А. Попов. Семейная жизнь у долган, (4), 50.

М. Г. Левин. О происхождении и типах упряжного собаководства, (4), 75.

Б. О. Долгих. О родоплеменном составе и распространении энецов, (4), 109.

И. Ф. Симоненко. Свадебные обряды в Закарпатской области, (4), 125.

М. Г. Рабинович. Музыкальные инструменты в войске древней Руси и народные музыкальные инструменты, (4), 142.

Л. И. Лавров. «Обезы русских летописей», (4), 161.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Д. А. Ольдерогге. Трехродовой союз в Юго-восточной Азии, (4), 171.

Из истории этнографии и антропологии

М. Г. Левин. А. И. Богданов и русская антропология, (1), 187.

А. А. Шийк. Из истории русской африканистики, (2), 173.

- Г. А. Кокпеев, С. А. Туккаев — этнограф осетинского народа, (2), 182.
 Г. А. Кокпеев, С. В. Кокпеев — этнограф осетинского народа, (3), 138.
 Н. Н. Степанов. Русское географическое общество и этнография, (4), 187.

Сообщения. Заметки. Авторефераты

- М. О. Косвен. Из переписки Бахофена с Морганом, (1), 210.
 М. Г. Левин. Новая теория антропогенеза Ф. Вейденрейха, (1), 213.
 Г. П. Кариов. Гиляки Мазандерана, (1), 219.
 С. П. Минц. Фольклор Великой отечественной войны в московских архивах, (2), 188.
 Э. А. Никольская. Свадебные и родильные обряды аварцев, (2), 193.
 В. В. Богданов. Сказка о девице и мужиком царства, (2), 198.
 Н. А. Федорова-Дылева. Великоустюжская художественная резьба на бересте, (3), 138.
 В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии гуннов и саков, (4), 207.

Хроника

- М. Рабинович. Институт этнографии в годы Великой отечественной войны, (1), 226.
 М. Левин. Полевые исследования Института этнографии в 1945 г., (1), 235.
 Г. Карпов. Этнографическая работа в Туркмении, (1), 239.
 В. Мошкова. Этнографическая экспедиция к туркменам Самаркандской области, (1), 241.
 В. Я. Сьезд американских антропологов, (1), 242.
 С. А. Гокарев. Этнографические наблюдения в славянских странах, (2), 200.
 О. К. В. Институте этнографии Академии Наук СССР, (2), 211.
 К. Е. Гагкаев. К сорокалетию со дня смерти К. Л. Хетагурова, (2), 213.
 С. Макалатия. Горийский Государственный историко-этнографический музей, (2), 214.
 К. А. Чачашивили. Государственный историко-этнографический музей г. Тбилиси, (2), 215.
 Н. М. Джафарзаде. Этнографическая работа в Азербайджанской ССР, (2), 216.
 Л. Н. Нотанов. Анны — жители южного Сахалина и Курильских островов (выставка Государственного музея этнографии), (2), 216.
 В. Храмова. Сессия, посвященная В. Г. Богоразу, (3), 145.
 К. Гагкаев. Памяти М. М. Ковалевского, (3), 146.
 Е. К. Вопросы этногенеза татар Поволжья, (3), 149.
 Н. Ф. Прыткова. Отчет о работе на Севере, (3), 159.

- А. П. Окладников. Этнографические и археологические исследования на Нижней Лене, (3), 161.
 А. П. Робакидзе. Этнографическая работа Института истории Академии Наук Грузинской ССР, (3), 162.
 Ю. П. Аверкиева. Межамериканский индейский институт, (3), 165.
 М. Г. Рабинович. Памяти Н. Н. Миклухо-Маклая, (4), 211.
 В. Храмова. Сессия Института этнографии в Ленинграде, (4), 211.
 О. А. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии, (4), 212.
 Н. В. Стариков. Работа библиотеки Московского государственного университета по библиографии этнографии, (4), 214.
 С. М. Абрамзон. Этнографическая работа в Киргизии, (4), 215.
 Г. П. Ткешелашвили. Кустарный музей Грузинской ССР, (4), 216.
 А. Крихели. Государственный историко-этнографический музей евреев Грузии, (4), 219.
 В. Н. Левпатов. Музей истории Азербайджана Академии Наук Азербайджанской ССР, (4), 220.
 В. Н. Билицер. Этнографическая экспозиция в Краеведческом музее Коми АССР, (4), 222.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- С. П. Толстов. К. Маркс и Л. Г. Морган. (К. Маркс, Конспект книги Любюса Г. Моргана «Древнее общество»), (1), 243.
 Э. Гофман-Померанцева. Великая отечественная война в русском фольклоре (обзор сборников), (1), 247.
 Б. А. Гарданов. К вопросу о характере общественного строя у якутов в XVII в. (С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII — XVIII вв.), (2), 218.
 М. О. Косвен. Проблемы воспитания и психологии ребенка в свете этнографического материала (работы Маргарет Мид), (2), 227.
 С. А. Токарев. Из новой литературы о проблеме Юлийской Краины, (3), 167.
 С. А. Токарев. Новая книга о культуре о. Пасхи (Alfred Métraux. Ethnology of Easter Island), (4), 223.

Общая этнография и антропология

- Н. Бутинов. S. Sieber and F. Muel-ler. The social life of primitive man, (2), 232.
 М. Г. Левин. Franz Weidenreich. The skull of sinanthropus Pekinensis, (2), 233.

- И. Прокопович. Хр. Вакарелски. Сватбената пѣсенъ, мѣстото и службата ѝ в сватбении обредъ, (2), 237.
- Б. Шаревская. Hutton Webster. Taboo, A sociological study, (3), 175.
- И. Прокопович. Хр. Вакарелски. Насоки за събиране етнографски материали, (3), 175.
- М. К. Annali Lateranensi, Pubblicazione del Pontificio Museo Missionario Etnologico, (3), 177.

История этнографии

- М. О. Косвен. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках. Сборник материалов под редакцией А. И. Андреева, (4), 228.

• Народы СССР

- Э. Гофман-Померанцева. Сказки казаков-некрасовцев, (2), 238.
- Э. Г. М. Р. Голубкова. Два века в полвека, (2), 238.
- К. Гагкаев. Нартовский эпос, (2), 239.
- М. К. Л. М. Меликсет-Бекон. Указатель литературы по истории государства и права, обычному праву и юридическим древностям Грузии, Армении и Азербайджана, (2), 242.
- Э. В. Гофман-Померанцева. Фольклор Вітчизняної війни, (3), 177.
- М. К. В. Гирченко. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX в. о бурят-монголах, (3), 179.
- М. Горский. Осетины во II половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера, (3), 179.
- Э. В. Гофман-Померанцева. Избранные причитания. Подготовка текста и вступительная статья В. Базанова, (4), 229.
- О. А. Корбе. Джамбул Джабаев. Сборные сочинений, (4), 230.
- Южные западные славяне
- И. Богатырев. Josef Gołabek. Car Maksymilian, (1), 250.
- Л. Бараг. Czesław Pietkiewicz. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego, (1), 250.
- М. К. Olive Lodge. Peasant life in Jugoslavia, (2), 242.
- И. Прокопович. Георги п. Аянов. Странджа, (3), 179.
- Д. В. Найдич. Хр. Вакарелски и Д. Иванов. История на облъклото, (4), 231.

Народы Европы

- К. Гагкаев. J. O. Grandjourn. «Le qui vive!», (3), 180.

Народы Азии

- М. К. Marcel Granet. Catégories matrimoniales et relations de proximité dans la Chine ancienne, (2), 242.
- Б. Ш. Amry Vandenbosch. The Dutch East-Indies, (2), 243.

- М. Косвен. Hsiao-Tung Fei. Peasant life in China, (3), 186.
- Н. А. Кисляков. Мохаммед Бахманбиги. Обычаи племен Фарса, (3), 181.
- А. З. Розенфельд. Новый сборник персидских сказок, (3), 186.

Народы Африки

- Д. Ольдерогге. Н. А. Winkler. Rock drawings of Southern Upper Egypt, (2), 243.
- Б. Шаревская. E. Jensen Krieger and J. D. Krieger. The Realm of a Rain-Queen, (2), 244.
- Д. Ольдерогге. Frederic R. Wulsin. The prehistoric Archaeology of North-West Africa, (2), 248.
- М. К. G. A. Wainwright. The Sky-religion in Egypt, (2), 249.
- Б. Шаревская. E. Evans Pritchard. The Nuer, (2), 249.
- I. Shapera. Select bibliography of South African native life and problems, (2), 249.
- М. К. J. G. Peristiany. The social institutions of the Kapsigis, (4), 234.

Народы Америки

- Ю. Аверкиева. Emily Carr. Klee week, (1), 252.
- Б. Шаревская. Randolph C. Downes. Council fires on the Upper Ohio, (2), 250.
- Frances Cooke Macgregor. Twentieth century Indians, (2), 250.
- Jane Richardson. Law and status among the Kiowa indians, (2), 250.
- Fairfax F. Downey. Indian-fighting army, (2), 250.
- Jessie Bromilow Bailey. Diego de Vargas and the reconquest of New Mexico, (2), 250.
- М. К. A. C. Wilgus. Histories and historians of Hispanic America, (2), 250.
- Ю. A. Indians of yesterday and to-day, (3), 187.
- М. К. J. W. Johnshoy. Apaurak in Alaska, (3), 187.
- Ю. A. Proceedings of the Conference on Latin America in social and economic transition, (3), 188.
- И. Золотаревская. W. W. Hill. Navajo salt gathering, (3), 188.

Народы Австралии

- М. К. Arnold L. Haskel. The Australians, The anglo-saxondom of the Southern hemisphere, (2), 251.

Народы Океании

- Б. Ш. Aaul McGuire. Westward the corse! The new world of Oceania, (2), 251.
- Laura Tompson. Guam and its people, (2), 251.
- С. Токарев. Eric Rau. Institutions et coutumes canaques, (4), 235.
- С. T. Emile de Courton. Tahiti, (4), 235.

СОДЕРЖАНИЕ

Десять лет Сталинской конституции	3.
---	----

Вопросы этногенеза

А. П. Окладников. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре	11
Г. М. Василевич. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов	34

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

А. А. Попов. Семейная жизнь у долган	50
М. Г. Левин. О происхождении и типах упряжного собаководства	75
Б. О. Долгих. О родоплеменном составе и распространении энцев	109
И. Ф. Симоненко. Свадебные обряды в Закарпатской области	125
М. Г. Рабинович. Музыкальные инструменты в войске древней Руси и народные музыкальные инструменты	142
Л. И. Лавров. «Обезы» русских летописей	161

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Д. А. Ольдерогге. Трехродовой союз в Юго-восточной Азии	171
---	-----

Из истории этнографии и антропологии

Н. Н. Степанов. Русское географическое общество и этнография	187
--	-----

Заметки. Сообщения. Авторефераты

В. В. Гизбург. Материалы к антропологии гуннов и саков	207
--	-----

Хроника

М. Г. Рабинович. Памяти Н. Н. Миклухо-Маклая	211
В. Храмова. Сессия Института этнографии в Ленинграде	211
О. А. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии	212
Н. В. Стариков. Работа библиотеки Московского государственного университета по библиографии этнографии	214
С. М. Абрамзон. Этнографическая работа в Киргизии	215
Г. И. Ткешелашвили. Кустарный музей Грузинской ССР	216
А. Крихели. Государственный историко-этнографический музей евреев Грузии	219
В. Н. Левиатов. Музей истории Азербайджана Академии Наук Азербайджанской ССР	220
В. Н. Велицер. Этнографическая экспозиция в Краеведческом музее Коми АССР	222

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

С. А. Токарев. Новая книга о культуре о. Пасхи (<i>Alfred Métraux. Ethnology of Easter Island</i>)	223
--	-----

История этнографии

М. О. Косвен. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII-XIX веках. Сборник материалов под редакцией А. И. Андреева	228
---	-----

Народы СССР

Э. В. Гофман-Померанцева. Избранные причитания. Подготовка текста и вступительная статья В. Базанова	229
О. А. Корбе. <i>Джамбул Джабаев</i> . Собрание сочинений	230

Южные славяне

Д. В. Найдич. <i>Хр. Вакарелски и Д. Иванов</i> . История на облъклото	231
--	-----

Народы Африки

М. К. J. G. <i>Peristiany</i> . The social institutions of the Kapsigis	234
---	-----

Народы Океании

С. Токарев. <i>Eric Kau</i> . Institutions et coutumes canaques	235
С. Т. <i>Emile de Courton</i> . Tahiti	235
Указатель статей и материалов, помещенных в журнале «Советская этнография» за 1946 г.	236

Dixième anniversaire de la Constitution Stalinienne	3
---	---

Questions d'ethnogénèse

A. P. Okladnikov. Origines de la population des îles japonaises et de sa culture	11
G. M. Vassilevitch. Haute antiquité ethnonimique de l'Asie et dénominations des familles Evenekiennes	34

Materiaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'URSS

A. A. Popov. La vie de famille chez les Dolgans	50
M. G. Levine. L'origine de l'élevage des chiens de trait et ses différentes espèces	75
B. O. Dolguikh. Composition des tribus et des familles des Entz et leur extension	109
J. F. Simonenko. Rites des noces en Ukraine transcarpathique	125
M. G. Rabinovitch. Les instruments de musique chez les troupes de l'ancienne Russie et les instruments populaires de musique	142
L. I. Lavrov. Les «Obèses» des Annales russes	161

Materiaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays au delà des frontières

D. A. Olderogge. Association triple des clans en Asie sudorientale	171
--	-----

Histoire de l'ethnographie et de l'anthropologie

N. N. Stepanov. Société Géographique Russe et l'ethnographie	187
--	-----

Informations. Notices. Autoréférences

V. V. Guinsburg. Matériaux sur l'anthropologie des Huns et des Saks	207
---	-----

Chronique

M. G. Rabinovitch. A la mémoire de N. N. Miklukho-Maklaï	211
V. Khramova. Session de l'Institut d'ethnographie à Leningrad	211
O. Korbé. Soutenance de thèses à l'Institut d'ethnographie	212
N. V. Starikov. Travaux bibliographiques à l'URSS sur l'ethnographie	214
S. M. Abramson. Travail ethnographique au pays des Khirgiz	215
G. I. Tkechelachvili. Musée d'industrie artisanale en Georgie	216
A. Krikheli. Musée historico-ethnographique des Juifs en Georgie	219
V. N. Leviatov. Musée d'histoire d'Azerbaïdjan — Académie des Sciences de la RSS d'Azerbaïdjan	220
V. N. Belitzer. Exposition ethnographique au Musée de l'ASSR Komi	222

Critique et bibliographie

Articles de critique et avertissements

S. A. Tokarev. Nouveau livre sur la culture de l'île de Pâques (<i>Alfred Métraux, Ethnology of Easter Island</i>)	223
--	-----

Histoire de l'ethnographie

M. O. Kosven. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках. Сборник материалов под редакцией А. И. Андреева	228
---	-----

Ethnographie de l'URSS

E. V. Hoffman-Pomerantzeva. Избранные причитания. Подготовка текста и вступительная статья В. Базанова	229
O. A. Korbé. <i>Джамбул Джабаев. Собрание сочинений</i>	230

Ethnographie des pays Slaves du Sud

D. V. Naiditch. <i>Хр. Вакарелски и Д. Иванов. История на обръклото</i>	231
---	-----

Ethnographie de l'Afrique

M. K. J. G. Peristiany. The social institutions of the Kapsigis	234
---	-----

Ethnographie de l'Océanie

S. Tokarev. <i>Eric Rau. Institutions et coutumes canaques</i>	235
S. T. Emile de Courton. <i>La Polynésie</i>	235
Index des articles et matériaux publiés dans «Ethnographie Soviétique» en 1946	236